

Дмитрий АЛЕЙНИКОВ

РУССКИЙ ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ДЕТЕКТИВ

Доказательство от противного

Доказательство от противного Д.Алейников

РУССКИЙ
ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ
ДЕТЕКТИВ

Дмитрий АЛЕЙНИКОВ

РУССКИЙ ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ДЕТЕКТИВ

Жизнь порой задает непростые задачи и заставляет доказывать далеко не школьные теоремы — ведь каждый человек должен пройти свой собственный путь, как это сделали три друга, герои нового остросюжетного романа Дмитрия Алеяникова, и на собственном опыте убедиться,

что больших денег без большой крови не бывает;

что, наживая состояние, человек рано или поздно начинает жить по преступным законам;

что продажные служители закона порой мало чем отличаются от главарей бандитских шак, а за смерть друга не отомстит никто, кроме его верных товарищей.

Доказательство от противного

В серии издано:

Д. Алеяников. Доказательство от противного

Д. Алеяников. Весло Харона

Д. Алеяников. Соло в пределах правил

Д. Алеяников. Криминальный диагноз

ISBN 5-7632-0810-2

9 785763 208108

РУССКИЙ ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ДЕТЕКТИВ

Acid

РУССКИЙ ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ДЕТЕКТИВ

Дмитрий
АЛЕЙНИКОВ

Доказательство
от противного

Москва
АРМАДА
АРМАДА-ПРЕСС
1999

УДК 82-312.4(02)
ББК 84 (2Рос=Рус)6-44я5
А 45

*На фронтисписе
рисунок автора*

ISBN 5-7632-0810-2

© Алейников Д., 1999
© Художественное оформление,
АРМАДА-ПРЕСС, 1999
© АРМАДА, 1999

ПРОЛОГ

Москва. Сентябрь. Вечер. Еще довольно светло, но уже прохладно, без куртки на улице долго не прстоишь.

И те трое, под тополем с опиленной в авангардном стиле кроной, одеты в спортивные куртки. Они стоят тут уже с полчаса, и нетрудно догадаться, что они ждут кого-то, причем предпочитают заметить гостя первыми.

Догадаться нетрудно, но некому. Подумаешь, стоят во дворе мужик и два парня, курят, разговаривают о чем-то.

— А может, он не домой поехал? А, Леонидыч?— Один из парней оказывается более нетерпеливым.

— Даже если не домой, то до дома он когда-нибудь доедет,— сурово отвечает ему мужчина.— Будем ждать, пока не появится.

Парень насупленно замолчал.

— Домой он поехал, домой,— то ли просто рассуждает вслух Леонидыч, то ли старается поднять настроение скисшему помощнику.— Он жене позвонил, сказал, что минут через сорок будет.

— Ну а мы стоим тут уже сколько!

Эту реплику мужчина оставил без внимания.

— Леонидыч, а если он не один приедет?— вступил в разговор второй парень.

— Один.

— Ну а если он кого-нибудь встретит по дороге?

— Если бы да кабы...

Во двор въехала машина.

— Он!— Леонидыч подался вперед, словно атлет на старте.

— Леонидыч, а ведь светло еще как...

— В джинсы наклал?

— Не-ет, но ведь увидят...

— Не скули.— Леонидыч махнул рукой, подавая знак кому-то в доме.— Все, понеслись. Не дай бог вам проспаты! Не дожидаясь ответа, он двинулся вперед.

Водитель между тем вышел из машины, захлопнул дверь со своей стороны и открыл переднюю правую. На сиденье стоял большой бумажный пакет с продуктами, подстрахованный для верности ремнем безопасности.

Отцепив ремень, водитель наклонился, чтобы взять пакет.

В этот момент Леонидыч быстро подошел к нему сзади.

Услышав шаги, водитель вздрогнул, ударился затылком о железо и резко выпрямился, потирая ушибленный затылок и глядя в упор на подошедшего мужчину.

— Тебе чего?— спросил он недовольно, разглядывая незнакомца.

Лицо Леонидыча приобрело заискивающе-просящее выражение, довольно крупный мужчина, он вдруг как-то съезжился, стал меньше ростом.

— Браток, бензинчика не продашь? Заглох тут, понимаешь...— Он развел руками, всем своим видом демонстрируя, что лишь безвыходное положение заставило его потревожить незнакомца.

— У меня всего-то литров пять,— пожал плечами водитель.— Как раз утром до заправки докатиться. Так что извини...

Давая понять, что разговор окончен и канючить бесполезно, водитель отвернулся и снова взялся за свой пакет. Изобилие продуктов самой разной формы делало задачу довольно сложной. Единственный выход: присесть на кор-

точки, просунуть руки под пакет, завалить его на грудь и, встав, захлопнуть дверцу ногой.

Водитель просунул руки под пакет, но в этот момент Леонидыч ударил его по голове, и он повалился навзничь, сминая громко зачавкавшие злополучные продукты.

Ударив водителя по голове, Леонидыч резко обернулся. Два его помощника бросились к нему и принялись вытаскивать оглушенного человека из машины.

Во двор задом вкатился милицейский «газик» с выключенными фарами. В тени двух берез, росших у въезда во двор, он был почти не виден из окон.

Быстро распахнув заднюю дверцу «газика», парни закинули тело внутрь и прыгнули следом. Леонидыч захлопнул дверцу осиротевшей машины и тоже двинулся к «газику», стараясь не наступить на раскатившиеся по тротуару мандарины.

— Это что же происходит?!— Вопль пригвоздил похитителей к месту.

Леонидыч обернулся и увидел в нескольких шагах от себя бабюлю с авоськой и палочкой, которой она потрясала, как колдунья, насылающая проклятие.

— Среди бела дня людей убивают! Палачи проклятые!— заливалась старушка.

Леонидыч беспомощно оглянулся на милицейскую машину. Из нее выпрыгнул молодой лейтенант.

На ходу одевая фуражку, он подошел к притихшей при виде представителя власти старушке.

— Лейтенант Гаврилов,— козырнул он.— В чем дело, гражданка?

— Что ж вы...— Старушка неуверенно показала на «газик».— Среди бела дня людей увозите...

— Во-первых, гражданка, уже давно не белый день, а вечер. А вы кричите, стало быть, хулиганите.— Краем глаза лейтенант видел, как Леонидыч юркнул в «газик».— А во-вторых, это не просто человек, а опасный преступник,

которого мы не увозим, а задерживаем по подозрению в убийстве. Ясно?

— Ой, преступник...— недоверчиво покачала головой старушка.— Да я ж его знаю...

Во двор вошла молодая пара. Собрать толпу свидетелей и присутствовать на митинге протеста не входило в планы бандитов.

— Вы знали его не с той стороны,— оборвал дискуссию лейтенант и, быстро усевшись за руль «газика», рванул со двора.

— Все чисто?— спросил его Леонидыч, пытаясь увидеть бдительную старушку в зеркальце.

— Все грязно!— рявкнул лейтенант и выругался.

— Да чего ты?

— Через плечо!— снова взорвался милиционер.— Все долго, шумно, да еще бабулька эта... Неужели лучше места не нашли?

— Да негде больше,— развел руками Леонидыч.— В ка-баке народу много, а квартиру штурмовать... Сам понимаешь. А Туча сказал, чтобы сегодня вечером.

— Ну объяснили бы, что не вышло. Ну...— Лейтенант с досады махнул рукой.

— Да, ему объяснишь, пожалуй...

Лейтенант покачал головой, не найдя, что возразить.

— Далеко тут?— спросил он, выруливая на широкую улицу.

— Да нет, тут рядом совсем!— оживился Леонидыч.

— Опять какая-нибудь котельная?

— Не-е,— расплылся в улыбке Леонидыч,— увидишь — ахнешь!

— «Ахнешь»!— передразнил его лейтенант.— Уже чуть не ахнули. Ладно, если, говоришь, рядом, то я «мигалку» не буду включать. Ну ее в баню, и так уже засветились будь здоров.

— Да что ты паришься? Кто искать-то будет? Ваши, что ли?

Лейтенант помедлил с ответом.

— Может, и не будут, но береженого Бог бережет. Там-то хоть тихий подъезд?

— Там-то? Могила!

Лейтенант покосился на спутника.

— Крематорий, что ли?

— Да не гадай.— Леонидыч хлопнул его по плечу.— Сейчас подьдем — сам все увидишь!

Может ли кто взять огонь в пазуху,
чтобы не прогорело платье его?
Может ли кто ходить по горящим угольям,
чтобы не обжечь ног своих?

С о л о м о н. Притчи. Глава 6

ГЛАВА I

— А, братан, подожди...— Анвар остановил его, положив руки на плечи.— Подожди с делами, да? Сегодня праздник, понимаешь. Туда-сюда... Мы сегодня пьем, кушаем, курим. Я что сейчас пойму? Проходи, да? Гостем будешь.

Как Андрей ненавидел эти «да» в конце каждой фразы, эти присказки вроде «туда-сюда»! Но Анвар был нужен позарез: может быть, только он и мог сейчас помочь им. Поэтому, когда осетин обнял его за плечо, приглашая пройти в гудящую десятком голосов комнату, Андрей покорно кивнул и поплелся следом за ним. Сделав над собой усилие, Андрей растянул по лицу радостную, приветливую улыбку и потряс с десятков рук, пару раз оцарапавшись об аляповатые тяжелые печатки. Возможно, что из этих сильных, натертых тренажерами ладоней ему придется принять помощь. Если Анвар согласится помочь...

Впрочем, в том, что Анвар согласится, Андрей не сомневался, как не сомневался и в том, что сам он примет те условия, которые предложит бандит в обмен на свою помощь.

Андрей сел за стол не просто из вежливости, он прекрасно изучил эту публику и был уверен, что через час-полтора, после двух-трех литров «Куранта», Анвар сам вернется к начатому разговору. Просто стареющему бандиту нужно было держать марку, и, скорее всего, он специально

не стал говорить о делах с глазу на глаз, а пригласил гостя за стол, где разговор будут слышать и слушать все собравшиеся, и внимательнее всего те, кто будет старательно скрывать свой интерес к делам хозяина дома. Цилиндра (это непонятное и неудобопроизносимое прозвище Андрей носил уже много лет) здесь многие хорошо знали, и то обстоятельство, что он пришел просить о помощи именно к Анвару, было неплохим козырем в борьбе за авторитет и власть.

Пока же гости пили и закусывали. Андрей тоже выпил и даже сделал вид, что рвется сказать тост, точно зная, что расторопных претендентов на роль тамады более чем достаточно и делать этого не придется.

Он позволил опередить себя молодому крепкому парню, которого уже видел пару раз в свите Анвара. Цилиндр запомнил его из-за причудливого рисунка белых безволосых полос, покрывавшего причудливым узором коротко стриженную голову: подобные полоски остаются вдоль шрамов. На вид парню было лет двадцать. Он был дорого одет, держался уверенно, с достоинством, но на его загорелых, изящных, как у пианиста, руках не было ни одного кольца.

Цилиндр отметил последнее обстоятельство особо: по его наблюдениям, в этой среде печатки были чем-то вроде звезд на офицерских погонах. Так, скажем, у Аслана, младшего брата Анвара, их в разные дни красовалось от трех до семи штук. Три — когда была вероятность того, что придется стрелять, семь он надел на свадьбу сестры. Анвар всегда носил два небольших перстня, но даже дилетанту было с первого взгляда ясно, что цена каждого из них равна минимум цене того «мерса», на котором последнее время гордо разъезжал Аслан.

Пока говорились тосты и опрокидывались стаканы, Цилиндр осторожно осматривался, отмечая для себя, кто из знакомых присутствует, кого из завсегдатаев подобных по-

сиделок нет, и, разглядывая незнакомых, пытался навскидку определить их возраст, ранг и вес в этих кругах.

Присутствие Андрея никого не смущало — вряд ли ему было интересно то, о чем говорили горцы, — за этими столами, как правило, велись беседы, в которых участвовали только земляки. Обсуждались дела в родных краях, не относящиеся к делам новости, вспоминались интересные случаи из жизни и говорились, говорились, говорились длинные красивые тосты.

Цилиндр не спешил заговорить с кем-либо — он больше слушал. Отчасти потому, что всегда предпочитал слушать; отчасти потому, что ему нечего было сказать, например, относительно того, что в поселке Отара кто-то достроил наконец дом тестя; а отчасти потому, что знал, что одно неосторожное слово в этой такой доброжелательной и мирной на первый взгляд компании могло незаметно вылиться в очень серьезные неприятности.

Люди эти, по разным причинам сорвавшиеся с мест в поисках денег, власти и славы и осевшие с этой мечтой в наиболее, на их взгляд, подходящем для ее воплощения чужом и отнюдь не гостеприимном для чужаков городе, не умели ничего, кроме как драться. Они не знали, не видели иного способа чего-то добиться, кроме как взять силой: любым оружием, от кинжала до гранатомета, всем, что ни попадало под руку, или просто кулаками, ногами, головой; они готовы были биться насмерть со всяким, кто встанет на пути, будь то свой или чужой, местный; драться между собой и даже сами с собой, если только это хоть на шаг позволит им приблизиться к поставленной цели. Разумеется, никто из аборигенов — обладателей вожделенных благ не собирался отдавать свое по доброй воле, напротив, прикладывал все усилия, чтобы приумножить их. Так что пришлым искателям счастья приходилось несладко. Но самое страшное, что они и не рассчитывали на легкую добычу, искали любой повод, будь то неумный поступок или неосторожно оброненное слово, чтобы пустить

в ход силу и урвать у кого бы то ни было еще один жирный окровавленный кусок, расставляя друг другу ловушки и используя каждый промах друг друга, чтобы вцепиться в неосторожно подставленное плечо и рвать, рвать на части вчерашнего собутыльника, земляка, брата. Шаг в сторону с этого тернистого пути расценивался как предательство, сошедший с него становился изгоем. Отчаянная решимость идти до конца и не останавливаться ни перед чем, несмотря ни на что, превращала этих людей в стаю, в одну из изголодавшихся стай, рыскающих в поисках поживы и расправляющихся с кем-то из своих, если нет под рукой иной жертвы. Бесстрашие их предков, впитанное с молоком матери, когда-то направленное против поработителей, ныне все чаще обращалось внутрь стаи, оставляя на руках победителей кровь соплеменников.

Цилиндру это застолье напоминало странную разновидность игры в «кошки-мышки», когда каждый из играющих может в любой момент превратиться из хищника в дичь и наоборот, а еще ему вспоминался Джек Лондон, и он узнавал в его серых бессловесных персонажах сидевших перед ним людей. Он презирал и ненавидел их. Где-то в глубине души к этим чувствам примешивался и страх, но это не задевало его самолюбия: любой нормальный сапер, расковыривая до мелочей знакомую мину, должен в глубине души бояться за свою жизнь, иначе — крышка. И Андрей был начеку: всегда собран, немногословен, сдержан, предупредителен. Подловить его на чем-то было делом архитрудным даже для заправского «разводилы».

Анвар тем, что уже несколько лет держался во главе этой стаи, являл собою редкое исключение. Объяснялось оно отчасти его талантом диктатора-дипломата, а отчасти тем, что человек с подобным авторитетом был необходим ей, чтобы противостоять прочим командам, бригадам, кланам, семьям, год от года все гуще и плотнее заселявшим город и ищущим нетронутые пажити, а чаще просто пытающимся отобрать их у тех, кто слабее. Кроме всего про-

чего, недавно Анвар прошел некую процедуру «коронавания» и носил теперь весомый титул «вора в законе», что добавляло шансов выжить в этой мясорубке.

Анвар снискал себе славу человека жестокого и властного, жадного скорее не до денег, но до тех благ, которые могло принести обладание ими. Бывший кадровый военный, бывший «боец оппозиции», он нашел наконец свое призвание, став вожаком одной из банд себе подобных. Утвердившись в новой роли, Анвар цепко держал сильными пальцами свою Синюю Птицу, и только смерть заставила бы его ослабить хватку. Пока же вожак старался извлечь из своего положения максимум выгоды, не пропуская ни одной возможности заработать лишнюю копейку, обрести нового вассала или подданного, потеснить кого-то с доходного места. Он охотно брал под свою опеку мелких и средних коммерсантов, приводя в случае необходимости в движение всю подвластную военную машину, но никогда не стеснялся, определяя размеры своих гонораров за подобное «заступничество». Порой случалось так, что его подопечные, «спасенные» от других бандитов, теряли много больше (а иногда и все), оплачивая предъявленные им счета.

Андрей никогда не обратился бы к Анвару с просьбой, но сегодня его помощь была нужна позарез, нужна была Лехе Каину, и в сложившейся ситуации боевики Анвара были последним шансом. Конечно же Цилиндр понимал, что просто так эта стая на выручку не придет, что помощь эта обойдется недешево, но сейчас это не имело значения: нужно было спасти друга.

Скверно, но народ сегодня не спешил хмелеть и разбредаться по огромной квартире. Уже начало темнеть, когда кто-то из стариков встал по нужде, кто-то пошел позвонить. Общий разговор начал распадаться, как апельсин на дольки, и Цилиндр напрягся, изгоняя из начинающей гудеть головы хмель.

Чутье не подвело его. Не прошло и пяти минут, как Анвар повернулся в его сторону и, как бы случайно вспомнив о его существовании, удивленно вскинул брови:

— А! Андрей, дорогой, ты здесь?

Цилиндр натянуто улыбнулся, сдерживаясь, чтобы не съярничать в ответ.

Анвар сделал широкий царственный жест, приглашая Цилиндра пересесть ближе. Другой рукой он сделал такой же жест тому самому молодому парню с иссеченной головой.

— Ну что там?— Анвар впервые за вечер сподобился сам разлить водку в три как бы случайно оказавшиеся перед ним чистые (Цилиндр не мог про себя не восхититься, насколько детально Анвар продумал начавшую уже разворачиваться партию) рюмки.— Какие дела?

— Анвар...— Цилиндр собрался с мыслями.

— А!— спохватился Анвар и указал на молодого парня.— Это — Георгий.

Мужчины пожали друг другу руки.

Казалось бы, за столом сидели уважаемые и уважающие друг друга люди, но (и это не ускользало от внимания окружающих), кроме того, что Цилиндр, как все уже поняли, выступал в роли просителя, Анвар тем, что перебил собеседника, как бы давал понять, что может себе позволить говорить свысока, не утруждая себя соблюдением этикета.

— В общем,— снова заговорил Цилиндр.— Ты знаешь Лешу Каина...

— А! Подожди... это кто такой?

Анвар прекрасно помнил, о ком идет речь, но в глазах тех, кто знал Каина, сам Анвар должен был вознестись на некую недостижимую высоту, откуда столь известный человек, как Леша Каин, казался фигурой мелкой и недостойной того, чтобы помнить о ней.

— Кафе «У Хоббита».

Цилиндр понимал игру Анвара, но считал, что, напомнив ему о Лешином кафе, вполне достаточно подыграл ему.

Анвар закивал: дескать, вспомнил.

— У него был компаньон — Гена,— продолжал Цилиндр.— Вернее, есть... У них доли: пятьдесят на пятьдесят. Они поровну вложили, Леха работал, а тот изображал «крышу».

«Крышей» называли как бандитскую группировку, так и ментов, бравшихся за мзду оградить коммерсантов от грабежей и поборов своих же коллег.

Анвар снисходительно улыбнулся, оглянувшись на Георгия: вот, мол, нашли люди «крышу» на стороне, а в итоге пришли-то к нему, к Анвару.

— Месяц назад тот,— продолжал Цилиндр, не обращая внимания на эту улыбку,— предложил Лехе продать его долю. Леха отказался. Тогда тот выставил ему счет за охрану, заявил, что забирает в счет долга сколько-то там процентов, и раз теперь у него процентов стало больше половины, то он — держатель контрольного пакета и ему решать, кто остается в деле, а кто получает деньги и отваливает.

— А?!— Анвар жестом прервал Андрея и повернулся к сидящим по правую руку землякам.— Год назад,— лицо осетина победно сияло,— я предлагал ребятам защиту. И что теперь?

Теперь эти гордецы, пристыженные и одумавшиеся, пришли на поклон ко всемогущему Анвару — это было очевидно для всех присутствующих. В то же время никто не решился комментировать ситуацию.

— А!— Анвар вновь повернулся к гостю, показывая, что готов слушать дальше, не помнит обид и рад помочь старым друзьям.— А договор на бумаге?

— Все на бумаге.

— А про «крышные» дела они при свидетелях говорили?

— Нет.— Цилиндр и так знал, что на этом этапе спросит и что скажет Анвар.

— Тогда он беспредельничает, и...— Анвар, решив, что уже понял суть просьбы Андрея, откинулся на спинку стула

и положил ногу на ногу, готовясь прочесть небольшую лекцию по «криминальному праву»,— можно встретиться с ним, с Каином, да? Перетрем все...

— Анвар,— Цилиндр накрыл его руку своей, прося дать возможность закончить,— дело в том, что сегодня Леа исчез.

Анвар напрягся. Подался вперед Георгий. Замерли стоявшие и сидевшие рядом земляки Анвара. Этим людям не нужно было больше ничего объяснять. Всем было понятно, что исчез Каин не просто так, его «увезли». Было ясно также, что, скорее всего, Каин жив, иначе был бы просто труп в подъезде. И было ясно, что встававшая перед Анваром задача гораздо серьезнее и сложнее, нежели ставшие уже привычными «стрелки» с коммерсантами, делящими прибыль, доли и долги.

Цилиндр молчал, ожидая вопросов. Ему не хотелось торопить Анвара.

— А они чьи? Кому платят?— Анвару не совсем удалась брезгливая интонация всесильного босса: голос чуть дрогнул.

«Они» — это Гена. Сложность предстоящей операции определялась тем, с кем придется столкнуться, кто будет выступать на стороне этого самого Гены. Хотя тот факт, что эти неизвестные осмелились «увезти» человека, уже говорил о том, что это не просто хулиганы из подворотни; в определенных кругах похищение человека оценивалось много выше, чем убийство или взрыв. Пырнуть ножом, всадить пулю — это сделает и одиночка, для которого такой шаг может быть первым и единственным смелым поступком. Похищение же подразумевало существование некой группы, структуры, имевшей транспорт, базу и, главное, людей, способных провести много более сложную, чем убийство, операцию.

— Мамаю.— Цилиндр впился глазами в лицо собеседника, пытаясь понять, какое впечатление произведет на того довольно громкое для столицы имя. Тщетно. Если бы

по лицу Анвара так легко было читать его мысли, то не носил бы он сейчас свои эксклюзивные перстни, а валил бы высокий сибирский лес или пас тощих грязных коз на горных склонах. Лицо же Георгия вообще превратилось в гипсовую маску, вроде той, что снимают с умерших.

«Далеко пойдет», — подумал о молодом парне Цилиндр.

— Ладно, — медленно произнес Анвар. — Подумаем мы тут немного...

Цилиндр не шелохнулся, продолжая смотреть Анвару в лицо и давая понять, что такой ответ его не устраивает. Дорого каждое мгновение, и вполне достаточно уже того, что Цилиндр потерял несколько часов за этим столом.

— А! А он кто тебе? — Внешне осетин как бы оценивал, стоит ли человек, за которого просит Цилиндр, внимания его особы. На самом же деле столь крутой поворот был для него неожиданностью, и старый лис выгадывал лишнюю минутку, чтобы собраться с мыслями и составить план дальнейших действий.

— Леха? — Цилиндр ожидал этого вопроса и держал ухо востро. — Друг.

— Давно его знаешь? — Возможно, Анвар просто выигрывал время, лихорадочно прокручивая в мозгу варианты дальнейших действий, а возможно, уже принял решение не связываться с Мамаем и искал зацепку, чтобы отказать Андрею, не теряя очков.

Давно ли Андрей Цилиндр знал Леху Каина?

Давно ли Андрей знал Леху?

Он знал его еще с тех пор, когда ни они сами, ни кто-либо другой не знали и даже не могли предположить, что когда-нибудь станут Цилиндром и Каином. Он знал его с тех пор, когда они, два сопливых шкета, только-только еще осмеливались появляться в школе без красного лоскутка пионерского галстука на тонких шеях, то ли наглядно демонстрируя этим собственную взрослость, то ли заявляя

о своей способности самостоятельно оценивать происходящее вокруг.

Это был конец пятого класса. Пора, когда шок от того, что нужно переходить из кабинета в кабинет в зависимости от изучаемого предмета, уже позади, а на смену ему пришел опыт маневров, позволяющих слить с урока или попросту сорвать его, не рискуя быть наказанным. Пора, когда мальчишеские драки от нечего делать постепенно сменяются гораздо менее частыми, но несравнимо более жесткими стычками по принципиальным вопросам. Пора, когда на смену неодолимому желанию дернуть сидящую впереди угловатую девочку за косу приходят чувства столь сложные и необъяснимые даже для людей, умудренных прожитыми десятилетиями, что я не возьмусь определять их природу или давать им название. Пора, когда подросток начинает делать первые робкие попытки повлиять на казавшийся еще недавно фатальным и предначертанным уклад своей жизни, когда он впервые начинает задумываться о тех механизмах, которые делают вчерашних одноклассников людьми столь разными и непохожими друг на друга, приводящих одних людей на экраны телевизоров и доски почета, а других делающих грязными мусорщиками и слесарями в замызганных вонючих телогрейках.

Андрей и Леха учились в параллельных классах и к началу описываемых далее событий даже не знали, наверное, имен друг друга. Так, встречались на переменах и разного рода линейках и построениях, но не более того.

Началось все с шахматного турнира. Турнир проводился комсомольской организацией школы. Проводился по олимпийской системе и, вопреки логике и обычным правилам, без разграничения участников на возрастные группы и уровни подготовки.

Андрей проиграл первую же партию. Лехе повезло чуть больше: он выбыл из борьбы после второго круга. После третьего этапа борьбу продолжали только старшеклассники. Раздосадованные пятиклашки побузили немного и орга-

низовали свой турнир, в котором нашим героям также не повезло. Кто-то из неудачников, надеясь на реванш, затеял турнир по шашкам. И пошло-поехало. Эпидемия турниров охватила мальчишек с четвертого по шестой классы: нарды, «морской бой», «танки», поддавки, «точки», рендзю... Каждый второй выступал организатором какого-либо турнира, изготавливая свои собственные дипломы и медали. Доходило до смешного, когда в турнире принимали участие два игрока, претендовавшие на три картонные медали. Вскоре всем стало ясно, кто лучше всех во что играет, и постепенно ажиотаж вокруг этих первенств, чемпионатов и кубков начал стихать. Как раз в этот момент по школе прошелестел слухок о том, что кто-то проводит чемпионат по «футболу», в котором можно выиграть не нарисованный цветными карандашами на тетрадном листе вымпелок, а аж три рубля. «Футбол» представлял собой довольно простую игру, для которой были нужны металлический шарик и свободный подоконник. Двумя касаниями руки игрок должен был прокатить шарик от одного угла подоконника до другого так, чтобы шарик ударил по разу по обеим створкам окна. Если шарик падал, не докатившись до угла или не касался рамы, то игроку засчитывался «гол». Играли до трех. Задача была несложной, и пацаны катали шарик по две-три перемены, прежде чем кто-либо трижды ошибался. В этой игре исход дела решали зачастую не мастерство и опыт игроков, а неровность плиты, соринка или дрогнувшая от неожиданного звука рука.

Три рубля. Андрея такой стимул заинтересовал. Оказалось, правда, что за участие в чемпионате нужно заплатить двадцать копеек, но Андрея это не смутило. Два раза не поесть мороженого.

Разумеется, чемпионат проводился неофициально и с некоторой степенью конспирации. Участники играли в открытую, но им запрещалось как-либо комментировать счет или говорить что-либо о том, что игра идет на деньги.

Проводил чемпионат и принимал ставки парень из параллельного класса. Так впервые встретились лицом к лицу Андрей и Леха...

— Давно. Росли вместе,— сказал Андрей. Окунувшись в воспоминания, он допустил просчет, произнеся эту фразу: сейчас Анвар кивнет понимающе, вспомнит о своем друге детства, и разговор надолго съедет в кювет, полный липких, тягучих историй о друзьях детства тех, кто сидел за столом.

Но этого не произошло. Анвар в самом деле кивнул и обвел узкий круг подсевших поближе земляков многозначительным взглядом, но не произнес ни слова.

Бандиты слушали молча, не сводя глаз с главаря.

Тот посидел некоторое время, переваривая услышанное, потом начал расспрашивать о деталях.

— А этот... Гена... Какие у него с Мамаем еще дела, не знаешь?

Андрей не знал. Он знал, где находится кафе, уже знал, где живет Лехин компаньон, на какой машине ездит и еще массу общих сведений, казавшихся дилетанту первостепенно важными при решении подобных вопросов.

— Ладно.— Анвар царственным жестом поднял руку, давая понять, что узнал все, что мог узнать от Цилиндра.— Значит, так: сегодня я свяжусь с Мамаем. Завтра встретимся и решим вопросы...

— Георгий!— Повернувшись к молодому человеку, осетин быстро заговорил на родном языке. Голос его звучал повелительно — ни дать не взять князь, отдающий приказание своему человеку.

Георгий несколько раз медленно кивнул. Кивнул в знак подчинения, но с достоинством, давая понять окружающим, что он не просто слуга, шестерка, но молодой и лишь потому менее опытный и заслуженный воин, отдающий дань уважения своему наставнику.

Анвар взял свой бокал. Сидевшие за столом задвигались, наполняя рюмки и стаканы.

— Ну,— Анвар поднял бокал над головой,— за настоящих друзей!

Присутствующие оживились, начали чокаться, пить и закусывать.

Анвар, как бы потянувшись за куском карбоната, наклонился к Андрею и произнес чуть слышно:

— Завтра в десять будь дома: мы за тобой заедем.

Минут через двадцать Андрей потихоньку встал из-за стола и незаметно, не простившись, удалился восвояси, вполне удовлетворенный результатами своего визита.

ГЛАВА II

Рассказать в двух словах, что за человек Миша Зуленич,— дело непростое.

Потомственный москвич. Родители — инженеры. Единственный ребенок в семье. Ребенок поздний, а потому и родители, и многочисленные родственники добросовестно сдували с мальчика пылинки, всячески оберегая его от невзгод и напастей.

Миша был щуплым и почти не рос, намного отставая от сверстников. Эти обстоятельства только подливали масла в пламя родительской и прародительской любви: чадо купали зимой и не давали купаться, если температура воды была ниже двадцати.

Ни в ясли, ни в сад Миша, само собой, не ходил. Бабушки и дедушки по очереди занимались его воспитанием, пока родители проектировали грейдеры и бетономешалки.

Школа повергла Мишу в ужас. Тихий и застенчивый от природы, он был оглушен, раздавлен шумом, обилием незнакомых лиц, бесконечными командами учителей и отсутствием ставшей такой привычной поддержки родных.

Поначалу он плакался маме и бабушкам, но, поняв, что школа — дело неизбежное, просто замкнулся, ушел в себя, стараясь не привлекать внимания ни учителей, ни одноклассников.

После уроков Миша спешил домой — укрыться в своей комнате и погрузиться в мир книжных героев. Чтение было его единственным увлечением, герои Жюль Верна, Дефо, Свифта, Дюма — его единственными друзьями, а миры, созданные писателями, — единственными, в которых он хотел бы жить. Реальность, окружавшая и объявлявшая свои правила игры, не устраивала Мишу, книги становились для него наркотиком, позволявшим забыть о живых людях, их грубости, невежестве, злобе.

Миша начал читать уже в четыре года и по своей эрудированности мог бы дать любую фору даже третьеклассникам. Но поднять руку на уроке, встать перед всем классом и что-то рассказывать было выше его сил. Десятки пар глаз, устремленных на него, буквально лишали его дара речи: Миша краснел, начинал чуть слышно мямлить что-то невразумительное. Однажды он едва не грохнулся в обморок. По этой причине он хватал двойки, когда его вызывали к доске или спрашивали с места в ходе урока. За письменные же работы он ни разу не получил ниже четверки, что позволяло ему к концу четверти «выруливать» на вполне приличные итоговые отметки.

Сначала учителя считали, что Зуленич искусно списывает. Но когда он получал единственную пятерку из всего класса, эта версия выглядела явно несостоятельной. Постепенно педагоги пришли к негласному соглашению не вызывать по возможности Мишу к доске, чтобы не портить табели и общие показатели класса. Позднее многие преподаватели делали ставку на Мишу Зуленича, подбирая достойного кандидата для олимпиад, и, если бы не необходимость комментировать свои работы устно, Мишу ждала бы блестящая карьера задвинутого вундеркинда.

Что же до одноклассников Миши, то они не имели возможности заглядывать в его письменные работы, а судили о нем по тому, как он вел себя на переменах и после уроков. А Миша дичился ребят и старался быть тише воды, ниже травы, благодаря чему приобрел репутацию, классифицированную его сверстниками как «дундук». С ним никто не дружил. Все считали его туповатым, скучным типом. И даже прозвище, которое он получил, подчеркивало его серость. Он не отличался ничем примечательным и был обозначен двумя первыми слогами фамилии: «Зуля».

Миша был бы обречен бесславно доживать «школьные годы чудесные» в одиночестве и безвестности, но судьба решила иначе. Леха, агитируя однокашников сыграть в «футбол» на деньги, не пропустил никого и обратился к Мише тоже. А тот, подумав несколько секунд, кивнул.

Деньги у него были — родители периодически выделяли на кино, но Миша просто складывал их в стол, изредка тратя два-три рубля на книгу. Случалось это не часто: в те времена купить хорошую книгу можно было только по подписке или на черном рынке. Мальчик этих тонкостей не знал и добросовестно ходил в книжный магазин, рассматривая книжные полки в надежде увидеть что-нибудь, что можно было *читать*. Как правило, тщетно.

В общем, Миша заплатил свой взнос и был внесен в турнирную таблицу.

Зуля катал шарик точными размеренными движениями, всякий раз повторяя траекторию с точностью до сантиметра. Лишь однажды он ошибся: шарик наскочил на какое-то крохотное препятствие, резко изменил направление, и Миша не успел перехватить его у края подоконника. Больше он не ошибался.

В полуфинале и финале Зуля всухую обыграл Леху и Андрея и, получив свой приз, молча удалился в класс.

— Офигеть! — Андрей, уже уверенный в своей победе, уже составивший список приобретений на выигранный

трешник, был просто в шоке от того, как этот тупоголовый замухрышка не моргнув глазом «раздел» его три-ноль.

— Да, ловок шельма...— усмехнулся Леха. Его настроение было на порядок выше: проведение турнира принесло ему рубль сорок чистой прибыли.

Миша, отдавая сэкономленный на мороженом двугри-венный Лехе, довольно объективно и достаточно высоко оценивал свои шансы на победу в турнире. Его больше беспокоило другое: получит ли он в случае победы свой выигрыш. Невысокий и шуплый, он не мог похвалиться ни мышцами, ни размером кулаков, и за свою короткую пока жизнь Миша не раз сталкивался с ситуацией, когда более развитые в физическом плане товарищи решали с ним возникавшие спорные вопросы при помощи кулака.

Но Леха рассчитывал провести еще несколько подобных состязаний и не собирался терять потенциальных участников из-за какого-то трешника, тем более чужого. Именно поэтому он безропотно отдал чемпиону три пот-репанные рублевки, дабы в дальнейшем ни у кого из колеблющихся не возникало сомнения в честности орга-низатора турнира.

Миша дрогнувшей рукой взял свой выигрыш, аккуратно сложил деньги и убрал их в нагрудный карман школьной куртки. Молча развернувшись, он зашагал на ставших вдруг неподатливыми ногах в сторону класса. Он чувствовал на себе сверлящий взгляд высокого парня, которого только что обыграл, и с трепетом ожидал, что сейчас тот окликнет его и предпримет что-нибудь, чтобы завладеть-таки усколь-знувшим у него из-под носа выигрышем. Но ничего не произошло. Никто не попытался оспорить его победу, но пережитые Мишей неприятные минуты ожидания распра-вы оставили пренеприятный осадок, и, несмотря на пос-тупавшие предложения и неплохие шансы на победу, он решил не играть больше.

Тем не менее тот факт, что двое сильных парней не сделали попытки отобрать назад столь обидным образом

уплывшие от них деньги, поразил его, так как противоречил всему его жизненному опыту: с ним поступили по-честному. Не потому, что не было возможности поступить иначе, а просто потому, что так было *правильно*.

До сего момента Миша делил окружающий мир на героев любимых книг и на людей реальных. Первые были умными, добрыми, благородными; вторые, мягко говоря, наоборот. Люди реальные всегда норовили толкнуть, обмануть, обозвать, отобрать что-нибудь. Исключением до сего времени были только Мишины домашние.

Миша стал присматриваться к Лехе и Андрею.

Те же вскоре совершенно перестали обращать на него внимание. Теперь они организовывали и проводили турниры вдвоем. Появились у них и еще какие-то дела.

Впервые Миша поймал себя на мысли, что хотел бы стать чьим-то другом. Он искал способ сойтись с ребятами или хотя бы обратить на себя их внимание, но тщетно, тем было недосуг. Андрей и Леха вскоре забросили даже турниры, уйдя с головой в новые проекты и осуществление новых идей. Постоянно занятые чем-то на переменах, они исчезали после уроков, напрочь утратив интерес к школьной жизни, развлекательным мероприятиям, викторинам и всему такому, что доселе вызывало интерес у школяров.

Так продолжалось довольно-таки долго. Почти год.

Но однажды оба параллельных класса, в которых учились Леха, Андрей и Миша, сорвали с уроков и привели в спортзал. Возле пирамиды из матов уже стояли директор школы, оба завуча и учительница литературы, Тамара Стефановна, являвшаяся парторгом школы.

По всему было видно, что произошло нечто из ряда вон выходящее.

Классы построили каре, как на пионерской линейке, так что директриса со свитой оказались в центре.

Ученики взволнованно перешептывались, учителя совещались о чем-то между собой.

Наконец директриса сделала несколько шагов к центру каре, давая понять, что сейчас скажет собравшимся что-то важное. В зале наступила абсолютная тишина.

Директриса обвела шеренги притихших школьников взглядом, удостоверившись, что все вверенные ей дети преданно пожирают ее глазами, с подобающим трепетом ожидая, когда же она начнет говорить. В такие мгновения директриса чувствовала себя царевной Будур, выехавшей на базарную площадь: весь город принадлежит ей, и одной ее воли достаточно, чтобы осчастливить или уничтожить любого из ее подданных. Ощущение безраздельной власти над этими упакованными в одинаковую школьную форму маленькими людьми вызывало у нее эйфорию, сродни той, что испытывает парашютист, сделавший шаг из самолета с высоты семи километров.

Увлечшись на мгновение дольше, чем допустимо, своими ощущениями, директриса чуть затянула паузу и едва не упустила натянувшиеся вожжи власти: кто-то шевельнулся, скрипнул паркет, и по рядам побежал шелест покашливаний, вздохов, кто-то даже негромко кашлянул. В последний момент директриса успела-таки вернуть школьников в состояние напряженного ожидания, грозно взглянув туда, откуда донесся кашель. Вновь все замерли.

— Сегодня...— Голос директрисы взмыл под высокий свод и эхом обрушился на плечи стоящих в шеренгах слушателей. Возможно, именно из-за акустики, придававшей ее голосу необыкновенно торжественный оттенок, директриса предпочитала проводить собрания и церемонии в спортзале.

— Сегодня,— повторила директриса, растягивая паузу, словно подбирая слова, как будто речь ее не была уже продумана до мелочей, а рождалась прямо сейчас, в этом зале, в эти мгновения,— мы собрались по поводу крайне неприятному и, я бы сказала, печальному.

Шеренги выдохнули разом и тут же, судорожно вдохнув, снова затаили дыхание.

— Двое ваших товарищей,— продолжала директриса,— один из «А», другой из «Б»...

Почти сотня сердец забилась чуть ровнее: речь идет о чем-то проступке, следовательно, касается все это мероприятие только тех двоих товарищей. Напряжение сменилось любопытством: а интересно, о ком это речь и что они такого натворили?

— ...совершили серьезное преступление. Преступление (я подчеркиваю это слово!), направленное против всего нашего общества, против Родины, против вас, против меня...

Миша стоял во втором ряду. От ока директрисы его заслоняла широкая спина стоявшего впереди товарища, и он медленно повернул голову, изучая шеренги: кого нет в строю?

Директриса продолжала свою бестолковую увертюру, не объясняя ничего толком. Миша пробежался глазами по лицам. Как будто все здесь. Он начал переключку снова.

— Только возраст освобождает их от уголовной — именно уголовной! — ответственности за содеянное.— Директриса говорила все громче, она уже не стояла неподвижно, а жестикулировала левой рукой, и это делало ее похожей на весталку, входящую в транс во время ритуала.

«Ба!» — Миша вдруг понял, кого из их класса нет в зале. Он, забыв об осторожности, обернулся и пробежал взглядом по шеренге параллельного класса. Так и есть: не было Леши и Андрея.

— Сейчас с ними беседует следователь.— То торжество, которое явственно проступило в голосе директрисы, пошло бы скорее сообщению о подвиге или мировом рекорде, установленном вверенными ей учениками. Должно быть, она ощущала себя победителем как педагог и провидец. Есть такой модный прием — подозревать всех во всем, чтобы в случае ЧП воскликнуть: «Я так и знал!» А

насколько было известно Мише, штрафных очков Леша и Андрей набрали уже порядочно.

Так что же все-таки случилось? Шеренги началиживать: послышался осторожный шепот, кто-то повернул голову, кто-то кого-то толкнул.

— У меня просто в голове не укладывается, как в советском человеке может таиться столько подлости, цинизма, чтобы предать своих товарищей и то дело, за которое проливали кровь их отцы и деды...

Это был явный перебор. Что же такого могли совершить двое мальчишек, чтобы попасть в список предателей Родины? Пустили поезд под откос? Взорвали Мавзолей? Продали американским шпионам секретный план пришкольного участка? Тем не менее совершили они что-то из ряда вон выходящее, и уставшим стоять по стойке «смирно» школьникам уже не терпелось узнать, что именно.

Директрису же унесло совершенно в другую сторону. Она вообще при каждом удобном случае любила напоминать о сложной международной обстановке, целях великого советского народа и долге учащих перед своей прекрасной Родиной: учиться, учиться и учиться, как завещал известно кто.

— Империализм и спецслужбы Запада используют каждый шанс, любую возможность, чтобы ослабить наше государство, нанести удар изподтишка. И в своих целях они с радостью используют тех, кто не идет в ногу с товарищами, кто ставит свои мелкие мешанские интересы выше общественных, кто готов предать идеалы строителя коммунизма ради личных материальных благ, для кого тлетворное дуновение...

Миша стоял молча, глядя в одну точку, и прокручивал в уме варианты проступка, который могли совершить Андрей и Леха. Сначала он не знал, за что уцепиться, но вскоре вспомнил один прелюбопытный случай.

Три дня назад в школе проходил очередной плановый сбор макулатуры. Как и все пионеры-патриоты, Миша та-

шил в школу увязанную бечевкой пачку газет и журналов, чтобы внести посильный вклад в дело поднятия и развития отечественной промышленности, а заодно и в дело спасения лесов Сибири, ибо висевший на дверях школы плакат гласил, что двадцать килограммов макулатуры спасают одно дерево.

Почти у самой школы Миша заметил группу ребят, столпившихся вокруг тележки, на которой возвышалась приличная горка из подобных Мишиной газетных пачек. Держал тележку Андрей, а Леша что-то с жаром доказывал собравшимся вокруг него одноклассникам.

Мише стало интересно, и он подошел ближе, чтобы послушать, в чем дело.

Сначала мальчик просто не поверил своим ушам. Леха убеждал слушателей не нести их тюки и свертки в школу, а... продать ему! Именно продать: по три копейки за килограмм.

Судя по сваленным на тележке пачкам, многих им уже удалось убедить избавиться от вторсырья с явной выгодой.

Кто-то поставил на тележку свою пачку. Леха шустро и деловито подцепил ее крюком бытового безмена, громко объявил вес и тут же отсчитал двадцать одну копейку.

Миша встал чуть в стороне и наблюдал за процессом скупки макулатуры. Он бы с удовольствием избавился от своих пяти с половиной килограммов, но ему было интересно, что двое ребят собираются делать с этой кипой бумаги. Он прекрасно помнил, как облапошил своих одноклассников Том Сойер, скупив у них по сходной цене билетики за выученные стихи.

Миша не то что подозревал, а, зная Лехину неугомонную предприимчивость, был просто уверен, что за этим мероприятием кроется какой-то подвох. Но какой? Может быть, ребята хотели установить мировой рекорд по количеству сданной макулатуры? Зачем? Получить грамоту на общешкольной линейке? Нет, вряд ли. Судя по количеству собранной бумаги, они уже потратили не менее трех рублей.

Не похоже, чтобы троечники-прогульщики рвались получить похвалу от завуча по внеклассной работе. Конечно, можно было предположить, что в них проснулась беспощадная совесть пионера, но проще было представить себе, что в школе на завтраки начали раздавать мороженое.

Что можно сделать с такой кучей старых газет? Миша вспомнил, как они с папой делали из газет папье-маше, а потом лепили из серой скользкой массы мушкетеров и гвардейцев кардинала, книжку о которых недавно купила мама. Мишка терпеливо дождался, пока ее прочитают родители, а потом проглотил ее сам меньше чем за три недели, что для такой толстой книжки было сроком рекордно коротким. Прочитав «Мушкетеров», Мишка заболел игрой в них: в маминой шляпе с полями и длинным прутом в руке он носился по квартире, тыкая своей «шпагой» во все подряд, что вызывало беспокойство мамы и бабушки: «Миша, ты что-нибудь разобьешь!» Тогда папа, чтобы направить энергию сына в менее разрушительное русло, научил его секрету превращения старых газет в фигурки. Когда свежевылепленные мушкетеры высыхали, они становились довольно прочными, и, раскрасив их гуашью, можно было устраивать настоящие сражения. Мама, правда, ворчала, что в пятом классе явно поздно играть в солдатики, но эта игра была гораздо менее шумной и хлопотной, чем та, при которой Мишка лично перевоплощался в д'Артаньяна. Все это было здорово, но вряд ли гора газет на тележке предназначалась для переработки в папье-маше.

Что еще? Еще можно было отнести макулатуру в приемный пункт и сдать. Но там платили только по две копейки. Да еще давали талончики на книги. Но что толку в этих талончиках? Чтобы купить по ним книги, нужны были деньги. Да и не походил Леха на столь отчаянного книголюба, чтобы возиться с макулатурой, да еще и тратить на нее столько денег!

Так и не придумав правдоподобного объяснения происходящему, Миша сбыл свою макулатуру и, положив вы-

рученные шестнадцать копеек в карман куртки, поспешил в школу.

На следующий день в рекреации возле учительской появилась «Молния» с итогами сбора вторсырья. Миша был, пожалуй, единственным, кто уделил стенгазете более десяти секунд. Он внимательно просмотрел итоговые таблицы. Напротив фамилий Лехи и Андрея красовались ноли. Кстати ноли стояли напротив почти всех фамилий учащихся пятых и шестых классов. Шестой «А» вообще оказался на последнем месте, «напомогав» Родине всего девятью килограммами бумаги.

Миша тогда так и не понял, зачем друзьям понадобилась эта макулатура, и вскоре перестал ломать над этим голову. Сейчас же, слушая пламенную речь директрисы, Миша вспомнил эту историю. Если под теми страшными эпитетами подразумевался срыв пионерского мероприятия, то, конечно, можно было устроить виновным головомойку, но при чем здесь следовательно?

Дверь спортивного зала приоткрылась, и в проеме показался Дима Родионов — председатель Совета дружины.

— Можно?— спросил он своим не устоявшимся баском.

— Да.— Директриса повернулась к дверям.— Заходите.

Не успел Миша удивиться, что она обращается к восьмикласснику на «вы», как в дверь начали протискиваться другие члены Совета дружины. Интересно, директриса заранее знала, что все они стоят за дверью, или угадала, что они там?

Старшеклассники, неуверенно озираясь, подошли к стоящим возле матов учителям и встали рядом с ними тесной кучкой.

Директриса окинула их грозным взглядом, потом вновь повернулась к шеренгам пятиклассников.

— Сейчас я передаю слово секретарю парторганизации школы Тамаре Стефановне Есиповой.— Она сделала приглашающий жест.— Прошу вас, Тамара Стефановна.

С этим директриса отступила к учителям, отдавая инициативу русичке.

— В связи с произошедшими событиями, — безо всякого вступления затараторила она звенящим фальцетом, — я считаю необходимым немедленно провести открытое собрание Совета дружины, обсудить недостойное поведение Лосева и Рымкевича (те, кто еще не догадался, кто виновник этого сыр-бора, приглушенно ахнули) и поставить вопрос об их пребывании в рядах пионерской организации. Родионов!

Тамара Стефановна почти по-военному четко развернулась к не сводившему с нее преданного взора председателю Совета и ткнула пальцем в некую точку на полу перед собой. В два прыжка Родионов оказался стоящим в этой точке.

— Товарищи, есть предложение открыть собрание... — завел Родионов столь же знакомую, сколь и ненавистную всем песню.

Разумеется, предложение открыть собрание было принято единогласно. Быстро решили и вопрос о президиуме и председательствующем — им оказался сам же Родионов. На повестке дня стояло два вопроса: о недостойном поведении пионеров Лосева Андрея и Рымкевича Алексея и об исключении их из рядов пионерской организации.

Шестиклассники жадно ловили каждое слово, ожидая, что вот теперь-то их наконец посвятят в суть происшедшего. Миша слушал и не мог понять: то ли все выступающие забывают изложить суть случившегося, то ли полагают, что о событиях этих уже давно всем известно. Может, он один ни о чем не знает, а вся школа давно уже в курсе дела?

Выступили два члена Совета дружины. Оба подняли облако общих фраз, не коснувшись самого интересного: что же такого недостойного и неприемлемого совершили эти два отщепенца? Что сотворили эти «марионетки в руках буржуазной идеологии»? Чем подорвали они мощь родного советского государства?

— Кто-нибудь еще желает высказаться по данному вопросу?— Родионов пробежал взглядом по рядам уставших стоять свечками пятиклассников, убеждаясь, что никто из них не рискнул поднять руки.

— Тогда предлагаю перейти ко второму вопросу: об исключении Лосева и Рымкевича из рядов пионерской организации за действия, несовместимые со званием юного ленинца.— Родионов быстро оглянулся на Тамару Стефановну, та ободряюще кивнула.— Ставлю вопрос на голосование...

— А что они сделали?

Вопрос прозвучал как выстрел над головами притихших школьников и хранящих торжественное молчание учителей. Кто, интересно, посмел в присутствии директора, двух завучей, классных руководителей и всего Совета дружины ляпнуть что-то с места?

С величайшим изумлением Миша обнаружил, что этот отчаянный — он сам, тихий серый человечек Миша Зуленич.

Товарищи одноклассники как-то плавно подались в стороны, лишая Мишу своего прикрытия от испепеляющих взглядов первых лиц школы.

— Зулич! — Директриса снова исковеркала его фамилию.— Тебе что, *особенно* любопытно?

Миша стоял посреди пространства, услужливо освобожденной ему одноклассниками, и мечтал только об одном: провалиться сквозь землю. Он уже представлял себе, как его сейчас вытащат на середину зала и на глазах у сотни сотоварищей начнут публично терзать вопросами, на которые ответить невозможно уже по определению, а с Мишиной страстью к публичным выступлениям — тем более. Но никто не потащил его на середину зала. Очевидно, директриса спохватилась, что неплохо бы в самом деле просветить собрание насчет того за что, как и почему оно сейчас должно будет голосовать.

Директриса снова вышла на середину.

— Как вы помните, на прошлой неделе в нашей школе проходил сбор макулатуры.

«Ага!»— Миша обратился в слух, поняв, что сейчас-то он и узнает, что можно сделать с двумя центнерами прочитанных газет и журналов.

— И все вы, должно быть, помните, какой низкий, позорно низкий результат показала наша школа по итогам этого сбора.— В голосе директрисы звенели нотки боли за Родину и гнев, направленный против ее врагов.— Так вот!— Директриса сделала шаг вперед и взмахнула рукой, словно дирижер.— Виновники срыва сбора вторсырья — это Лосев и Рымкевич. Мы, кстати, еще выясним, как могли ученики, продавшие им свою макулатуру, поддаться на эту чудовищную провокацию и забыть о своем пионерском долге.

Многие из «поддавшихся на провокацию» почувствовали себя неуютно. Миша, впрочем, не особенно волновался: за пять с гаком лет обучения в школе он уже понял, что репрессии тут могут быть направлены от силы против двух-трех человек, не более. Гораздо больше взволновало его то обстоятельство, что разговор опять пошел в сторону: похоже, что никто не собирался рассказать толком, для чего Лосев и Рымкевич все это затеяли, а значит, тайна эта, заинтриговавшая Мишу донельзя, может так и остаться тайной.

Неожиданно на помощь Мише пришел тот самый председатель Родионов. Так же, как и остальные участники собрания, находившийся в неведении относительно его причин, он слушал директрису раскрыв рот, все время порываясь о чем-то спросить, и, когда та остановилась, чтобы перевести дух, воскликнул:

— Так они что, планировали срыв сбора вторсырья?

— Не совсем так. Хотя мотив их поступка столь же несовместим с совестью советского человека.

Директриса и Родионов посторонились, пропуская в центр русичку.

— Цель, которая преследовалась этими юношами, и метод ее достижения...— Трель звонка, разнесшего по школе счастливую весть об окончании урока, дала повод надеяться, что сейчас собрание будет спешным порядком завершено и всех распустят на перемену.

Тамара Стефановна переждала звонок и закончила:

— Цель, преследовавшаяся ими, стара как мир. Личное обогащение. Нажива в полном мещанском смысле этого мерзостного слова. Эти двое поставили свои мелочные интересы выше интересов общества, в котором они живут и которое...

Директриса нервно поглядывала на часы. Дождавшись, когда Тамара Стефановна сделала крохотную паузу, чтобы набрать воздуха, она перебила ее, быстро закончив повествование:

— Лосев и Рымкевич отвезли купленную макулатуру в приемный пункт и сдали ее, получив за каждый килограмм по две копейки и талон. Затем они отправились в книжный магазин и купили четыре книги по три рубля за штуку. В букинистическом отделе они сдали эти книги по шесть рублей. Потом наши бизнесмены купили восемь книг и снова сдали их в букинистический. Когда они отправились за последней партией книг, они были задержаны сотрудником милиции. У них изъяли сорок девять рублей и сто двадцать талонов на книги. За полчаса воришки нажили сорок восемь рублей и заработали бы еще сорок два рубля, если бы не бдительность заведующего отделом. Еще вопросы есть?

Оказалось, что директриса вполне в состоянии говорить по существу: четко и коротко.

Зал безмолвствовал, переваривая услышанное.

Директриса, вполне довольная тем эффектом, который произвел на зал ее монолог, повернулась уже, чтобы вновь уйти в глубь учительской кучки, когда раздался чей-то голос:

— Но они ведь ничего не украли?

На сей раз Миша с удовлетворением отметил, что голос этот был не его. Кажется, чей-то девчачий, со стороны «бэшек».

— Пучкова?— Директриса чуть вытянула шею, чтобы разглядеть нового возмутителя спокойствия.— Катя,— сокрушенно констатировала она, не дожидаясь ответа.— Очень жаль, девочка...— на бесконечно долгие десять секунд звонок прервал директрису,— что ты не сознаешь того, что совершенный твоими товарищами проступок сродни краже, а в идейном плане гораздо более отвратителен и неприемлем! Заканчивайте, Тамара Стефановна, и разводите классы на занятия.— Директриса зашагала к дверям.

Хотя обращение относилось к русичке, оживился Родионов.

— Предлагаю ставить вопрос на голосование,— заговорил он громким противным голосом.— Поступило два предложения (Мишка всегда в подобных случаях удивлялся: от кого это поступали предложения?)...

— Одно,— чуть слышно поправила председателя ставшая за его спиной Тамара Стефановна.

— Да!— мгновенно сориентировался Родионов.— Одно: исключить Лосева и Рымкевича из рядов ВЛК... пионерской организации! Ставлю на голосование: кто «за»?

Лес рук. Но поднимался он так медленно и так долго, словно именно рос, а не был рожден простейшим движением.

— Против?

В ряду «бэшек» поднялась рука Кати Пучковой. Миша, не успевший поднять руку «за», машинально поднял ее сейчас.

— Кто воздержался? Единогласно!

Наглость Родионова возмутила Мишу настолько, что он непременно выкрикнул бы что-нибудь протестующее, если бы не Тамара Стефановна.

— Так!— громовым голосом принялась отдавать команды русичка.— Класс «А» отправляется на литературу. «Б» стоит и ждет! Пошли-пошли!

«Ашки» послушным стадом ринулись к выходу, расхватывая на ходу сваленные в углу портфели. Поток подхватил Мишу, и он подумал, что случай спас его от неприятностей: ляпни он что-нибудь, и его могли бы сделать третьим козлом отпущения, объявив наиболее несознательным из «пошедших на поводу». Ноль напротив его фамилии в «молнии», все еще висящей возле учительской, явился бы единственным, но неоспоримым доказательством его вины перед классом, школой и Родиной. Миша почел за благо ухватить свой баул и выкатиться из зала вместе со всеми одноклассниками.

Однако тема несправедливых доходов не была исчерпана.

Когда класс расселся в кабинете русского языка и литературы, в дверях появился Леша Рымкевич. Не глядя ни на кого, он прошел к своему месту и, привычным движением зашвырнув сумку внутрь парты, сел, положив руки перед собой и уставившись на доску поверх обращенных на него взглядов сидящих впереди. Миша отметил для себя, что пионерского галстука на Леше не было.

Вслед за Лосевым в класс быстрым шагом вошла Тамара Стефановна.

Обведя класс недобрый взглядом, она позволила всем сесть. После этого она сообщила новость, несказанно обрадовавшую всех, кто не выучил заданного на дом стихотворения: оставшееся время урока русичка собиралась посвятить беседе о проступке бывших пионеров Лосева и Рымкевича.

Повторив в двух словах все, о чем говорили уже директриса и иже с ней на только что окончившемся собрании, Тамара Стефановна замолчала, разложив на столе свою знаменитую синюю общую тетрадь, которую единственный из класса читавший Кассиля Миша звал про себя «Кон-

дуитом». Перелистнув несколько страниц, русичка сделала какую-то отметку и подняла глаза. Взгляд ее остановился на Мише.

— Зуленич.

Миша вздрогнул и медленно встал, глядя на Тамару Стефановну, как кролик на удава.

— В ходе обсуждения вопроса, Миша...— Тамара Стефановна заложила руки за спину и медленно двинулась вдоль доски. Была у нее такая манера вести споры об образах персонажей: с одной стороны, она сосредоточивалась на своей мысли, с другой — необходимость постоянно следить за движущимся учителем окончательно сбивала ученика-оппонента. И сейчас весь класс машинально наблюдал за ее неспешным движением.— В ходе обсуждения вопроса, Миша, мне показалось, что у тебя возникли сомнения в правильности решения собрания.

Еще бы ей не показалось, если он голосовал «против»!

— Сейчас у тебя есть возможность и время,— не дойдя нескольких шагов до дверей, русичка плавно развернулась и двинулась в обратном направлении,— поделиться с нами своими соображениями на этот счет. Если, конечно, у тебя есть желание сделать это.

Тамара Стефановна остановилась, вопросительно глядя Мише в глаза.

Миша замялся и потупился. Черт его дернул голосовать «против»! Взор скользил по парте, по проходу между рядами, и вдруг Миша наткнулся на взгляд Леши.

Лосев буравил его своими большими зеленоватыми глазами. В них светилось искреннее любопытство, но не наивно-простодушное любопытство младенца, едва начавшего постигать окружающий мир и не способного еще оценить, осознать увиденное. Леша смотрел испытующе-настороженно, словно ожидал какого-то подвоха, как будто проверял одноклассника. И Мише показалось, что в глазах этих блеснула насмешка: ну, посмотрим, что ты запоешь теперь?

И Миша вдруг почувствовал себя увереннее. Он понял, что больше всего на свете он хочет сейчас произвести на Леху такое же впечатление, какое год назад произвела на него самого Лехина честность. Не мог Миша, не имел права «запеть» под этим пристальным, сверлящим взглядом.

— Неправильно это,— выдохнул Миша.

Вопросительно вставшие было «домиком» тонюсенькие брови (почему-то все учителя, проработавшие в школе более трех лет, начинали безжалостно избавляться от бровей, выщипывая их все тоньше и тоньше) Тамары Стефановны мгновенно выгнулись наизнанку, почти сойдясь на переносице. Губы ее сжались в нитку.

— Что не правильно, Зуленич?— полушепотом переспросила она.

— Все не правильно,— с какой-то обреченностью махнул рукой Миша, стряхнув этим небрежным жестом остатки раболепия перед учителем, в чьих руках сосредоточилось его далекое, в смысле экзаменов и аттестата, и совсем недалекое, в виде вызова родителей в школу и неминуемо сопровождающих это мероприятие репрессий, будущее.— Они ведь ничего не украли...

— Ну!

Это одобрительное «ну», сорвавшееся откуда-то с задних парт, Тамара Стефановна оставила без внимания. Опытный советский педагог, она рассчитывала, что Зуленич замычит что-то нечленораздельное, вроде «вы не так поняли», и ей останется добить его двумя-тремя фразами. Вместо этого бывалая учительница натолкнулась на неумелое, но решительное сопротивление. Нужно было срочно сменить тактику и «сломать хребет» этому повстанцу, утвердив еще раз дисциплину и власть учителя. В противном случае в ближайший год это неподавленное восстание могло выйти преподавательскому составу школы боком: раз вышедший из повиновения класс акселератов уже не загонишь в прежние рамки.

— Значит, ты, Зуленич, не видишь в действиях этой парочки ничего предосудительного?

Миша интуитивно почувствовал, что ему готовят западню, и решил воздержаться от развернутых ответов.

— Нет,— чуть подумав, ответил он.

— Значит, тот факт, что твои товарищи, не прикладывая усилий, за час заработали половину месячной зарплаты твоей матери, кажется тебе нормальным?

— Но они ведь не украли.— Миша еще раз обозначил свою позицию.

— Но они ведь получили деньги, не трудясь. Как же главный принцип строителей коммунизма: «Кто не работает, тот не ест»?

— Они же таскали тележку.— Миша еще не понял, что за ловушку готовит ему учитель, но чувствовал, что она может захлопнуться в любой момент.

— Ты считаешь, что девяносто рублей за час работы — нормальная оплата труда?

— Но ведь они работали.— Миша не сдавался.

— Ты считаешь, что это честный труд?

— Но они ведь не совершили преступления.

Тамара Стефановна перевела дыхание перед новым натиском.

— А как, по-твоему, спекулянты, перепродающие втридорога вещи и продукты честным советским гражданам,— она постепенно повышала голос,— тоже честно зарабатывают свой хлеб с маслом и черной икрой?

— У нас есть статья про спекуляцию,— сказал Миша чуть слышно.

— Ста-тья?— взревела Тамара Стефановна.— Какой ты у нас грамотный!

Класс заворуженно следил за этой схваткой. Тамара Стефановна уже поняла, что совершила недопустимый промах, затеяв этот диспут при учениках, но вывести теперь Зуленича из класса, чтобы дожать его без свидетелей, было бы еще большей ошибкой: необходимо было загнать бун-

таря в угол здесь, на глазах его втянувших головы в плечи товарищей, чтобы ни у кого не зародилось сомнения в том, что учитель всегда прав.

— Законы тоже пишут люди.— Она вновь заговорила ровным голосом.— И люди просто не предусмотрели такого преступления. Они не ожидали такой подлости от советского человека.

— Почему подлости?— Это уже Рымкевич, не выдержав, поднялся из-за парты.— Мы никого не обманывали, никого не заставляли...

— Нет, обманывали!— оборвала его русичка.— Вы обманули свою Родину, рассчитывавшую на вашу помощь, вложившую в вас частицу себя, своего богатства, своей души! И вы обокрали ее, обогатившись на ценном сырье, предназначавшемся ей, получив деньги с ее граждан, честно трудящихся на ее благо!

— Но сбор-то ведь добровольный?— В голосе Лехи блеснул сарказм.

— Он называется добровольным.— Это был опасный порог, и Тамара Стефановна заговорила медленно, взвешивая слова.— Но предполагается, что каждый честный человек внесет свой посильный вклад в общее дело.

Казалось, Тамара Стефановна уверенно и ровно набирала очки, но ее ожидал сюрприз.

— Значит, все, кто не сдал макулатуру,— предатели?— вкрадчиво спросил Леха.

— Не все,— уверенно отрезала Тамара Стефановна, наивно полагая, что владеет ситуацией.— Кто-то болел, кто-то просто не выписывает газет или собирает их в подшивку...

— Но вы ведь выписываете газеты?— Леха задал этот вопрос чуть слышно.

Миша обомлел, мгновенно поняв, каким будет следующий вопрос Лехи. Поняла это и Тамара Стефановна. В самом деле, она не раз хвалилась, как много газет и журналов выписывает и покупает. Когда же их накапливалось достаточно много, учительница перевязывала их бечевкой

и относилась в тот самый приемный пункт, куда откатили свою злополучную тачку Лосев и Рымкевич. Страшное подозрение зародилось в ее голове: что, если Лосев видел ее возле приемного пункта? Тогда все ее козыри — нравственность, идейность, классовая сознательность — оказались бы немедленно побиты. Допустить этого было нельзя, и она решила сманеврировать, уйдя от темы этого сбора макулатуры.

— Выписываю,— кивнула учительница и, не дав Рымкевичу открыть рта, контратаковала: — И бывает горько и обидно находить иногда почтовый ящик сломанным. Сломанным такими же «коммерсантами», экономящими гроши на всем и не задумывающимися о том, что кто-то ждал не столько украденных ими газет, сколько лежащих там же писем, которые эти мерзавцы выбрасывают за ненадобностью. Я, кстати, не слышала ни об одном суде над газетными воришками. Так ты считаешь, что они тоже честные люди?

— Мы ничего не воровали и никого не обманывали,— жестко отрезал Леша.

— Тем не менее целью своей жизни вы избрали обогащение.— Тамара Стефановна вновь почувствовала себя на коне.— Нечего сказать, достойная цель для...

— А это не главная наша цель,— пожал плечами Леша.— И что, собственно, плохого в том, что мы зарабатываем деньги?

Миша заворуженно слушал этот диалог. Решительно, стоявший в нескольких шагах от него парень был не просто особенным. Не просто честным. Он знал, как нужно поступать в той или иной ситуации, четко видел не вполне нащупанную пока самим Мишей грань между черным и белым. И главное, этот парень раз и навсегда решил для себя, с какой он стороны. Позднее Миша узнал, что это и называется целостностью.

Пока же он видел, может быть впервые в своей жизни, человека, не боящегося ничего потому, что человек этот

уверен в своей правоте. Перед Мишей разгоралась настоящая битва за право мыслить и поступать так, как считаешь необходимым. В эти минуты юноше казалось, что он наблюдает за битвой рыцаря со свирепым чудовищем, Робина Гуда со злодеями, Геркулеса со львом... Ему так хотелось быть похожим на Леху, хотелось быть с ним рядом, столь же метко и с достоинством отражать нападки русички и наносить контрудары. Но, увы, он не успевал за словесной перестрелкой Лехи и Тамары Стефановны — лишь переваривал услышанную фразу да открывал рот, на случай, если озарит его какая-нибудь удачная мысль. Миша стоял и хлопал ртом, переводя взгляд с товарища на учителя и с учителя на Леху.

— Легко добытые деньги развращают человека.— Тамара Стефановна уже позабыла о своей стратегии ведения споров; она стояла у своего стола, подавшись вперед, раскрасневшаяся, и размахивала своим крохотным кулачком, венчавшим толстую короткую руку, как рыжий помпон венчает высокий клоунский колпак.— Человек привыкает получать блага, не прикладывая усилий. Именно труд сделал человека человеком. И человек живет в обществе себе подобных, подчиняясь его писаным и неписаным законам. Человек, не желающий трудиться наравне со всеми, преступает закон неписаный. И если даже поначалу он, как и вы с Лосевым, избирает допустимый (а точнее, не оговоренный) законом источник дохода, то, потеряв его, человек не в состоянии смириться с необходимостью трудиться и зарабатывать, как все. Он начинает искать другое, столь же доходное место, что в конце концов выводит его на преступный путь!

— А я не собираюсь на этот путь.— Леха продолжал держаться ровно, с достоинством, не спеша, подумав, отвечая на вопросы. Он смотрелся куда более выигрышно, нежели начавшая выходить из себя русичка.

— Мальчик.— На лице педагога появилось страдальческое выражение.— Ты и оглянуться не успеешь, как тебя засосет эта трясина...

— А я не буду оглядываться.— Леха впервые перебил преподавателя и чуть повысил голос.— Я буду внимательно смотреть вперед.

— Слишком много людей,— на лице Тамары Стефановны отразилась глубокая скорбь,— зарекались становиться рабами золотого тельца. И никто не устоял.

— Надо же кому-то начинать!— Миша наконец-то внес свою лепту в этот спор. Фраза выскочила из него сама собой — это была любимая присказка папы, которой тот всегда отвечал на вечное мамино «так никто не делает».

Тамара Стефановна шарахнулась в сторону, словно от удара. Мишкин ляп был для нее все равно что для фашистов открытие второго фронта или выход засадного полка в Куликовской битве для орд татаро-монгол. В устремленных на Мишу глазах учительницы не было гнева или удивления, они как-то сразу погасли, сделавшись отрешенно-печальными, как у святых на иконах.

С минуту женщина молчала, пытаясь собраться со вдруг разбежавшимися мыслями. Потом она заговорила тихо, сосредоточенно глядя на портрет Горького, висевший на противоположной стене:

— Богатство опустошает душу. Если бы вы читали, скажем, «Шагреневую кожу», вы бы поняли... Кстати, Бальзаку, написавшему ее, принадлежит бессмертная фраза: «За каждым большим состоянием кроется преступление». Так что,— она повернулась к Леше,— если ты всерьез решил богатеть, то приготовься стать преступником.

— Ну, это вовсе не обязательно,— небрежно отпарировал тот.

— Обязательно,— вздохнула учительница.— Это аксиома, доказанная бесчисленным множеством примеров.

— Аксиомы не доказывают.— Леша расплылся в улыбке, довольный тем, что подловил противника на столь

явном промахе.— Если это нужно доказывать, то это теорема.

— Очень вы умные все,— устало огрызнулась Тамара Стефановна.— Пусть это теорема, но истина, скрытая в ней,— абсолютна, и опровергнуть ее еще никому не удавалось.

— Значит, я буду первым.— Леша вскинул голову.

— Если ты пойдешь по этому пути, то ты неминуемо убедишься, что твоя старая глупая «училка» была права. Только будет поздно: ты получишь доказательство от противного. Правильно я употребляю математическую терминологию?

— Правильно,— кивнул Леша.— Вот только вы сами говорили, что нельзя человека подвести под цифры и формулы.

Тамара Стефановна раскрыла было рот, чтобы ответить, но трель звонка не дала ей высказаться. Звонок, словно гонг на ринге, возвестил о победе Лехи.

Преподаватель не мог уйти проигравшим, и Тамара Стефановна решила пойти ва-банк, нанеся последний удар.

— Тем не менее, подбив товарищей променять столь нужное Родине сырье на стаканчик дешевого мороженого или горстку леденцов, ты поступил непорядочно, нарушив если не уголовный, то человеческий закон, предписывающий...

— А вы сдаете макулатуру Родине?— Леша сказал это громко, во весь голос и, не дожидаясь реакции учителя и класса, вытянув из парты сумку, двинулся к дверям.

ГЛАВА III

Зуля сидел в кресле перед телевизором. Сидел прямо и неподвижно, как истукан. Сосредоточенный взгляд уперся в экран. Со стороны он выглядел человеком, поглощенным очередной серией любимой мыльной оперы.

Катя знала Зулю достаточно хорошо; правильно оценив эту идиллическую картину, она прекрасно поняла главное: Миша напряжен и взволнован.

Зуля всегда охотно делился с женой хорошими новостями, рассказывал о делах на работе, но предпочитал не вываливать на девушку возникавшие проблемы. И чем серьезнее были неприятности, тем тщательнее он маскировал их. Вернее, думал, что маскирует, хотя на самом деле провести Катю было не так просто.

Вот и сейчас Зуля делал вид, что сосредоточенно следит за действием детектива, а Катя молча наблюдала за ним, делая в свою очередь вид, что ничего не замечает. Исполнитель, прислушиваясь к лаконичным ответам по телефону, осторожно разведывая планы Миши на ближайшие дни, девушка получала представление о характере и масштабах Мишиных неприятностей.

Сегодня Миша смотрел детектив особенно внимательно, за последний час он не проронил ни слова. Незатейливый сюжет фильма позволял зрителю вычислить убийц на первой же минуте после титров, и то, что Миша столь внимательно смотрит эту белиберду, красноречиво подтверждало худшие Катины опасения: случилось нечто из ряда вон выходящее.

А Зуля не хотел говорить подруге о том, что занимало в тот момент его мысли.

Он не рассказал об исчезновении Лехи, о звонке Оксаны, Лехиной жены.

Оксана позвонила и рассказала, что произошло. Она видела, как Леха въезжал во двор, но когда прошло сорок минут, а он так и не поднялся в квартиру, Оксана почуяла неладное, спустилась вниз и обнаружила пустую закрытую машину и рядом рассыпанные по мокрому асфальту мандарины. Не было сомнений, что Леху похитили.

Зуля немедленно связался с Цилиндром. Встретившись, они решили, что вдвоем, без поддержки, этой проблемы не осилить. И договорились задействовать все средства: Цилиндр должен был найти Анвара и попросить его о помощи, а Зуля с Оксаной поехали по адресу, который им продиктовали по ноль-два (добрая тетенька предложила им прислать группу или подъехать в отделение, но, засветившись с ментами, можно было сразу забыть о возможности выручить Леху при помощи Анвара. Ни те ни другие не терпели отступления от правил: ты или с криминалом, или с красными).

Цилиндр поймал такси и уехал в направлении Сокольников, где снимал квартиру осетин. Зуля с Оксаной поехали в район «Бабушкинской».

По адресу, данному в милиции, находился деревянный двухэтажный дом, построенный, очевидно, в тридцатые годы. Низкая, полуутопленная в многослойный бутерброд асфальта железная дверь. Над дверью — табличка: «Под. 2» (все верно). На двери наклеена потемневшая бумажка: «Корпорация инновационных технологий 2001». Рядом с дверью на толстенном трехжильном проводе болталась крохотная пипка звонка.

Миша потянул за ручку двери — заперто. Тогда он осторожно — не хватало еще получить удар током! — взял кнопку в руки и надавил большим пальцем. Звонка он не услышал, но ощутил вибрацию и заключил, что звонок работает.

Зуле вдруг стало смешно: спецура, конечно, на то и спецура, чтобы маскироваться да конспирироваться, но скрываться в такой избушке на курьих ножках, словно нечистая сила или большевики в старых фильмах про подполье...

— Вы кто? — Негромкий голос, раздавшийся за спиной, мгновенно вылечил Зулину смешливость и заставил Оксану вздрогнуть.

Перед ними стоял мужчина самой заурядной внешности, среднего роста, лет сорока. То, что человек этот по-

явился не из-за двери, а из-за угла здания, было странно и насторожило Зулю.

Тотчас за дверью кто-то завозился, звякнул ключ, и она приоткрылась, обнаружив за собой неосвещенный коридор. Зуля успел заметить руку, вынырнувшую из темноты, чтобы остановить движение створки.

Мужчина стоял неподвижно, ожидая ответа.

— Мы... Мы звонили...— Зуля не то чтобы потерял дар речи. Эта атмосфера излишней таинственности не располагала к откровенности. У него даже возникла мысль представиться активистом «Гринпис», собирающим подписи за проведение чистки кратера Фудзиямы, схватить Оксану в охапку и лиять отсюда, пока не поздно.

— Триста десять — шестьдесят семь?...— Мужчина выжидающе посмотрел на Оксану.

— Восемнадцать,— кивнула та.

Зуля не сразу сообразил, что мужчина назвал первые пять цифр Лехиного телефона. Когда они звонили по ноль-два, то не стали ни представляться, ни диктовать адрес, а просто изложили суть проблемы. А телефон, значит, все-таки засекали...

— А вы?— Мужчина повернулся к Мише.

— Это — друг!— быстро ответила Оксана.

Еще минуту назад Миша сопровождал Оксану, теперь уже ему стала необходима ее протекция.

— Хорошо,— кивнул мужчина.— Заходите.

Пройдя темным низким — осторожно голову!— коридором метров десять, все четверо (включая безмолвного стража у дверей) оказались в небольшой комнате — кабинете.

К потолку были прилеплены два светильника дневного света. Посредине комнаты стоял самый обычный письменный стол, вдоль оклеенных дешевыми обоями стен — самые обычные банкетки и железные с фанерными сиденьями и спинками стулья, какие бывают в школах. Окон в комнате не было.

Шедший впереди страж обернулся. В руках у него оказался какой-то прибор, походивший на теннисную ракетку. Наверное, что-то вроде миноискателя.

Этой ракеткой человек быстро и деловито принялся водить вокруг вошедших. Прибор не подавал никаких сигналов. Удовлетворенно кивнув, он положил свое орудие на банкетку.

— Документы ваши, пожалуйста.

Оксана засуетилась, роясь в сумочке, Миша привычным жестом сунул руку в карман и извлек толстый бумажник, из которого выглядывал его потрепанный серпастый-молоткастый.

Человек изучил внимательно оба паспорта.

Пока он разглядывал последнюю страницу паспорта Оксаны, из темного коридора появились еще двое.

Один — маленький старичок с кривыми ножками, животиком и почти идеально лысым черепом неправильной формы. Второй — высокий широкоплечий мужчина с явно военной выправкой.

Обойдя стол, вошедшие уселись за ним. Старичок бросил на стол синюю пачку импортных сигарет.

— Присаживайтесь.— Бдительный страж закончил проверку документов и протянул оба паспорта Мише.

Зуля подхватил два стула, поставил их возле стола, и они с Оксаной сели напротив восседающей за столом парочки.

— Значит, так,— заговорил высокий мужчина, выуживая из ящика стола несколько листов бумаги и ручку.— Перво-наперво вы ваяете (старичок бросил на коллегу укоризненный взгляд, но тот не обратил внимания) заявление. Чтобы и мы и вы могли проникнуться важностью общей цели. После этого мы сразу же приступаем к работе.

Следующие пять минут Оксана писала заявление, поминутно уточняя у высокого формулировки.

— Ну вот.— Высокий быстро пробежал глазами написанное заявление и опустил его в стол.— Вот.— Теперь бу-

дем знакомиться.— Он повернулся к старичку.— Яков Нестерович.

Старичок кивнул.

— Меня зовут Глеб Николаевич,— представился высокий.

— Оксана Станисла...— начал было свою часть церемонии Зуля, но Глеб Николаевич жестом остановил его.

— Оксана Станиславовна и Михаил Валерьевич,— заговорил старичок.— Прежде чем мы начнем работать, я хотел бы сказать вам вот что. Когда люди обращаются за помощью в милицию, они при этом, как правило, делают четыре очень серьезные ошибки.

Яков Нестерович сделал многозначительную паузу.

— Хотел бы предостеречь вас от них.— Он взял в руки пачку сигарет и тут же снова бросил ее на стол.— Что это за ошибки. Первая. Человек нас боится. Он считает, что любой контакт с органами может сыграть роль катализатора к тому, чтобы мы начали копать под него самого, проверять прошлое, настоящее, пытаться «повесить собак» на подвернувшуюся жертву. Спешу успокоить: на подобное занятие у нас просто нет времени. Тем более в вашем случае.

Старичок снова взял в руки пачку и поставил ее перед собой на ребро.

— Вторая ошибка,— продолжал он.— Все приходящие к нам считают себя семи пядей во лбу. Все полагают, что наши рекомендации можно выполнять, но можно и игнорировать, если они кажутся неумными или причиняют определенные неудобства...

— Да я...— открыла было рот Оксана, но старичок жестом попросил ее замолчать.

— Когда мы начнем действовать, то от вас (если вы действительно заинтересованы в успехе предприятия) потребуется точное и беспрекословное подчинение нашим инструкциям. Третье. В подобных делах, как правило, бывают моменты, которые заинтересованные стороны не склонны сообщать нам. Это понятно, и я убежден, что, как бы ни сложилось расследование, мы так и не услышим

всей правды до конца. Однако должен предупредить, что каждая капля информации, которую вы нам сообщите или не сообщите, может иметь решающее значение.

Яков Нестерович надорвал пачку, заглянул внутрь и поставил ее на прежнее место.

— И четвертое, — произнес он с едва уловимым облегчением. — Почти все, кто обращается к нам, считают нас лаптями, бездарями и лентяями и не верят в успех дела. В семидесяти процентах случаев, однако, удастся убедить потерпевших в обратном. Так что у вас есть все основания для оптимизма.

Закончив свое выступление, Яков Нестерович вытянул наконец из пачки сигарету, сунул ее в рот, но не закурил, а откинулся на спинку стула и покосился на коллегу, предоставляя тому возможность продолжить беседу.

Дальнейший разговор занял около сорока минут. Говорили по большей части Глеб Николаевич и Оксана. Изредка Оксана обращалась за поддержкой к Мише. Яков Нестерович только слушал, медленно пожевывая сигарету и изредка кивая своим мыслям.

Суть разговора сводилась, собственно, к выяснению обстоятельств дела. Как и предупреждал Яков Нестерович, пара-тройка деталей остались в тени. Оксана не была в курсе, Миша же решил воздержаться от их освещения. Что могла изменить информация об истинном обороте кафе, о котором, впрочем, Миша и не имел точных данных? Какая разница, получал Леха предложения о прикрытии от других группировок или нет?

Вопросы, которые задавал Глеб Николаевич, не представляли собой ничего особенного — возмись Миша за раскрытие подобного дела, он задал бы такие же, — и это обстоятельство окончательно уверило скептически настроенного Зулю в бесперспективности затеи с милицией.

Прощаясь, пинкертонеры рекомендовали Оксане отправляться домой, делать вид, что ничего особенного не произошло, ничего не предпринимать до утра без их указаний,

никуда не звонить, а в случае, если позвонит кто-либо, постараться потянуть время, поговорить подольше. Последнее относилось как к возможным звонкам похитителей, так и к звонкам знакомых, и особенно «дурацким» звонкам, вроде «Попросите директора зоопарка» или «Выньте шнур из розетки...». Мише порекомендовали ехать восвояси и, если он хочет помочь следствию, оставить все свои контактные телефоны, что он покорно и сделал.

Когда они вышли на улицу, Миша попытался сказать что-то заезженно-ободряющее, но Оксана перебила его:

— Я что, по-твоему, совсем блаженная? Ничего не соображаю?

Миша растерянно пожал плечами — он не умел утешать или вселять уверенность.

Оксана не менее объективно оценивала перспективы раскрытия этого похищения доблестными чекистами, и говорить ей округлые фразы было глупо. Тем не менее она решительно отвергла предложение Зули переночевать у него: пинкертоньки были хоть и ничтожным, но все-таки шансом, и она не собиралась просто отмахиваться от этой возможности спасти Леху. Зуля думал так же и не стал настаивать. Он проводил Оксану до угла ее дома, стоя в тени деревьев, дождался, пока она поднимется в квартиру, включит свет и, появившись в окне кухни, подаст условный сигнал: все в порядке. После этого Зуля помчался домой...

Ничего этого Зуля не рассказал Кате.

Он сидел, продолжая делать вид, что увлечен телевизором, и ждал известий от Цилиндра. Расставаясь, друзья договорились встретиться у Зули. Андрей задерживался.

В дверь позвонили. Миша напрягся. Катя встала и пошла открывать.

— Стой!— вскинулся Зуля, и девушка замерла у двери.

Зуля отстранил ее, аккуратно отпер замок. За дверью стоял Андрей.

Миша попытался прочесть на лице приятеля ответы на свои вопросы, но с лету это не удалось.

Андрей поздоровался с Катей, и друзья прошли на кухню, попросив девушку посмотреть телевизор.

Девушке впервые приходилось выполнять подобную просьбу, и она не знала, обидеться ей на столь бесцеремонное выведение за скобки или попросту удивиться. Не решив эту дилемму с ходу, она отправилась в комнату, где, усевшись в нагретое Мишей кресло, принялась щелкать пультом, невольно пытаясь услышать какую-нибудь слишком громко произнесенную фразу. Можно было, конечно, просто приложить ухо к закрытой двери, но это оказалось бы уже явно против правил.

Катя понимала, что произошло нечто чрезвычайное. Что же могло случиться?

Девушка сразу отмела версию о неприятностях с структурами: в подобных случаях Миша решал все проблемы, не отходя от рабочего места. Значит, событие носит более глобальный характер. И Миша встретился с Андреем. Но почему не с Андреем и Лехой?

Не спеша разбирая ситуацию в этом направлении, Катя вскоре была уверена, что причина происходящего в том, что что-то произошло с Лехой. Что-то очень серьезное, возможно страшное.

Пока Катя строила свои догадки относительно происходящего, друзья обсуждали ситуацию.

Андрей достаточно быстро рассказал Мише о встрече с Анваром. Миша поделился впечатлениями от визита в избушку на курьих ножках.

Оба сошлись во мнении, что помощь Анвара окажется более реальной. Тем не менее нужно было попытаться счастья и с пинкертонами. Они решили действовать параллельно: Миша будет вместе с Оксаной работать с милицией, а Андрей контактировать с бандитами.

— Странная публика, — покачал головой Зуля, вспоминая Глеба Николаевича и Якова Нестеровича.

— В смысле?— Андрей поставил на газ чайник. Основные моменты были ясны, и теперь пришло время обменяться субъективными впечатлениями.

— Ты понимаешь,— Миша с трудом облакал возникшее у него дискомфортное ощущение в слова,— какие-то они бутафорские. Когда сталкиваешься с профессионалом, то он обычно производит впечатление именно профессионала: говорит нечто специфическое, дает неожиданный ценный совет... Словом, производит впечатление. А эти... Такой опрос можно провести, посмотрев пару детективов Рижской киностудии.

— Ну,— усмехнулся Андрей,— возможно, наши кинематографисты поднялись на высочайший уровень профессионализма. А может, следователи научились работать так, что тебе не приходится напрягать мозги и учить новые термины. Сервис, а ты не ценишь!

— Сервис будет, когда они найдут Леху.— Зуля не принял излишне оптимистичный тон друга.

— Слушай,— вдруг посерьезнел Цилиндр,— так ты к чему это сказал? Про бутафорию?

— Да не знаю. Просто выходит на площадку какой-нибудь О'Нил, хватает мячик своими оглоблями, и ты понимаешь: вот этот может играть, забивать, выигрывать. А выбегает доходяга Вася Палкин из керченского ДЮШОРа, ростом полтора метра и ноги, как ятаганы...

— Стало быть, не произвели они впечатления?— скорее подытожил, чем спросил Андрей.

— Да ты понимаешь... Странно как-то.— Зуля задумчиво потер переносицу.— Когда смотришь совковый боевик вроде «Семнадцати мгновений...», все время подмечаешь: а, вот неточность, ап, опять глупость. Так же и с этими...

Андрей поднял указательный палец, прося собеседника на секунду прерваться.

— Может, выпьем?

Зуля махнул рукой и полез в холодильник.

— Понимаешь, взять даже эту их конспирацию. Ну, оказались мы настоящими потерпевшими — хорошо. А окажись мы теми же бандитами, решившими проверить, куда это зачастили наши жертвы? И что?

Миша замер на секунду, демонстрируя гостю бутылку коньяка, торжественно-вопросительно глядя на друга. Тот кивнул.

— Ну, судя по всему, телефон-то они ваш уже успели узнать...

— Ах, какая доблесть! Да не нужно быть для этого суперменом: звонишь себе на АТС, те идут по шнуру... И все.

Цилиндр пожал плечами. Пожалуй, пока это было единственным достижением оперов. Миша разлил коньяк и снова нырнул в холодильник, чтобы выудить оттуда кусок ветчины, сыр и пучок лука.

— И что с того, что они узнали, откуда звонок? Мы-то ничего не совершили, с нас взятки гладки. А вот с их стороны довольно глупо звать всех подряд в секретный штаб. Будь я бандюком, я бы попросил товарища пожить пару дней на даче, его бы поискали-поискали, а он объявился бы потом сам: был в запое, ничего не помню! С меня какой спрос? А явка их засвечена. Так я говорю?

— Что-то ты много говоришь,— усмехнулся Цилиндр.

Зуля и впрямь говорил необычно для себя много и быстро. Колоссальное напряжение последних часов выплескивалось из него этим эмоциональным монологом.

— Надо же когда-нибудь начинать!— отпарировал он, поднимая свою рюмку.

Мужчины выпили. Андрей залпом, Миша тремя небольшими глотками, прищелкивая языком.

— В общем,— Цилиндр взял с блюда ломтик ветчины,— я так понимаю, что надежда только на Анвара...

Лицо Зули снова посерело.

— Пожалуй, что так.

Он налил еще по рюмке. Друзья снова выпили.

— А что,— Зуля вытер большим пальцем янтарную каплю с губы,— с Анваром-то это реально?

— Знаешь, в любом случае,— Цилиндр крутанул в воздухе пальцами, словно ввинчивая невидимую лампочку,— это более реальный выход, чем менты. Он, по крайней мере, знает, как связаться с этим Мамаем. И главное, что Мамай будет с ним разговаривать. А что законники? Они ему скажут строго: «Отпусти заложника!»— а он плюнет им на кеды и спросит: «Какого такого заложника?»

— Если станет известно, что менты сели им на хвост, они тогда концы в воду...

Миша снова налил.

— Слушай, может, попытаемся сами...— Андрей прекрасно понимал, что говорит глупость, но жажда действия требовала какого-то утешения. По крайней мере, того, чтобы друг возразил на это предложение. — Отловим этого Гену и предложим Мамаю меняться...

— Да нет...— Миша покачал головой.— Нужно ждать. И потом, даже если мы выловим этого козла, что мы с ним будем делать? Привяжем к батарее и будем пинать ногами, пока соседи не вызовут ту же доблестную милицию? Да и не станут его ни на кого менять. Для бандитов Гена — совершенно лишний рот.

Они снова выпили и какое-то время сидели молча, сосредоточенно зажевывая коньяк.

— Слушай,— нарушил молчание Андрей,— но мне интересно, как менты-то собираются искать его? Если эти гады позвонят Ксюхе или кому-то из кафе — тогда будет обычная игра в кошки-мышки. Но если они его просто пытаются на какой-нибудь даче?

— Зачем?— недоверчиво нахмурил брови Зуля.— Зачем его пытаются?

— Зачем!— Цилиндр буквально подскочил на стуле, поражаясь наивности товарища.— А зачем его вообще увезли? Наверное, не для того, чтобы катать по Золотому кольцу на автобусе!

— Нет, ну а действительно, зачем?— Зуля сделал упреждающий жест, пресекая попытку друга обрушиться на его голову с потоком фактов, междометий и эпитетов, характеризующих Мишино умственное развитие.— Им нужны его акции? Так?

— Ну!— Андрей еще не понял, куда клонит Зуля.

— Технически им нужна его подпись, заверенная нотариусом.— Миша снова заговорил в свойственной для себя манере: не спеша, негромко, размеренно.

Андрей слушал, откинувшись на спинку стула.

— Привезти своего нотариуса на какую-нибудь дачу, чтобы заверить подписи,— не проблема, согласен?

Андрей жестом показал, что не возражает.

— Проблема в том, что если, скажем, они убивают его без подписи, то начнется следствие, то да се, а права на акции они все-таки не получают. Это им неинтересно. Или малоинтересно. Если хотят подделать подпись, то есть два варианта развития событий. Они убирают Леху, но тогда опять-таки следствие, подписи наверняка попадут на экспертизу, а дальше — туман. Второе. Они подделывают подпись, оформляют документы и выпускают Леху. И что? Опять экспертиза, и — плакали Генины дружки. Да, они могут вытрясти подпись, но если после этого они его опять же убьют, то обстоятельства получения подписи будут выглядеть, мягко говоря, странно. То же самое, если Леха объявится со следами побоев или изразцами от утюга.

Андрей слушал с удовольствием. Непогрешимая цепочка, которую искусно плел Зуля, вселяла оптимизм. Он уже почти не сомневался, что с Лехой будет все нормально. Легко рассуждать, глядя со стороны, как кто-то борется с волнами или карабкается, сдирая кожу с ладоней, по отвесной скале.

— Нет,— Зуля даже встал, увлеченный собственной речью,— им нельзя его трогать и тем более убивать. Они, скорее всего, постараются задавить его психологически. Запугать.

— Слушай, но есть ведь пытки, от которых не остается следов. Когда душат пакетом или удары валенком...

— Когда бьют, следы остаются всегда. — Похоже, что проснувшийся в Зуле оратор был в ударе. — А чтобы душить — нужно связать. Значит, останутся следы от веревок. Так? Нет... они его будут холить и лелеять, сдувать с него пылинки.

Миша разлил остатки коньяка и поставил пустую бутылку на пол возле ножки стола.

— Они будут его пугать... — сказал он, помрачнев. — Чем можно испугать?

Этот вопрос уже не был риторическим, и Андрей, не ожидавший, что разошедшийся друг обратится к нему, замешкался с ответом.

— Могут пугать, — не дождавшись ответа друга, Зуля начал сам загибать пальцы, — тем, что *будут* бить. Так? Могут грозить убийством...

— Голод, холод... — подхватил Андрей, предлагая возможные «методы воздействия», которые не оставили бы следов.

— Да, кстати... — Миша задумался. — Ну, голод — это очень долго. А вот засунуть его в холодильник...

Мужчины снова задумались. Впереди была ночь. А ночь в холодильнике могла сломить или даже угробить кого угодно.

— Слушай, — осторожно подал голос Андрей, — ну, я думаю, что они его сильно припрут, он подпишет все, да и хрен с ним, с этим кафе! Главное, жив останется.

Он уже принял Зулину версию о том, что Леху выгодно оставить в живых и после подписания документов.

— И потом, если Анвар сегодня же свяжется с Мамаем, то, скорее всего, они оставят его в покое до выяснения отношений, согласен?

— Это — да, — кивнул Миша.

— Ну а как они еще могут на него надавить? — Теперь Цилиндр начал убеждать Зулю, что ситуация под контролем. — Пугать больше нечем...

Зуля вдруг вскочил, в ужасе посмотрев на друга.

— Что?!— Андрей тоже вскочил.

— Ксюха!— прошептал Миша и бросился к телефону. Он пробежал пальцами по кнопкам «самсунга».

Несколько бесконечных секунд друзья ждали, пока аппарат пропищит номер и пошлет позывной. Наконец раздался гудок.

Трубку взяли тут же.

— Да?— Голос Оксаны.

— Ксюх,— облегченно выдохнул Миша.

— Ты, Миш? Что-нибудь...— Напряженная пауза.

— Да нет пока. Я хотел проверить, как у тебя дела.

Все...— Миша проглотил слово «нормально».

— Все спокойно,— поняла его запинку девушка.

— Ну, если что... Я буду перезванивать, ладно?

— Конечно. Спасибо. Я буду все время дома.

Голос ее дрогнул, и Оксана повесила трубку.

— С ней все в порядке.— Зуля медленно положил трубку.— Наверное, с ней ничего не должно случиться.

— Они бы забрали ее сразу,— кивнул Андрей.— Теперь они будут бояться засады. И надеюсь, засада там уже есть.

— Да, хорошо бы... Будет забавно, если пикеты выставят и те и другие.

Они проговорили еще около полчаса. Потом Цилиндр засобиравшись, делясь впечатлениями и высказывая предположения о дальнейшем развитии событий.

— В общем,— подвел он итог,— я завтра еду с Анваром, ты — с Оксаной. Вечером я сам позвоню.

Проводив Андрея, Зуля повернулся к вышедшей из комнаты Кате. Наткнувшись на выжидающий взгляд, Миша стушевался.

— Тут вот...— сделал он неопределенный жест, то ли извиняясь за бестактность, то ли придумывая на ходу легенду о странном визите друга. — Дело одно возникло...

— Что-то с Лешей?— Катя смотрела серьезно и взволнованно.

Зуля нахмурился. Несколько мгновений он сверлил девушку взглядом.

— Ты что, подслушивала?— спросил он с нехорошей хрипотцой в голосе.

Катя вспыхнула, возмущенная подобным обвинением, и какое-то время они жгли друг друга грозными взорами.

Первой взяла себя в руки Катя. Лицо ее разгладилось, она сделала шаг к Мише и обвила его шею руками.

— Какой же ты дурачок, Михаил Зуленич.— Она ткнулась носом в его плечо.— Только я знаю, какой же ты дурачок...

ГЛАВА IV

Тысячи людей ежегодно бесславно заканчивают свой жизненный путь под колесами автомобилей. И хотя существует мнение, что погибнуть под колесами «линкольна» менее обидно, нежели угодить под «Запорожец», желающих попасть под колесо любого диаметра и цвета крайне мало. Тем не менее большинство из тех, кто погиб в автокатастрофах, были сами повинны в своих бедах. Невзирая на знаки, разметку и светофоры, забыв об элементарном здравом смысле и инстинкте самосохранения, люди бросаются поперек движения лимузинов, грузовиков и автобусов, катков, словно им в случае неудачного маневра будет позволено — как в компьютерной игре — начать все сызнова. Ан нет: визг тормозов, чей-то крик, удар... Вот, собственно, и все. Пожалуйте, мил человек, на кладбище! А то бывает и куда хуже...

К чему я это? А к тому, что все погибшие в так называемых ДТП, несомненно, тысячи, если не миллионы, раз слышали о том, что улицу нужно переходить только на зеленый сигнал светофора. Они бы и сами подтвердили это. Так что же? Почему не убереглись они от опасности?

Да потому, что никто из них никогда не думал о том, что *подобное* может произойти не со случайным прохожим, не с соседом, не со слесарем Булочкиным из местного РЭУ, а именно с ним, таким хорошим, умным и везучим.

Парадокс этот, кстати, относится не только к дорожным происшествиям, а ко всему, что зовется *несчастьем*: пожарам, взрывам газа, утопаниям, отрубаниям себе больших (а равно и всех прочих) пальцев тупым топором и так далее, что только в голову придет.

Леха любил читать детективы, смотрел боевики по видео и криминальные хроники по телевизору, но до последнего момента не верил, что что-нибудь из описанных там событий может приключиться с ним. Даже когда на последней «стрелке» ему пообещали крупные неприятности самым-пресамым открытым текстом, он отнесся к угрозе настолько несерьезно, что приехавшие на встречу вместе с Геной бандиты даже заколебались на минуту, приняв это пренебрежение опасностью за непоколебимую уверенность в собственных тылах.

Сам же он, не слишком посвященный в правила этих игр, был твердо уверен, что свои дикие и необоснованные притязания эти бандюки не осмелятся подкрепить никаким серьезным действием. Видите ли, где-то Леша слышал, что подобное зовется *беспределом*, а творящие его *беспределышки* автоматически оказываются вне закона, со всеми вытекающими бурным потоком последствиями.

В самом деле, как это один человек может требовать от другого продать что-то за чисто символическую плату? Тем более когда речь идет не о полусгнившем «жигуленке», не о выдавшем виды музыкальном центре, не о кишасщем клопами просиженном диване, а о доле в совместном предприятии!

Ситуация была тем более возмутительной, что в самом начале совместной деятельности этот самый Гена чуть не на коленях умолял Леху взять его в долю, не сразу внес всю оговоренную сумму, оказался, мягко говоря, посред-

ственным компаньоном. Львиную долю работы, благодаря которой кафе поднялось на столь солидный уровень, сделал именно Леха, вынужденный во благо их предприятия отстранить Гену от руководства процессом и взвалить всю ношу на свои плечи.

В свете этой предыстории поведение Геннадия казалось верхом наглости. Сначала он начал канючить (а потом и требовать) сократить расходы на развитие, увеличив выплаты пайщикам. Леха, которому в тот момент и самому нужны были деньги, поддался на его уговоры. Потом Гена начал носиться с идеей переоборудования кафе в ресторан. Идея эта не пришлась Лехе по душе, но определенные новшества в кафе ввели. После этого Гена пожелал сделать из кафе казино, что вовсе не понравилось Лехе, и на сей раз позиция его была твердой как камень. Какое-то время неумный компаньон сидел тихо.

Месяц назад Гена вкатился в кабинет к Лехе и с порога объявил, что готов выкупить кафе целиком. Цена, которую он тут же обнародовал, едва превышала его начальный пай.

Леха вспылil и послал визитера в направлении одного анатомического органа, что в общении с людьми делал крайне редко.

Гена ретировался. Неизвестно, в каком направлении он отправился на самом деле, но, объявившись на следующий день в компании какого-то бритоголового мужичка, заявил, что «решение принято».

— Это Миха,— объявил Гена торжественно.— Он от братвы, наша «крыша». Им причитается двадцать процентов предприятия. По десять с тебя и меня. При таком раскладе контрольный пакет акций у нас с ним, и решать, что делать с кафе дальше, будем мы!

Лехе подобная логика не понравилась. В самом начале совместной деятельности компаньоны решили, что Леха берет на себя взаимоотношения с ментами и государственными службами, а Гена — с бандитами, среди которых, по его же словам, у того было множество друзей. В дальней-

шем, когда приходилось давать взятки и делать подарки чиновникам разных уровней, Леха честно вынимал необходимые суммы из своего кармана и платил. Поэтому теперь, когда объявились некие «крыши», Леха полагал справедливым, чтобы требуемые деньги и проценты вычитались исключительно из Гениной доли.

Компаньоны, мягко говоря, повздорили. Миха молча наблюдал за происходящим.

Потом Гена со своей «крышей» снова отправился в неизвестном направлении, чтобы возвратиться через пару дней со свитой из четырех таких же бритоголовых парней.

На сей раз в разговоре приняли участие все присутствующие. Проходил он на еще более высоких тонах. Гена вопил о какой-то непонятной несправедливости, пришедшие с ним парни орали, что им до лампы все устные договоренности, Леха отстаивал свою точку зрения. В полемическом задоре разбили пепельницу и снова разошлись ни с чем.

Еще два дня Леха разыскивал Гену, чтобы побеседовать один на один и расставить все точки над «i», но тщетно.

Далее Гена появился с новым провожатым, который представился как Туча из Орды. Вопрос на повестке дня стоял все тот же: о продаже Лехой своей доли.

Леха слышал об Орде много разного и малоприятного. Достаточно многочисленная и известная в Москве «бригада», обложившая данью многих знакомых Лехе коммерсантов, не стеснявшаяся кровавых расправ и бесцеремонных наездов. Однако Леха стоял на своем: с одной стороны, он не хотел уступать этой швали Гене, с другой — теплилась надежда, что бандитов удержит от беспредела их воровской закон.

Туча приезжал еще дважды, начиная каждый раз с увещеваний и заканчивая угрозами. Последний раз, позавчера, он появился снова и дал Лехе сутки на размышление. Леха ответил, что сутки ему не нужны: свою долю он не продаст.

Минул день. Леха наострил уши, ожидая каких-либо козней, но все было тихо. Вскоре водоворот дел снова захлестнул его, и он успокоился.

Сегодня Леха приехал домой чуть раньше обычного.

Остановил машину недалеко от подъезда, где оставлял ее всегда, когда собирался уехать рано поутру и не загонял в гараж. Погасил фары и заглушил двигатель. Захлопнув переднюю дверцу, Леха обошел машину и, наполовину нырнув в салон, стал доставать с заднего сиденья сумки с покупками.

От удара по голове он потерял сознание, отключился и повалился на бок. Смутно понимая, что две пары рук вытаскивают его наружу и волокут куда-то, Леха был не в силах ни пошевелиться, ни открыть глаза.

Очнулся он оттого, что кто-то окатил его из ведра ледяной вонючей водой.

Над ним стояли трое: два парня лет по девятнадцать — двадцать и мужчина лет сорока с небольшим. Находились они в каком-то то ли подвале, то ли бомбоубежище: плохое освещение позволяло видеть лишь тяжелый свод и шедшие вдоль стены толстенные трубы.

Леха пошевелился и понял, что запястья его связаны между собой и прикручены к чему-то еще. Тем не менее ему удалось приподняться. Голова гудела, как большой колокол, хотелось ощупать саднивший затылок, но веревка не позволяла этого сделать.

— Очухался?— едва слышно спросил старший.

Леха посмотрел ему в глаза. Тот усмехнулся.

— Как чувствуешь себя?— спросил мужчина так же тихо.

— Отдохнувшим,— процедил сквозь зубы Леха. Он отметил, что акустика в помещении хорошая, а мужчина говорит почти шепотом. Очевидно, шуметь не входило в их планы.

— Это хорошо,— улыбнулся меж тем мужчина.— Силы тебе, скорее всего, понадобятся.

— Пошел ты!— выкрикнул Леха, вслушиваясь в расходящееся эхо. Помещение было не таким уж большим.

— Ты не горлань,— покачал головой его собеседник.— Никто не услышит.

Похоже, он был уверен в своей безопасности. Его молодые помощники стояли неподвижно, храня молчание.

Леха попытался пошевелить руками. Связан он был на совесть.

Так, значит, угрозы бандитов не были блефом. Скверно.

— Значит, так.— Мужчина сделал шаг вперед и присел перед полулежащим пленником на корточки.— Мы здесь не развлечения ради, а чтобы прийти к консенсусу. Если мы договоримся сразу — хорошо. А если нет, то... У тебя будет возможность накричаться вволю.

— Что тебе надо?— От спокойствия этого человека Лехе стало не по себе. Но нельзя было обнаружить робость или испуг. Леха прекрасно понимал, что за спиной этой троицы стоят совсем другие люди, но предпочел сказать именно «тебе», а не «вам», чтобы это обращение не было принято бандитом за знак уважения.

— Твои акции.— Мужчина словно бы удивился недогадливости собеседника.— Ты подписываешь четыре странички мелкого текста,— продолжал он спокойно,— получаешь пять тонн «грин» и живешь дальше в свое удовольствие.

Леха молчал.

— В противном случае...— На лице мужчины отразилось искреннее сожаление.

— Я только вложил семь,— негромко произнес Леха.

Мужчина расценил эту фразу как начало торга.

— Видишь ли,— он подвинулся ближе и заговорил тише,— тебе предлагали даже десять, но тогда ты сидел в своем кабинете, а теперь лежишь здесь. И потом, мы же ухлопали на тебя кучу сил и времени...

— Я вас не вызывал,— огрызнулся Леха.

— Да.— Лицо мужчины расплылось в улыбке.— Но настоящие друзья всегда приходят без приглашения. Верно?

— Ты, значит, друг?— язвительно поинтересовался Леха.

— Конечно!— Мужчина едва не задохнулся от возмущения.— Я уже десять минут пытаюсь втолковать тебе, как лучше решить твою же проблему! Ты пойми, мы не сантехники, чтобы нас вызывать, и оплата у нас повыше, да еще и почасовая, а счет мы выставим тебе...

— Пошел ты...— Шея у Лехи занемела, и он опустился на холодный каменный пол.

Лицо мужчины тут же нависло над ним.

— Меня предупреждали, что клиент будет строптивый,— спокойно произнес он.— Итак, я последний раз предлагаю договориться цивилизованными путями, не прибегая к варварским аргументам наших далеких предков.

Леха смерил его, насколько это позволяло горизонтальное положение, презрительным взглядом.

— Понял,— кивнул мужчина с каким-то облегчением.

Молодые парни двинулись куда-то за спину Лехе. Мужчина отступил на несколько шагов.

— Раз вы избрали стиль беседы в стиле ретро,— заговорил он, разминая пальцы,— то позвольте представить вам наш первый аргумент. Называется — дыба.

При этих словах Леха почувствовал, что привязанная к запястьям веревка натянулась и увлекает его вверх. Подчиняясь ее движению, Леха поднялся.

Молодцы за его спиной продолжали тянуть, и вскоре Леха повис в воздухе примерно в полуметре от пола.

До этого момента, несмотря на решительные действия своих похитителей, Леха был уверен, что давить на него будут лишь психологически. Очутившись в подвешенном состоянии, он продолжал убеждать себя, что его пытаются взять на испуг. Однако невольно отметил, что в подобном положении не сможет достойно принимать удары в корпус. Впрочем, то обстоятельство, что ноги его оставались свободными, вселяло некоторый оптимизм: собирайся они его бить, то уж непременно позаботились бы о возможности подойти вплотную, не рискуя получить коленом в лоб.

Кроме того, Леха, хоть и не был специалистом по экзотическим казням и пыткам, был убежден, что пытка на дыбе происходит несколько иначе: руки связывают за спиной и начинают тянуть вверх, выворачивая суставы.

В общем, он искал и находил все новые подтверждения тому, что всерьез истязать его не собираются. Но настроение тем не менее оставалось паршивым.

Мужчина, склонив голову набок, рассматривал висящего пленника. Потом достал сигареты и «Zippo» с затейливой гравировкой.

— Для очистки совести,— он принялся разминать сигарету толстыми пальцами,— я спрашиваю последний раз: подпишешь бумажку?

— Пошел ты...

Мужчина не стал дослушивать. Сделав знак своим помощникам, он прикурил и пошел в дальний угол подземелья.

Леху приподняли вверх метра на полтора. Затем парни разжали пальцы, и Леха полетел вниз. Но, едва начав полет, Леха почувствовал, как веревка, очевидно закрепленная где-то, вновь резко натянулась. На мгновение Лехе показалось, что от этого рывка руки его вырвало из плечей. Он вскрикнул от боли и на несколько секунд зажмурился. Первое, что он увидел, когда снова открыл глаза, была довольная физиономия его палача.

— Ну как?— с интересом спросил тот.— Простенько, но со вкусом, верно?

— Не хочешь попробовать?— Леха почти оправился от болевого шока и не преминул съязвить.

— Нет, спасибо, не хочется,— махнул рукой мужчина.— Так я хотел спросить о своем предложении. Как ты смотришь теперь с этой высоты на мое предложение?

— Как на дерьмо. И на тебя, и на твоё предложение.— Леха внимательно следил за подходящим все ближе себе-седником, рассчитывая врезать ему ногами. Но тот повернулся спиной и пошел в свой угол.

Леха снова поехал вверх.

На сей раз пленника подняли повыше и боль была в несколько раз сильнее, но Леха не издал ни стога, лишь скрипнул зубами. Соленые капли предательски брызнули из его глаз и покатались по щекам.

— О,— услышал он голос своего мучителя, видеть которого он мог лишь сквозь пелену слез,— я смотрю, наш гость чем-то расстроен. Возможно, он передумал. Передумал?

Леха сглотнул стоявший в горле ком и осыпал говорившего самой грязной руганью, которую только смог припомнить.

Его снова подняли под самый потолок, снова отпустили, и на сей раз даже было слышно, как хрустнули суставы, проверяемые на прочность при помощи этого столь же варварского, сколь и древнего способа. Падая, Леха до крови прикусил язык и теперь чувствовал, как соленая теплая влага наполняет рот. Не в силах сделать глоток, он разомкнул губы, и струйка крови потекла по подбородку и шее. Голова его безвольно свесилась на грудь.

— Черт!— услышал он возглас мужчины.— Опустите его быстрее.

Веревка заколебалась, и Леха рухнул на пол. Палачи столпились над своей жертвой.

— Чего, Леонидыч?— испуганно спросил один из молодых парней.

— Чего-чего!— раздраженно ответил мужчина.— Слабоват оказался парень.

Они перевернули Леху. Три пары глаз с тревогой смотрели в его бледное окровавленное лицо.

— Так чего ж теперь, добить его, что ли?— разочарованно спросил один из «подмастерьев».

Лехе показалось комичным, что главный вопрос, вызывавший тревогу у этих людей, сводился к тому, можно ли будет продолжить пытку. Он открыл глаза и чуть приподнял голову.

— Что,— с трудом глотая липкую кровь, прохрипел Леха,— наклали в джинсы?

Мужчина резко выпрямился и ударил Леху ногой в бок.

— Черт!— выругался он.— Вешайте его обратно!

— Леонидыч,— неуверенно пролепетал один из помощников,— кровищи-то сколько...

— Вешай!— Леонидыч снова пнул Леху, словно задержка допущена была именно по его вине.

Леху опять подняли под потолок.

— Итак,— прорывал откуда-то снизу Леонидыч,— предлагаю еще раз. Ты подписываешь документы, получаешь две тонны «грин» и отваливаешь...

— Две?— Леха не смог пропустить это мимо ушей.

— А что ты хотел?— взвился палач, искренне возмущенный скупостью своего оппонента.— Мы с тобой уже почти час тут возимся, а сегодня, между прочим, баскетбол кажут.

Леха хотел было что-то сказать, но лишь тяжело вздохнул.

— Короче, есть перспектива, что ты вообще ничего не получишь, а дожать мы тебя рано или поздно дожмем. Согласен?

— Согласен...— сокрушенно кивнул Леха, но, прежде чем Леонидыч успел похвалить его за сговорчивость, закончил фразу несколько неожиданно:— Согласен утопить тебя в местной канализации.

— Грубый ты какой-то,— покачал головой Леонидыч.— И боюсь, что канализация ожидает тебя. Отпускай!

Леха снова полетел вниз, и снова хрустнули суставы.

Боль была адской. Настолько адской, что Леха не мог поверить, что ему могут сделать еще больнее. Непостижимость происходящего с ним приводила его к мысли, что это должно сейчас кончиться, прекратиться. Не суть важно как: ворвутся ли в подвал омоновцы, сжались ли над ним его мучители, рухнет ли на их головы тяжелый железобе-

тонный свод или просто-напросто он, Леха, потеряет сознание и получит передышку. Или, наоборот, проснется...

Но его снова поднимали и снова отпускали. Боль не притуплялась, а становилась все сильнее, до судорог, до рвотных спазмов. ОМОН не спешил на помощь. Свод не рушился. Сознание Леху не покидало, и происходящее не было сном.

Возможно, Леха и остановил бы рекетиров, приняв их условия, но от боли он практически перестал соображать, и новые рывки лишь встряхивали его сознание, заставляя вздрагивать и бормотать что-то бессвязное.

Еще дважды Леонидыч обращался к нему с вопросами, но Леха в ответ лишь мычал ругательства да пытался плюнуть в палача кровавой слюной. Промохнулся.

Леху поднимали все выше под потолок и снова отпускали, вслушиваясь в чавкающий звук, издаваемый разбитыми суставами. Леха переводил невидящий взгляд с потолка на расплывающееся в тумане лицо Леонидыча и удивлялся, как люди выносили такие пытки и как ему самому удастся оставаться в сознании.

— Стой!— спохватился наконец Леонидыч.— Вырубился парень. Опустите его на пол. Надо, чтобы очухался.

Ассистенты отпустили веревку, мягко спустив бездыханное тело на пол.

— Поливайте его пока водичкой,— деловито отдал распоряжение Леонидыч.— А я пойду наверх, звякну Туче.

Один из парней наклонился над Лехой, нащупывая на шее пульс. Другой взял ведро и отправился за водой.

Первый из аргументов в стиле ретро не убедил Леху в правоте его похитителей.

ГЛАВА V

Георгий заехал за Андреем ровно в десять. Минута в минуту. Мужчины молча кивнули друг другу, пожали руки и спустились вниз.

У подъезда стояла поблескивающая вымытыми и натертыми воском крыльями бордовая «девятка». В машине сидел водитель, которого Георгий лишь коротко представил:

— Это — Батыр.

«Шестерка», — машинально отметил про себя Цилиндр. — Ему даже не положено знать, как зовут пассажира».

Машина вырулила на проспект и помчалась на юг.

Настроение у Андрея было приподнятое. Не сказать хорошее — обстоятельства этого randevu были не слишком приятными, — скорее боевое. Он ехал помогать другу, сопровождаемый впечатляющей, достойной свитой. Андрей чувствовал, что правота и сила на их стороне; факт, что Мамай принял вызов, говорил о том, что Леха жив. Иначе о чем можно говорить? Анвар дал слово организовать встречу в такое-то время и сдержал свое слово безоговорочно, значит, Цилиндр обратился по верному адресу. И теперь где-то в условленном месте сидел в ожидании неотвратимого возмездия за свое вероломство некто Мамай. Андрей чувствовал себя охотником, идущим к месту засады на затравленного накануне зверя, которому он не оставил ни единого шанса.

Машина выехала на Варшавку и полетела по левому ряду, легко оставляя справа и сзади прочих участников движения, включая обвешанные всякими прибабасами иномарки и вечно спешащих таксистов.

Батыр поставил кассету с какой-то импортной попсой. Георгий пристально посмотрел на него, но ничего не сказал вслух, а тот следил за дорогой и не заметил этого неодобрительного взгляда.

Они стремительно удалялись от центра, и Андрей терялся в догадках, куда же они едут. За город? Вместе с этим предположением родилась мысль о том, что они едут к той самой загородной даче, где прячут Леху, и что, возможно, история с похищением счастливо завершится прямо

сегодня. Правда, начнется другая история — с определением гонорара «героям-освободителям», но об этом думать не хотелось.

Андрей чуть опустил стекло, и свежий утренний воздух взлохматил ему волосы, захлопав по щекам и лбу.

Андрей откинулся на спинку сиденья, повернув лицо к жестким струям. На некоторое время ощущение свежести отвлекло его от мыслей о том, что может ждать в конце этого путешествия.

— Цилиндр.— Георгий тронул его за локоть, возвращая к реальности.— Надо немного побазарить.

Андрей удивился. Он решил, что разговор сейчас пойдет о вознаграждении за «крышу», и ему показалось странным, что Анвар перепоручил обсуждение столь щекотливой и скользкой темы молодому боевику. Но разговор был не об этом.

— Значит, так,— начал Георгий.— Они (не было нужды расшифровывать, кто имеется в виду под этим «они»), скорее всего, будут отмазываться так. Они скажут, что мы с тобой, типа, в стороне, да? Что это их дела, их бабки, а мы с тобой не должны лезть. Поэтому ты четко говори, что этот Леха тебе должен. Понимаешь? По-любому говори, что он брал у тебя деньги на кафе. Тогда ты будешь пострадавший, а мы за тобой. И тогда они не отмажутся, да? И как бы тебя ни разводили, стой на своем, потому что, если собьешься, придется вытягивать не твоего друга, а тебя. Понял, да?

Цилиндр понял. Предстояла игра. Игра нешуточная и чреватая неприятностями в случае провала. И подобное начало покорило его. Такие вещи нельзя было обсуждать второпях, в последний момент. Неужели Анвар отнесся к предстоящей встрече столь беспечно? Что-то здесь не то. Может, Анвар готовит ловушку самому Цилиндру, чтобы, в самом деле, вытаскивать двоих, а потом, соответственно, за двоих и рассчитаться? Вряд ли. Слишком опасное дело, слишком серьезный противник.

— А если они спросят самого Леху?— Цилиндр наскоро проговаривал возможные варианты, чтобы не попасть в ловушку самому или не навредить другу.

— А! Все нормально! Если он сообразит сказать, что должен,— хорошо, будем делить бабки втроем. Если нет, то будем, типа, требовать его выдачи, чтобы рассчитаться, а там посмотрим.

Цилиндр понимал, что Георгий в целом прав, предлагая этот план действий, позволяющий предъявить неоспоримые права на Лехину голову, однако то обстоятельство, что придется темнить, чтобы восстановить справедливость, несколько подпортило ему настроение.

— Хорошо,— тем не менее согласился он с предложенным планом.

— А! А то Анвар уже говорил. Он так конкретно не базарил по телефону, но сказал про долг, туда-сюда... Понимаешь, да? Чтоб все срослось у вас с ним...

Андрей согласно кивал, почти не слушая перешедшего на совершенно лишние комментарии осетина. Тот оказался гораздо более словоохотлив, чем это представлялось вчера, и Цилиндра раздражала пустая болтовня провожатого. Он смотрел в окно, щурясь от бившего в лицо воздуха, и думал о том, как нерационально, неправильно устроен мир.

Машина между тем свернула с Варшавки на кольцо и понеслась на восток с какой-то сумасшедшей скоростью. Андрей невольно бросил взгляд на спидометр: стрелка трепыхалась вокруг отметки «сто десять». Не хватало еще, чтоб их тормознули гаишники или чтоб они попали в аварию и бесславно окончили дни в одной из грязных палат Института Склифосовского.

Но Батыр вел машину уверенно, почти не двигая руль и не делая ни одного лишнего движения. Шестерка-то шестерка, но после какой-нибудь погони такой водитель мог резко пойти вверх, набрав разом немало очков.

Андрей поймал в зеркало лицо Георгия. Тот тоже любовался видами из окна, погруженный в свои мысли. О

чем он думал? О предстоящей встрече? О лаврах, которые она может принести ему? Или о чем-нибудь отвлеченном?

Сам Андрей думал о том, что ему предстоит играть роль разгневанного кредитора, чтобы спасти друга, роль противоестественную и малоприятную. Но, как говорится, с волками жить — по-волчьи выть. Очень верное наблюдение.

По легенде Анвара, Цилиндр больше не был Лехиным другом, но был одним из тех, кто жаждал Лехиной крови. Цилиндр не чувствовал себя охотником, преследующим загнанного зверя, теперь он ощущал себя серым хищником в одной из стай. Он был таким же, как и его враги, таким же, как и его теперешние союзники. Он больше не ехал восстанавливать поправленную справедливость — он ехал отнимать, выгрызать свой кусок добычи.

Машина проехала по кольцевой уже прилично. Андрей прикинул в уме пройденный маршрут и решил, что они, пожалуй, сделали немалый крюк. Впрочем, поехав через город, они не смогли бы мчаться с такой скоростью.

Наконец Батыр снова свернул в город и завилял загадочными петлями по неприлично одинаковым кварталам новостроек.

Андрею показалось, что через один из дворов они проехали дважды. Впрочем, даже если и так, совсем неудивительно, что бандиты, отправляясь на встречу, заматают следы.

В одном из дворов Батыр остановился.

Тихий дворик, окруженный серо-голубыми башнями, сажены на газонах вдоль окон, бабушка на лавочке. Идиллическая картинка в стиле городского пейзажа.

Цилиндр повернул голову и вопросительно посмотрел на Георгия.

— Посидим тут немного, — не поворачивая головы, тихо сказал тот, не сводя взгляда с угла дома.

Цилиндр пожал плечами и стал озираться по сторонам.

По всей видимости, они уже приехали на место или почти приехали. Вряд ли встреча будет происходить в этом

дворе или в одной из квартир: на ограниченной площади щекотливость темы могла подвигнуть одну из сторон на организацию засады. Интересно, где же тогда это произойдет? Цилиндр плохо знал этот «спальный» район и не представлял себе, где именно находится. Будь рядом Анвар, Андрей непременно спросил бы его о плане дальнейших действий, но спрашивать о чем-то этого молодого парня ему не хотелось. Нужно было тоже держать марку.

Из-за угла дома появился человек. Неторопливо вышел, держа руки в карманах джинсов, и остановился, тоже озираясь.

Батыр переключил передачу, готовясь ехать.

Человек еще раз крутанулся на месте и снова удалился за угол. Батыр тронул вслед за ним.

«Девятка» медленно завершила за угол и, проехав вдоль дома, снова встала.

Георгий начал проявлять признаки беспокойства. По-видимому, что-то пошло не так.

Андрей пытался понять, куда смотрит осетин, ожидая сигнала, но видел лишь безлюдный проход между двух длинных многоподъездных домов.

Машина снова тронулась, пересекла узкую улицу и опять углубилась во дворы.

Неожиданно впереди появилась «тойота» Анвара. В ней сидело трое: двое впереди и сам Анвар, развалившийся на заднем сиденье.

Батыр пристроился за «тойотой». Георгий расслабился.

Кортеж проскочил мимо нескольких домов и вырулил на широкий проспект.

Цилиндр завертел головой, пытаясь понять, где они находятся. Метро, большой рынок, палаточный городок, площадь... Нет, или ему не доводилось здесь бывать, или место так изменилось за последние несколько лет, что узнать его не было никакой возможности.

Машины развернулись, прокатили еще несколько сот метров и въехали на площадь перед большим универмагом. «Вешняки» — значилось на крыше универмага.

По крайней мере, теперь Цилиндр знал, где они находятся.

Машины затормозили, встав в затылок друг другу. Никто не торопился выходить.

Прошло несколько минут, и невдалеке притормозили «Нива» и «форд».

Цилиндр взглянул на Георгия. Тот подался вперед, облокотившись на подголовник водителя. Батыр чуть отклонился в сторону, открывая земляку обзор.

Из «Нивы» вышел парень в спортивном костюме и направился к «тойоте». Наклонившись к окошку водителя, парень спросил о чем-то и, получив ответ, быстро вернулся к своей машине.

Через минуту из подъехавших машин стали не спеша выходить люди.

Столь разношерстной делегации Цилиндру видеть еще не приходилось.

Первым из «Нивы» вылез огромных размеров детина в спортивных штанах, кроссовках, напоминающих верблюжьих копыта, и тенниске с длинной надписью по-испански на груди. Распрямившись во весь свой исполинский рост, детина напялил на коротко остриженную голову черную бейсболку.

Затем появились еще двое: одетый в новенький камуфляж широкоплечий мужчина средних лет и милиционер в форме, при дубинке и табельном оружии (во всяком случае, при кобуре). Милиционер небрежным жестом, словно вешая ее на гвоздик, нахлобучил на голову фуражку и, одернув рукава, застыл в выжидающей позе в метре от «Нивы».

Затем из «форда» выбралась девица в мини и в едва удерживающей вес огромной груди полупрозрачной майке. Поправив солнечные очки и заранее недовольно наморщив нос, она мельком обозрела окрестности, затем, лениво пе-

реставляя длинные загорелые ноги, двинулась в сторону универмага.

Разглядывая девицу, Цилиндр упустил момент, когда из «Нивы» бочком выбрался шуплый пожилой дяденька в потертой кепке и дорогом костюме, висящем турецким нарядом из-за явного несоответствия размеров. Тем не менее дяденька держался уверенно, с достоинством, неторопливо разминая уставшие в дороге суставы.

Последним (водитель остался в машине) из «форда» появился коренастый, широкий в плечах мужчина лет тридцати с небольшим, одетый по-летнему просто, но безоговорочно дорого. Мужчина вынес свое бочкообразное тело из салона, но, опустив одну ногу на асфальт, так и остался сидеть, наполовину высунувшись наружу и выжидающе глядя в сторону стоявших напротив машин.

Анвар и человек с переднего сиденья «тойоты» вышли на улицу. На безмолвный вопрос Андрея Георгий отрицательно покачал головой.

Анвар со спутником прошли полдороги до «Нивы» и остановились. Секундная пауза — и пестрая компания пришла в движение. Мужчина поднялся с сиденья и двинулся к стоявшим в ожидании осетинам. Наперерез ему неспешно засеменял дяденька в костюме «на вырост» и мужчина в камуфляже.

Все трое сошлись в одной точке одновременно. Участники встречи пожали друг другу руки, быстро обменявшись несколькими фразами: очевидно, просто представились.

Затем Анвар, наклонившись вперед, спросил о чем-то, и все повернулись в сторону переминающегося с ноги на ногу милиционера. Тот подобрался, сообразив, что на него обратили внимание, и, видимо, хотел даже козырнуть, но вовремя спохватился и пристроил взметнувшуюся было вверх руку на ремне.

Мужчина, покинувший «форд» последним, сказал что-то, махнув небрежно в направлении стража порядка, и все пятеро засмеялись.

Смех этот был, должно быть, хорошим знаком, так как Георгий сел ровнее, сложив руки на подголовнике водителя, а свита противника, напоминавшая до этого момента изваяния античных воинов, снова ожила. Девушка, приостановившаяся, чтобы посмотреть на начало встречи сторон, двинулась в прежнем направлении, детина в «копытах» достал пачку сигарет и закурил.

Пятеро в центре еще некоторое время совещались, затем Анвар с хозяином «форда» пошли, что-то обсуждая, к институтскому парку. Остальные смотрели им вслед.

— Кто это?— нарушил напряженное молчание Цилиндр.

— Мамай,— чуть слышно ответил Георгий.

Цилиндр впился взглядом в медленно удалявшуюся фигуру. Это и был тот самый Мамай. Тот самый *авторитет*, о могуществе и жестокости которого ходили легенды. Человек, живший по законам, придуманным им самим и такими же, как он. Человек, с ведома или по команде которого был похищен Леха Каин.

Андрей не испытывал ни страха, ни благоговейного трепета. Ему просто было интересно рассмотреть Мамаю. Как дети в зоопарке рассматривают жирафа или носорога. Он смотрел, но не видел ничего особенного, что могло бы запомниться, как-то выделить этого монстра из людского потока, с ревом перетекавшего неподалеку через переход к универмагу. Да и что особенного могло быть в облике русского мафиози?

Анвар и Мамай тем временем остановились. Было ясно видно, что они спорят. Более эмоциональный осетин начинал красочно жестикулировать. Мамай стоял засунув руки глубоко в карманы брюк и отвечал, выразительно поводя широкими плечами.

— Что-то не так?— Цилиндр начал волноваться.

— А! Спокойно!— махнул рукой Георгий.— Или ты что, хочешь, чтобы Мамай так вот все выложил, да?

Цилиндр пожал плечами. Он, конечно, понимал, что какие-нибудь сложности обязательно возникнут, но надеялся на большую осведомленность провожатого.

— Сейчас побазарят, перетрут все...

Георгий попытался закинуть ногу на ногу, но колени уперлись в переднее сиденье. Тогда он открыл дверцу и выставил ноги наружу.

Анвар оглянулся, заметив, что дверь машины открылась, но тотчас снова вернулся к беседе с Мамаем. Мужчины медленно возвращались, продолжая спорить. Судя по накалу страстей, найти устраивавшее обе стороны решение не удавалось.

Наконец, исчерпав заготовленные аргументы, они остановились и замолчали, переводя дух. Мамай сделал знак двум своим провожатым, и те направились к нему.

Одновременно с этим со стороны универмага показался еще один человек, почти бегом приближавшийся к месту переговоров. Цилиндр узнал его: это был тот самый Гена, вероломный компаньон Лехи.

Заметив бегущего человека, Георгий выхватил откуда-то из-под сиденья пистолет и поднял левую руку, очевидно подавая сигнал кому-то, кто не был виден участникам встречи, — засадному полку, призванному страховать группу Анвара.

— Это тот самый Гена, — поспешил успокоить всполошившихся бандитов Цилиндр.

Но Георгий продолжал держать оружие наготове, а руку поднятой до того момента, пока Гена не подошел к стоявшим и не раскланялся.

«Не все так просто у этих осетин, — подумал Цилиндр. — Интересно, сколько человек сидят в засаде и насколько далеко они готовы зайти, выполняя свой долг? Неужели по команде Георгия засевшие где-то в кустах и в припаркованных неподалеку машинах боевики открыли бы стрельбу в столь оживленном месте? А если не стрельба, то что было предусмотрено на случай нападения?»

— Пошли.— Георгий, быстро убрав пистолет в тайник, выскочил из машины, махнул Цилиндру рукой, призывая следовать за собой, и зашагал к месту толковища.

Цилиндр поспешил за ним. Он шагал к группе стоявших людей и, как обычно, бегло осматривал стоявших, пытаясь определить, что они собой представляют. Скользя по обуви и одежде, Цилиндр пробежал взглядом по лицам и «зацепился» за устремленные на него глаза Мамай. Большие, ярко-зеленые радужки и крохотные антрацитно-черные, походящие на икринки, зрачки. Такие глаза рисовали святым иконописцы: глубокие, ясные, глядящие спокойно и прямо. Кажется, что такие глаза могут принадлежать только человеку, безусловно доброму и безраздельно открытому.

Цилиндр едва не споткнулся о выбоину на асфальте. Если бы не эта помеха, он, скорее всего, так и не смог бы оторваться от созерцания этих глаз.

Мамай тоже изучал его. Трудно сказать, какое впечатление произвел на мафиози свежеспеченный кредитор, предъявляющий столь веско свои права на то, что уже почти стало собственностью Орды. Вряд ли облик Цилиндра впечатлил кого-то. Но человек, чьи интересы столь ревностно защищал весьма крупный клан кавказцев, был, без сомнения, личностью неординарной и достойной внимания.

— Это — Цилиндр, это — Георгий,— представил подошедших Анвар. Цилиндр не без удовольствия отметил, что его осетин представил первым, подчеркивая тем самым значимость его персоны и требуя соответствующего уважительного отношения.

— Мамай.— Мамай широко улыбнулся, протягивая Цилиндру руку, и тот на долю секунды засомневался, нужно ли принять этот жест приветствия, но времени ни на раздумья, ни даже на то, чтобы перехватить взгляд Анвара, не было. Цилиндр пожал протянутую руку.

Никак не вязался облик этого приятного, статного человека с образом лидера преступной организации.

— Васек, Голова,— в свою очередь представил Мамай человека в камуфляже и дядьку в висящем костюме.— Геннадия, полагаю, представлять не нужно?

Васек протянул руку для пожатия. Голова остался стоять неподвижно.

— Итак, джентльмены,— потирая руки и улыбаясь, словно тамада за праздничным столом, заговорил Мамай,— у нас тут возникло некое затруднение. По большей части, как я понимаю, из-за «капусты». Поскольку истцом в данной ситуации выступает господин Цилиндр, думаю, стоит для начала послушать его мнение. Логично?

Никто не возражал. Все повернулись к Цилиндру.

Андрей не ожидал, что ему придется не просто врать относительно якобы существующих долгов Лехи, а играть первую скрипку.

— Ну,— бодро начал он, лихорадочно выстраивая первую фразу своего импровизированного монолога.

— Говори как есть,— поддержал его красочное вступление Анвар.— Сколько должен, когда брал, когда должен был возвращать...

Анвар говорил еще что-то. Цилиндр обливался холодным потом. Реплика Анвара давала несколько секунд, чтобы собраться с мыслями, но тот поток цифр, который должен был последовать вслед за этим, приводил Андрея в ужас: что, если Леха уже ответил на эти вопросы и ответы не совпадут? Что, если сам Анвар уже назвал какие-то цифры?

Не такой уж Анвар гений-дипломат, раз допустил возникновение такой ситуации, раз не подготовился, не составил плана действий, а пустил ключевой разговор на самотек. Так облажаться!

Цилиндр дал Анвару закончить инструктаж, облизнул пересохшие от волнения губы, но не успел произнести ни слова. Снова заговорил осетин.

— Я просто не стал играть в испорченный телефон, да?— обратился он уже к Мамаю.— Я знаю, что есть долг, есть Цилиндр, есть вы... Побазарьте напрямую: чего, сколько. Мы люди грамотные, зря ссориться не будем, да? Я не стал вникать, сколько там, чего... Мне зачем? Просто Цилиндр хороший парень, но понятий не имеет. Я тут вроде как его адвокат-советник...

Старый лис! Не так он оказался прост. Вроде бы уточняя свою позицию, недвусмысленно дал понять Цилиндру, что никаких цифр названо не было.

— И видишь,— Анвар снова обратился к Андрею,— оказалось, люди не в курсах, что Леха этот должен еще кому-то. Нужно просто спокойно перетереть все, туда-сюда...

Ну, вот и ответ на первый вопрос: с Лехой еще никто не разговаривал на эту тему. Значит, можно смело плести все, что в голову придет.

— Когда открывалось кафе,— Цилиндр заговорил спокойно и уверенно,— у нас с Лехой были общие бабки...

До известной степени это было правдой. Часть денег действительно была общей, но, поскольку Цилиндр не испытывал желания заниматься кафе, а деньги лежали без дела, Леха какое-то время «покрутил» эту сумму, немедленно вернув ее, когда Цилиндр решился-таки начать собственное дело. На сегодня никаких взаимных долгов между друзьями не существовало, за исключением разве четырехсот рублей, проигранных Цилиндром в «преф» две недели назад.

— Я согласился дать их в кредит...— продолжал плести небылицы Цилиндр.

— Под проценты?— подал голос Голова.

Цилиндр посмотрел на Анвара. Тот утвердительно двинул веками.

— Конечно!— очень натурально возмутился Андрей.— Даром даже прыщ не вскочит...

Цилиндр редко пользовался столь грубым жаргоном, и последняя фраза прозвучала несколько фальшиво.

— Значит,— снова вмешался Голова,— ты сидишь на жопе ровно, а корешок твой крутится, бабки заколачивает?

Цилиндр несколько растерялся от подобного поворота разговора и от агрессивности мужичка. Анвар никак не реагировал на эти реплики.

— Во-первых, я тоже работал, во-вторых...— Цилиндр решил отбиваться самостоятельно.

— Ты не гони, понял?— Голова, перебивая Цилиндра, уже повысил голос, подавшись вперед.— Тебе вопрос задают, понял? Отвечай на вопрос!

Тон этот — безусловно, хамский — задел Цилиндра за живое, но, снова взглянув на спокойно стоящего Анвара, он решил не подавать вида. В самом деле, не призывать же этого бомжеобразного ханыгу изъясняться литературным языком!

— А ты что, всем все даром раздаешь?— с усмешкой переспросил он Голову.

— Я, падла, чужую кровь не сосу, понял?!— В голосе Головы появилась характерная патетическая хрипотца. Он рванул на себе ворот рубахи (недостаточно, впрочем, сильно, чтобы порвать ее).— Я корешу последнюю пайку отдам, понял? — Голос дядьки сорвался на фальцет.

— Ну и отдавай — хоть последнюю, хоть предпоследнюю,— примирительно махнул рукой Цилиндр. Он собирался уже было вернуться к теме долга, но Голова вдруг подскочил к нему вплотную и захрипел, вытягивая тощую шею вверх, словно пытаясь клонуть Андрея в подбородок.

— И отдам, понял, сука?!— Он сорвал с головы кепку, обнажив обритую наголо макушку, на которой были наколоты какая-то картинка и надпись.

— Ну и отдавай!— Андрей тоже начал повышать голос, теряя терпение.

Голова нещадно брызгал слюной, и Цилиндр брезгливо попятился.

— И отдам!— почти в полную силу закричал уголовник, потрясая исколотым перстнями, якорями и еще чем-то кулаком.— И отдам, понял? А ты мне не указывай, что делать, понял?!

Цилиндр посмотрел на Анвара, ища поддержки, но тот и бровью не повел, словно сидел в партере и наслаждался рядовым спектаклем.

— Ты что, хочешь мне объяснить, что делать?!— бился в истерике Голова.— Ты кто такой?— Он снова рванул ворот, и на сей раз пуговица отлетела и покатила по асфальту.— Ты, фраер вонючий, ты что, решил, что можешь мне преподать?

Это было, с точки зрения Цилиндра, явным перебором. Нужно было поставить уголовника на место. Но как? Может быть, этот шут гороховый специально провоцирует его?

— Ты, барыга поганый, из-за тебя люди пупы рвут...

— Ты свой, надеюсь, не надорвал?— огрызнулся Андрей.

— Что?!— Уголовник схватил Цилиндра за рубашку, за грудки.— Да я тебя сейчас, козел вонючий, на фашистский крест порву!

— Давай!— Голос Анвара прозвучал неожиданно и необычно низко.

Голова обернулся и выпустил рубаху Андрея, уже готового врезать этому наглому старикашке по его татуированной лысине.

— Ну что же ты?— Анвар сделал приглашающий жест.

Цилиндр еще не понял, что за дебют разыгрывают профессионалы разборок, но почувствовал, что осетин, улучив момент, сделал какой-то ловкий ход.

— Давай,— продолжал Анвар.— Порви его на крест. Ты же обещал. Давай, если ты мужчина. Покажи, что стоит твое слово. А потом я посмотрю, что от тебя останется...

— Ты что, хочешь проверить мое слово?!— взвыл уголовник. Застать его врасплох было непросто.

— Ладно, хватит!— поспешил вмешаться Мамай.

Голова мгновенно успокоился, напялил свою кепку на макушку и, отойдя на три шага, замер, заложив руки за спину. Цилиндр понял, что это была своеобразная артподготовка, проверка. Судя по всему, экзамен этот Андрей выдержал.

— Значит, у вас есть претензии к этому Каину?— Мамай говорил спокойно, без тени эмоций.

— Есть,— подтвердил Анвар.

— Сколько?— приподняв бровь, спросил Мамай.

— Ну, тут ведь как посмотреть...— Осетин задумчиво потер переносицу.

— Дело не в том, сколько...— вмешался Цилиндр, которому показалось, что сейчас Мамай просто согласится с той суммой, которую назовет Анвар, и вопрос будет исчерпан. Андрей осекся под осуждающим взглядом осетина.

— Дело в том, что он должен полторы сотни...— продолжал Анвар, изучая реакцию Мамаю на названную цифру. Мамай никак не отреагировал, продолжая спокойно слушать.

— Но там всякие проценты-шмаценты...— Осетин сделал неопределенный жест рукой.

— Кафе целиком столько не стоит,— заметил Васек как бы между делом.

Мамай согласно кивнул и развел руками, давая понять, что согласен с этим замечанием.

— Не стоит,— с готовностью согласился Анвар.— Но пока есть живой человечек на рыбном месте, с него можно что-то поиметь. А когда он вдруг исчезает...

— Не вдруг, Анвар.— Мамай широко улыбнулся, словно отвечал на поздравительную речь, а не обсуждал серьезную проблему.— Не вдруг, дорогой, и ты это знаешь...

— А!— Анвар протестующе вскинул руки.— Что я такое знаю? Я слышал, что у вашего Гены были какие-то непонятки с Каином. И что?

— Проблемы, Анвар, — снова встрял в разговор Васек. — Проблемы были. И притом довольно серьезные.

— А! Что мне *твои* проблемы?! У меня своих хватает. — Анвар начинал раздражаться.

— Нет, Анвар, подожди...

Если Голова играл роль злого сторожевого пса, то Васек, очевидно, был чем-то вроде референта при Мамае. Мамай не мешал ему говорить, лишь с достоинством кивал в такт его словам.

— Мы решаем свои вопросы. — Васек сделал паузу, желая убедиться, что с этим утверждением никто не спорит. — Решаем так, как считаем нужным. И тут появляешься ты, разводишь базар, что тебе, дескать, на мозоль наступили. И что?

— И все! — жестко отрезал Анвар. — Вы залезли на чужую грядку.

— Не совсем так, — покачал головой Васек. — Но грядки у нас пересеклись. Нужно как-то разделить: кому что.

— А! Не хочу я делиться! — Анвар рубанул ребром ладони воздух. — Какого хрена мы будем делить мои бабки?

— Почему твои? — искренне удивился Васек. — Он же не тебе должен? Правильно я понимаю?

— Он должен этому парню. — Анвар схватил Цилиндра за локоть. — А если этот парень теряет бабки, значит, я тоже теряю. Что не ясно?

— Нет, Анвар, а при чем тут мы? Мы берем свои бабки...

— Не свои! — взорвался Анвар. — Не свои! Я кормлюсь с этого кафе, понял? Почему вы руки к моей пайке тянете? Что за дела?!

То ли Анвар и впрямь разошелся, то ли играл роль распалившегося спорщика. Шея его налилась кровью, губы потемнели, на лбу выступила испарина.

— Ты хотел мои бабки, мою пайку просто взять и забрать! — Теперь осетин развернулся к самому Мамаю и говорил, указывая пальцем в грудь собеседника.

— Я что, фраер поганый, лох, которого можно просто так обуть, да?!— Анвар почти кричал, яростно жестикулируя, иногда едва не задевая лицо собеседника.

— Нет, Анвар.— Мамай снова улыбнулся. Он слушал осетина совершенно спокойно, даже не делая попытки отстраниться от наседающего толстяка.

— Во-первых,— Мамай смахнул с плеча невидимую соринку,— никто не знал, что в этом кафе есть твой интерес...

— Теперь знаешь?— прорычал Анвар и, не дожидаясь ответа, поставил точку: — А раз знаешь, то чтоб сегодня Каин был дома, и будем разбираться с этим козлом.

Осетин ткнул пальцем в лицо Гене, угодив в полуоткрытый рот.

Гена охнул, схватившись за лицо, и отступил на шаг.

— Кровь!— С истошным криком Голова бросился вперед.— Кровь! Западло!

Цилиндр шарахнулся в сторону, но не от испуга, а от неожиданности.

Анвар никак не среагировал, и Голова застыл с поднятыми вверх руками в шаге от осетина. Васек наблюдал за реакцией Мамай, тот задумчиво переводил взгляд с Головы на Гену и молчал.

— Мамай,— впервые подал голос спутник Анвара,— уйми своего пса. Давай поговорим серьезно, да?

— Кто пес?!— вскинулся было Голова, но, снова не ощутив поддержки, сплюнул себе под ноги и зашагал прочь.

— Вышло недоразумение,— продолжал спутник Анвара.— Вы наехали на нашего человека.

Мамай театрально вскинул брови.

— Ну, будем так считать для простоты,— поправился осетин.

— Будем,— кивнул Мамай.

— Короче, как бы оно ни было, ты наехал (причем круто наехал) на фраера. Безо всякой причины...

— Подожди, Рустам,— вмешался Васек.— Тут, во-первых, такая же ситуация, как и у вас: мы конкретно не при

делах. Да, наши ребята увезли этого парня. Так ведь не просто так! Пришел человек (Васек показал на Гену), попросил помощи. С вашим Лехой говорили, бабки предлагали, то-се...

— Что за помощь?— снова заговорил Анвар.

— Видишь ли, пришел человек (снова жест в сторону Гены), попросил бабки для раскрутки. Дали. Дело пошло, а доход — слезы. Стали выяснять, в чем дело. Оказалось, компаньон не хочет делом заниматься. Как быть? Предложили человеку нормально работать. Нет. Ладно. Предложили бабки. Снова нет. Сам посуди, Анвар, мы теряем. Должны мы были что-то делать?

— Что значит «не хотел делом заниматься»?— осведомился Рустам.

— Мы предлагали открыть ресторан, казино. Зарабатывать нормальные бабки...

— А кто сказал, что это дало бы больше бабок?— Рустам словно отчитывал собеседника.

— У Гены есть расчеты...

— У какого Гены?!— вскинулся Анвар.— Кто такой этот Гена? Он кто вообще?

Анвар повернулся к отиравшему кровь с распухшей губы Гене, и тот попятился под его грозным взглядом.

— Ты кто, козел, а?— Анвар сделал выпад, словно собираясь снова ударить коммерсанта. Тот испуганно отпрыгнул.— Ты много в этом кафе работал?— продолжал наседавать осетин.— Ты много там сделал? Ты много там знаешь, а? Кого ты слушаешь?!— Анвар развернулся к Мамаю.— Набрал козлов...

— Анвар,— Мамай был по-прежнему невозмутим,— ты следи за базаром...

— За каким базаром я должен следить?— Анвар разошелся не на шутку.— Ты бабки вложил в кафе? Я тоже вложил! Какого же ты решаешь, что делать? Ишь ты, взял и увез человека в лес. С чего? Если сейчас я

начну всех мочить, знаешь, сколько мяса будет по улицам валяться?

— А что ты орешь?— Не повышая голоса, Мамай попытался говорить в тон осетину, но тот снова перебил его.

— Я ору на беспредельщика, да?— Анвар рубанул рукой воздух.— Ты не по теме потянул, понял? Можешь разбираться со своими уродами сам, понимаешь, да? Это — твои дела. А мне нужен парень и бабки за его простой, за мое время и за весь этот геморрой, да? Десять штук!

— Ты на кого орешь?— тихим шепотом переспросил Мамай.— Я тебе что, поц?

— Твои козлы *бочину* допустили? Вот если ты мужчина — поставь их на бабки, да?

— Ты меня не лечи...

— Я еще не лечил!— Анвар сорвался на крик.— Ты быков да ментов набрал, думаешь, крутой очень? «Калашников», он, знаешь, уравнивает шансы.

Цилиндр наблюдал за этой перепалкой, переходившей во все более страшные взаимные угрозы. На его взгляд, дело пахло жареным. Он вспомнил про «засадный полк», которому подавал сигналы Георгий, и озабоченно посмотрел в сторону посадок. Если вдруг начнут-таки стрелять, то не хотелось бы попасть под пули.

Вместе с тем он жадно ловил каждое слово, отмечая между прочим, что никогда не смог бы принять участие в подобном споре. Было непостижимо, что на первом месте не человеческая жизнь, а проблемы «должен — не должен», «потерял — заработал». Логика, аргументация и шкала ценностей у людей этого сорта были непостижимы для обычного человека. Обман, оскорбление, убийство почитались за доблесть, а верность слову и привычка верить другим, порядочность по отношению к компаньонам — проявлением глупости или трусости.

— Короче,— заключил Анвар уже спокойно.— Завтра Леха с десятью штукарями должен быть дома, да?

— Ты что, мне условия ставишь?— В голосе Мамаю вновь послышалась угроза.

— Я не ставлю,— отрезал Анвар.— Я уже поставил.

Развернувшись, Анвар зашагал к машине. Рустам двинулся следом, не спеша, однако, поворачиваться к противнику спиной.

— Э, Анвар! — Мамаю говорил лениво, словно досадуя на то, что приходится прилагать какие-то усилия, но та поспешность, с которой он окликнул собеседника, выдавала его заинтересованность в результатах встречи.— Мы не договорили.— Это прозвучало примерно как директорское «я вас не отпускал».

Анвар круто развернулся.

— Не договорили, да?— Лицо осетина пылало гневом.— А ты как говоришь? Я тебе кто, мальчик, да? — Он повернулся к Цилиндру.— А, обождите в машине,— сделал он небрежный жест и зашагал в сторону, давая понять Мамаю, что хотел бы говорить без свидетелей. Мамаю принял это приглашение и двинулся за ним.

Цилиндр вернулся к машине и, заняв свое место на заднем сиденье, наблюдал за финалом беседы главарей из окна. Рустам отошел к «тойоте», свита Мамаю собралась вокруг своих машин.

Анвар размахивал руками, что-то возбужденно доказывая собеседнику, Мамаю отвечал спокойно, не пытаясь успокоить разбушевавшегося осетина.

Минут через пять они разошлись в стороны. Анвар быстро зашагал к «тойоте», Мамаю медленно пошел к своим.

Осетин в возбуждении почти подбежал к своей машине и уже открыл было дверь, но в последний момент передумал и, захлопнув ее, подошел к «девятке» и сел на переднее сиденье.

Еще не успев закрыть дверцу, Анвар разразился длинным потоком ругательств на двух языках, делясь с пассажирами своими негативными впечатлениями от общения

с такими, как Мамай, и подобными ему, «козлами безрогими».

Не прерывая своего монолога, Анвар дал знак водителю, и машина тронулась в направлении кольцевой.

Несколько выпустив пар, осетин перешел к клятвам произвести с Мамаем, его родственниками и соратниками ряд известных действий, скорее сексуального, нежели финансового или силового плана.

Затем Анвар обернулся к Андрею:

— Короче, я ему сказал, чтоб завтра Леха был на месте, да? С десятью штуками. Бабки я себе оставляю, да? И этого Гену мы уберем из кафе. Или вы доплатите за его долю, или Мамай своего человека поставит. Еще не решали.

Цилиндр был просто ошарашен столь триумфальным завершением так тяжело начинавшихся переговоров. Так просто! Пять минут беседы один на один, и грозный Мамай сложил оружие и принял условия Анвара. Это было невероятно!

— И он согласился?— чувствуя, как слезы восторга душиат его, полушепотом спросил Андрей.

Анвар на секунду задумался.

— Я ему сказал, чтобы было так,— ответил бандит.

Цилиндр был, мягко говоря, разочарован. Оказывается, это был всего лишь поставленный, но не принятый ультиматум. А зная тенденцию бандитов преувеличивать свои успехи, нельзя было принимать на веру даже перечисленные пункты этого ультиматума. Пока его условия не приняты, Анвар может рассказывать любые сказки о ходе переговоров, сославшись после на то, что пришлось пойти на некоторые уступки.

— А если он откажется?— осторожно поинтересовался Цилиндр. Не стоило задевать самолюбие осетина, да и сам вопрос был риторическим, ибо Анвар мог ответить что угодно, продолжая фантазировать на заданную тему.

— Он? Откажется?— Анвар, казалось, был искренне удивлен наивностью собеседника.— Он кто такой, э?— Толстый осетин завозился на сиденье, стараясь возможно больше повернуться к сидящему за спиной Андрею.— Пацан! Он же не блатной! Он такой же фраер, как и этот Гена. Может, завалил пару человек, да, но фраер всегда будет фраером. Его дело — молчать и сосать, да? А если не сделает, то все воры на него потянут. Мокрого места не останется. Он кто такой, а?

Анвар снова начал распятыся, и Цилиндру показалось, что на сей раз он не на шутку возмущен скептицизмом своего подзащитного.

— Я — вор, да? Я в законе, понял? Он — никто. Любой сходняк его на место поставит. Беспредельщиков никто не потерпит, а за него никто не впишется. Его до сих пор почему не трогали? Он не мешал никому. А начнет взбухать, я его...

Последовали новые литературно-непечатные изыски относительно морального облика Мамай и описания тех необычных, с точки зрения семьянина, мер пресечения, которые Анвар грозился применить к нему.

Закончив речь, Анвар сел прямо и стал с обиженным видом следить за проносящимися за окнами домами.

Цилиндра одолевали сомнения. С одной стороны, ему не очень-то верилось, что Мамай вот так вдруг подчинится требованиям Анвара, руководствуясь некими не очень понятными воровскими законами, которые, по мнению Андрея, существовали и соблюдались только в детективных романах и так называемых «романах» самих блатарей. С другой стороны, осетин слишком уверенно и убежденно говорил о результатах переговоров и дальнейшем ходе событий.

Машина мчалась по кольцевой все с той же сумасшедшей скоростью, но уже в обратном направлении. Георгий молчал, глядя на дорогу через плечо водителя. Анвар лишь изредка принимался ворчать что-то на родном языке,

но обрывал фразу на середине и снова погружался в раздумья. То ли старый осетин был возмущен поведением Мама, то ли выражал недовольство неверием Андрея в могущество вора в законе.

«В конце концов,— думал Цилиндр, рассматривая яркие брелки, болтающиеся над лобовым стеклом,— какое мне дело до того, чем он недоволен? Бандиты взялись за это дело не по доброте душевной, а с конкретным расчетом. Это их работа, их хлеб. Пусть думают, как вытащить Леху».

Цилиндр ощутил первые признаки накатывающего раздражения. Он не знал подробностей разговора, не мог оценить результаты встречи, не мог определить, «на каком он свете». Одним словом, не знал, радоваться ему или горевать. В определенном смысле, ситуация стала еще более запутанной и сложной. До этой «стрелки» существовало две реальные альтернативы решения вопроса: бандиты и менты. Если бы не получилось у одних, возможно, что другие смогли бы чем-то помочь. Но для того, чтобы выбрать, необходимо было видеть результат. Загадочные детективы, по рассказу Зули, напустили такого тумана, что разобрать, что в этом тумане происходит, не было никакой возможности. С Анваром же... То ли поверить его теории о всевластии блатных законов, то ли считать Орду достаточно мощной структурой, которая может послать агрессивного гостя столицы подальше.

Нужно было связаться с Мишей. Может быть, у него есть новости от сыщиков.

Цилиндр посмотрел на часы. Полдень. С момента исчезновения Лехи прошло почти шестнадцать часов. Сдвинулись ли они с мертвой точки? Помогли ли другу? Или потратили эти часы впустую, обрекая Леху Каина на... На что? Что они могут с ним сделать?

— А, Цилиндр,— Анвар прервал его раздумья.— Тебя куда подбросить?

— Да я...— Собственно, в том, что Андрей едет к другу, не было ничего особенного, но какой-то внутренний пре-

дохранитель требовал выйти в другом месте, и Цилиндр назвал другой адрес.

— Пивка купить, да?— осклабился Анвар.

— Что?— переспросил Андрей, не сразу сообразив, что просит высадить его в двух шагах от оптового рынка, но, уловив смысл вопроса, закивал:— Да, да. Нужно малость расслабиться.

Анвар не удосужился повторить задачу Батыру. Тот сам свернул, где было нужно, скользнул дворами на нужную улицу (очень хорошо для иногороднего знал этот парень Москву!) и, проигнорировав развешенные в изобилии по столбам знаки, затормозил почти у самого входа на рынок.

— Ну,— Анвар протянул через плечо руку,— до встречи! Мы с тобой свяжемся. Постарайся не теряться, хорошо?

— Хорошо.— Цилиндр пожал протянутую руку, попрощался с Георгием и вышел из машины.

Пришлось зайти на рынок, тем более что упоминание о пиве всегда вызывало у Цилиндра усиленное слюноотделение.

Купив шесть бутылок «Экю Рубин», Цилиндр вышел на улицу, спустился в метро и через двадцать минут был уже у Зули.

Тот ждал его с нетерпением.

— Ну что?— Тон, которым был задан вопрос, предполагал односложный ответ.

Цилиндр со вздохом вручил другу пиво и спросил одними губами:

— Где?..

— Пошла в магазин.— Зуля досадливо махнул рукой.— Что там у тебя, как все прошло?

— Честно? Черт его знает!— выдохнул он, отведя глаза и протискиваясь мимо застывшего в дверях Зули в прихожую.

— В смысле?— Зуля попытался улыбнуться, не зная, как реагировать на подобный ответ.

— В смысле, Анвар считает, что все — в лучшем виде.

— Что значит «Анвар считает»?

— Да, понимаешь, встретились, покричали, разошлись... Анвар выдвинул Мамаю ультиматум и считает, что тот его непременно примет.

— Так.— Зуля покачал головой, поняв, что услышать что-либо лаконичное, но емкое ему не придется.— Проходи, сейчас расскажешь подробно.

Они прошли в кухню и уселись за стол.

Открыв два пива, Цилиндр начал свой рассказ о поездке. Миша слушал молча, не перебивая, изредка делая небольшие глотки из своей бутылки. По окончании рассказа он со злостью хлопнул себя по колену:

— Вот и угадай, кого слушать!

— А от этих...— Цилиндр сделал жест, словно поправлял на голове фуражку.

— Молчат.— Миша досадливо махнул рукой.

— А ты Ксюхе не звонил?

— Звонил утром... Не будешь же названивать через каждые пять минут! Они же слушают.

— А может,— Зуля задумчиво поковырял ногтем край этикетки,— и *те* слушают...

— Мамай?

— А почему нет?

Цилиндр вспомнил милиционера, приезжавшего с Мамаем. Почему, в самом деле, ему не иметь более высокопоставленных друзей в органах? Но если так, то, возможно, Мамай в курсе следствия по похищению...

Подумав немного, Цилиндр отбросил эту мысль. Имей Мамай такую мощную поддержку, разве стал бы он ломать комедию с Анваром? Стал бы он вообще с ним разговаривать? И если бы Мамай узнал о том, что Миша с Оксаной предприняли подобные шаги, разве не принял бы он соответствующих мер?

Нет, милиция будет худо-бедно распутывать этот узел со своей стороны, а горцы пусть шевелятся со своей.

— Вряд ли,— сказал Цилиндр вслух и покачал головой.— Конечно, подключиться к узлу АТС они могли, но это было бы глупо: при нынешней технике, спецура их мигом накроет.

Миша грустно улыбнулся:

— Да, Андрей, если предположить, что Мамай контролирует ментуру, то остается просто-напросто накрыть голову медным тазом и ползти в сторону китайской границы. Так что давай считать, что сыщики хоть и не ловят ни мышей, ни воров, но, по крайней мере, не помогают им.

— Ладно.— Цилиндр поставил опустевшую бутылку к ножке стола.— Что дальше-то делать будем?

Зуля задумался:

— Вообще-то пинкертонеры велили делать вид, что все путем. Так что надо трогаться в направлении рабочих мест.

Мысль была здравая. Раз друзья не могли организовать поиски самостоятельно, то что толку было в их сидении дома с пивом? С другой стороны, чувство долга, потребность делать что-то, чтобы помочь, не давали покоя, требуя действий. Но каких? Разумного ответа на этот вопрос не было.

— А если позвонит Оксана?— Цилиндр задал единственный оставшийся в обойме вопрос.

— Ну, у меня-то пейджер,— пожал плечами Зуля.— Потом, на рынке есть телефон. А ты у нас занимаешься линией криминальной, и тебе лучше вообще держаться в стороне. Вы, кстати, как с Анваром договорились?

— Договорились, что он со мной свяжется.

— Ну, вот и поезжай в цех.

Зуля поднялся из-за стола и, подхватив с пола бутылки, поставил их в мусорное ведро.

— Логично,— проворчал Цилиндр. Ему все же казалось, что мысль продолжать заниматься своими делами, когда Леха неизвестно где, отдает махровым святотатством. Но ничего возразить он не мог.

— Ладно.— Он тоже поднялся.— Поедем по станкам. Но если что-то прояснится, сразу звони мне, лады?

— Ты в последнее время стал крайне скептически относиться к моим умственным способностям. Конечно, позвоню, и, надеюсь, тебя не нужно дополнительно просить о том же?

Пейджер на ремне у Зули запишал.

Зуля нажал клавишу и прочел сообщение.

— Это с рынка,— ответил он на немой вопрос Андрея.— Ну, по коням?

— По коням.

Друзья быстро обулись, Зуля уже взялся было за ручку двери, когда замок щелкнул, и вошла Катя.

Увидев Андрея, девушка переменилась в лице.

— Что случилось?— повернулась она к Зуле.

— Ничего пока,— пожал тот плечами.

— А куда вы собрались?— Катя остановилась в дверях, словно намеревалась задержать мужчин, в случае если их ответ не устроит ее.

— Я на рынок, Андрей в цех. На работу, словом.

— Правда?— повернулась она к Цилиндру. Тот кивнул.

— Новостей никаких?

— Никаких.— Зуля снова пожал плечами.

— Ну, ни пуха.— Катя понесла пакеты со снедью в кухню.

Когда друзья вышли из квартиры и дверь за ними закрылась, Цилиндр остановился и подозрительно посмотрел на друга.

— Ты что, рассказал ей?

— Если бы!— Зуля всплеснул руками.— Сама догадалась.

— О чем догадалась?— недоверчиво переспросил Андрей.

— Ну, не обо всем, конечно, но о том, что с Лехой что-то случилось и что мы пытаемся его вытащить,— точно.

— Как же это?

— Не знаю.— Зуля нажал кнопку лифта и под этим предлогом отвел взгляд.— Наверное, это женская интуиция.

Цилиндр шумно вздохнул:

— Не хотелось бы, чтобы эта самая интуиция зашла слишком далеко.

— Не зайдет,— буркнул Миша, входя в кабину.

— Будем надеяться.

ГЛАВА VI

Оксана была девушкой привлекательной. Не сказать, что идеал красоты, но симпатичная. Раскованность, женственность и безупречный вкус заставляли мужчин обращать на нее внимание. Еще в школе она не знала отбоя от парней, желавших завести с ней дружбу. Ко времени, когда девушка сменила школьную парту на студенческую скамью, симпатичное личико гармонично дополнила изящная и удивительно пропорционально сложенная фигура. В сочетании с природной грацией, умением одеваться и держать себя Оксана являла собой одну из наиболее ярких звезд на институтском небосводе.

Молва, как водится, украшала биографию девушки живописными амурными штрихами. То проносился слух о некоем «папике», с которым кто-то видел ее в одном из арбатских кабаков. То кто-то из сокурсников подливал масла в огонь, туманно намекая на свою осведомленность о том, что красавица предпочитает на завтрак, или о том, какая ваза стоит в ее спальне. Пару недель гулял по институту слухок о якобы завязавшейся у Оксаны дружбе с некоей Лилей с четвертого курса. Лилия обожала эпатировать окружающих своими суждениями и поступками, не скрывая, в частности, того, что явно предпочитает представительниц своего пола «тупым мужланам» (это, кстати ска-

зять, было ее наименее уничижительное определение для мужской половины человечества).

Все эти слухи, однако, быстро умирали, не получая никаких реальных подтверждений. Те же, у кого личная жизнь окружающих продолжала вызывать нездоровый интерес, ломали головы, напрягали уши и пялили глаза вслед удаляющейся в сторону метро загадочнейшей личности Оксаны Кореевой, в надежде найти новую тему для вольных импровизаций.

Оксана не ходила на дискотеки, не принимала приглашений на дни рождения или же покидала их, едва отбыв приличествующее время. Не раз и не два кто-то из ребят пытался проводить ее с занятий, но каждый раз девушка ловким маневром отделялась от кавалера уже в метро.

Неудивительно, что подобный образ жизни не прибавлял ей ни подруг, ни друзей, но разжигал любопытство у любителей сплетен.

Тем не менее Оксана отнюдь не была человеком замкнутым. Напротив, она с превеликим удовольствием общалась с товарищами в перерывах, на лабораторках, консультациях и тому подобном, обнаруживая живой ум, редкое чувство юмора и довольно глубокие познания в различных, порой весьма неожиданных, областях. Пока шли занятия, она была неотъемлемой частью группы. Но едва преподаватель объявлял об окончании последней пары, Оксана, словно Золушка, бесследно исчезала в недрах метро, чтобы на следующий день вновь блистать красотой и остроумием.

Впрочем, в отличие от героини сказки, Оксана ни разу не теряла туфельки (а сколько «принцев» побило бы себе носы и лбы, пытаясь первым подхватить драгоценную находку) и ни разу не подала ни одному из своих многочисленных воздыхателей тени надежды на благосклонность.

К концу первого курса общественное мнение об образе жизни Оксаны устоялось. Студенческая братия не могла считать за норму неприятие одним из них общепринятого образа жизни. Человек, не участвующий в забавах, не име-

ющий пороков, автоматически становится белой вороной. Времена, когда действовал принцип «раз не пьет — значит, стучит», прошли, и нужно было подобрать более правдоподобное объяснение. Отбросив версии о «папиках» и женихах на стороне, отказавшись от гипотез о предрасположенности к женщинам (а равно животным, подросткам и прочим изыскам), вычеркнув из списка также любимого-военнослужащего, большинство сошлось на том, что их соученица просто-напросто махровая пуританка, последний «синий чулок». В пользу этого заключения говорил и тот факт, что училась Оксана лучше всех на курсе, а значит, сидела вечерами дома и зубрила до посинения.

Была в этой версии доля истины. Однако существовали две более веские причины тому, что Оксана чуралась близких друзей и компаний.

Первая из них — бабушка. Родители Оксаны погибли несколько лет назад в автокатастрофе. Девушке грозил перевод в интернат, но срочно приехавшая из деревни бабушка избавила внуку от этой участи. Увы, смерть дочери и зятя, хождение по кабинетам ради получения прав опеки над девочкой подорвали силы Екатерины Михайловны. Бабушка слегла и так и не смогла оправиться. Днями за старушкой ухаживала Оксанина тетка, но не позднее семи Оксана должна была сменить ее на посту — тетка работала в ночную смену. Таким образом, ни о каких задержках после занятий, а тем более вечеринках или поездках куда-либо не могло быть и речи. Оксана не решилась бы и пригласить кого-нибудь домой. Не то чтобы она стеснялась больной бабушки или, мягко говоря, небогатой обстановки в квартире (после смерти родителей пришлось многое продать), но сама атмосфера не располагала ни к веселью, ни к отдыху. Вот почему, едва заканчивалась последняя пара, Оксана быстрым шагом направлялась к метро, отклоняя настойчивые предложения проводить и решительно отвергая просьбы более обременительные.

Была и другая причина. Дело в том, что Оксана, хоть и не была лесбиянкой, в целом разделяла взгляды Лили на противоположный пол. И вот почему.

В восьмом классе с Оксаной произошло, по ее собственному определению, несчастье. Девушка влюбилась. Проглотившая еще в детстве бесчисленное число романов о мушкетерах, рыцарях, благородных разбойниках, она вложила в свое первое чувство весь накопленный идеализм, вознеся предмет своей любви на немыслимые высоты, восхищаясь им и наделяя бесчисленными достоинствами, которыми долговязый лохматый юноша не обладал и наполовину.

Неудивительно, что Костя (так звали этого счастливец) с радостью принял предложенную Оксаной дружбу. Они стали часто видаться, ходить в кино и Парк Горького. Он покупал ей мороженое, воздушные шарики и пульки в тире. Она щебетала о всякой ерунде, переполненная и распираемая охватившим ее ощущением полного, безграничного счастья.

Поначалу подростки избегали появления на публике, но с переходом в старшие классы, когда среди сверстников начали проявляться первые пары и окружающие уже не зубоскалили на их счет, а смотрели им вслед с тихой завистью или даже ревностью, Оксана и Костя перестали прятаться.

Костя провожал девушку до ее дома, и влюбленные подолгу стояли в подъезде, болтая обо всем на свете, не в силах наговориться друг с другом и расстаться.

Как-то раз юноша попытался обнять возлюбленную, но, натолкнувшись на решительный отпор, отступил и довольно долгое время не возвращался к этой теме.

Тем временем они перешли в десятый. Многие мальчишки начали бриться, а девчонки (несмотря на решительные протесты и репрессии со стороны преподавателей) краситься и прокалывать уши. Некоторые закурили, кое-кто попробовал нечто более крепкое, чем сухое шампан-

ское. Словом, подростки выросли и всеми силами пытались продемонстрировать, что этот процесс зашел много дальше, нежели полагали их родители и учителя.

Однажды в минуты краткого тайного перекура за углом школы несколько парней затронули давно волновавшую всех тему. Кто-то похвастался, что ему уже несколько раз удавалось сделать *это* с одной знакомой девчонкой из их дома.

Слушатели застыли на мгновение, а потом один из них самым небрежным тоном заявил, что *это* давно уже перестало быть чем-то невероятным. Еще минута, и все стоявшие рядом заявили о своей искушенности. Все, кроме Кости.

Поскольку он промолчал, то немедленно попал под шквальный огонь насмешек.

Оправдываясь, Костя говорил, что дело вовсе не в том, что Оксана против, а в том...

Продолжить фразу растерявшийся и загнанный в угол юноша не смог, что вызвало новый поток издевок. Придя в отчаяние, Костя поклялся, что сделает *это* в самое ближайшее время.

Решительный тон, которым было дано это роковое обещание, заставил одноклассников прикусить языки, и разговор пошел по другому руслу.

Костя надеялся, что история с вырванным у него обещанием сойдет на нет. Но не тут-то было. Прошло несколько дней, и товарищи начали намеками напоминать Косте о его похвальбе. Чем дальше, тем настойчивей и обидней становились эти напоминания.

Поначалу Костя старался не обращать внимания, но не встречавшие сопротивления насмешники входили в раж, начав отпускать двусмысленные шуточки при явно посторонних ушах.

Юноша терзался сомнениями. С одной стороны, он дорожил дружбой Оксаны и ее общество льстило его самолюбию. Может быть, это было и чем-то большим, нежели

просто дружба. Но существовавшее до того проклятого разговора положение вещей вполне устраивало его. Вот только насмешки...

Отрок решил восстановить поправленный авторитет, став «не мальчиком, но мужем» наиболее примитивным и быстрым способом: с помощью влюбленной девушки. И как-то при удобном случае (класс встречал Новый год на чьей-то даче, без взрослых) Костя сделал вторую попытку.

Нет, он, конечно, не сказал о своем пари. Напротив, он говорил о чем-то высоком и светлом, о чистоте своих чувств и о прекрасном будущем, ожидающем их впереди.

Неожиданно для самой себя Оксана уступила. То ли штурм был неотразим, то ли сыграло злую шутку выпитое шампанское. В общем, они оказались в объятиях друг друга на продавленном диванчике в темном чулане. Костя торпливо стянул с нее джинсы, положил на диван, навалился сверху...

Все кончилось в считанные мгновения. Сначала Оксана почувствовала боль, а еще через секунду горячее и липкое нечто брызнуло ей на бедро и потекло по коже на засаленный плюш, чтобы смешаться с каплями крови, упавшими чуть раньше.

Год начался неудачно.

Тем не менее на следующий день Костя поведал замершим от восхищения одноклассникам о бурной ночи, сладких столах и любовных экспериментах, о которых юноша слышал от одного взрослого знакомого.

По школе пошли невероятные слухи. Каждый из слышавших историю из Костиных уст прибавлял к рассказу собственные штрихи, изменившие ее в итоге до неузнаваемости.

Неделю Костя ходил гоголем.

Потом слухи продолжили путешествие по девичьим устам и ушкам. Одноклассницы стали коситься на ничего не

понимавшую Оксану. Наивная же девушка была поглощена переживаниями и страданиями из-за своего потерпевшего фиаско любовника.

Гром грянул неожиданно.

До сих пор осталось загадкой, как легенды о страстях, якобы пылающих между Оксаной и Костей, достигли родительского комитета.

Со всей прямоотой и решительностью, свойственной людям с партийной совестью и гипертрофированным чувством гражданского долга, взрослые бросились спасать «племя младое» от скверны.

Для начала во время очередной диспансеризации была как бы между прочим проведена глобальная проверка всех девушек класса на целомудрие. Проверку не прошли лишь двое. Одна из них — Оксана.

Неизвестно, как результаты проверки стали известны широкой публике. Но, получив реальное подтверждение слухам, классный руководитель сочла себя обязанной вмешаться и, используя прецедент в качестве примера, провести воспитательную беседу среди своих подопечных.

Услышав из уст классного руководителя невероятную историю о своих похождениях, выведенная на середину класса Оксана побледнела, но, собрав волю в кулак, достойно отmelda все предъявленные ей обвинения. Все, кроме одного, главного: любви к «прекрасному юноше». В тот момент она еще наивно полагала, что он стал такой же жертвой клеветников. Поверить в его предательство казалось невозможным.

Юноша же под воздействием родителей, следователя и руководства школы повел себя совсем не так, как того ожидала наивная девушка. Он заявил, что не знает ничего по существу задаваемых ему вопросов.

Дабы ЧП не переросло в уголовное дело, руководство школы подыграло спасовавшему рыцарю и обрушило на несчастную поток новых, еще более страшных и тяжких обвинений.

Во избежание разрастания конфликта Оксану перевели в другую школу. Однако длинный шлейф слухов и пересудов тянулся за нею неотступно. Жизнь девушки стала кошмаром. Построенные ею воздушные замки рассыпались, развеялись в прах, в ничто. Действительность оказалась столь мрачной, грязной и страшной, что однажды Оксана вышла на балкон, закрыла глаза и, перегнувшись через перила, оттолкнулась ногами.

Спасло ее чудо: красивая кованая пряжка ремня зацепилась за выступавший болт, и девушка беспомощно повисла на высоте восемнадцати метров над асфальтовой площадкой двора. Шок отнял все силы, и Оксана не смогла даже подтянуться на руках, чтобы освободиться от спасительной помехи. Так она провисела почти два часа...

Вскоре родители ее погибли в автокатастрофе. По версии ГАИ, папа не справился с управлением и на огромной скорости врезался в опору моста.

Приехала бабушка.

Поступив в институт, Оксана избавилась наконец от того кошмара, в котором долгое время пребывала, она даже каким-то чудом смогла окончить школу, получив недурной аттестат. В институте никто не знал о ней ничего, кроме первых семи строк анкеты (завуч новой школы пожалела девушку и опустила в характеристике всю вылитую на нее грязь). Жизнь как бы началась с чистого листа, но тени прошлого неотступно стояли за спиной, не позволяя ни о чем забыть. Не то чтобы девушка ненавидела мужчин или стала ярой феминисткой, просто...

Просто когда какой-то парень попытался ее проводить, она мягко отказала, сказав себе: «В эти игры я больше не играю!»

Вот так.

На втором курсе после отсева поток студентов поредел, и группы немного переформировали.

В результате этого переформирования в Оксаниной группе появился Леха. Поначалу он страшно не понравился

Оксане. Излишне самоуверенный, нагловатый даже, не признающий никаких авторитетов. Он имел собственное мнение по любому вопросу и считал его единственно верным по той простой причине, что оно принадлежало ему.

Нигилист — вот самое первое и самое точное определение, которое дала ему Оксана.

Впрочем, свои мнения об окружающих она теперь предпочитала хранить при себе. Так же поступила она и в этот раз, но была приятно удивлена, узнав, что новенький получил прозвище «Базаров».

Самого же Леху мнение окружающих нисколько не интересовало. Он поступал так и только так, как сам считал правильным, и с юношеским максимализмом бился за право смотреть на окружающий мир по-своему. Он отстаивал свою точку зрения, невзирая на важность темы или ее значимость. Будь то спор о достоинствах последнего альбома Энни Леннокс, философский диспут или «лаба» по теоретической механике, Леха сражался до хрипоты и до последнего аргумента. Разумеется, он не всегда был прав, но никогда не признавал поражения. Он оставлял за собой привилегию самостоятельно разобраться в сути проблемы и изменить мнение. Но это никогда не было отступлением: он именно соизволял изменить мнение по данному вопросу.

Время от времени Леха влезал в споры, совершенно его не касавшиеся, принимая чью-либо точку зрения или выдвигая свою, и начинал атаковать оппонентов столь отчаянно, словно затронутый предмет был для него жизненно важен. Похоже, он получал удовольствие от самого процесса спора, оттачивая в этих боях свое мастерство, и уж никто лучше его не умел так искусно запутать противника в его же собственных аргументах. Нередко случалось, что преподаватели философии или права пасовали под его решительным натиском, не в силах найти брешь в стройных фалангах убийственных аргументов.

Оксана не переносила его на дух, театрально хватаясь за голову всякий раз, когда Леха поднимал руку, собираясь в очередной раз возразить преподавателю.

Однажды, в конце первого семестра, Оксана спешила к метро, пытаясь отделаться от очередного самозванного провожатого.

Парень был удивительно нагл и в конце концов просто преградил девушке путь и выхватил из рук сумку. Оксана в отчаянии обернулась в поисках помощи и увидела Леху, изучавшего объявления на столбе.

— Леша!— Это получилось как-то само собой. На самом деле Оксана была девушка решительная и в принципе могла бы дать достойный отпор нахалу. Она и сама не раз потом удивлялась, как сорвался у нее с языка этот крик о помощи.

Так или иначе, она крикнула.

Леха повернул голову и несколько секунд изучал обстановку. Потом он сделал несколько шагов в направлении стоявших сокурсников.

Оксана перестала вырывать сумку, с интересом ожидая, что произойдет дальше. Державший ее парень был почти на голову выше Лехи и заметно шире в плечах. Девушке стало интересно, как поведет себя в подобной ситуации этот трепач теоретик.

— Не шали,— негромко произнес Леха.

— А тебе-то что?— Парень ухмыльнулся, забрасывая Оксанину сумку на плечо.

— Нехорошо,— сказал Леха еще тише.

— Ух ты! Нехорошо!— притворно возмутился парень.— Мы тут целуемся с женщиной, ты бестактно влезаете в разговор, и ты же говоришь...

— Если бы вы целовались,— перебил его Леха,— то я не смог бы влезть в разговор просто потому, что тогда разговора бы у вас не вышло.

— Во, зануда!

Парень вдруг обнял Оксану за плечо свободной рукой и попытался развернуть ее.

— Руки!— одновременно вскрикнули и Оксана и Леха. Она — возмущенно, а он... в голосе его прозвучала угроза.

Оксана высвободилась из грубых объятий и попыталась перехватить свою сумку, но тщетно.

— Последнее предупреждение.

Леха наклонил голову вперед, готовый, казалось, броситься на противника.

— Чего-чего последнее?

Парень оттолкнул Оксану в одну сторону, бросил сумки в другую и сжал кулаки, намереваясь поставить противника на место.

Леха резко развернулся и схватил стоявшую на мостовой чугунную урну. С трудом поднял снаряд над головой (на мостовую посыпался мусор, выпала и со звоном разбилась бутылка из-под пива) и ринулся в атаку.

Парень быстро оценил перспективу получить урной по лбу и, подхватив свой баульчик, бросился прочь. Отбежав на безопасное расстояние, он остановился и прокричал:

— Тебе лечиться надо! С тобой в детстве в подкидного дурака сыграли: три раза подкинули, один раз поймали!

Леха спокойно поставил урну на асфальт и наблюдал за дальнейшими действиями отступившего с позиций противника.

Противник же, покричав еще какую-то чушь, закинул баульчик на плечо и удалился прочь, возможно беззаботнее насвистывая песенку группы «U2» — решение самое лучшее в столь затруднительной для самолюбия ситуации.

Леха не обратил на выкрики никакого внимания. Отряхнув ладони, он оглядел джинсы: не запачканы ли?

Оксана рассмеялась:

— Ну ты даешь!

Леха бросил на девушку взгляд и тоже улыбнулся.

Продолжая смеяться, Оксана подобрала сумку и, вдруг посерьезнев, спросила:

— Ну а если бы он не убежал?
— Если что?— не понял Леха.
— Если бы он не побегал, что бы ты стал делать? Огрел бы его урной?

Леха отбросил ногой к газону большой осколок бутылки.

— Он бы побегал.
— Нет,— не унималась девушка,— а если бы...
— Этот бы побегал,— твердо ответил Леха.— Я знал, что он убежит.

— Знал!— От возмущения у Оксаны перехватило дыхание.— Он знал! Слушай, Базаров, какой же ты самоуверенный! Сколько же в тебе снобизма...

— Я думал,— перебил ее Леха,— ты начнешь с того, что скажешь «спасибо» или по крайней мере что-нибудь менее сердитое.

Он прошел мимо остолбеневшей Оксаны и зашагал к метро.

— Спасибо,— чуть слышно произнесла девушка. В самом деле, ведь ее только что защитили от хулигана, а она, вместо того чтобы поблагодарить своего избавителя, набросилась на него с обвинениями.

— Леша, подожди!— Она взмахнула рукой, но он не обернулся.

— Спасибо тебе огромное!— прокричала Оксана ему вслед, но догонять не стала.

На следующий день после занятий тот самый парень поджидал девушку у проходной. Оксана заметила его издали и остановилась, думая, что делать дальше.

По большому счету избавиться от него не составляло особого труда, но не хотелось затевать возню и привлекать к себе всеобщее внимание.

Оксанин взгляд упал все на того же Леху.

— Леш,— догнала она его в коридоре,— я хотела все-таки поблагодарить тебя...

— Ты уже поблагодарила. Я слышал,— кивнул тот.

— А еще я хотела сказать, что у тебя очень здорово получилось провожать...

Невольно Оксана нашла взглядом фигуру у турникетов. Леха перехватил ее взгляд и усмехнулся:

— Настолько хорошо, что ты хотела попросить меня проводить тебя на бис?

— Ага!— честно ответила девушка.

— Ну пошли.— Леха взял у нее сумку.

К удивлению Оксаны, парень лишь проводил их взглядом, не сделав даже попытки догнать или перехватить. Может быть, он и ждал-то вовсе не ее?

Они дошли до метро, обсуждая прошедшие «лабы».

— Тебе куда?— спросил Леха, когда они ступили на эскалатор, уносивший пассажиров вниз, к поездам.

Оксана ответила, а сердце екнуло: сейчас он увяжется за ней, и отшить его будет просто верхом неприличия. Но Леха не увязался.

— Ага,— кивнул он.— Значит, тебе выходить на кольцевой, а я поеду дальше.

— Да.— Оксана облегченно вздохнула.

Как-то незаметно это стало традицией. Леха провожал Оксану до метро, где они и прощались.

Девушку это вполне устраивало, но вскоре червячок самолюбия начал терзать ее сомнениями. Неужели она совершенно не интересна этому умному и, в общем, симпатичному парню? На нее впервые не обращали внимания, не делали комплиментов, не пытались заигрывать или приглашать куда-то. Это было ново, это было непривычно и странно. Все парни, с которыми она была знакома, хоть однажды сделали попытку пофлиртовать с ней, а этот даже не попытался. Казалось, он специально избегает этой темы. Оксана ощущала дискомфорт. Однажды она даже чуть не спросила Леху о том, что он о ней думает, но вовремя спохватилась: а ну как он примется признаваться ей в любви? Что тогда делать?

Нет, лучше все оставить как есть.

И все оставалось как было.

Прошел почти год.

Студенты встретились после лета на первой паре. Кто-то загорел как негритенок, кто-то похудел, кто-то наоборот. Кто-то женился. У Оксаны не изменилось ничего, а Леха купил машину.

Строго говоря, необходимость провожать Оксану давно отпала: привыкнув видеть этих двоих уходящими вместе, студенческая братия пришла к заключению, что Лехе удалось пробудить в зубрилке-домоседке голоса природы и другие кавалеры тут были уже лишними. А Оксана поймала себя на мысли, что рада видеть Леху и что сожалеет о том, что теперь им не придется ходить вместе даже до метро.

К ее удивлению (но и к радости), после занятий Леха ждал Оксану у выхода. Облокотившись на крышу бакланово-синей «копейки», он просеивал взглядом поток выходивших. Заметив Оксану, Леха встал прямо и, дождавшись, когда она подойдет ближе, сделал приглашающий жест:

— Подвезти тебя?

Оксана улыбнулась и пожала плечами. Жест этот означал скорее «а почему бы нет», чем «не знаю».

— Тебя до метро или куда-нибудь подальше?— спросил он, включая зажигание.

— «Подальше» обычно посылают, а не возят,— засмеялась Оксана.

— Да,— смущенно кивнул Леха.— Это верно, но я опять-таки действую из лучших побуждений, а на меня снова и снова набрасываются с кулаками.

— Ну почему с кулаками? Просто я люблю всякие каламбурчики...

Машина выехала из дворов на проспект.

— Так куда вас послать, каламбуристая вы наша?

— Если хочешь, то можно доехать до «Филевского парка», но что-то я не припомню в прежние годы столь ши-

роких жестов, раньше ты провожал меня не дальше «Белорусской».

Оксана рассчитывала смутить юношу, но тот принял эту шпильку не моргнув глазом.

— Раньше их и не было,— кивнул Леха, не отрывая взгляда от дороги.— Но, знаешь, за лето я пришел к мысли, что провожать тебя — дело весьма приятное. «Два чувства дивно близки нам...» Пока не потеряешь что-то, не поймешь, насколько это ценно.

Оксана почувствовала, как заливается краской. Чтобы скрыть свое смущение, она хотела что-то съязвить в ответ, но, как назло, ни одна, даже самая тупая, острота не приходила на ум.

Пауза чуть затянулась.

— Фили так Фили,— пробормотал Леха.

— Базаров, чем вы слушали? Не «Фили», а «Филевский парк»!

— Не это главное,— покорно снес очередной укол Леха и прибавил газу.

С того дня приятельские отношения их переросли в нечто большее. Нечто это пока еще ни в чем конкретном не выражалось, не было заметно ни на слух, ни на запах, но все же непроницаемый кокон, отгораживавший Оксану от окружающего мира, лопнул, из расширяющегося разрыва вот-вот могла выпорхнуть прекрасная бабочка.

Леха не ухаживал за Оксаной в общепринятом смысле этого слова. Он не набивался в гости «на чашку чаю», не задавал лишних вопросов, не настаивал, когда девушка мягко отклоняла его нечастые приглашения куда-нибудь сходить. Он просто был рядом в тот момент, когда Оксана того хотела.

И девушка отметила для себя, что общество этого парня не тяготит ее, не заставляет терзаться вопросом о том, как он поведет себя в следующий момент, удастся ли просто расстаться с ним за квартал от дома.

Леха же настолько привык к той дистанции, на которой держала его Оксана, что просто не мог представить себе обстоятельств, при которых он самолично рискнул бы колебать это равновесие. Он ждал, он был готов к появлению прекрасной бабочки и был рад принять ее бережно и трепетно, но помочь ей появиться на свет он никогда бы не осмелился.

Будучи человеком проницательным и наблюдательным, Леха быстро понял, что за Оксаниным отшельничеством стоит не просто склонность к одиночеству, но нечто большее, нечто такое, о чем она не хочет, не может сказать никому. И Леха чувствовал, что симпатия, которая возникла между ними, еще, возможно, настолько зыбка, что может растаять без следа от одного неосторожного слова, жеста, попытки приподнять эту вуаль, скрывавшую Оксану настоящую от тех, кто привык видеть только Оксану-студентку.

«Будь, что будет,— решил для себя Леха.— Или она сама сделает первый шаг, или останемся друзьями».

Оказалось, что до этого «шага» оставалось совсем немного.

Перед самым Новым годом Оксаниной бабушке вдруг стало хуже. В больницу она ехать отказалась, и врачи два дня добросовестно колдовали у ее диванчика. Утром тридцать первого декабря бабушка не проснулась.

Убитая горем Оксана оказалась еще и поставленной перед непосильной задачей: похоронами.

Тетка — единственный близкий человек — уехала на две недели к подруге в другой город, и найти ее не представлялось возможным. Оказалось, что в бюро ритуальных услуг «тоже люди работают» и раньше третьего января никто не собирался делать ни шага.

Оксана была в отчаянии. Листая записную книжку, где были записаны в основном телефоны прачечной, поликлиник, служб ремонта и прочее, девушка натолкнулась на телефон Лехи. Записала она его довольно давно, не пред-

полагая, что когда-нибудь воспользуется им (и до сего дня действительно не пользовалась).

Несколько минут Оксана смотрела на эти семь цифр. Позвонить? А что он сможет сделать? Да и потом, Леха приглашал ее встретить Новый год где-то за городом (она, само собой, отказалась) и, скорее всего, уже просто уехал.

И все-таки Оксана, затаив дыхание, набрала номер.

После третьего гудка она облегченно выдохнула и хотела уже положить трубку, как вдруг раздался щелчок и в трубке раздался знакомый голос:

— Алло?

Оксана с трудом поборолась в себе искушение нажать на рычаг и забыть об этой безумной идее.

— Алло.

Несколько секунд в трубке было тихо, потом Леха неуверенно спросил:

— Оксана?

— Угу.— От контраста между душашим ее горем и радостными нотками в голосе Лехи Оксана едва не разрыдалась.

— Ха, с наступающим тебя!

— И тебя,— выдавила девушка и поняла, что никогда не сможет попросить чужого в общем-то человека о помощи в подобной ситуации. Нужно было быстро свернуть разговор и попрощаться.

— Слушай, а ты случайно не передумала?

— Что? О чем?

— Как о чем?— изумился Леха.— О моем приглашении, конечно! Может, все-таки поедем?

— Я не могу,— прошептала Оксана.

От того, как она это произнесла, на другом конце провода повисла пауза. И она добавила в эту тишину чуть слышно:

— У меня сегодня бабушка умерла.

— Прости.— Леха чуть слышно кашлянул, прочищая горло.— Я не знал.

Оксана опустила трубку, но рука ее замерла в воздухе, когда до рычага оставалось каких-нибудь два-три сантиметра. Подумав, она снова поднесла ее к уху.

— Леша, ты не знаешь...— Она запнулась.

— Куда звонить?— осторожно спросил он.

Оксана кивнула. Слезы душили ее, и первые капли уже покатались по щекам.

Леха, казалось, услышал, ощутил этот кивок.

— А ты...— Теперь он замялся, подбирая нужные слова.— Кроме тебя есть еще кто-нибудь?

Оксана замотала головой.

— Понятно.— Голос звучал озабоченно, но спокойно.

Оксана разрыдалась и положила трубку. Чем мог помочь ей этот парень? Ради чего ему в праздничный день заниматься похоронами какой-то чужой старухи? Какая же она дура! Но что, что же делать?

Оксана обзвонила еще несколько контор. Телефон нигде не отвечал. В приемном покое одной больницы ей посоветовали обратиться в то бюро, куда она уже звонила с утра. Девушка была в отчаянии. Она просто сидела на кровати, обхватив колени, и тихо плакала.

Через полчаса раздался телефонный звонок.

Оксана удивленно подняла голову и, прежде чем ответить, долго прокашливалась.

— Да?

— Оксана,— голос Лехи,— только не бросай трубку. Я подъеду часа через полтора-два. Приготовь, пожалуйста, документы... бабушки. И никуда не уходи. Хорошо?

Оксана открыла рот, чтобы спросить что-то, но в голове ее завертелся разом такой клубок вопросов, что она задала лишь первый, который сумела из этого клубка выдернуть:

— А откуда у тебя мой телефон?

Вместо ответа Леха шумно вздохнул:

— Никуда не уходи, хорошо?

Леха действительно приехал через полтора часа. С ним были две хмурые поддатые тетки, быстро совершившие все

необходимые мероприятия и уложившие покойницу в возникший откуда-то гроб, который они водрузили на письменный стол.

Леха не поехал за город. Второго утром бабушку похоронили.

С того дня прошло три с половиной года.

Оксана вышла замуж за Леху. Однажды протянутая ей рука помощи помогла не только перенести трудный период, но и поверить в то, что мир состоит не только из подлецов и трусов.

Странно, но с ней Леха был совсем другим, чем на людях. Он никогда не спорил, не поправлял ее, даже когда она несла полную чушь. Он угадывал каждое ее желание, если оно оказывалось невыполнимым, брал его на заметку на будущее.

Дела у Лехи шли неплохо, и Оксане не было нужды работать. Она сидела дома, ожидая возвращения любимого мужа. Ее доселе крохотный мирок чуть расширился, но лишь настолько, чтобы впустить туда человека, выдержавшего проверку *бедой*. В остальном же Оксана осталась все такой же малообщительной домоседкой, какой была и раньше. Впрочем, месяц назад она узнала, что вскоре ее одиночество бесцеремонно нарушит еще один человек. Маленький человечек, у которого пока не было даже имени...

Смерть родителей и бабушки Оксана осознала сразу. Горе заполнило ее разом, как газ из баллона в одно мгновение наполняет воздушный шарик, делая его тугим и круглым.

Принять, понять, что беда случилась с Лешей, было выше ее сил. Она то и дело замуривалась, надеясь, что,

когда откроет глаза, кошмар исчезнет сам собой. Но она открывала глаза, а этот бред оставался.

Леха не погиб, не заболел, не арестован, не ушел к другой женщине. Его *похитили* среди бела дня, почти в центре города, и куда-то увезли... Его отняли у нее самым варварским способом, и с этим ничего нельзя было поделать. Некая черная сила вырвала человека из ее жизни, не беря в расчет никого, не делая скидки на то, что для кого-то он не просто друг, муж, родственник, а нечто неизмеримо большее...

ГЛАВА VII

Еще не до конца придя в сознание, Леха уже ощутил, как болят руки. В первый момент ему показалось, что он лежит в каком-то тесном ящике, настолько тесном, что стенки сжимают его с боков, не оставляя возможности пошевелиться.

Он открыл глаза. Несколько секунд не мог различить ничего сквозь мутную пелену. Единственное, на что он обратил внимание сразу же, так это на то, как *странно* они открылись. Горячие, тяжелые, они легко раздались, но когда Леха хотел моргнуть, чтобы избавиться от влаги, верхние веки опустились с таким трудом, словно были приклеены к бровям жевательной резинкой.

Оказалось, что Леха висит вниз головой. Руки его были плотно привязаны к туловищу чем-то широким — материал не резал мышц.

Висел он все в том же помещении. Только света, кажется, стало чуть больше: он смог без труда различить дальние углы зала, тонувшие до этого в темноте.

Напротив него сидел один из ассистентов Леонидыча и с увлечением читал газету. Заметив, что подшефный пришел в себя, парень встал со своего складного стульчика, сложил газету и молча удалился.

Леха услышал гул железа. Очевидно, парень поднимался по металлической лестнице. И что из этого? Из этого следует, что он услышит шаги, когда парень будет возвращаться, а сейчас можно попытаться что-нибудь предпринять.

Леха попробовал высвободить руки, но резкая боль заставила его прервать этот эксперимент, и он понял, что даже если ему удастся развязаться, то вряд ли он сможет воспользоваться руками раньше чем через пару недель.

Леха поднял голову, чтобы осмотреться.

Оказалось, что руки его даже не связаны, а примотаны к телу широким скотчем. Висел он на белой веревке (кажется, это была парашютная стропа), зацепленной за одну из многочисленных труб, тянувшихся под потолком. Другой конец веревки уходил куда-то вниз, за спину. Висел Леха таким образом, что макушка его находилась в метре от пола. Если бы удалось избавиться от веревки, то он смог бы, пожалуй, упасть так, чтобы не разбить голову и не потерять сознание. Но как это сделать?

Леха начал раскачиваться, чтобы заглянуть за спину и увидеть, к чему прикреплена веревка.

Каждое движение отдавалось болью в плечах, но он продолжал свои попытки. Чтобы не застонать от боли, он хотел было прикусить губу, но почувствовал, что губы его превратились в нечто бесформенное, непослушное, покрытое коркой запекающейся крови.

Он продолжал раскачиваться, и вскоре ему удалось развернуться.

Стропа была привязана к вороту какой-то вмонтированной в пол ржавой машины, похожей на насос.

Заодно Леха увидел и источник света в этой (больше Леха не сомневался в назначении помещения) бывшей бойлерной. То был пролом под потолком в углу зала. Скорее всего, разрушенная вентиляционная шахта.

Но где могла находиться эта бойлерная? Судя по всему, построена она была еще в сталинские годы: массивные бетонные стены, способные служить для укрытия от бом-

бардировок и артобстрелов, высокий потолок, балки. А раз это «сталинка», значит, расположена она вблизи домов соответствующей архитектуры. Но если она не работает, выходит, что рядом построена другая, современная, более мощная, чтобы обслуживать еще и новые дома. Черт, значит, его не увезли из Москвы, и получается, что он, дурак дураком, висит где-то в центре или, скажем, на юго-западе? Невероятно.

Леха не знал, радоваться ему своему открытию или, наоборот, приходить в отчаяние. С одной стороны, не могут они вечно держать его в таком месте: в открытый пролом сумеет пролезть или заглянуть кто угодно: от любопытного ребенка до ищущего ночлега бомжа. Если его обнаружат, то всю банду могут быстро накрыть. Правда, с другой стороны, ограниченность во времени в состоянии подвигнуть этих ублюдков на экстремальные меры. Да они могут просто отчаяться получить автограф на своих бумажках и убить его.

Что, кстати, обязывает их оставлять его в живых после получения подписи? Не говоря уж о том, чтобы заплатить ему? Выпустить заложника, чтобы ждать ответного удара? Глупость. Явная глупость. Скорее всего, его убьют, как только он подпишет бумаги. Живой он ценен, только пока владеет кафе, а после будет опасен. Нет, скорее всего, поставив подписи на договорах, он подпишет собственный смертный приговор. А этот Леонидыч, судя по всему, рассчитывает быстро сломить его.

Снова послышался металлический звук: двое или трое человек спускались по лестнице.

Леха попытался, насколько это было возможно, остановить вращение веревки.

— Ну,— процедил он сквозь зубы, заметив появившиеся из темноты ноги.— Придется вам еще попотеть за свою вонючую зарплату.

Перед ним появились все те же трое, что пытали его до этого.

— Ага,— приблизился к нему Леонидыч,— ожил?

Леха не ответил и закрыл глаза.

— Слабоват ты оказался, комсомолец,— продолжал Леонидыч.— Чуть что — сразу в обмороки бросаться. Разве так закаляется сталь?

Раздались шаги. Кто-то наверное, «ассистент» — заходил за спину к Лехе.

— Что это ты раскачался так?— спросил вдруг Леонидыч.— Качаться любишь?

— Мне нужно в туалет,— сказал Леха и почувствовал, что просьба эта необыкновенно актуальна.

— Может, еще и озеро с лебедями?

— Можно, но позже.

— Ого!— удивился Леонидыч.— Так ты еще и острить можешь? Ну и славно. Сейчас мы все вместе посмеемся.

Что-то лязгнуло, и Леха услышал всплеск. Он посмотрел вниз и увидел таз с водой, услужливо подвинутый «ассистентом».

— Так на чем мы остановились?— Леонидыч подмигнул Лехе.— Ты уж напомни, пожалуйста, а то я так много говорил, а ты, боюсь, слушал не очень внимательно. С какого места мне повторить?

Леха не считал нужным ни отвечать, ни огрызаться. Он берег силы.

— Ну,— сделал знак рукой Леонидыч,— тогда я выберу сам.

Веревка задергалась, и Леха медленно поехал вниз. Прежде чем голова его опустилась в таз, он успел ощутить гнилостный болотный запах, исходивший оттуда.

Секунд через двадцать его снова подняли. Вонючая жижа залилась в нос, и Леха закашлялся, поперхнувшись.

— Итак,— Леонидыч подошел ближе,— я позволю себе напомнить, что мы говорили о трех подписях под тремя документами. Подписи, собственно, можно и подделать, но тогда вряд ли есть резон оставлять тебя в живых. Нас

же попросили по возможности оставить тебя в живых и желательно не калечить особенно.

Леху снова опустили в таз. На сей раз его держали под водой несколько дольше, хотя это могло ему просто показаться.

— Но, признаться,— продолжал все тем же ровным голосом Леонидыч,— ты ставишь нас в весьма затруднительное положение. Нам говорили, что ты парень умный, грамотный, считаешь хорошо. Странно, что нам не удалось договориться сразу и приходится опускаться до такого первобытного уровня общения.

Еще полминуты под водой.

— Сказать по правде, у нас осталось совсем немного времени для того, чтобы решить вопрос безболезненно. Именно *безболезненно*, потому что те неприятные минуты, которые ты уже успел пережить,— только цветочки.

Леонидыч тяжело вздохнул, словно страдал от того, что приходится причинять боль другому человеку. Он всплеснул руками и покачал головой.

— Каменный век — он и в Европе каменный век. Но у нас есть гораздо более современные инструменты для решения подобных проблем. Ты ведь, наверное, читаешь всякие глупые статейки о нашем брате?

Снова Леху опускают в воду.

— Ну...— Леонидыч наклонился почти к самому Лехину лицу.— Так я последний раз спрашиваю: будем подписывать?

Леха молчал, восстанавливая дыхание.

— Плюнуть хочешь?— расплылся в улыбке Леонидыч и выпрямился.— Ничего не выйдет. С твоей пастью сейчас...

Раздался писк мобильного телефона. Леонидыч обернулся и посмотрел куда-то в сторону.

— Подай-ка.— Жестом он указал второму помощнику в сторону лестницы. Тот бросился за трубкой.

Леонидыч медленно двинулся за ним, взял трубку, открыл ее.

— Слушаю.— Приложив трубку к уху, он сделал жест свободной рукой, и Леха снова оказался под водой.

— Понял. Понял. Ладно,— недовольно говорил в трубку Леонидыч, когда Леху подняли.

Грязная вода была в то же время холодной. В голове у Лехи посветлело, но от напряжения стало закладывать уши.

Таз убрали. Веревка снова пришла в движение, и Леха медленно опустился на каменный пол. Опускаясь, ему пришлось в какой-то момент опереться на плечо, и он невольно всхлипнул, стараясь сдержать крик боли.

— Ну вот, парень.— Леонидыч стоял над ним.— Ты допрыгался. Нам разрешили действовать по обычной программе.

Леха ощутил волну тепла, хлынувшую по телу к ногам. Прилив крови к рукам усилил боль. Леха закрыл глаза.

— Значит, так,— деловито командовал Леонидыч.— Сейчас передохни маленько, чтобы не слишком часто шлепаться в обмороки. Можешь, кстати, отлить, чтоб нам не возиться потом с твоим вонючим трупом.

Он сделал знак помощникам. Те подняли Леху на ноги. Один из них подрезал скотч так, чтобы Леха мог шевелить кистями рук. Потом его отвели в угол бойлерной.

— Валяй.— Они отпустили его и отошли в сторону.

Леха едва не упал. Голова кружилась, в глазах было темно. Он с трудом сделал то, зачем его подняли, и попутно попытался ослабить «объятия» липкой ленты. Скотч не поддавался.

Леха застегнул «молнию» на джинсах и повернулся.

— Ну, так мы продолжаем наше шоу!— подражая интонациям диск-жокея, весело воскликнул Леонидыч и указал Лехе на сваленные на полу автомобильные покрышки, предлагая садиться.

Леха сделал несколько нетвердых шагов и тяжело опустился на резиновые «кресла».

— Так вот.— Леонидыч подошел ближе, радостно потирая руки, словно гурман, собирающийся снять с мангала истекающий соком шашлык.

— Существует масса способов договориться с человеком. Самый простой: взять хороший кожаный ремешок и отшлепать оппонента. Но это чересчур просто.

Леонидыч принялся расхаживать взад-вперед перед сидящим на покрышках Лехой, словно профессор перед студентом.

— Есть способы, которые обожают журналисты. Например, паяльник. Представляешь, как пахнет горящее живое мясо? Пикантность аромату придает сознание того, что мясо это будет твоим.

Леха слушал молча. Вернее, он делал вид, что слушает этого палача по призванию. На самом деле он жадно ловил каждый звук, доносящийся с улицы.

Машины? Да, без сомнения, это гул проезжающих машин. Что-то звякнуло. Трамвай? Возможно. Какое-то гудение. Время от времени возникает непонятный звук. Очень знакомый звук... Лифт! Да, конечно же это лифт! Они совсем рядом с жилым домом, возможно даже, что старая бойлерная сообщается с подвалом или бомбоубежищем под этим домом. В сотне метров от него бурлит нормальная жизнь: Люди спешат на работу (или с работы? Нет, вряд ли ему позволили бы отсыпаться до вечера), заходят в магазины, едут в лифтах над его головой, не подозревая, что в подвале их дома открыт филиал инквизиторской службы. Как подать им знак? Крикнуть? Но он уже достаточно покричал ночью. Почему же его никто не услышал? И почему бандиты так уверены, что его никто не услышит?

— Или, скажем, электроды,— продолжал свою лекцию Леонидыч.— Я не имею в виду ток. Нет, просто берутся электроды для сварки, очищаются от этой дряни. Потом берется человек и бьется этим электродом по спине. Вещь! Йоги и мазохисты выстраивались бы в очередь на подобный

аттракцион. Прут рассекает кожу с первого же удара. Ранка поливается водочкой для дезинфекции и остроты ощущений...

Леха продолжал думать о своем. Он слышал шаги по металлической лестнице. Но если это подвал, то дверь, скорее всего, тоже из железа. А он не слышал лязга, когда ее открывали. Что это может означать? Что она не заперта? Но тогда там должен стоять часовой. Если рвануться к двери, то, возможно, удастся опередить бандитов, но с часовым без рук не справиться. Как же проверить?

— Мы решили поступить иначе.— Леха невольно прислушался к эпилогу лекции.— Пока ты отдыхаешь, мы покажем тебе спектакль. Чтобы не терять времени. Так сказать, сочетая приятное с полезным.

Леха насторожился и взглянул в лицо Леонидыча. Поймав Лехин взгляд, тот довольно улыбнулся.

— Театр одной актрисы.— Леонидыч подошел к тому месту, где еще недавно беспомощно висел Леха.— Оксана, кажется, ее зовут?

Леха почувствовал озноб. Но на его лице не дрогнул ни один мускул.

— Сейчас мы привезем ее сюда,— медленно продолжал Леонидыч, внимательно наблюдая за реакцией своего единственного слушателя,— переоденем в концертный костюм. Костюм Евы — кажется, так он называется у критиков? Руки склеим тем же скотчем, привяжем за одну ногу к этой же веревке...

Кровь стучала, билась, грохотала в висках. Леха подобрал под себя ноги, нащупывая упор. Если он вскочит неожиданно, то, возможно, вырвется. А возможно, будет близок к этому и вынудит их стрелять. В любом случае он спасет Оксану от...

— ...и будем делать это по очереди. Мы трое, еще те трое, что ее привезут. Они, кстати, все бывшие зеки, так что привыкли к общению с педиками. Там несколько другие анатомические особенности...

Леха резко обернулся к пролому и крикнул что-то нечленораздельное.

Все трое посмотрели в ту сторону, а Леха рванулся вперед. Второй «ассистент» успел преградить ему путь, но Леха, рискуя потерять равновесие, нагнулся вперед и протаранил его головой. Парень опрокинулся на спину. Путь к лестнице был свободен.

— Стой, сука!— Леонидыч бросился следом.

«Если бы выход охранялся,— мелькнуло в голове у Лехи,— атаман бы не дергался, предоставив право короткой погони своим пацанам».

Лестница. Леха взлетел по ней и в темноте наткнулся на закрытую дверь из листа железа. Дверь качнулась, но не открылась.

«Шпингалет!»— сообразил Леха.

Лестница загрохотала под шагами взбегающего Леонидыча. Леха позволил ему подняться до последней ступеньки и ударил ногой на звук. Нога попала в мягкий живот бандита. Тот охнул и отшатнулся.

Раздались ругательства. Видимо, Леонидыч упал на подоспевших подручных.

Леха чуть опустил локтем нащупал защелку.

Что-то свистнуло в воздухе у самого виска.

Леха поднял язычок. Осталось сдвинуть шпингалет в сторону, но удар по голове сбил его с ног. Он не потерял сознания, но несколько мгновений ничего не соображал от боли. Нунчаки рассекли кожу на голове, и кровь хлынула по лбу, щеке, шее.

Две пары рук схватили его за рубашку и потащили вниз. Его снова бросили на покрышки, и снова над ним повисло перекошенное от бешенства лицо Леонидыча.

— Слушай, козел,— прошипел он, и слова отдавались в Лехиной голове, словно гул большого колокола.— Слушай меня внимательно. Сейчас мы привезем твою сучку сюда и будем трахать ее что есть силы, пока она не издохнет или пока ты не поумнеешь.

Леонидыч перевел дыхание и продолжил чуть спокойнее:

— Даю тебе минуту, чтобы подписать эти хреновы бумаги, а потом звоню, и ребята едут за твоей Оксаной Петушаровой. Ну?

У Лехи была минута, чтобы принять решение. Минута, чтобы мобилизовать увядшие от боли мозги и ответить.

Оксана! Оксана и крохотное существо, крепнущее день ото дня под ее сердцем! Первым его порывом было протянуть руку за бумагами. Но какой-то тормоз, вживленный в него с детства, требовал использовать всю минуту, чтобы взвесить все еще раз.

Итак, нужно спасти Оксану. Но может ли он спасти ее? И что они сделают с ним самим после подписания? Ну, с ним-то уже, наверное, в любом случае кончено. Но если его убьют? Что дальше? Оксана наверняка поняла, что с ним случилось. Это как минимум. А с ее привычкой высматривать любимого мужа в окошко она запросто могла оказаться свидетелем его похищения. Раз так, то ее тоже должны убрать. Как единственного свидетеля и как единственного человека, от которого примут заявление в розыск. Не станет заявившего — не будет потерпевшего, а значит, не будет и дела.

Пойдем с другой стороны. Его увезли вчера вечером. Оксана, конечно, поняла, в чем дело. Что она сделает? Позвонит ребятам и в милицию. Если так, то квартира уже наверняка под охраной. Тот, кто спланировал все это, должен понимать, что Оксану трогать теперь нельзя, а собирайся он дать добро и на ее похищение, то сделал бы это сразу. Теперь и менты и ребята уже стоят на ушах. И уж конечно с Оксаны глаз не спускают.

А зачем его сняли с веревки? Чтобы снова повесить и бить дальше? Не стоило возиться. Чтобы давить на психику, тоже не обязательно снимать его. И неужели, не сломив пытками, они теперь решили просто запутать его? Нет, здесь какой-то подвох.

Что же из всего этого следует? Следует, что все эти угрозы — блеф. Или не блеф? В любом случае если Мамай получит подписи, то исчезнет проблема, а жизнь Лехи не будет стоить и ломаного гроша.

— Минута прошла!— Леонидыч открыл телефон.

Итак, блеф или нет? Если да, то сейчас они пошлют за врачом, если только сам Леонидыч не врач. А если нет...

Во рту пересохло, но не настолько, чтобы Леха не смог прошептать: «А пошел ты...»— прежде чем отключиться.

— Черт!— Леонидыч захлопнул трубку.— Дуй за врачом! — скомандовал он одному из парней.

Тот изумленно уставился на босса.

— Ты что, дегенерат, оглох? Или тебе тоже этими палками заехать для резвости?

Парень вскочил, не заставив подкреплять команду действием.

ГЛАВА VIII

Наверное, идея назвать мальчика Нил была не самой лучшей из тех, что когда-либо удалось воплотить родителям Нила Юрьевича Огрошева. Сам же он в годы детства, отрочества и юности не раз жалел о неординарности их выбора. В детском саду его дразнили «крокодилом», ибо при произнесении этого имени никаких иных ассоциаций, кроме как с африканской рекой и населяющими ее рептилиями, навеванных стихами Корнея Чуковского, у сверстников Нила не возникало. Примерно таким же оставался кругозор и у его одноклассников в начальной школе, а следовательно, все прозвища, дававшиеся ими Нилу, по-прежнему имели что-либо общее с черным континентом. Позднее, по мере постижения ключевых произведений русской классики, воображение подростков поразил тот факт, что чудное имя их одноклассника не являет собой нечто исключительное: Нил Федосеевич Мамаев, имевший неосторожность оказаться тезкой своего далекого потомка,

невольно дал Нилу Огрошеву последнее — на сегодняшний день — прозвище: «Мамаев», вскоре обкатавшееся до простого и более округлого «Мамай».

Нил не особенно обижался на родителей, обрекших его на вечный дискомфорт при произнесении собственного имени. Его лишь раздражала привязчивость некоторых сверстников, зачастую произносивших обидные прозвища исключительно от нечего делать, желая развлечься и вывести кого-нибудь из равновесия.

А вывести Нила из себя не составляло большого труда и, что особенно привлекало в подобных забавах, не грозило никакими ответными мерами: Нил был слабаком.

В детстве мальчик часто болел, был от природы шуплым, маленького роста — в общем, можно сказать, что рептильные прозвища спасли его от кличек вроде «доходяги», «довеска» или «обмылка», которые покорно носили другие мальчишки его комплекции.

Поначалу Нил пытался отстаивать свое достоинство при помощи кулаков, но вскоре понял, что шансов победить в рукопашной схватке у него нет никаких, и смирился со своей участью. Во всяком случае, так считали окружающие.

На самом же деле Нил готовился к новому бою со своими обидчиками. Каждый свой день он начинал и заканчивал отжиманиями от пола, начав (смешно вспомнить!) с шести и постепенно, за два года, дойдя до двухсот. Не получив у родителей-инженеров разрешения записаться в секцию бокса (нормальному человеку это совершенно ни к чему! Лучше займись математикой — тебе же в институт поступать!), Нил пытался отрабатывать удары самостоятельно: закрывшись в своей комнате, он отчаянно молотил распрятого между книжной полкой и батареей старого плюшевого медведя, то и дело получая растяжения и вывихи, которые с грехом пополам объяснял родителям и в школе. Кстати, из-за этих самых постоянных вывихов никто до поры до времени и не знал, что маленький Мамай

уже не висит, по выражению их физрука, «копченной колбаской» на турнике, а запросто может выполнить полтора десятка подъем-переворотов. Рос Нил все так же плохо, а наливавшиеся сталью мышцы не очень были заметны под купленной на вырост школьной курткой.

Умом мальчик понимал, что уже в состоянии померяться силами со многими из своих долговязых сверстников, но роль тихони, которую он добровольно играл в целях конспирации, настолько приросла к нему, стала так близка и привычна, что нужен был какой-то очень сильный толчок, чтобы заставить распрямиться эту туго скрученную пружину, заставить Нила расправить плечи и принять чей-то вызов. Пока же в ожидании своего часа Нил продолжал втихаря отжиматься, ворочать принесенный со стройки кусок швеллера и шлифовать технику прямых и боковых ударов, молотя кулаками о сшитую из мешковины грушу.

Неизвестно, сколько маленький Нил ждал бы своего часа, если бы в один прекрасный весенний день не влюбился в свою соседку по парте Аню Машецкую.

Собственно, не влюбился даже, а вдруг посмотрел на нее как-то иначе, чем смотрел те шесть лет, что видел ее каждый день в школе.

Произошло это как-то очень уж вдруг. Сидели Нил и Аня за одной партой третий год — в школе считалось, что рассаживание по принципу «мальчик-девочка» благотворно сказывается на дисциплине в классе. Можно было бы сказать, что они дружили, если бы дружба их, как и все прочее общение, не ограничивалась временем урока. Но едва звонок позволял им встать из-за парты, как они тут же забывали друг о друге, отправляясь по своим девчоночьим или мальчишечьим делам.

В тот день все вышло по-другому.

Нил всегда ходил домой в одиночестве. И в тот раз он не спеша брел по улице, заглядывая в глубину знакомых

витрин, когда вдруг заметил Аню, стоявшую у следующего дома: у девочки развязался шнурок.

Нил легко догнал ее, прежде чем она успела сделать несколько шагов в своих свежешнурованных ботах.

— Привет!— Нил чуть обогнал Аню и заглянул ей в лицо.

— Да виделись уже двадцать раз!— засмеялась та.

Оказалось, что им по пути. Они шли, болтая обо всякой чепухе, и Нил неожиданно для себя обнаружил, что общение с этой девочкой не просто приятно, а доставляет своего рода удовольствие. И дело здесь было отнюдь не в том, что Аня оказалась интересным собеседником. Дело было в ней самой: нелюдимому, затюканному подростку было непривычно легко и весело болтать с этой угловатой нескладной девчонкой, и когда Аня вдруг остановилась у подъезда какого-то дома и сообщила, что пришла, Нил вдруг произнес то, чего, казалось, произносить вовсе не собирался. Более того, он никогда не поверил бы, что способен произнести подобное.

Аня замерла на секунду, часто-часто захлопав белесыми ресницами, и, очевидно также не поверив своим ушам, переспросила:

— В кино? С тобой?

Нил спохватился, мысленно кляня себя за то, что осмелился переступить заповедную черту в общении с девчонками. Он не сомневался, что Аня поднимет его на смех, а завтра о его промахе будет знать весь класс. Нил уже представлял себе ернические ухмылочки, злые подколки одноклассников и косые взгляды шепчущихся одноклассниц, когда Аня, неуверенно улыбнувшись, тихо, почти шепотом произнесла:

— Пошли... А когда?

Нил почувствовал, что краснеет, ритм маленького сердца уверенно обогнал ритм самых крутых рок-н-роллов столь любимого им Литла Ричарда, и чувство, похожее на радость, наполнило грудь.

— Завтра,— выдохнул он, чувствуя непонятную слабость в коленях.

Аня наморщила лоб, прикидывая что-то в уме. На самом деле думать ей было абсолютно не о чем: завтрашний воскресный день был совершенно свободен, но, опомнившись от легкого шока, вызванного неожиданным предложением этого тихони, она, вспомнив о правилах игры, почерпнутых из книг и разговоров со старшими подругами, решила таким образом компенсировать излишне легко данное согласие пойти с мальчиком в кино.

— Завтра...— задумчиво протянула она, рассматривая что-то в небе над головой Нила.

«Сейчас она скажет, что занята»,— Нил уже отдал бы все, что угодно, лишь бы она отказалась и вся эта история закончилась бы, не начавшись, и забылась навсегда.

— Ну хорошо,— царственным жестом кивнула Аня.— Завтра в «Прогрессе» будет «Великолепная семерка». В двенадцать.

Нил машинально кивнул, а Аня, не произнеся больше ни слова, развернулась и вошла в подъезд. Щеки ее вдруг запылали, и единственным желанием в тот момент было скрыть их румянец от посторонних глаз.

Итак, завтра было воскресенье. Достать билеты на «Семерку», в «Прогресс», да еще на полдень было делом немыслимым. Только теперь Нил сообразил, в какую калошу он сел. Нил помчался к кинотеатру, но, едва войдя в кассовый зал, увидел табличку «Все билеты проданы».

Нил был в ужасе: пригласить девчонку в кино, получить согласие, а после этого так опростоволоситься... Нил, разумеется, не знал ни телефона Ани, ни где она живет, а потому не оставалось возможности предупредить ее о происшедшем конфузе. Была, правда, слабая надежда, что сама она не придет. Нил слышал как-то о подобных розыгрышах излишне зазнававшихся красавиц, но мысль эта не слишком утешала.

На следующий день Нил вытряс из копилки два рубля, тщательно причесался, чего прежде никогда не делал по собственному почину, и отправился к «Прогрессу».

У него оставался последний шанс: от кого-то он слышал, что за сорок минут до начала сеанса в продажу поступает какая-то «бронь», и рассчитывал приобрести что-нибудь из этой самой «брони». Оказалось, однако, что таких умных не так уж мало: «бронь» быстро раскупили и без Нилова участия.

В расстроенных чувствах Нил вышел из кассы, как вдруг услышал где-то рядом:

— Билеты не нужны?

— На сколько?

— На сейчас, на двенадцать.

— Не-е, мне бы на вечер.

— Я!— Нил подскочил к толстому дядьке, предлагавшему билеты.

— Чего «я»?— попятился раздраженно дядька.

— Мне нужны билеты!— Нил протянул дядьке мятый рубль.

Толстый недоверчиво посмотрел на рубль, потом на Нила, потом снова на рубль.

— На двенадцать!— строго произнес он.

— На двенадцать!— радостно закивал Нил.

Дядька взял деньги, достал бумажник, аккуратно положил купюру между кожаных складок и медленно, как бы нехотя извлек на свет заветную голубую бумажку: два билета. Взглянув на них последний раз, словно прощаясь, он протянул билеты Нилу:

— На, пацан, развлекайся!

Вот это удача! Нил держал в руках два билета на «Великолепную семерку», на двенадцать часов, воскресенье, в «Прогресс», в... третий ряд!

Нил долго крутил билеты, сверяя печати, дату и время. Сомнений не было, судьба бросила ему спасательный круг руками толстого дядьки.

Нила охватила эйфория. Он чувствовал себя Гераклом, совершившим первый подвиг, спортсменом, первым прибежавшим к финишу, игроком, вытянувшим из колоды нужную карту. Хотелось удержать это упоительное чувство удачи, сделать еще что-то не менее замечательное и прекрасное.

До начала сеанса оставалось еще двадцать минут.

Нил спустился с крыльца кинотеатра и оказался у киоска «Мороженое». Сам поражаясь тому, что делает, Нил извлек из кармана двугривенный и, положив его в металлическую тарелочку, попросил эскимо.

Взяв мороженое, он подошел к огромной витрине кинотеатра и положил мороженое на каменный пандус, чтобы не растаяло: он не собирался есть его сам, он купил его для дамы. Слово это, всплывшее в памяти, наполнило его странным, непонятным трепетом.

Итак, Нил стоял возле кинотеатра с билетами в кармане и с мороженым, которое он охранял, как часовой охраняет знамя, и ждал Аню.

Неожиданно из-за угла вышел Санек — один из акселератов-одноклассников Нила и один из наиболее жестоких его притеснителей. Заметив Нила, Санек танцующей походкой направился к нему. Лицо Санька медленно расплзлось в кривой усмешке, не предвещавшей ничего хорошего.

Нил сделал шаг вперед, заслоняя мороженое, но, как оказалось, опоздал.

— Какие люди! — Санек остановился перед Нилом, разглядывая его и раскачиваясь с пятки на носок. — Какими судьбами?

Нил засопел, не зная, что ответить, и неуклюже переступил с ноги на ногу.

— Ну-ка... — Санек отодвинул Нила в сторону и подхватил мороженое.

Нил сделал было протестующий жест, но осекся и лишь беспомощно огляделся вокруг. Взгляд его скользнул по

большим часам на столбе: до начала сеанса оставалось девять минут.

— А как ты узнал,— Санек надорвал бумажку и медленно, довольно поглядывая на растерявшегося Нила, разворачивал брикет,— что я люблю именно эскимо?

Нил обернулся, ища глазами Аню. Стрелка часов перепрыгнула на одно деление — восемь минут.

— Может, у тебя еще и билет заваялся?— Санек стянул бумажку с отливавшего глазурью мороженого и теперь вертел его перед глазами, словно решая, с какого края начать. Наблюдая за бегающим взглядом одноклассника, Санек был уверен, что беспокойство того вызвано исключительно переживанием о судьбе лакомства, и намеренно растягивал эту пытку неопределенностью, полагая ее исключительно изощренной и изысканной.

Шесть минут. Припоздавшие зрители преодолевали последние ступени перед дверью кинотеатра почти бегом, торопясь занять места в зрительном зале. Ани видно не было.

Санек высунул язык, собираясь лизнуть шоколадный бок эскимо, но, словно спохватившись, наклонился почти к самому лицу Нила и доверительно спросил:

— Слушай-ка, а ты случайно не собираешь палочки от эскимо? Я могу тебе оставить!

Закатившись веселым смехом от собственной шутки, Санек едва не выронил мороженое.

Три минуты. Последняя пара исчезла за заветными стеклянными дверями. Аня так и не появилась.

— А ты что же, мороженое не ешь? Не любишь, наверное...— продолжал бубнить над Ниловым ухом Санек.

Одна минута. Нил готов был заплакать. Все напрасно: Аня не пришла и, скорее всего, завтра будет с гордостью рассказывать, как облапошила этого неуклюжего коротышку, подвиг добывания билетов пропал даром, мороженое досталось Саньку. Все напрасно.

Двенадцать. Отчаяние сменилось вдруг злостью. Ракушка непротivления, в которой прятался Нил все эти годы, треснула. Нил поднял зачесавшиеся от нахернувшихся слез глаза и взглянул наконец на ухмыляющегося верзилу. В тот момент, когда Санек разинул свою пасть, собираясь надкусить злосчастное мороженое, он врезал ему по руке.

Мороженое въехало в разинутый Санькин рот почти целиком, и тот отскочил, выпучив свои зеленые глазищи. Боль от удара, мороженое, обжигавшее зубы,— все это было ничто по сравнению с моральным потрясением: доходяга Нил, от горшка два вершка, тихий заморыш, посмел дать ему, первому силачу класса, в зубы!

Санек, как говорится, уставился бы на Нила в изумлении, да не успел: Нил двумя молниеносными боковыми ударами подбил ему оба глаза.

Весть о победе маленького Мамая над самим Саньком разнеслась по школе с невероятной быстротой. Было обстоятельство это донельзя странно, тем более что ни один из участников поединка не спешил делиться впечатлениями от своей стычки: Санек с разукрашенной физиономией сидел дома, а Нил не торопился рассказывать об этом, надеясь незаметно заползти обратно в свою треснувшую ракушку.

Нил так никогда и не узнал, что Аня все-таки пришла к кинотеатру, опоздав на одну-единственную минуту, что и позволило ей стать единственным и незамеченным свидетелем начала превращения Нила в сегодняшнего Мамаю. Аня же и помогла ему сделать первый шаг на этом пути: рассказ ее, уже несколько приукрашенный, прокатился по школе подобно снежному кому, обрастая свежепридуманными подробностями тем более, чем больше людей его пересказывали. Зачастую версия, слышанная до урока, столь разительно отличалась от излагаемой на следующей

же перемене, что слушатель невольно приходил к выводу, что Мамай, видимо, успел отделать Саньку дважды.

Как-то неожиданно выяснилось, что у Нила довольно много друзей, а вчерашние обидчики и недоброжелатели подтрунивали над ним вовсе не со зла, а исключительно по-дружески. Те, кто еще в субботу, поглядывая на Мамаю свысока, считали пустым делом даже дразнить его, в понедельник следили за каждым его движением, а во вторник первыми протягивали руку, здороваясь.

Тем не менее Нил оказался в несколько странном положении. Девочки исподтишка наблюдали за ним, оживленно перешептываясь. Мальчишки же... Те, кто еще недавно общались с Нилом на равных, неся свой тяжкий крест пигмея, теперь сторонились его, опасаясь, что укреплять свой зарождающийся авторитет Нил будет за счет их носов и шей. Те же, кто считали себя элитой класса, хоть и стали здороваться, не спешили принять победителя их вожака в свой круг, предпочитая выждать.

В воздухе пахло новой дракой, поединком, который увидели бы все, — он или подтвердил бы, что победа Нила не случайность, или вернул все на прежние места.

Нил чувствовал, что его непременно «проверят» подобным способом, и был готов к этому. Странное спокойствие овладело им. Непоколебимая вера в свои силы, в то, что пришел наконец его звездный час и час отмщения обидчикам, наполняла душу и мысли. В одночасье он перестал быть ребенком, сбросил свою инфантильность, чтобы раз и навсегда стать мужчиной.

Прошла неделя, прежде чем Санек с желтыми кругами под глазами — следами сходящих «фонарей» — появился в школе. Всем стало ясно, что показательный бой устроит он сам.

Нил ожидал, что его будут караулить после уроков. Но Санек хотел разделаться с забывшимся дохляком при возможно большем стечении народа, дабы ни у кого не воз-

никло сомнений в убедительности и честности его реванша. Кроме того, Саньку просто не терпелось отыграться, а в своей победе он не сомневался: приятелям он объяснил свое поражение внезапностью нападения Нила и повторял это объяснение так часто, что уже и сам поверил в это.

На большой перемене класс отправился на завтрак. Гудящий поток школьников устремился по узкому коридору, ведущему в просторную столовую. Учителя, подобно чабанам на пастбище, пытались организовать эту неуправляемую массу, заняв командные посты в начале и в конце коридора.

Нил шел вдоль стены, продумывая свою предстоящую встречу с Саньком. Неожиданно он получил сзади подножку и с размаху налетел на идущего впереди одноклассника. Тот возмущенно вскрикнул и обернулся, сдвинув брови.

Нил огляделся, ища обидчика, дабы предъявить его пострадавшему товарищу. Позади него стояли Санек и двое его закадычных дружков.

— Что-то не так? — участливо осведомился Санек.

Сбоку Нила толкнули, и он почел за благо молча вернуться и продолжить свой путь в столовую.

Вторая подножка была выполнена более искусно, но Нил был начеку и лишь сделал лишний шаг, стараясь сохранить равновесие. Видимо, Санек твердо решил спровоцировать драку именно сейчас, на глазах своего класса и тех, кто также направлялся завтракать на большой перемене.

Нил отметил для себя, что скорость идущих рядом заметно убавилась. Идущие впереди останавливались, оборачиваясь, идущие сзади сбавляли ход, чтобы оказаться вблизи эпицентра событий в самый интересный момент.

Нил глубоко вздохнул и медленно повернулся к Саньку. Глаза их встретились.

— Так, ну что встали?!— Завуч Ольга Михайловна, словно атомный ледокол «Ленин», прокладывала себе дорогу неохватным корпусом.

Толпа колыхнулась и ринулась с места несостоявшегося побоища, увлекая за собой и двух ее потенциальных участников. Замысел Санька не удался, но это вовсе не означало, что он не станет предпринимать новой попытки.

Все произошло на следующей перемене. Выходя из класса, Нил снова получил по ногам и на сей раз растянулся на рыжем паркете.

Над ним стояла все та же троица.

— Что-то не так?— снова с издевкой спросил Санек, склоняясь над лежащим на полу Нилом.

Нил медленно поднялся, отряхивая с брюк желтоватую грязь. Потом сжал кулаки и подался вперед.

Первым импульсом Нила было броситься на обидчика, но, вовремя заметив чуть согнутую руку Санька и сжатый кулак, он сообразил, что Санек только этого и ждет, чтобы использовать преимущество своих длинных рук и нанести встречный удар.

Тогда Нил решил схитрить: он подпрыгнул на месте и тут же присел. Санек не ожидал подобного подвоха и ударил, что есть силы в ту точку, где только что была Нилова голова. В тот миг, когда кулачище Санька просвистел над ним, задев волосы на макушке, Нил снова выпрямился и ударил в открывшуюся скулу противника.

Все дальнейшее произошло в мгновение ока. Двумя ударами в грудь Нил заставил Санька согнуться пополам, а следующий удар — в переносицу — отправил теперь уже бывшего первого силача класса в глубокий нокаут. Нил, не ожидавший, что долговязый противник рухнет на пол, уже занес руку для следующего удара и неожиданно для себя переадресовал его одному из секундантов Санька. Тот, больше от неожиданности, потерял равновесие и с криком повалился на своего поверженного сотоварища. Нил утратил контроль над собой. Он принялся сыпать удары направо

и налево, награждая тумачами всех зрителей без разбора, не видя, не различая, кому достаются его удары, страшную убойную силу которых он еще не осознавал. В конце концов, какая разница, кому он врезал? Все они — его одноклассники, все когда-либо чем-то его задели, обидели, унизили. Получайте!!!

Усмирить Нила смог лишь прибежавший на шум военрук. Не без труда бывший подполковник-пограничник сгрел орущего и брыкающегося Нила в охапку и унес в пустой класс НВП. У Нила была жуткая истерика.

Слух о девятикласснике, избившем весь свой класс в полном составе, включая половину девочек и (что делать: фантазия подростков не знает границ и цензуры!) военрука — морского пехотинца, не просто разлетелся по столице: скорость его распространения была сопоставима разве что со скоростью взрывной волны. Вариации на тему вроде той, что упомянутый девятиклассник уложил еще и прибывший за ним наряд милиции или что он дрался, засунув левую руку в карман, звучали не слишком правдоподобно, но общий шум, поднятый шквалом этих слухов, сделал прозвище «Мамай» (странноватое имя Нил не очень вязалось с образом неистового бойца, и рассказчики предпочитали употреблять звонкое и емкое прозвище) известным в каждом дворе.

Сами понимаете, что описанные события были окрещены в народе не иначе как «Мамаево побоище».

Школе удалось спустить скандальную историю на тормозах. Никто из учителей не мог поверить в то, что в тихом троечнике вдруг проснулся кровожадный монстр. Физрук решительно отметал вероятность того, что появлявшийся в спортзале лишь по большим праздникам Нил мог без вмешательства потусторонних сил одолеть признанных и заслуженнейших физкультурников класса. Плюс к тому — репутация Санька и его дружков, недвусмысленно указывавшая на явных зачинщиков драки. В общем, дело было представлено как истерический припадок неуравновешен-

ного юноши, спровоцированный некорректным поведением одноклассников. На всякий случай главные действующие лица получили за четверть «неуды» по поведению.

После этого побоища Мамай (иначе его больше не называли) на какое-то время остался в изоляции. Настоящих друзей у него не водилось и до этого, а теперь одноклассники просто шарахались от него. С Аней Нил тоже больше не общался — один из его беспорядочно-безадресных ударов пришелся ей по уху.

Какое-то время Нил вел себя тихо. Но зверь, так долго дремавший в нем и теперь проснувшийся полным сил и злобы, искал выход накопившейся ярости. Отчуждение класса, получившего, с точки зрения Нила, по заслугам, бесило подростка не меньше, чем некогда бесили его смешки и издевки. В то же время Нил понимал, что воевать против всех невозможно и глупо. До поры до времени он держал свои эмоции в кулаке.

Прошло два месяца. Однажды Нил увидел, как Санек со товарищи выясняют отношения с одним из «пигмеев». Нил подошел к ним и посоветовал оставить парня в покое. Жест этот был замечен и одобрен.

Скоро вокруг Мамаея собралась кучка ребят, некогда пытавшаяся порознь противостоять притеснениям Санька и его долговязых дружков. Довольно быстро последние уступили свои позиции. Пару раз случались и стычки с кем-то из других школ или просто с местной шпаной. Как правило, конфликт исчерпывался, как только кто-либо произносил обладавшее теперь неоспоримым весом имя Мамаея. Узнав, кто стоит перед ним, противник предпочитал убраться восвояси. Лишь однажды Нил, не прекращавший своих каждодневных тренировок, пустил в ход кулаки... Вернее, только один кулак — второго удара не потребовалось.

В общем, вместо шпаны во главе с одним хулиганом в районе появилась другая компания во главе с Мамаем.

Фамилия Огрошев замелькала в рапортах участкового с невероятной частотой. Мамай не удовлетворялся уже тем, что давал отпор обидчикам. Теперь он сам искал противников, искал повод для драки. Находил и побеждал, зачастую обращая поединщиков в бегство одной лишь фразой: «Я — Мамай!»

— В мальчика вселился бес!— вздыхал классный руководитель.

Родители Нила просто отказывались верить в то, что рассказывали им о сыне.

На самом же деле бес вселился в Мамай давным-давно, жил в нем, копя силы, а теперь вырвался на свободу, вызвав настоящее стихийное бедствие.

Когда Мамай перешел в десятый, никто уже ни в школе, ни в районе не смел противостоять ему в кулачном бою. За исключением, конечно, тех, кто был повзрослее и постарше. О том, что они без труда могут внести свои коррективы в расстановку сил, Нил, пьяный от побед, опрометчиво забывал.

Познав горечь первого поражения (чей-то старший брат встретил Нила после школы и здорово отлупил), Нил стал более осмотрителен. Наведя порядок в рядах своих приверженцев (среди которых, кстати сказать, было немало бывших дружков Санька, дезертировавших из команды своего развенчанного вожака), он определил границы своей вотчины и решил впредь ограничить свои боевые действия ее пределами.

В очерченный Нилом район попали родная школа, несколько дворов и кафе-мороженое, ставшее своеобразной штаб-квартирой Мамай, где его компания частенько сидела после уроков, практически ничего не покупая, а лишь занимая столики, что вызывало крайнее неудовольствие директора кафе. Атмосфера в зале, полном нечесаных подростков, увешанных самодельными значками и клепками, не располагала к отдыху, и посетителей в эти часы практически не было.

Время от времени в кафе даже вспыхивали потасовки под девизом: «Это наше кафе!» — но директор был человеком решительным и не колеблясь вызывал милицейский наряд.

Тем не менее совсем выжить Орду, как называли теперь компанию Нила, из кафе силовыми мерами не удавалось.

Зима несколько остудила воинственный пыл Орды. Потом началась подготовка к экзаменам, затем выпускные экзамены, экзамены в вузах... Почти год об Орде практически ничего не было слышно.

За это время Нил умудрился поступить в институт. Вернувшись с картофельных полей, он первым делом заглянул в любимое кафе.

Оказалось, что армия его хоть и слегка поредела, но сохранила костяк и боевой настрой. Мамай занял свое законное место вожака.

Директор кафе несколько подобрел. Объяснялось это тем, что, с одной стороны, пацаны чуть повзрослели и стычек в заведении уже почти не случалось; с другой стороны, кто-то из Орды пошел работать, кто-то учился и получал стипендию — в общем, у ребят появились какие-никакие деньги, часть которых они оставляли в кассе.

Подобное полудидалическое существование длилось, впрочем, не долго.

В октябре начался призыв, и многие мамаевцы уходили в армию, перед тем хорошо поддавая в компании друзей в любимом кафе. Дешевая выпивка приносилась с собой и распивалась украдкой, так что факт распития выплывал наружу, только когда призывники и провожающая их братия вставали на уши или, наоборот, сползали на кафельный пол.

Одновременно с этой напастью появилась другая: откуда-то в кафе появились вьетнамцы. Директор уже с ностальгией вспоминал времена, когда Орда отвоевывала кафе у района.

Вьетнамцы вваливались в зал пестрой стайкой, облепляли столики, рассаживались. Поднимался неопиcуемый гвалт, непрошенные гости из дружественной страны побеждающего социализма доставали из полотняных сумок водку, непонятного вида экзотическую закуску. Над столами всплывали облака табачного дыма (курить в кафе воспрещалось, и, по неписаному правилу, Орда этот запрет блюла). Выпив, вьетнамцы расходились еще больше, бардак усиливался, начиналась беготня по залу, объедки, яичная скорлупа, окурки летели на пол, маленькие ручонки вытирались о цветастые занавески, опрокидывались и ломались пластиковые стулья.

Директор кафе пытался вступить с этой публикой в переговоры, но те открыто игнорировали его или показывали, что не понимают. Милиция умыла руки, не желая провоцировать международный скандал.

Мамай с приятелями, оттесненные за крайние столики, оторопело взирали на этот обезьянник на выезде. Так же как и доблестная милиция, они понимали, что существует определенная разница между человеком нормальным и иностранцем, и, хотя застоявшиеся без дела кулаки их зачесались еще при первом появлении вьетнамцев, нападать они не решались.

Прошла неделя, другая. Вьетнамцев в кафе приходило все больше. Пару раз получалось так, что кому-то из Орды не хватало стульев.

Как-то в конце ноября за столик, где сидел Мамай с ближайшими друзьями, подсел директор кафе.

— Ну что, Мамай,— с усмешкой спросил он, делая акцент на громком прозвище,— устал, присмирел?

Нил недоуменно посмотрел на него.

— Не машешь больше кулаками? Старый, должно быть, стал?

— А чего?— еще не поняв, куда клонит собеседник, но уже уловив в его тоне попытку принизить свой авторитет и заслуги, вскинулся Мамай.

— Да раньше-то, помню, ни одна чужая собака в кафе попасть не могла, а теперь, значит, задвинули тебя в угол.

Директор повернулся в сторону щебечущих на своем языке вьетнамцев и покачал головой.

— Да,— вздохнул он, вставая,— прошли времена. Орда вся вышла... Теперь у нас тут Хо Ши Мин обитает...

Мамай проводил мужчину долгим взглядом. Он не верил своим ушам: или с ними (с ушами) что-то случилось, или этот взрослый, серьезный человек подстрекал его к драке. И с кем! С иностранцами!

Уйдя с головой в осмысление этого удивительного факта, Нил не сразу заметил, что все взгляды Орды устремлены на него. Его забывшая вкус побед армия ожидала приказа. Мамай понял, что если не ответит на брошенный вызов, то его нерешительность перечеркнет все его прежние подвиги, похоронив легенду о непобедимом Мамае.

Нил медленно поднялся из-за столика. Выбрав глазами одного из куривших вьетнамцев, он громко окликнул его:

— Эй ты, урод, здесь не курят!

То ли вьетнамец не услышал, то ли не понял, то ли не принял этих слов на свой счет, то ли просто решил не реагировать.

Мамай вышел из-за стола и направился к вьетнамцам. Подойдя вплотную к выбранному им невысокому человечку, сидевшему положив ногу на ногу и смолящему длинную темную сигарету, Мамай снова повторил:

— Здесь не курят!

Вьетнамец поднял глаза на подошедшего к нему юношу, улыбнулся, обнажив длинную гирлянду мелких желтых зубов, и медленно, старательно выговаривая слова чужого языка, произнес:

— Койзиоль, пошьоль на х..!

С тем вьетнамец и отвернулся, утратив к Мамаю всякий интерес.

— Что-о-о?— От возмущения у Мамае перехватило дыхание. Несколько секунд он, свирепо вращая глазами, стоял

над гостем из теплой дружественной страны, а затем схватил его за шиворот, поднял над землей и потащил к выходу с явным намерением открыть дискуссию об употреблении ненормативной лексики в общественных местах.

Со всех сторон на Мамай посыпались весьма болезненные удары маленьких, но хорошо тренированных кулачков. Кто-то повис на нем, пытаясь вцепиться в горло.

Не успела выроненная вьетнамцем-полиглотом заморская сигарета коснуться пола, как в кафе уже началось побоище. Ярость, с которой стороны лупцевали друг друга, привела бы в полное уныние международных обозревателей, день изо дня поражавших тогда мир рассказами о взаимной любви народов-побратимов.

Как-то незаметно к драке присоединилось несколько дюжих мужиков с монтировками, незаметно выскользнувших из подсобки.

Минут через пять первых уделанных вьетнамцев начали выбрасывать из дверей кафе. Еще минут через десять выбросили последних. Наименее морально устойчивые мамыцы продолжали пинать ногами распростертые на покрытом первым снегом асфальте тела.

Два дня вьетнамцев не было видно. На третий большая их группа ворвалась в кафе, и, хотя нападение было отбито, попереворачивать столы они успели.

Поняв, что ни числом, ни умением им не одолеть, вьетнамцы начали партизанскую войну: били стекла камнями, прокалывали шины остановившихся у кафе автомобилей, нападали на отдельных посетителей.

Через две недели такой партизанщины директор кафе отозвал Мамай в сторону.

— Послушай, Мамай,— начал пожилой мужчина, теребя нижнюю губу.— Хочу с тобой поговорить.

Мамай согласно кивнул.

— Мы друг другу никогда не нравились.— Директор усмехнулся какой-то своей мысли.— И это правильно и ло-

гично. Но тогда ты был зеленым пацаном, хулиганистым шкетом с крепкими кулаками. Сегодня ты повзрослел, надеюсь, что поумнел, и мы можем поговорить как взрослые люди.

Мамай слушал не перебивая.

— Ты, кроме как драться, пока ничего толком не умеешь. Мне очень мешают эти обезьяны. Какой я вижу выход? Я даю тебе четыре модных «профиля», — директор жестом фокусника извлек из кармана пиджака четыре новенькие пятидесятирублевые купюры и раздвинул их в руке веером, — а ты избавляешь меня от этого геморроя. Идет?

Купюры произвели на Мамаю гипнотическое действие. Ему предлагали пять стипендий сразу! Он уже протянул руку, а с языка его готово было спорхнуть согласие, но в последний момент опомнился.

— Ха! А как я от них избавлюсь? Спалю их общагу?

Директор усмехнулся:

— Я думаю, что палить общагу — это чересчур. Достаточно будет хорошо их отделать. По-настоящему.

Мамай покачал головой:

— Они все равно вернутся. Если даже поломать им ноги, то через месяц они все равно будут в строю...

Директор наморщил лоб и с минуту думал о чем-то. Потом усмехнулся, сложил две купюры и сунул их в карман.

— Хорошо, я тебя, кажется, понял, — сказал он, протягивая Мамаю оставшиеся сто рублей. — Это будет ежемесячная плата. За работу. В конце каждого месяца будешь заходить ко мне за деньгами. Но чтоб ни одной мартышки духу не было, а за каждое разбитое стекло я стану высчитывать из этих денег. Идет?

Мамай думал почти минуту, глядя то на протянутые ему деньги, то на свои руки. В конце концов он взял «профили» и кивнул:

— Идет.

Вьетнамцам была объявлена война. Их отлавливали по всему району, независимо от того, намеревались они заходить в кафе или нет. Их просто выслеживали и били без лишних слов и объяснений. Милиции пришлось смотреть на это сквозь пальцы, ибо регистрация такого числа драк с участием гостей из дружественной страны стоила бы участковым и спецуре погон и кресел. Оставалось молиться, чтобы никого не убили.

Мамай не стал делить солидную по тем временам сумму на много-много маленьких. Он просто объявил крестовый поход против иноземцев. Желающих помахать кулаками за идею или ради удовольствия нашлось немало. Таким образом, все деньги осели в его кармане.

Через две недели мордобоя Мамай отловил нескольких вьетнамцев и предложил им перемирие при условии, что ноги их не будет ближе чем за квартал от кафе. Условия были приняты. Мамай теперь регулярно получал свои сто рублей и даже начал «премировать» лучших бойцов своей армии.

Успех вскружил голову, получаемых денег было уже мало. Мамай чувствовал, что есть возможности заработать и больше, искал другие статьи дохода, но не видел их.

Однажды к нему обратились за помощью два фарцовщика. Какая-то шпана периодически нападала на них и грабила. Обратиться в милицию они, естественно, не могли. От Мамае требовалась защита.

Налетчиков выследили и отделали, предупредив, что после следующего грабежа они получают право приобрести себе инвалидные кресла вне очереди.

В течение следующих двух недель под крылом Мамае оказалось около пятнадцати фарцовщиков. К весне месячный доход Мамае составлял почти семьсот рублей. Начали получать свою долю его ближайшие помощники. Перепадало и рядовым бойцам.

Все шло ровно и гладко. Деньги текли как бы сами собой. Приходили все новые клиенты, известность Мамае

росла, и ему уже даже не приходилось самому махать кулаками. Орда росла и пополнялась даже мужиками постарше.

Прошло полгода. Однажды к Мамаю обратился человек, продававший туфли собственного производства. Кто-то требовал с него половину прибыли.

Мамай не знал тогда ничего ни о цеховиках, налаживающих подпольные производства на базе государственных предприятий, ни о ворах, собирающих с них дань. Для него история, рассказанная пришедшим человеком, намеренно опустившим все эти детали, была обычной, а решение очевидным.

Пятеро мамаевцев встретили пришедших за данью двоих мордovorотов и хоть и не без труда, но вынудили их ретироваться. Казалось, проблема решена.

Но через день цеховик исчез, а одного из тех пятерых подловили в подъезде, назвали время и место, куда должен был явиться Мамай, после чего огрели чем-то тяжелым.

Мамай в аварийном порядке привел в боевую готовность костяк Орды. Разбив людей на группы, он наспиговал ими парк, где должна была произойти встреча, и отправился на нее в сопровождении двух ближайших помощников.

На встречу приехал пожилой грузин с немногочисленной, но впечатляющей своей мощью свитой. Он представился вором в законе Зурабом.

На Мамаю не произвели почти никакого впечатления ни свита, ни имя грузина, ни его титул. Мамай вел себя с визитером как с обычным зарвавшимся хулиганом из соседней подворотни. Для Зураба, привыкшего общаться с людьми, признающими уголовную иерархию, такой поворот был неожиданным.

В общем, разговора не получилось. Зураб скоро вышел из себя, делегации сцепились, из ближайшей беседки вышел «засадный полк» Зураба, но через минуту посыпавшиеся

градом из всех кустов мамыцы разнесли противника в пух и прах. Зураб, получив одно предупреждение и два раза по зубам, ретировался вслед отступающим соратникам.

Через два дня кто-то серьезно ранил Мамай ножом. Лишь по счастливой случайности он не пострадал серьезно. Тем не менее несколько дней пришлось провести в больнице. Там его инкогнито посетил улыбчивый молодой человек, мельком показавший Мамаю красную книжечку, и предложил выгодную сделку. Но на сей раз речь шла не о деньгах.

Выйдя из больницы, Мамай узнал, что объявился пропавший цеховик, которого в течение недели «перевоспитывали» в какой-то бойлерной, объясняя, что деньги можно и нужно отдавать только Зурабу. Имевший после этих мероприятий весьма бледный вид и сожженные утюгом ягодицы цеховик не устоял перед угрозами мамыцев и рассказал, как можно выйти на Зураба.

Дальше все было просто: Мамай вызвал Зураба на встречу, но вместо Орды в парк «почему-то» нагрянула милиция. Зураб с братом поехали в какой-то далекий город, чтобы в течение десяти лет овладевать новой для себя профессией лесоруба, а Мамай, быстро приструнив оставшихся на свободе боевиков Зураба, прибрал к рукам и оставшееся от вора хозяйство.

Однако Мамай сделал из этой истории определенные выводы. Вскоре костяк Орды обзавелся огнестрельным оружием. Мамай хотел мира и денег. Больших денег и власти. И крепкого мира. Поэтому Орда готовилась к войне.

В выборе подшефных Мамай стал осторожнее и разборчивее. Теперь он внимательно выслушивал приходящих, вникая в суть их проблем. Общаюсь с уголовниками, Мамай постигал воровские неписанные законы, примеряя эти правила игры к своим.

Благодаря тому, что все акции по переделу районов теперь тщательно продумывались и готовились, приобретенные Ордой стволы стреляли лишь дважды.

Как-то в руки ему попала потрепанная книга в мягкой обложке. Это был «Крестный отец» Марио Пьюзо. Роман потряс Мамай. Находясь под впечатлением от прочитанного, он возжелал создать структуру, подобную клану Корлеоне. Прочитав книгу еще раз, Мамай выписал самые важные куски в отдельную тетрадь (это был первый конспект, написанный Мамаем по собственному почину) и составил план мероприятий.

Однако с самых первых шагов начались серьезные трудности.

Мамай не был женат, и речи о «семейном бизнесе» пока что идти не могло. В ближайшем будущем никакого улучшения в этом плане также не предвиделось: после той первой влюбленности, оборвавшейся столь неожиданно и даже трагично, отношение Мамай к прекрасному полу круто изменилось с восторженно-возвышенного на... Как бы это объяснить? Мамай относился к ним с непонятным, необъяснимым презрением, вел себя нарочито грубо. Правда — что интересно, — у многих девушек он пользовался успехом. И дело здесь было не только в деньгах, которые Мамай нещадно тратил направо и налево... Впрочем, не столь важно, что нравилось девицам в Ниле. Главное, что ни с кем из «крутых чувих», вившихся вокруг, Мамай не мог не то что создать семью, но даже видеться больше двух дней.

Мамай попытался было заводить друзей по принципу Дона Вито, но и здесь он потерпел фиаско. Первый же человек, которому он взялся помочь, задал ему простенькую на вид задачу, оказавшуюся для Мамай невыполнимой: в доме этого человека полгода не было горячей воды, и суть просьбы сводилась к тому, чтобы эту самую воду получить. Трое парней рыли носами землю, бродя по ТЭЦ, РЭУ, Мосэнерго и прочим лабиринтам, и в конце концов все дело уперлось в пьяного слесаря, в полном изнеможении от только что прошедших майских праздников возлежавшего на топчане в мастерской. Синий и сонный слесарь не-

доуменно взглянул стеклянными глазками на кулак под своим носом, икнул, обдав визитеров безбожно густым перегаром, и безжизненно повис на державшей его за шиворот стальной руке, пробормотав напоследок что-то об угнетенных трудящихся стран Латинской Америки и Южной Африки. В общем, ни железная логика убеждающего, безукоризненно действовавшая, по словам Пьюзо, в Америке, ни менее интеллигентные методы русских мордоворотов не смогли поколебать незыблемость советского образа жизни.

Из-за советских же законов, не признававших право простых смертных на частную собственность и, мягко говоря, не одобрявших попытки заработать денег больше, чем нужно на пропитание и одежду, у Мамай не было возможности обзавестись не то что домом-крепостью, но даже вступить в кооператив, ибо в декларацию о доходах он мог вписать лишь сорок рублей стипендии, регулярно забиравшихся им в любимом, но не слишком часто посещаемом Институте пищевой промышленности.

Не увенчались особым успехом и попытки Мамай купить кого-нибудь из чиновников. Удалось лишь сторговаться с разной малозначительной шушерой, не способной решить серьезные вопросы. Вскоре Мамай понял, что держать их «на окладах» нецелесообразно, и оставил их про запас, на всякий случай. Рыба же покрупнее на уловки Мамай не попадалась. То ли Мамай не находил к ним нужного подхода, то ли предлагал мало, то ли обращался не к тем людям, то ли их просто не интересовали деньги как таковые. Да и не особенно нужны были Мамаю эти чиновники в его бизнесе.

Мамай отчаялся стать советским крестным отцом и решил остаться тем, кем был до сих пор.

«Закон о кооперации» открыл клапаны, через которые хлынули на волю закопанные и запрятанные левые деньги. Их оказалось так много, что Мамай с трудом успевал от-

слеживать появляющиеся новые и новые источники доходов. К концу восьмидесят пятого года он занимался исключительно руководством своей стремительно растущей империей. У него были специальные группы для драк, люди для сбора и учета денег, для отслеживания бесхозных кооператоров и множащихся, как тараканы, катал, кидал, наперсточников и прочего жулья и воря. Завязывались контакты с ворами в законе и такими же бригадами в других районах. Улыбчивый особист, пересев в глубокое кожаное кресло, не забыл об удачно реализованном договоре, но при этом держал его в тайне. Время от времени Мамай сдавал ему гастролеров — жуликов и воров из других городов, приехавших в столицу отнимать хлеб у подшефных Орды. Получая благодарности, поощрения и звездочки, особист по мере сил ограждал Мамаю от неприятностей со стороны своего ведомства. В то время доход Мамаю исчислялся тысячами рублей в месяц.

Сфера влияния Мамаю росла все быстрее, не проходило дня, чтобы к нему не являлись «ходоки» с просьбой о покровительстве или не подходил один из приближенных с новой идеей, обещающей принести доход. Со временем Мамай был вынужден перепоручить многие вопросы проверенным людям, ограничившись общим руководством и нечастыми выездами на встречи с влиятельными представителями других группировок.

В самом начале девяностых Мамай окончательно убедился, что такого количества денег, какое приносит ему его империя, ему не потратить при всем желании, если только не заняться благотворительностью или не топить долларами камин на снимаемой даче. Мамай решил пустить часть денег в оборот. Не с тем чтобы получить прибыль, а просто из интереса: сможет ли он раскрутить какое-нибудь дело. Сначала это было несколько небольших товариществ, занимавшихся торговлей. Потом появились производственные цеха, казино, туристические и риэлторские конторы, банк. Всобщая приватизация всего, что не

было еще украдено, оставила в активах Орды стопки акций и разнообразных ценных бумаг, часть из которых вскоре обратилась в ничто, но та часть, что сохранила ценность, с лихвой окупила затраты.

К этому моменту Орда уже не была просто бандой рэкетиоров. Она обрела довольно цивилизованную и хорошо продуманную структуру. Часть ее по-прежнему представляла собой машину по сбору дани с предпринимателей и жулья, продолжая время от времени использовать пистолеты и утюги для выполнения своей миссии. Другая часть, в которую незаметно вплетались люди совершенно другого покроя — юристы, экономисты, инженеры, технологи, компьютерщики, — двигалась в ином направлении, шагая по формирующемуся легальному рынку уверенной поступью и считая любые препятствия благодаря деньгам, в изобилии вырванным у своих подшефных боевиками.

Сам же Мамай, окружившей себя свитой из консультантов-профессоров, курировал все части дела. Впрочем, от рэкета он практически отошел, оставив его на откуп менее способным к покорению мира соратникам.

Игра в большой бизнес захватила Мамай. Теперь он каждую неделю начинал какой-либо новый проект, открывая для себя все новые и новые области приложения и оборота денег. Появлялись первые зарубежные партнеры. Рэкет по своей доходности уступил пальму первенства легальным формам зарабатывания денег и, что было гораздо важнее для самого Мамай, стал скучен и неинтересен. Мамай по-прежнему выезжал на некоторые наиболее важные «стрелки», но старался возможно быстрее или решить возникшую проблему, или переложить ее на более склонных к бандитизму помощников.

Как-то ему доложили, что некий мелкий предприниматель просит кредит, с тем чтобы вложить деньги в открытие кафе. В случае подобных пустяковых обращений Мамай лишь принимал подобное сообщение к сведению

и тут же перепоручал решение всех финансовых и организационных вопросов кому-то из помощников. Нередко случалось так, что Мамай вообще забывал о такого рода начинаниях и вспоминал о них, лишь получая очередной отчет о прибылях от своего бухгалтера. Так получилось и в случае с этим Геннадием Возовым. Человек этот предлагал какую-то мудреную формулу возврата кредита, и Мамай, досадливо махнув рукой, велел разбираться без него.

Позднее он отметил, что некое кафе с глупым названием не дает практически никакого дохода, и обратил на сей факт внимание одного из своих людей. Узнав, что это то самое кафе, на открытие которого просились деньги каким-то странным типом, Мамай порекомендовал своим специалистам по возвращению кредитов разобраться в причинах столь низкой рентабельности. Те приняли какие-то меры, и в следующем отчете возле названия этого кафе — «У Хоббита» — уже маячили четырехзначные цифры.

Мамай полагал, что вопрос с этими «хоббитами» исчерпан, и полгода ничто, кроме вполне удовлетворительных отчетов о кафе, успевшем за это время стать ресторанчиком, не напоминало. Когда же, спустя эти полгода, к Мамаю подошел один из командиров боевых групп и сообщил о каких-то проблемах то ли с невыплатой денег, то ли с попыткой оспорить права Орды на долю в каком-то предприятии, Мамай, занятый созданием очередной корпорации, лишь кивнул в ответ, давая понять, что предоставляет «браткам» самостоятельно разрешить проблему.

Но оказалось, что эти сэкономленные несколько минут вышли боком. Через два дня Мамаю доложили, что с ним хочет встретиться некто Анвар, человек известный и уважаемый в своих кругах. Проблема, которую хотел обсудить осетин, была опять связана с этим дурацким «Хоббитом».

Как доложил Мамаю занимавшийся этим вопросом заслуженный, но излишне прямолинейный и нахрапистый старшина по кличке Туча, дело обстояло следующим образом.

Компаньон их подопечного Геннадия Возова всячески препятствовал расширению дела, что наносило ущерб казне Орды, и категорически отказывался как продать свою долю, так и искать любой другой путь для полюбовного решения конфликта. Туча после нескольких предупреждений распорядился вывезти несговорчивого компаньона в одно из специально приспособленных для таких случаев мест и уговорить его. Процесс уговаривания включал различные аргументы, даже самые архаичные, вроде поставленного на живот утюга.

По оперативным данным Тучи, за этим несговорчивым парнем никто не стоял, и вмешательство в дело Анвара было полнейшей неожиданностью.

Выслушав Тучу, Мамай задал лишь один вопрос, имевший едва ли не ключевое значение при выборе стратегии решения возникшей проблемы:

— Как там этот парень себя чувствует?

Туча засопел, переминаясь с ноги на ногу. Мамай все понял и без ответа, но ему было интересно, как сам исполнитель оценивает плоды своих трудов.

— Ну как...— забасил неуверенно Туча, разглядывая носы своих кроссовок.— Сутки всего прошли... Почти и не били его...

Мамай покачал головой: ситуация складывалась непростая. Если парень серьезно пострадал, то вряд ли он теперь утрется и уберется восвояси. Тем более что за него вступился Анвар. Этот-то просто не позволит своему подопечному уйти, не потребовав сатисфакций.

— Туча, найди мне Васька и Голову.

Туча, облегченно кивнув, быстро удалился. Хотя Мамай давно уже не махал кулаками, не стрелял и даже почти никогда не повышал голоса, о нем продолжали ходить легенды как о кровожадном монстре, жестоко расправляющемся с непокорными и штрафниками. Слухи эти не имели под собой реальной основы, а рождались, скорее всего, вследствие самоуправства его сподвижников, полу-

чивших право самостоятельно пресекать попытки воспротивиться законам, которые устанавливала Орда. Во всяком случае, у Тучи не было никакого желания опровергать или подтверждать эти слухи, подставляя свою собственную шею, и он был рад исчезнуть с глаз долой.

Мамаю предстояло все обдумать. До «стрелки» оставалось менее четырех часов.

За последнее время Мамай привык решать лишь вопрос о том, на кого из помощников переложить ту или иную проблему, но на сей раз, похоже, каша могла завариться серьезная, и пускать дело на самотек не следовало. Нужно было все продумать, тщательно взвесить и принять решение. Единственно верное решение.

Итак, Анвар. Не бог весть что, но известная отчаянность и кровожадность кавказских коллег не располагала к благодущию. Самое неприятное в общении с этими пришлыми командами было то, что они не имели корней, болевых стратегических точек, угроза удара по которым могла бы сдерживать их воинственный пыл. В случае чего, они могли вести настоящую партизанскую войну, предпринимая вылазки на территорию противника и затем растворяясь в огромном городе до следующей операции. Используя эту тактику, Анвар мог бесконечно долго и весьма болезненно трепать как подшефных Орды, так и самих мамайцев.

Да и не мог Мамай позволить себе начать войну. Во-первых, он не представлял себе, насколько его боевые группы готовы к действительно серьезным действиям: волею случая Орда встала на ноги, избежав серьезных разборок и столкновений, и было не вполне ясно, как поведут себя привыкшие к легким победам боевики, если по-настоящему запахнет жареным. Во-вторых, главный козырь Мамай — особист — в случае с Анваром был практически бесполезен. Даже арестованный, Анвар мог преспокойно руководить своей кодлой, используя воровскую почту. В камере он был бы даже в большей безопасности, чем среди своих боевиков. А более всего беспокоило Мамай то, что война

могла не только отвлечь его от легальных просектов, но и серьезно помешать их осуществлению.

И вот еще что. Не так давно прошел слух о том, что Анвар стал вором в законе. Мамай не мог сбрасывать со счетов это обстоятельство. Хотя после встречи с Зурабом интересы Орды не пересекались со сферами интересов блатной братии и сам Мамай считал истории о «сходах» и «крестах» чем-то вроде красивой легенды, но...

Проверять не хотелось. Как знать, а вдруг хотя бы половина из легенд о всемогуществе «черной масти» окажется правдой? Даже этого с лихвой хватит для того, чтобы остаться без головы.

Нет, Мамай и не помышлял о войне. Предстояло решить вопрос миром. Хорошо, что этот несчастный остался жив. Это упрощало задачу. Скорее всего, все упрется в некую круглую цифру. Это не страшно. Если бы удалось успокоить всех, заплатив любую, сколь угодно большую сумму, можно было бы считать, что все окончилось благополучно.

С другой стороны, деньги платить не хотелось. Не только и не столько потому, что их было искренне жаль, а потому, что слух о том, что залетные бандиты получили с Орды отступного, мог подмочить ее репутацию.

И поскольку просто отмахнуться или даже отбиться от Анвара не представлялось возможным, нужно было представить дело таким образом, чтобы неправым оказался этот совладелец кафе или, что было бы еще лучше, сам Анвар.

Отправляясь на встречу, Мамай взял с собой двух консультантов-уголовников, которые должны были изыскать брешь в позиции противной стороны и обратить дело в пользу Орды.

Увы, надежды Мамай на опыт зеков не оправдались.

Атмосфера накалялась. Взятый тайм-аут мало что менял. Требования Анвара в нынешнем виде выполнять было нельзя: это был бы непоправимый удар по авторитету Орды. Появились бы новые желающие померяться с ней силой, а это означало бы как минимум переключение всех сил на

оборону. Убрать самого Анвара не составляло труда, но его земляки объявили бы Орде вендетту, соревнуясь в удали и меткости, чтобы доказать свои права на освободившееся место вожака. Да и этот чертов титул вора... Нет, трогать Анвара было нельзя.

На сегодня оставался запасной вариант: договориться с самим Анваром, убедив его отказаться от поддержки этого Лехи. Комбинация была довольно простой и несколько раз уже с успехом прокручивалась: братва делила деньги, лох оставался при своем интересе. Главное было — не ошибиться со ставкой: не предложить слишком мало, но и не переплатить. Предстояло провести некоторую подготовительную работу, после чего связаться с Анваром и сделать ему предложение, которое его бы устроило. Естественно, что знать об этих переговорах должно было возможно меньшее число людей: «кинуть лоха» считалось у воров делом нормальным, но только в том случае, если лох оставался лохом, так и не поняв, кто и когда его облапошил.

Пока же Мамай дал команду Туче привести заложника в порядок, вызвав, если нужно, врача.

ГЛАВА IX

У бывших пионеров Леши Рымкевича и Андрея Лосева была общая мечта.

Вернее сказать, не одна общая мечта, а две мечты с похожим сюжетом. Они мечтали разбогатеть. Сегодня такая мечта и мечтой-то не выглядит: все хотят стать богатыми и здоровыми, но в те давние годы это выглядело святотатством. Тогда было принято мечтать стать космонавтом, балериной, знатным шахтером-стахановцем. Более того, почиталось за благо передавать свои премии и гонорары во всякие фонды и непонятные организации с названиями в виде корявых аббревиатур.

Некоторым, кстати, позволялось мечтать о министерских или, на худой конец, консульских креслах, хотя официально эта мебель считалась крайне тяжким бременем. Да мало ли кто о чем мечтал, прекрасно зная, что шансов повторить взлет Остапа Бендера в этой жизни не представится.

Итак, бывшие пионеры мечтали разбогатеть. По крайней мере, настолько, насколько это было возможно в условиях развитого социализма, когда народ и Родина едины только в одном: отнять излишки у соседа и тут же поделить их. Оба они хотели смотреть импортное видео (о существовании отечественного тогда лишь ходили слухи), передвигаться на собственных автомобилях, узнавать время по своим золотым часам и ужинать в ресторанах за персональными столиками.

Тем не менее это были именно две независимые мечты, ибо критерии богатства и пути его достижения в понимании двух друзей были столь разительно не похожи, что вскоре оба перестали даже спорить о том, чей взгляд на жизнь более верен. Они просто делились своими мечтами и планами, нисколько не пытаясь навязать друг другу свою точку зрения.

Леша мечтал о «рыбном месте». Найти работу, позволявшую получать вполне легальные доходы, но на порядок более высокие, чем у среднестатистических соотечественников. При этом он не опускался до уровня таксистов или официантов, собирающих по крохам свои чаевые. Не привлекала его и карьера в торговле. Становиться толстым, вечно поддатым мясником или продавцом с воровато бегающими глазками он не собирался. Леша хотел идти по жизни с гордо поднятой головой, спокойно и степенно, и ни в коем случае не зависеть от тех, на чьи деньги он собирался строить свой мир. Напротив, место должно было быть таким, чтобы люди, хоть и не считали бы за честь поделиться с ним своими сбережениями, но принимали

бы его «рыбность» как должное, а недреманное око Закона смотрело бы на него с теплом и сочувствием.

Один из первых проектов Леша, которым он поделился с приятелем, был работать шофером-дальнобойщиком. Причем свои рейсы он хотел совершать исключительно в капиталистические страны. Идею эту подкинул ему один папин знакомый, несколько раз ездивший с караваном в Швецию и имевший неплохой приработок на привозимых оттуда тряпках и пластинках.

Андрей отнесся к перспективе крутить баранку холодно, а вскоре и Леша позабыл об этом.

Потом парень воспылал страстью ко внешторговым организациям. Пыл этот быстро охладил один знающий человек, просветивший подростка относительно неких негласных фильтров у дверей соответствующих вузов, которые никогда не пропустят человека без соответствующих рекомендаций.

Мечтал Леша стать и знаменитым кинорежиссером, и музыкантом, и художником, но отсутствие видимых талантов и тернистость такого пути к цели разочаровали подростка и подвигнули продолжать искания на другом поприще.

Он решил опуститься с небес и смотреть на вещи реально. И вскоре опустил на землю настолько, что ниже остались, пожалуй, только упомянутые шахтеры: Леша целый месяц носился с идеей стать санитаром в морге.

— Ты только прикинь,— возбужденно размахивая руками, расписывал он Андрею все перспективы, открывавшиеся на этой стезе.— Тридцать рублей за одного. Так? Даже если в день будет по одному...

Сказать по правде, Андрея несколько замутило при первых же словах друга. Он живо и в красках представил себе лежащее на длинном металлическом столе шупленькое, скрюченное последней судорогой тельце какой-нибудь древней старушки, которую предстояло омыть перед облачением в погребальный наряд. От одной мысли, что нужно будет прикоснуться к этой холодной жилистой то ли плоти,

то ли нет, по телу пробежала неприятная дрожь. И если бы не тот азарт, с которым приятель принялся складывать и перемножать не заработанные еще деньжищи и который придавал его довольно-таки циничной речи оттенок комизма, Андрей навряд ли нашел бы в себе силы дослушать этот монолог.

— А если обмывать по пять штук в день...— продолжал увеличивать ставки Леха.

Андрея снова передернуло, когда друг вот так запросто обозначил тела усопших как «штуки», словно речь шла об уложенных кирпичах из задачи по алгебре, и он поспешил перебить товарища, чтобы несколько умерить его пыл, а заодно дать передышку своим нервам и желудку.

— А если столько не помрет?— в тон Лехе поинтересовался он.

Леха замолк, озадаченно потирая переносицу. Было очевидно, что он уже просчитал свой возможный бюджет для гораздо большего числа «клиентов», отнюдь не задаваясь вопросом ограниченности «фронта работ».

— А потом,— начал осторожно возражать Андрей,— ты хоть представляешь себе, что такое обмывать покойника? Ты покойника-то вблизи когда-нибудь видел?

В принципе у друзей, как я уже упоминал, было заведено избегать обсуждения проектов на будущее, но здесь был особый случай. Хотя впереди было по меньшей мере еще два года школы и вероятность того, что эту Лешину идею не сменит другая, была до смешного мала, Андрею показалось, что должность санитара в морге — это чересчур. Очень ему не хотелось бы увидеть друга в такой роли, и даже мысль о том, что Леха только мечтает о подобной карьере, была для него убийственна. Именно поэтому он впервые за все время их знакомства и дружбы попытался вразумить друга, уговорить его отказаться от своей затеи.

Увы, приведенные возражения привели к неожиданному и довольно неприятному результату. Подумав какое-то

время, Леха объявил, что общение с покойниками дело и впрямь нешуточное, а потому он попробует найти способ проверить, насколько спокойно сможет перенести подобное общество.

Андрей поинтересовался, как именно Леха собрался проводить подобный эксперимент, и ответ буквально пригвоздил его к полу.

— Схожу в крематорий и попрошусь посмотреть.

Простота, с которой было найдено решение, была истине уникальна. Андрей открыл было рот, чтобы возразить что-то вроде «тебя туда не пустят», но не сказал ничего, решив, что и так уже невольно подтолкнул друга на дикий эксперимент.

Прошла неделя. Леха больше не заговаривал о покойниках, и снедаемый любопытством Андрей решился сам поднять этот вопрос.

— Как там морг?— полушутливо спросил он Леху на одной из перемен.

Тот покачал головой и произнес серьезно:

— Нет, это, пожалуй, тоже отпадает.

Андрей не стал выпытывать подробности принятия такого решения, но для себя отметил, что друг все-таки пробрался в обиталище мертвецов, где оценил свой план объективно и по достоинству.

Одной из последних головокружительных идей Лехи, возникшей уже в десятом классе, была работа огранщиком алмазов. Решение было, в общем, наиболее серьезным и взвешенным из десятков всех, что принимались ранее. Возможно, если бы не те фортели законодательства огромной страны, которые были выкинуты в последние годы обучения друзей в школе, Леонид Рымкевич сегодня работал бы преспокойно в одной из мастерских, заколачивая свои шестьсот — семьсот «рваных», и был бы вполне доволен «сам собой, своим обедом и женой».

Что же касается жизненных планов Андрея, то здесь все обстояло несколько проще. Дело в том, что юноша

иначе видел саму цель. Он вообще решительно отвергал путь накопления день за днем, месяц за месяцем, которым шли до него все нормальные люди. Андрей свято верил, что нужно дождаться своего шанса, чтобы, решив вопрос раз и навсегда, больше к нему уже не возвращаться.

Он не знал наверняка, что это будет за шанс, когда и где его ждать и как встречать. Но в то же время он не сидел сложа руки в ожидании манны небесной, а всячески пытался найти место, откуда хватать звезды проще всего.

Его идеи конечно же сильно отличались от проектов Лехи. Их было не столь много, но ведь и задачу Андрей поставил для себя много более сложную: сорвать банк с одной попытки.

Так, скажем, в дни, когда только начиналась их дружба с Лехой, Андрей вынашивал планы обнаружения легендарного клада Чингисхана, о существовании которого он прочел в одном толстом журнале. Собственно, проблемы поиска кладов занимали его и по сей день. В столе у него даже лежало почти готовое обоснование проекта поиска затонувших кораблей в двух точках земного шара. К сожалению, даже по самым скромным подсчетам сумма вложений была столь непомерно велика, что найти инвесторов или банк, которые согласились бы выделить на эту затею деньги, не представлялось возможным.

Как-то в пионерлагере Андрей, купаясь в реке, выловил мидию и, из интереса вскрыв ее, обнаружил крохотную жемчужину. Все лето он носился сначала с идеей ловли жемчуга, потом с идеей его производства, но ничтожные, как оказалось, цены на необработанный речной жемчуг, проблемы с советскими законами и срок жизни мидий отбили у него всякий интерес к таким проектам.

Все остальные его идеи при кажущейся осуществимости с завидным постоянством налетали на один и тот же камень — закон. Андрей злился, не понимая логики этих запретов, не понимая, почему нельзя, скажем, собирать на свалках батарейки или старые киноплёнки и выплавлять

из них серебро, не понимал, почему общество решительно против того, чтобы один умный человек зарабатывал деньги, принося пользу окружающим.

Чемпионат по «футболу», авторские права на который принадлежали Лехе,— была первая их совместная акция, не принесшая заметного финансового успеха, но подтвердившая тезис о том, что «жить можно».

Теперь уже не вспомнить, кому из них первому пришла в голову мысль перепродать макулатуру. Скорее всего, Андрею, ибо подобные авантюры вполне в его духе. Тем не менее оба они участвовали в этой операции от начала до конца и, как мы уже знаем, одинаково пострадали. Самым приятным моментом в макулатурной афере было то обстоятельство, что ни милиция, ни педсовет школы, ни родители не смогли найти в их предприятии ничего, за что можно было бы наказать (на потерю пионерских галстуков оба друга смотрели с полнейшим безразличием). Более того, несмотря на шум, поднявшийся вокруг этой истории, никто так и не смог внятно объяснить ребятам, почему же они поступили *плохо*.

Андрей вынес из этой истории уверенность, что возможности «сорвать банк», не входя в конфликт с государством, действительно существуют, а как же иначе, если даже шестиклассники смогли найти способ заработать кучу денег? Леша сделал вывод едва ли не противоположный. Он понял, что в поисках «рыбных мест» зачастую важно не наличие соответствующей статьи, а реакция окружающих на твои успехи.

Еще у Леши появился новый приятель, который на первых порах вызывал у него не столько симпатию, сколько искренний интерес. Это был конечно же Миша Зуленич, уже тогда обозначенный товарищами как Зуля. Прошел почти год, прежде чем однажды Леше пришла в голову мысль, что этот тихий паренек мог бы стать не только хорошим другом, но и отличным компаньоном.

Следующей же страницей летописи славных дел Леши и Андрея стала домашняя студия звукозаписи. Это была уже в полном смысле слова совместная деятельность. У обоих ребят стояли дома кассетные магнитофоны. У Леши — «Весна», у Андрея — «Электроника». Соединив эти два чуда отечественной техники шнуром, ребята получили возможность тиражировать кассеты. Стоимость одной минуты в государственной студии составляла десять копеек. Наши коммерсанты просили рубль за кассету. Не сказать, что клиентов было море: приятели искали заказчиков среди своих же сверстников, для которых и рубль был суммой внушительной. Тем не менее два или три раза в неделю Андрей брал под мышку свою «Электронику» и шел к Леше исполнять чей-нибудь заказ.

Потихоньку, рубль за рублем, наполнялась Лешина копилка. Сам процесс опускания мятой бумажки в прорезь доставлял ему несказанное удовольствие, ибо давал ощутить, почувствовать своими руками, как приближается он к своей мечте.

Андрея же процесс угнетал. Он тоже часто пересчитывал свои накопления, хотя и знал точно сумму, но не из удовольствия. Его жгла изнутри жажда действия, ему не терпелось как-то использовать эти деньги, пустить их в оборот, и, будь у него паспорт, он по крайней мере положил бы их в Сбербанк.

Как-то Леше дали на день посмотреть немецкий журнал с фотографиями рок-групп. Леша притащил его в школу и продемонстрировал на одной из перемен. Вокруг собралась толпа сверстников, галдевших и просивших полистать буржуйское издание. Леша со своим журналом стал героем дня.

Андрей взглянул на это событие с другой точки. Вечером он взял у друга журнал и переснял наиболее выигрышные постеры своей «Чайкой-2». На следующий день он появился в школе с пачкой фотографий. Как ни странно,

фотографии быстро разошлись по двадцать — тридцать копеек за штуку.

С того момента друзья занялись еще и фотографией.

Они с удивлением обнаружили, что просто пестрая картинка выглядит гораздо притягательнее, чем кассета с самой что ни на есть популярной музыкой. Объяснить такое странное предпочтение было трудно, да наши герои и не пытались этого сделать. Они опрашивали всех знакомых, малознакомых и почти незнакомых людей на предмет наличия журналов, плакатов, обложек от пластинок и всего, что можно было переснять.

Тогда-то и пригодился Миша Зуленич, чья сестра, как оказалось, работала стюардессой на международных авиалиниях и во множестве привозила из Европы наиболее популярные журналы.

Узнав о том, что Леша ищет подобный материал, Зуля сам предложил ему свою помощь. После короткого совещания Леша и Андрей решили принять парня в свой трест, тем более что Миша увлекался фотографией и для него не составляло труда переснять и напечатать как черно-белый, так и цветной снимок.

Зуля начал изготавливать фотографии, Андрей и Леша взялись за реализацию. Деньги делились как бы поровну, но если кому-то удавалось найти олуха и продать карточку дороже оговоренного тарифа, то лишние монетки оседали в кармане счастливчика.

Однажды Мишина сестра привезла из Австрии пластинку «Queen» с цветной вставкой. Вставка была немедленно переснята. Андрей принес эту фотографию в школу. На последней перемене к нему подошел какой-то парень из старших классов и спросил, нельзя ли купить сам диск. Он предложил хорошую цену. Миша поговорил с сестрой, и сделка состоялась.

Так в актив троих коммерсантов добавились операции с пластинками.

Тем временем вышел легендарный «Закон о кооперации», но наши друзья не смогли еще оценить эпохальность этого события, да и участвовать в процессе они пока не могли. Так что троица продолжала возиться с фотографиями, пластинками, кассетами, значками. Но «Закон» их интересы все же затронул — в обороте появилось множество импортных кассет и пластинок, а так же море кустарного производства значков и фотографий, сделанных в профессиональных студиях. Спрос на продукцию троих компаньонов начал катастрофически падать. Нужно было искать новые способы зарабатывания денег.

Как-то на перемене Андрей подошел к Лехе и отозвал его в сторону.

Заговорщицки оглядевшись по сторонам, он вытащил из внутреннего кармана толстый конверт. Сквозь тонкую бумагу просвечивала пачка черно-белых фотографий девять на шесть — формат, от которого друзья уже давно отказались, перейдя на фотографии большего масштаба. Да и продукция их давно уже была цветной.

Леха удивился также, что Андрей сам напечатал фотографии, тогда как уже полгода этим занимался Миша.

Еще раз оглядевшись по сторонам, Андрей осторожно открыл конверт и медленно, явно рассчитывая произвести на друга определенное впечатление, вытянул верхнюю фотографию.

Сначала показался верхний уголок, и Леха с удивлением обнаружил, что перед ним переснятая игральная карта, валет треф. Однако вместо обычного для карт рисунка там оказалось изображено нечто другое. Леха увидел орнамент (очевидно, какого-то ковра на стене), потом голову девушки — как-то странно приоткрыв рот, она словно задыхалась и тянулась к фотографу за спасительным глотком воздуха.

Андрей резким движением вытянул карточку из конверта, и у Лехи перехватило дыхание.

Девушка на фотографии была почти голой. Кружевные трусики — единственное, что прикрывало ее тело. Она сто-

яла, повернувшись к камере и наклонившись вперед, а странное выражение лица приобретало совсем иной смысл. Руками девушка поддерживала снизу грудь с большими темными сосками, словно протягивая ее фотографу.

Леха впервые в жизни видел подобный снимок. До этого ему приходилось лицезреть обнаженное женское тело лишь мельком, в двух шедших по телевизору фильмах — «Экипаж» и «Берега». Промелькнувшие в мгновение ока кадры обсуждались и смаковались мальчишескими компаниями в течение недели. Это было событием. Но там обсуждался сам факт явления женщины в неглиже, мало кто успел рассмотреть что-то, и оттого картину дополняла фантазия подростков. Здесь же фотография лежала перед Лехой, не собираясь никуда исчезать, давая возможность спокойно ознакомиться с особенностями строения женского тела.

Леха ощутил приятное тепло в паху, колени вдруг ослабли. С трудом оторвав зачарованный взгляд от пышной груди девушки, он посмотрел на расплывшегося в улыбке приятеля.

— Что это?— спросил он.

Андрей улыбнулся еще шире.

— Тетка,— ответил он, сияя, с видимым удовольствием наблюдая эффект, произведенный снимком.

— А вот еще.— Он вытянул следующую фотографию.

Девятку пик украшала уже другая девушка. Темнокожая красавица стояла, закинув тонкие руки за голову и демонстрируя идеально сложенное тело. На этой не было ничего, кроме ажурных белых чулок, ничуть не мешавших созерцать области, представлявшие наибольший интерес.

Во рту у Лехи пересохло, негнушимися пальцами он взял у Андрея конверт и стал вытягивать карточку за карточкой. Одна за другой появлялись перед ним девушки разных форм, возраста и цвета кожи. Они демонстрировали свои прелести, принимая самые причудливые и невооб-

разимые позы, поворачиваясь то так, то эдак, и лишь изредка отягощали свои тела чем-нибудь из белья.

Андрей все это время озирался по сторонам, готовый предупредить с головой ушедшего в созерцание фоток приятеля о приближении постороннего.

Когда Леха дошел до последней карточки и застыл с ней в руках, таращась на средних лет женщину, расстегнувшую лиф, чтобы похвастать огромной грудью, походившей на два здоровенных астраханских арбуза, Андрей забрал у него пачку и, сунув в конверт, быстро убрал во внутренний карман.

— Потом посмотришь.

— Откуда это?— Леха еще не вполне пришел в себя, словно только что очнулся от прекрасного сна.

— Парень один дал колоду на день.— Андрей еще раз глянул по сторонам.— Как ты думаешь, пойдет?

— Пойдет!— кивнул восхищенно Леха и тут же спохватился, поняв, что речь идет не о его впечатлении.— Для чего пойдет?

— Продавать!— изумился его несообразительности приятель.

— Продавать...— повторил за ним Леха, взвешивая в уме перспективы подобного предприятия, а главное — последствия, в случае если такая колода попадет в руки взрослых.

— А что, я думаю, пойдет на «ура»!— Чувствовалось, что Андрей уже все продумал.— Двадцать пять копеек штука, или семь рублей вся колода.

— Семь рублей?— отшатнулся Леха.

— А что? Не хочешь — бери по одной!— отрезал Андрей тоном, не терпящим возражений.

— Слушай...— Леха вернулся к вопросу, волновавшему его больше всего.— А если застукают?

— Кто? Эти?— с насмешкой переспросил Андрей, ткнув пальцем в сторону учительской.— Ну и что? На нас статья пока не действует...

— Статья?!— Леха решил, что или он ослышался, или его друг спятил.— Какая статья?

— Ты что, дурак совсем?— Андрей начал терять терпение.— Статья есть за распространение этого. Мы еще малолетки, нам ничего не будет.

Леха вспомнил о скандале с макулатурой, и на душе у него стало беспокойно. Он не сомневался, что с точки зрения УК все обстоит именно так, как говорил приятель, но безотчетный страх перед необъяснимым табу, наложенным где-то в подсознании, подсказывал, что затевать подобную авантюру не стоит. Он вспомнил, как покраснел и отвел глаза от экрана, когда там появились вдруг Яковлева и Филатов, лежащие в постели, и еще он понял тогда, что в краску его вогнало именно присутствие в комнате родителей, которые сидели и спокойно смотрели фильм, словно не лежала перед ними полуголая актриса.

Вместе с тем ему не хотелось показать, что он испугался. Он решил найти в плане приятеля слабые места.

— А если попрут из школы?— Первый аргумент был не очень удачным, но давал возможность еще подумать.

— Куда?— Андрей даже поморщился.— Дотянут до конца восьмого, а там — по фигу, переведемся в другую школу или техникум.

— А кто будет печатать?— Это возражение было уже по существу.

— Зуля,— уверенно отпарировал Андрей и, предвосхищая следующий вопрос, тут же добавил:— А не согласится — я сам буду печатать. Тем более что негативы все равно черно-белые.

— А пойдут черно-белые?— Это был последний выдох.

— Такие пойдут,— уверенно кивнул приятель.— Таких еще ни у кого нет.

Это «ни у кого» было сильным аргументом. В последнее время у ребят появились конкуренты, также штамповавшие постеры западных групп, да и некоторые молодежные журналы под флагом гласности начинали пробовать себя на

этой ниве. Цены падали, желающих тратить деньги на недолговечные фотки становилось все меньше. Такое могло спасти положение.

На следующей перемене они подошли к Мише. Тот просмотрел фотографии спокойно и, выслушав предложение Андрея, кивнул понимающе, но сказал, что ответит на следующий день.

А на следующий день он встретил Леху до уроков и отозвал в сторону. Достав из сумки большую книжку сказок братьев Гримм и подойдя к товарищу вплотную, открыл ее.

Увидев то, что лежало в книге, Леха издал такой звук, словно его ударили в живот.

В книге лежал журнал. Вместе с книгой он раскрылся на середине. На его гляцевых страницах трое мужчин и две женщины занимались тем, о чем Леша слышал лишь скользкие туманные намеки сверстников.

Зуля тут же захлопнул книгу.

— Сестра на шкафу прячет,— пояснил он, опуская книгу в сумку.— Так что можно делать и цветные...

В общем, они занялись новым бизнесом. Спрос и число заказов превысили все их ожидания. За месяц с небольшим они продали почти полторы тысячи фотографий. Потом они попались.

И не попались даже. У одного из их постоянных покупателей фотографии нашел отец. Всыпав сластолюбивому чаду ремня, родитель быстро выяснил все о происхождении фотографий и поделился узанным с завучем школы. Так как Зуля не продавал свою продукцию, то он вообще остался в тени и успел замести все следы. Андрей и Леха отпирались и отвирались как могли, но появившиеся новые свидетели осложнили дело. Приятели зубами вцепились в версию о чемодане, найденном в подвале, и никакие расспросы, допросы и угрозы не сдвинули их с этого рубежа ни на шаг. Дело в итоге закончилось «последним предупреждением» и обещанием попроситься с коммерсантами сразу же по окончании восьмого класса.

Зуля, впрочем, тоже не вышел сухим из воды. В надежде найти концы следователь приперся на родительское собрание и продемонстрировал родителям несколько фотошедевров. Как на зло, на собрание пришла сестра Зули, которая, не будь дура, быстро сопоставила страсть младшего брата к фотографии, редкую тогда гэдээровскую бумагу и разительное сходство фотографий с картинками в журналах, которые, как оказалось, она прятала недостаточно надежно.

Более всего печалило приятелей то обстоятельство, что любой их бизнес в стенах школы был теперь чреват неприятностями весьма серьезными. Однако деловой зуд, как наркотик, требовал чего-то нового.

В поисках идей они прошлись по двум рынкам, где новоявленные нэпманы расставили свои лоточки с самодельными товарами. Рубашки и платья, сшитые по выкройкам из иностранных журналов, пояса из дерматина, футболки с выбитыми через трафарет рисунками и надписями, значки с портретами Горбачева, ликами рок-идолов и надписями вроде «Ты не прав!», с внушительным кулаком. Цены на все это просто пугали, а прибыль кооператоров (даже по самым скромным подсчетам) вызывала угольно-черную зависть.

Друзья бродили среди этого кустарного изобилия, рассматривали скептически «балахоны» и «бананы», ниспадающие с вешалок, и отмечали для себя, что, несмотря на их аляповатый вид, вещи смотрят, меряют и даже покупают.

На их глазах начиналась новая интересная жизнь, полная перспектив и возможностей. Отправлялся в по-настоящему светлое будущее первый поезд, успеть на который так хотелось юным коммерсантам.

Завершив обход, троица зашла в скверик и, усевшись на полуразломанной скамейке, стала обсуждать увиденное.

— Класс!— первым заговорил Андрей.— Штаны из простыни за семьдесят рэ! Купить простынь, как делать нечего...

— Да, разбежался!— оборвал полет его фантазии Леха.— А патент? А кто шить будет? А налоги они знаешь какие платят? Все твои семьдесят рэ вылетят в трубу со страшным свистом.

Приятели заспорили. Только Миша задумчиво рассматривал носки своих кроссовок.

Пока Андрей безуспешно пытался с лету отместить все Лехины «но», Миша не проронил ни слова, как будто яростный спор друзей нисколько его не касался. Когда же Андрей и Леша несколько подустали и появилась возможность вставить в их диалог реплику со стороны, Зуля заговорил.

— Открыть кооператив мы не сможем. И никого из взрослых уговорить на это не удастся,— ровным голосом произнес он.— Другое дело, что мы можем помогать кому-то из кооператоров, но что нам доверят, кроме выноса мусора и перетаскивания тюков? Да и то вряд ли: эксплуатация детского труда не приветствуется.

Он помолчал, посмотрел на притихших товарищей исподлобья, проверяя их реакцию на столь безапелляционное заявление, и закончил:

— А если бы мне и предложили таскать мешки, я бы отказался. Мешки — занятие для дураков. Не знаю, как вы...

То ли это был ловкий маневр, то ли неудачно построенная фраза, но после такого определения умственных способностей тех, кто выполняет мелкие поручения, иного ответа у друзей и быть не могло.

— При чем здесь мешки?!— искренне возмутился Андрей.— Что я, шестерка, что ли?

— Никто об этом и не говорит,— поддержал друга Леша.— Вопрос как раз в том, что мы можем сделать сами.

— А сами мы пока, наверное, ничего не можем сделать,— покачал головой Миша.— Остается ждать идею.

— А чего ее ждать?— пожал плечами Андрей.— Торговать пока потихоньку кассетами, еще чем-нибудь... Среди своих.

Похоже, что трио разваливалось. Нет, они, конечно, будут дружить и ходить друг к другу в гости. Но общего дела у них отныне не было. Миша собирался пока залечь на дно и ждать случая; Андрей рассчитывал продолжать писать кассеты для тех, кто умел держать язык за зубами; Леша был готов «крутиться» вместе с Андреем, но напряженная по случаю недавних скандалов обстановка дома вынуждала его быть настороже. Друзья так ни к чему и не пришли.

Вскоре закончился учебный год. Друзья не виделись почти три месяца. Первого сентября они встретились вновь, чтобы поделиться воспоминаниями о прошедших каникулах.

Впечатлений было море, и даже Миша, не имевший привычки перебивать собеседника, несколько раз был вынужден перехватывать инициативу у приятелей, чтобы повести им очередной эпизод.

В какой-то момент Андрей взмахнул рукой, и рукав школьной куртки сбился, открыв нечто, висевшее на запястье.

— Стой-стой-стой!— поймал его Леха за локоть.— Ну-ка, покажь, что там у тебя?

Андрей улыбнулся и медленно, с гордостью подтянул рукав.

Друзья увидели кожаный (вернее, это была не кожа, а заменитель, каким обшивают сиденья в кинотеатрах) браслет шириной сантиметров в восемь, усеянный рядами металлических клепок, какие ставят обычно на днища матерчатых сумок. Леха знал, что это экипировка «металлистов» — фанатов тяжелого рока, и рассматривал браслет как вещь вполне обычную. Миша же никогда не обращал

на подобную атрибутику внимания, и этот аксессуар был ему в диковинку.

— Зачем это?— поинтересовался Зуля.

— Ты что?!— изумился Андрей серости приятеля.— Это хард-рок, круто!

Для убедительности Андрей вскинул руку со сжатым кулаком вверх, оттопырив в последний момент указательный палец и мизинец.

Леха усмехнулся. Миша скептически проследил за этим жестом.

— И не лень было клепки ставить?— спросил Зуля с иронией.

— Я и не ставил,— несколько смутился Андрей.— Я его купил. За одиннадцать рублей...

— За сколько?!

Вопрос этот задали одновременно и Леша и Миша, но прозвучал он из их уст по-разному. В Лешином возгласе было почтение к дорогой вещи и уважение к человеку, позволяющему себе такие покупки. Миша же просто не поверил своим ушам: одиннадцать рублей — за такое барахло?!

— Одиннадцать.— Андрей посмотрел на свой браслет, словно изумляясь, как можно сомневаться в выгодности подобной покупки.— Да там, кстати, такие по пятнадцать толкали. Просто я пацана этого знаю...

— Где — там?

— Ну,— сделал Андрей неопределенный жест,— в одном кафе на Университетском...

— И много там такого... продают?— Миша явно заинтересовался браслетом, но приятели никак не могли взять в толк, куда он клонит.

— Ну, много,— подумав, кивнул Андрей.— Там можно, считай, любые купить: на кнопках, на липучке, на шнурках, широкие...

— Нет, ты не понял,— мягким жестом остановил его Миша.— Много ли их там покупают?

— Покупают?— На лице Андрея читалось недоумение. Несколько секунд он размышлял над смыслом вопроса, а потом радостно закивал, поняв наконец ход мыслей Зули.

— До хрена и больше!— радостно сообщил он, оборачиваясь к Леше, до которого уже тоже дошел смысл вопросов.

С этого дня у друзей снова было общее дело. Они делали браслеты. Обходились они в рубль-два, а продавались (приятели не особенно заламывали цены) в три-четыре раза дороже. Клепки купить было просто. Единственным сложным моментом был дерматин, но после того, как отец рассказал Леше о свалке, куда свозились старые автобусы, проблем с этим больше не стало.

В этом предприятии, пожалуй, впервые раскрылись деловые качества каждого из троицы.

Миша был, без сомнения, мозговым центром компании. Он долго думал, но решения, предлагаемые им, всегда оказывались взвешены и просчитаны до мелочей. Если он брал слово по какому-то вопросу, то практически всегда предложения его принимались на «ура». Когда появился спрос на браслеты с металлическими шипами, именно он предложил договориться с трудовиком соседней школы об аренде токарного станка. Когда же милиция начала задерживать тех, кто носил шипованную амуницию, объявив ее холодным оружием, именно Миша нашел на каком-то заводе игрушек цех, где делали резиновые конусы очень похожей формы. Стащив мешок этих резинок, приятели надолго обеспечили себя сырьем.

Леша оказался личностью творческой. Он не захотел останавливаться на классических браслетах и перчатках, в которых ходил тогда весь металлический люд. Он изобретал новые доспехи, каких не было не только ни у кого в Москве, но даже и у музыкантов на импортных постерах. Пусть не все Лешины шедевры продавались сразу, зато в кругу знатоков и ценителей подобной амуниции его имя произносилось таким же тоном, каким женщины и девчонки про-

износили имена Бурды и Кардена. Кроме того, это именно он придумал использовать для изготовления браслетов голенища старых женских сапог, а в конце восьмого класса, сшив несколько голенищ вместе, изготовил крутейшую жилетку, проданную ими аж за двести рублей!

Андрей был главной движущей силой. Атомным реактором, придававшим ускорение всему, чего только он не касался. Он был нетерпелив во всем, и если возникала проблема, он бросался устранять ее, еще не успев решить, что нужно делать. Порой его эмоциональность приводила к неприятным последствиям, но если кто-то из покупателей начинал торговаться, то лучшего противоядия, чем Андрей, было не сыскать. Торговался он отчаянно. Дело было отнюдь не в скупости. Сам процесс противостояния, убеждения в своей правоте доставлял Андрею удовольствие, схожее с тем, какое испытывает альпинист, карабкающийся по склону горы.

Кстати, когда встал вопрос о том, как добыть с завода обнаруженный Мишей мешок, Андрей со свойственной ему наглостью предложил просто пройти с ним через проходную, с серьезными лицами, словно они выполняют чье-то поручение. На проходной их все-таки остановили, и бдительная бабушка-вахтер поинтересовалась, что они тащат.

— А мы откуда знаем?— возмутился Андрей, всем своим видом демонстрируя, насколько ему, несчастному ребенку, тяжело стоять с этим мешком на плече.— У нас здесь практика. Нам Александр Васильевич сказал сорок мешков к воротам перетаскать. Вот мы и таскаем!

Вахтер была озадачена не столько тем, что не слышала ни о каком Александре Васильевиче, сколько тем, что мешки с сырьем таскают вручную, причем на горбах бедных школяров.

— Вы сейчас еще за мешками пойдете?— осведомилась она.

— Конечно,— подтвердил Андрей.— Еще ведь тридцать девять мешков осталось!

— Ну, тогда скажите своему Александру Васильевичу (или кто у вас там руководитель?), чтобы подошел сюда и оформил документы как положено!

— Ладно! — кряхтя ответил Андрей, уже выходя за ворота.

Оказавшись на улице, приятели, насколько это было возможно, припустили прочь от фабрики.

— Слушай,— поинтересовался Леха, когда они наконец остановились отдышаться,— а кто такой этот Александр Васильевич?

— А я откуда знаю?— ухмыльнулся Андрей, довольный своим удачным экспромтом.— Наверное, большой начальник.

— Фельдмаршал,— поддакнул Миша.— Граф Суворов. Приятели рассмеялись.

Произошло чудо. Приятелей не отчислили после восьмого класса. Отток из школы был настолько велик, что из трех восьмых классов едва-едва удалось набрать два неполных девярых. Возможно, именно поэтому директриса даже не упомянула о своем обещании избавиться от «криминальной парочки». Конечно, сыграло свою роль и то обстоятельство, что, перенеся все свои операции за пределы школы, наши друзья более ничем не запятнали своей репутации и даже удостоились за это поощрения от завуча в форме «наконец-то за ум взялись».

В общем, так или иначе, но все трое оказались в одном девятом классе.

В их классе учились в основном все те ребята, с которыми они грызли гранит наук предшествовавшие годы. Было лишь трое новеньких. Одна девушка, Нина Кирьянова, и двое ребят: Костя и Рафута. Последние, как оказалось, знали друг друга давно. Родители их работали вместе

в каком-то посольстве в Азии, и до девятого класса оба они жили и учились там.

Именем своим Рафута был обязан тому обстоятельству, что мать его была сотрудником посольства, а отец — местным генералом. Непонятно, почему наши спецслужбы решили смотреть на подобный союз сквозь пальцы, да это не имеет значения, ведь наши герои понятия не имели о том, что существуют подобные нюансы жизни наших граждан за рубежом.

Само собой разумеется, что положение родителей накладывало определенный отпечаток на чадо. Дорогие рубашки, импортные кроссовки, электронные часы с музыкой, карманные калькуляторы — все это бросалось в глаза облаченным в затертую школьную форму, обувь от «Большевички» и сорочки от «Москвы» счастливым советским детям и вызывало вполне понятный интерес, а порой и плохо скрываемую зависть. Всем своим видом эти двое пытались доказать, что они — существа другого, высшего порядка и то, что их волею судьбы занесло в такую дыру, как общеобразовательная школа, есть чистейшей воды случайность, нисколько не принижающая их статус.

Наших приятелей новенькие заинтересовали было в качестве потенциальных клиентов, но, судя по всему, выездные родители без хлопот могли прислать любимым сыновьям любую вещь, во много раз превосходящую по качеству местный «самопал». И на какое-то время о Косте и Рафуте забыли.

Но прошел месяц, и новички напомнили о себе сами. И так уж получилось, что именно они невольно вывели деятельность нашего трио на новый уровень.

Дело было так.

Наши приятели любили играть в карты. В буркозла. Есть такая игра, не бог весть какая интеллектуальная, но шевелить мозгами все-таки обязывала. Иногда карточные партии разворачивались прямо в школе: в туалете на перемене, на последней парте в классе, когда учитель, дав

задание для самостоятельной подготовки, удалялся по своим делам, после и вместо уроков на скамейке в скверике у школы.

И вот как-то во время очередной самостоятельной работы, когда учительница, написав на доске столбик номеров задач, с чистой совестью удалилась, приятели затеяли очередную партию.

Костя и Рафута сидели за партой впереди. Рафута углубился в тригонометрию, а Костя, развернувшись вполоборота, наблюдал за игрой, глядя в Мишины карты. В какой-то момент Косте показалось, что Зуля совершает грубую ошибку, и он невольно вымолвил: «С бубей!»

Трое игравших резко повернулись к нему, возмущенные столь бесцеремонным вмешательством в партию.

— Слышь!— Как всегда, Андрею не нужно было лезть за словом в карман.— Ты бы лучше раскладывал свой трехчлен!

Презрительный тон, которым было произнесено это предложение, задел Костю и привлек внимание Рафуты, разрисованная арабским орнаментом ручка которого замерла над тетрадью.

— А ты что, корову проигрываешь?— язвительно поинтересовался Костя.

— Не твое дело, что я проигрываю,— отпарировал Андрей.— А ты не умеешь — не лезь.

— Положим, уметь-то я умею,— огрызнулся Костя.— Получше некоторых.

Завязалась перепалка, к которой подключились все пятеро. Итогом этого спора стала договоренность сыграть после уроков парами. Проигравшая пара платила победителям по пять рублей.

Партия состоялась в сквере, неподалеку от памятника вождю мирового пролетариата, который, облокотясь о трибуну, казалось, пытался разглядеть сквозь редющую листву, чем же это заняты его юные последователи.

Играли до двенадцати очков. Леха и Андрей не без труда вырвали победу с перевесом в два очка. Костю и Рафуту результат не устроил.

— Надо сыграть нормальной колодой,— заключил Рафута, разглядывая потертые рубашки.

Колода и впрямь была не новой, но никому из наших приятелей и в голову не приходило крапить ее. Да и не было в этом смысла: между собой они всегда играли на «просто так».

Рафута и Костя сходили за новой колодой к универмагу. Сели играть снова.

На этот раз удача отвернулась от наших друзей. Лишь однажды им удалось одержать верх. В остальном же заходы Кости и Рафуты были столь удачны, как будто у них была одна голова на двоих и они знали карты друг друга: ни разу ни тот ни другой не подрезали друг другу масть.

Когда Леша и Андрей проигрывали уже по сорок рублей, Миша неожиданно поднялся.

— Андрюха, нам же сегодня надо быть в библиотеке!— воскликнул он так, словно в самом деле вспомнил о важном визите.

Во время торговли браслетами эта фраза означала, что нужно срочно уходить, и Андрей, хоть и поморщился с досадой, сделал вид, что тоже должен бежать в эту самую библиотеку.

— Знаете что?— предложил он противникам.— Завтра мы принесем деньги и доиграем. Идет?

— Идет,— спокойно кивнул Рафута.

— Идет,— поддержал его Костя.— Только деньги не забудьте.

В голосе его звякнула издевательская нотка.

— Не забудем,— мрачно пообещал Андрей, подумав о том, что сорок рублей — почти треть того, что лежало в его копилке.

Когда приятели вышли из парка, Андрей и Леха набросились на Мишу.

— Какая, на хрен, библиотека?!— вскипел Андрей.— Только карта пошла!

— Отыгрались бы сейчас!— вторил ему Леха.

Миша дал им немного пошуметь, потом заговорил:

— Не отыгрались бы. Они мухлюют.

— Что-о-о?— не поверил своим ушам Андрей.

— Они придерживают крайнюю карту то одним пальцем, то двумя, то тремя, то всей рукой,— начал объяснять свое заключение Миша.

— И что?— Андрея заинтересовало это наблюдение, но он пока не видел в нем практической пользы для играющих.

— Когда кто-нибудь держит один палец,— терпеливо объяснял Миша,— то другой ходит с одной карты, когда два...

— Ах, козлы!— взвыл Андрей.

— Что ж ты молчал?— возмутился Леша.— Так мы им завтра просто морды набьем, и никаких денег они не увидят!

— Хрена завтра?— Андрей потряс кулаками.— Пошли сейчас их догоним...

— У меня другая идея,— поднял Зуля палец, как делал всегда, прося слова.— Мы их тоже надуем.

Леша и Андрей переглянулись. Если Миша говорил, что у него есть идея, то его всегда стоило послушать, и сейчас приятели были готовы внимать ему.

Мишин план был прост и гениален. Хитрые «арабы» (так за глаза окрестили Костю и Рафуту в классе) передают друг другу информацию о том, со скольких карт ходить. Идея Миши заключалась в том, чтобы разработать код, позволяющий сообщать партнеру и масть, и возможность перехватить взятку. Вместе с тем, зная код противника, можно было легко определить длину масти каждого игрока. Такая система давала бы неоспоримое преимущество перед «арабами».

План был принят и одобрен, и Андрей с Лехой до двух часов ночи зубрили разработанный Мишей код. Наклон корпуса, поворот головы, нахмуренный лоб, поджатые

губы — подобный арсенал знаков не читался так легко, как разгаданные Зулей примитивные фокусы «арабов». Но такая система не оставляла коварному противнику ни малейшего шанса спастись от его же подлого оружия.

Никто из троих приятелей никогда не одобрял какого бы то ни было надувательства, друзья всегда настаивали на строгом исполнении обязательств и всегда исполняли то, что обещали, но в данном случае... «Кто к нам с мечом придет, тот от меча и...» Это было не мошенничество. Это было возмездие.

На следующий день Андрей с Лешей вручили противникам восемьдесят рублей. Деньги были пересчитаны, и компания снова уселась за карты.

По Мишиному совету первые несколько партий ребята проиграли, чтобы не вызвать особых подозрений. Потом начали играть в полную силу. Не прошло и часа, как приятели отыгрались. Еще полчаса — и Рафута с Костей были должны по двадцать рублей.

На сей раз «арабы» взяли тайм-аут до следующего вечера.

На другой день все повторилось. Сначала Рафута и Костя повели в счете, но скоро проигрались. Воскресенье дало возможность сторонам отдохнуть и собраться с мыслями.

Мысли «арабов» были такими. Они предложили играть неделю не рассчитываясь, а в субботу подвести итог и расплатиться. Наши друзья были несколько озадачены таким предложением, но не увидели в нем ничего предосудительного.

Всю неделю они сражались до наступления темноты. Удача стараниями Миши была на стороне Леши и Андрея, но перевес уже не был столь подавляющим. Очевидно, «арабы» несколько усовершенствовали свою систему, но этого оказалось недостаточно для победы.

К концу недели сумма долга составляла сто семьдесят рублей.

В субботу с утра трое приятелей ждали «арабов» у школы.

Те пришли вместе. В руках у Рафуты был полиэтиленовый пакет. Костя протянул Леше деньги. Девяносто рублей.

— Девяносто,— констатировал Леша, быстро пересчитав купюры.

— А остальное здесь.— Рафута протянул пакет.

Андрей осторожно взял пакет у него из рук и заглянул внутрь. В пакете лежали четыре импортные грампластинки.

— Что это такое?— недоуменно поднял брови Андрей.

— Диски,— пожал плечами Рафута.— Родные диски. Четыре штуки. По двадцатке за диск — вполне нормальная цена.

— Не, подожди.— Андрей продолжал стоять с открытым пакетом.— Мы играли на деньги, а не на пластинки.

— Да ты продашь их по четвертаку безо всяких проблем!— вмешался в спор Костя.

— Вот ты продай, а мне дай восемьдесят рублей.— Андрей закрыл пакет и протянул его Рафуте.

— Подожди,— взял друга за локоть Леша.— А что за диски-то?

Они снова заглянули в пакет.

Обложки пластинок были яркими, густо покрытыми английскими словами, но имена исполнителей ни о чем не говорили.

— Слушай,— обратился Миша к Рафуте,— я не знаю, сколько это стоит. Я таких певцов никогда не слышал. Давай сделаем так. Диски мы попробуем продать. Продадутся — хорошо. А нет — извините. Но только таких групп, боюсь, никто не знает, так что давайте договоримся, что это будет стоить не восемьдесят, а шестьдесят. Идет?

Рафута и Костя переглянулись.

— Идет,— кивнул Рафута.— Но я думаю, что на следующей неделе мы их отыграем обратно.

— Все может быть,— развел руками Миша.

Еще три недели они резались в карты. Погода загнала их на лестницу соседнего дома, куда они спешили, едва заканчивались уроки, чтобы играть до восьми вечера (заранее установили время окончания «трудового» дня), благо светильник горел достаточно ярко и темнота за окном больше не смущала игроков.

Силы сторон почти сравнялись. И те и другие понимали теперь, что соперники играют нечестно, и обе стороны старались перешеголять друг друга в изобретательности. Никто не был в претензии к противникам: шел бой мозгов, каждая из сторон старалась доказать, что они — умнее. Давжды «арабам» удавалось уйти победителями, и им уже казалось, что их новая разработка изменила соотношение сил, но на следующий день они снова проигрывали и отправлялись домой в скверном расположении духа. Им и в голову не могло прийти, что их выигрыши — не более чем часть сценария, автором которого был тихий, шуплый паренек, который и играть-то не брался, а лишь ходил по пятам за своими друзьями и скромно наблюдал за игрой, сидя на своей потертой сумке с красными буквами «Спорт. Спорт. Спорт».

К исходу третьей недели выигрыш Леши и Андрея исчислялся уже четырехзначными числами. Зуля уговорил приятелей принимать в качестве платы все, что может иметь хоть какую-то ценность.

— Денег-то у них немного,— втолковывал им Миша.— Они их быстро проиграют. А вот выиграть еще что-нибудь — это приятно. Ну а даже если их «пласты» стоят десять рублей, так все равно мы их получаем бесплатно.

В конце концов стало очевидно, что резервы «арабов» порядком поистощились. Они уже проиграли триста восемьдесят рублей, двадцать девять пластинок, три кассеты «Максвелл», четыре пачки сигарет «Пэл-Мэл» и блок импортной жвачки. От предложения принять авторучку с золотым пе-

ром приятели все-таки отказались. За «арабами» остался долг в пятнадцать рублей.

Самолюбие гнало посольских детей в бой, но на сей раз Андрей и Леша отказались садиться за игру до тех пор, пока прежний долг не будет отдан.

За месяц существования этого казино слух об их игре достиг ушей некоторых одноклассников, и кое-кто изъявил желание тоже попытать счастья. Так что, отправив «арабов» отдыхать и собирать деньги, наши приятели могли не опасаться, что останутся без партнеров. Единственный вопрос, который их смущал, был в том, что обдирать товарищей, не оставляя им шансов, не хотелось.

Эту проблему надлежало обдумать. Кроме того, нужно было как-то решить вопрос с продажей выигранных дисков. Среди знакомых никто не знал названий таких групп, которые были записаны на пластинках. Приятели послушали их сами — не бог весть что.

Миша предложил подойти к магазину «Мелодия» и попытаться продать пластинки с рук. Он видел как-то, что несколько человек стоят там и торгуют. На худой конец можно было бы продать пластинки им по дешевке.

Ничего другого все равно не оставалось, и после уроков друзья отправились к магазину.

Предполагалось, что один из них станет прохаживаться с частью пластинок под мышкой вдоль витрины, а двое других будут стоять поодаль и страховать его.

Разумеется, прохаживаться вызвался Андрей. Отобрав три пластинки с обложками поярче (все равно никто не знает таких групп), он решительно двинулся к витрине.

Кроме него у магазина топтались еще три продавца. Они довольно хмуро отреагировали на появление конкурента, но, вопреки опасениям, не стали гнать его взащей. Один из них даже поинтересовался, чем таким собирается поторговать пацан, но, взглянув на пластинки, пожал плечами и отошел в сторону.

До закрытия магазина к Андрею подходили лишь дважды. Во второй раз Андрей подозвал Леху, и тот продемонстрировал все пластинки. Человек полистал их, покачал головой и молча двинулся прочь.

Приятели расходились по домам не в лучшем расположении духа. Ни Леша, ни Андрей не выговаривали Мише за его инициативу принять пластинки, но разговор как-то сам собой перешел на эту тему, и друзья решили, что диски неопознанных исполнителей они больше не берут.

На следующий день Андрей и Леша предложили сделать перерыв в коммерческой деятельности и разойтись пораньше по домам. Между строк в этом предложении читался довольно скептический взгляд на возможность продать пластинки.

Миша ничего не сказал, но попросил оставить диски ему. Дескать, он покажет их одному знакомому. Никто не возражал.

На самом деле Миша чувствовал себя в какой-то степени виноватым в том, что четыре вечера из пятнадцати, проведенных за картами, прошли впустую, оставив им только стопку джазовых записей. Он хотел в одиночку попытаться счастья и продать хоть что-нибудь.

После уроков он снова пришел к «Мелодии». Дяди, уже стоявшие там со своим товаром, удостоили паренька недобрыми взглядами, но опять-таки промолчали.

Какое-то время к торговцам никто не подходил. Потом появился один покупатель, другой. В тот день народу было явно побольше. Некоторые подходили к Мише и просматривали пластинки. Дяди тем временем что-то продавали.

Когда до закрытия магазина оставалось несколько минут, кто-то тронул Мишу за плечо.

Перед ним стоял пожилой человек с бородкой клинышком.

— Простите, молодой человек,— спросил человек чуть слышно.— Вы продаете или меняете?

— Продаю.— Миша повернулся к покупателю, демонстрируя товар.

— Сколько стоит?— спросил человек, указывая пальцем на пластинки.

— Двадцать пять,— неуверенно ответил Миша и замер, готовый при первой же попытке человека развернуться сбавить цену.

— Да...— задумчиво покачал головой человек.— А посмотреть можно?

— Конечно!

Миша с готовностью поставил стопку на колено, чтобы пролистать ее, но человек остановил его жестом и взялся за пластинку, лежавшую сверху.

— Вот эту, если можно.

Он взял пластинку, на обложке которой была нарисована в стиле детского рисунка летящая птица с пестрым оперением, вытащил ее из конверта, осторожно держа за края, повертел, изучая поверхность.

— Ну хорошо,— кивнул он, убирая пластинку в конверт.

Потом достал деньги, отсчитал двадцать пять рублей и, бережно взяв покупку, двинулся к метро.

Миша, еще не поверивший до конца в такую удачу, смотрел ему вслед, когда сзади к нему подошел один из торговцев.

— Парень,— окликнул он Мишу, и тот вздрогнул и напрягся, готовый к неприятным сюрпризам.

Но торговец улыбался.

— Проведи деньгами по товару.— Он щелкнул по Мишиной стопке.

Зуля смотрел на него с недоумением.

— Примета такая,— пояснил торговец,— чтоб дело лучше пошло.

Дело пошло.

Как оказалось, группы на пластинках были не столь уж неизвестными. Возможно, популярность их и уступала какой-нибудь «АВБА» или «AC/DC», но не раз покупатели,

наталкиваясь на то или иное название, радостно вскрикивали.

Торговля пошла, и теперь друзья появлялись у «Мелодии» каждый вечер. Это напоминало уже настоящий, взрослый бизнес. А то, что у приятелей не было кооператива, разрешений и патентов,— не беда. Зато не нужно было платить налогов, регистрироваться и отчитываться.

«Арабы» еще несколько раз уговаривали сыграть, но, снова проиграв, они опустили руки и предложили просто покупать у них диски и кассеты с записями, которых, по всей видимости, у них оказалось немало. А может быть, Рафута брал пластинки у знакомых. Ну, да это было не столь уж важно. Главное, что был товар для «Мелодии».

Взрослые дяди, торговавшие рядом с ребятами, посматривали на их успехи с завистью. Теперь поднаторевшие в этом деле приятели понимали, что их товар наиболее интересен. Конкуренты торговали польскими и болгарскими «пластами», которые, если повезет, можно было купить и в обычном магазине, и цены на «совок» были, конечно, на порядок ниже.

Как-то Рафута принес две плоские прозрачные коробочки с яркой вставкой. На одной была изображена обложка известной пластинки «Queen», на другой — «Asia».

— Компакт-диски,— пояснил Рафута.

— А на фига они?— Скептическая реакция на любое новое дело, предлагаемое со стороны, была у Андрея уже в крови.

— Ну как...— Рафута открыл одну из коробочек и извлек оттуда круглый стеклянный диск.

Одна поверхность диска была зеркальной, на другой был текст.

— Есть такой специальный проигрыватель...— Чувствовалось, что Рафута и сам не очень понимает, о чем говорит.— Вставляешь его туда...

— А почему нельзя просто кассету поставить?— Андрей еще не разобрался в том, что ему предлагают, но своим

негативизмом готовил собеседника к тому, что больших денег тот не получит.

— Я читал про эту штуку,— подключился к разговору Миша.— Это такой диск для цифровой записи.

— Во-во!— обрадованно закивал Рафута, но Миша тут же охладил его пыл.

— Но у кого в Москве есть такая аппаратура?— с сомнением в голосе произнес он.— А даже если есть, то где гарантия, что они приедут именно к нашему магазину и захотят купить именно «Квинов»?

— Ну...— Рафута развел руками.— Попробуйте. Может, купят. А не купят — я заберу обратно.

— Даже не знаю,— покачал головой Миша и повернулся к Андрею.— Как думаешь, попробовать?

— Давай попробуем,— без энтузиазма согласился тот.

Мгновение назад он готов был дать по мозгам Мише за то, что своим «я читал» тот дал Рафуте шанс запросить высокую цену за эти загадочные диски. Теперь же он оценил ловкий маневр друга. Дескать, знаем мы, что это такое, не лыком шиты, но кому это нужно? Такой аргумент был гораздо убедительнее, чем Андреево «фи».

А на следующий день Андрей смог получить еще одно подтверждение тому, что Миша вовсе не так прост, как кажется на первый взгляд.

Дело в том, что оба диска немедленно купил у них продавец, работавший в той самой «Мелодии». Андрей хотел было сообщить радостную новость Рафуте и заказать еще дисков, но Миша предложил выждать несколько дней и не говорить пока, что диски проданы.

— Будем делать грустное лицо,— пояснил он свою мысль.— Вздыхать и говорить, что нужно сбрасывать цену.

Они сообщили, что диски проданы, только через неделю. Рафута принес еще несколько и сбавил цену на трешник. В тот же день диски сдали все тому же продавцу.

Ребята росли, умнея и набираясь опыта. Молочные зубы выпадали и уступали место клыкам, деловую хватку кото-

рых уже чувствовали на себе те, кто общался с нашим трио. А сколько еще людей ощутят ее на своем горле! Но пока что это были лишь три вертких паренька, бойко торговавших всякой всячиной: от импортной жвачки до видеокассет и компакт-дисков.

ГЛАВА X

Цилиндр ждал этого звонка. Он не сомневался, что кто-то позвонит, его лишь удивило, как быстро разносятся новости.

— Андрей?— Голос был, конечно, знаком. Это звонил Вован — московский бандит из какого-то южного района столицы.

— Привет, Вовыч.— Цилиндру не пришлось особенно напрягаться, чтобы придать голосу приветливый тон: Вован был в общем-то нормальный парень, не чета кавказцам. С ним можно было пообщаться на любом уровне, поболтать на отвлеченные темы. Если бы Цилиндру пришлось выбирать «крышу» по принципу личных симпатий, то он бы непременно выбрал Вована. Но, увы, серьезным прикрытием компания Вована служить не могла. Это была скорее дворовая компания, более приспособленная к дракам в подворотнях, чем к большим играм вроде гангстерских войн. Вован мог лишь подловить в укромном месте владельца палатки и набить ему лицо. Нет, для серьезного дела Вован и компания не годились совершенно.

— Слышь, Андрюх, побазарить бы...

— Можно.

Цилиндру было совершенно очевидно, о чем собирался «базарить» Вован, но обижать человека не хотелось. С одной стороны, не известно, как повернется жизнь, с другой — Вован был ему симпатичен, почему не поговорить?

— Да? Я тогда подъеду минут через... двадцать. Посидим в машине, ага?

— Лады.

Цилиндр ни секунды не сомневался, что машина Вована стоит где-нибудь за углом, но парень не хотел показывать, что слишком заинтересован во встрече: как-никак, ему тоже нужно было держать марку. Что ж, можно и подыграть человеку, тем более что это ничего не будет стоить.

Вован подъехал, как обещал, ровно через двадцать минут, что дало Цилиндру лишний повод убедиться, что он ждал это время за углом.

Вован ездил на темно-вишневом «ситроене». Иномарка, конечно, всегда иномарка, и выглядит посолиднее какой-нибудь «копейки». Вот только поближе взглянув на вовановский лимузин, легко угадывалось, что цена ему — «рупь с мелочью»: пожилая, мягко говоря, машинка. Ну да бог с ней, с машиной.

Цилиндр подошел и, приветственно махнув Вовану, сел на переднее сиденье.

Мужчины пожали друг другу руки.

— Привет.

— Здорово.

— Как она?

— Да, в общем, ничего.

— Случилось что-нибудь?

— Ну,— Вован замялся,— как бы и нет. Но хотел кой-чего уточнить.

— Давай уточним.

— Тут слух прошел. В общем, говорят, что ты под Анвара встал.

— А кто говорит?— Вопрос был риторическим. Просто Цилиндру хотелось его задать.

— Все говорят.— Разумеется, Вован уклонился от ответа.— Но дело не в том. Ты скажи лучше, правда это или нет?

— Да,— спокойно ответил Цилиндр.

Вован тяжело вздохнул, переходя к более тяжелой части разговора.

— А чего под него?

— Возникли внезапные проблемы.

— А чего под горцев? Мало своих, что ли? Любая бригада за тебя впишется. Тебя ж все знают! Что центровые, что блатные. Всяко лучше, чем с этими якшаться!

— Да, понимаешь, со своими проблемы и возникли.

— Ну? С кем?

Андрей несколько секунд думал, взвешивая в уме, стоит ли говорить. Как-никак, если новости о договоре с Анваром разлетелись с такой скоростью, то и информация о конфликте с Мамаем могла столь же быстро донестись до любых заинтересованных ушей. Но ведь Анвар уже совершенно официально выступил на его стороне. Чего же тогда темнить? Если Вован еще не знает, против кого выставлен «осетинский легион», то к вечеру узнает.

— С Ордой.

Вован присвистнул. Похоже, он и впрямь не был в курсе.

— При таком раскладе, согласись, «другой альтернативы нет». — Усмехнувшись, Цилиндр процитировал известную рекламу.

— Не, — не очень уверенно запротестовал Вован, — но ты ж нормальный деловой. Не могло ж ничего такого случиться. Перетерли бы все, порешали...

— Дело не во мне. Там сложное дело. — Цилиндр произнес последнюю фразу жестко, давая понять, что больше подробностей не будет.

— М-да. — Вован задумчиво погладил закутанный в светлую кожу руль ладонями. — Конечно, Анвар, поди, доволен.

Цилиндр не ответил, и Вован продолжал свои мысли вслух:

— Он, конечно, козел, должен был тебя просто отмазать. Круто ты тогда ему помог. Он тебе по гроб жизни обязан...

— Да при чем здесь это! — Цилиндр пожал плечами.— Это было деловое предложение. Он вылез, я заработал.

— Ну, не больно-то ты заработал!— вскинулся Вован.

— Продешевил, твоя правда,— кивнул Андрей.— Только я ведь сам виноват. Он почти и не торговался...

— Еще бы он торговался!— Вован от возмущения хлопнул по рулю.

— Ладно.— Цилиндр махнул рукой.— Это уже разговоры в пользу бедных. Дело сделано.

— Ну да,— проворчал Вован.— Чего стоит услуга, которая уже оказана.

— Так или иначе, никто, кроме горцев, за это дело не взялся бы. Согласен?

— Согласен,— нехотя кивнул Вован. — Только хочу тебе сказать кое-что.

— Скажи.

Вован повернулся к Андрею, закинув правую руку за подголовник.

— Ходят еще слухи.— Он сделал внушительную паузу, Цилиндр не нарушал молчания.— Слухи, что Анвар со своей публикой достал уже всех. Особенно с этим лажевым коронованием...

— Лажевым?— Андрей насторожился.

— Ну... не совсем, конечно. Просто не все его признали. Вообще есть такое дело, что очень много пришлого народа понабилося в Москву.

— Так его все-таки короновали?— настаивал на ответе Цилиндр.

— Короновали,— нехотя признал этот факт Вован.— Только достал он уже всех. Так что, не ровен час, отождут его. Или вообще крест поставят.

— Так ведь...— Цилиндр замялся, подбирая нужное слово,— это же профессиональный риск, можно сказать.

— Можно и так сказать. Только не все так просто. Если бы ты стоял под кем-то из местных и его бы отретушировали, то тебя бы без вопросов прикрыл кто-нибудь другой.

А эти волки достали уже всех, и если ты увязнешь в этой хренатени...

— Спасибо, Вован,— Цилиндр легко стукнул его в бедро,— но у меня нет выхода. Будь, что будет.

— Хозяин — барин,— с сожалением покачал головой Вован.— Но я тебя предупредил. Я, конечно, буду стоять за тебя, но ты сам понимаешь, что против Мама я ничего не скажу.

— Спасибо, Вован. — Цилиндр пожал ему руку. — Если все утрясется, заезжай на день рождения.

— Обязательно.

— Ну, счастливо.

— Успехов тебе.

Цилиндр вышел из машины, и Вован, резво газанув с места, ловко нырнул в поток машин.

Чуть позже раздался еще один звонок.

— Андрей? Привет.

— Привет, Наташ.

— Как дела?

— Нормально. У тебя как?

— И у меня нормально. Чего не звонишь давно?

— Ну... так... дела.

— Понятно.

Повисла тягостная пауза.

— Какой-то ты невеселый.

— Почему, я очень рад тебя слышать,— не моргнув глазом солгал Андрей. Впрочем, если бы он даже моргнул, то по телефону это было бы все равно не заметно.

— Правда? — В голосе девушки прозвенела радостная нотка. — И я тебя... что делаешь?

Разговор становился совсем нудным. Главное, что никуда он не вел. Нужно было его оборвать, но тени былых чувств мешали сделать это.

— Как муж?

— Муж?— Наташа растерялась, словно давно позабыла о существовании супруга. Она не сразу ответила, очевидно надеясь, что Андрей смягчится и заменит свой вопрос другим, с менее острыми углами, но тот молчал.

— Опять укатил в Штутгарт. На выставку.

— А как собака?

— Ральф? Бегаёт... подрос он.

Снова пауза.

— Слушай, Андрей...

— Да?

— Я тебе хочу сказать что-то очень важное...

— Не стоит.— Наконец Андрей «накрутил» себя, чтобы ответить то, что давно должен был ответить.

— Что? — Девушка на том конце провода (впрочем, выражение это не совсем подходит для нашего случая: она наверняка звонила по мобильному) была обескуражена.

— Я говорю: не стоит.

— Почему?— Голос дрогнул, словно Наташа собиралась заплакать.

— Не хочу.— Андрей положил трубку.

Когда через полминуты телефон зазвонил вновь, он просто выдернул шнур из розетки.

ГЛАВА XI

Андрею и Леше было все более или менее ясно относительно планов друг друга на жизнь. Со времен последнего Лешиного безумного проекта (он собирался устроиться работать смотрителем на маяке) прошел почти год, и теперь уже оба приятеля были убеждены, что за синей птицей вовсе не нужно никуда ехать. Она находилась здесь, рядом, и возможность поймать ее и ощипать становилась уже близка.

Что же касается Миши, то он не делился своими планами на жизнь. Приятелям же было любопытно, как видит свое будущее их товарищ. Наверняка Миша с его привычкой обдумывать и обсасывать до мелочей каждый предстоящий шаг уже понастроил планов, и уж конечно это были не воздушные замки, а фундаментальные постройки современной архитектуры.

Как-то Андрей поднял эту тему.

— Слышь, Зуля,— спросил он на перемене.— А ты после школы что делать будешь?

— Не знаю пока,— просто ответил тот.

— Как это?— оторопел Андрей.

— Как не знаешь?— подключился к разговору Леша.— Ты ведь хочешь стать кем-нибудь? Космонавтом, артистом, министром, почетным золотарем деревни Дристуново?

Миша посмотрел на него исподлобья. Подумав какое-то время, он ответил негромко:

— Я хочу свалить.

— Как свалить?— не понял Андрей.

— Так свалить. Как все нормальные люди сваливают.

— Куда?— Ответ Зули не внес ясности.

— Не столь важно куда.— Миша посмотрел в окно.— Главное — свалить *отсюда*.

Приятели переглянулись, не вполне уверенные в том, что понимают, о чем говорит их друг. А тот, подумав, развил свою мысль, словно угадав их сомнения:

— Хотелось бы, конечно, жить в Штатах или во Франции, но, боюсь, таких умных слишком много.

Леша внимательно посмотрел на Мишу. Андрею, как обычно, не потребовалось много времени, чтобы осмыслить услышанное.

— То есть ты хочешь свалить за кордон?

Миша кивнул.

— А язык?— Андрей спросил первое, что пришло в голову.

— Язык можно выучить.— Миша даже поморщился, настолько ничтожной казалась ему эта проблема.

— А что, здесь тебе не живется?— Леха тоже не разделял настроения приятеля. Как бы то ни было, но кирпичик патриотизма семья и школа все же успели заложить в их формирующееся сознание.

— Здесь можно жить только «как все», на одну зарплату.

— Ну почему?— не согласился с ним Андрей.— Сейчас-то все по-другому: открывай себе кооператив и живи, как умеешь. Все по-честному.

— Папа говорит, здесь никогда не будет по-честному,— покачал головой Миша.

— Да почему?— не унимался Андрей.— Зарабатывай деньги, и можешь купить все, что захочешь: машину, дачу, шмотки, жратву...

Миша усмехнулся.

— Это далеко не все, что я хочу купить,— сказал, глядя приятелю в глаза.

Звонок на урок развел спорящие стороны, и больше приятели этот разговор не возобновляли. Но и Андрей, и Леха задумались над сказанным Мишей. Не то чтобы они были отчаянными патриотами. Нет. Но представить себе жизнь вне родной страны, среди чужих людей, говорящих и думающих на неизвестном языке, поступающих в соответствии со своими традициями, было тяжело. В конце концов, здесь всегда есть друзья, родственники, которые в случае неудачи помогут, поддержат. А там? Там пришлось бы драться за место под солнцем без права на ошибку. Это было слишком рискованно. Да и ради чего, собственно, идти на такое, когда сейчас и в СССР открыты все пути к нормальной жизни?! Знай себе работай и богатей.

В общем, стремление Миши «свалить» было друзьям непонятно. Но, привыкнув уважать взгляды на жизнь друг друга, они и с Мишей не стали открывать дискуссию. В конце концов, это его личное дело.

Пришла зима. Стало рано темнеть, да и мороз на улице осложнял жизнь наших торговцев. Кроме того, родители, обеспокоенные ежевечерним отсутствием чад дома, начали вплотную интересоваться отношением их к учебе.

Пришлось менять систему работы. Теперь к магазину ходили по двое. Один с основной массой товара грелся внутри, делая вид, что читает книгу, а другой ходил под окнами со списком того, что есть в наличии. Если покупатель выбирал что-то, то ему выносили нужную вещь. Тем более что ассортимент наших коммерсантов расширился настолько, что таскать баул с товаром было делом непростым.

Таким образом, удалось высвободить для каждого по два вечера в неделю, дабы незадействованный работник мог показаться на глаза родителям и посидеть-таки над учебниками. Родители успокоились, да и успеваемость приятелей несколько повысилась.

Правда, Андрей, сжигаемый изнутри своей кипучей энергией, чувствовал себя несколько неуютно в то время, когда его друзья отправлялись «на дело», а его путь лежал домой. Несколько раз он порывался пойти с ними, и лишь опасность репрессий со стороны родителей, уже начавших задавать вопросы о том, где он болтается вечерами, помогла приятелям убедить его вернуться.

В один из таких вечеров, возвращаясь из школы, Андрей увидел идущую впереди одноклассницу — ту самую новенькую, Нину Кирьянову, что появилась в их классе одновременно с «арабами».

Девушка эта была не сказать что странная, но несколько необычная, не такая, как все. Она держалась обособленно от сверстниц. Не то чтобы дичилась их. Напротив, всегда доброжелательная, улыбчивая, она располагала к себе. Никогда не отказывала в помощи, не отрывалась от коллектива в целом, блюдя кодекс «один за всех, все за одного», исправно подсказывая товарищам и передавая шпаргалки.

Все вроде было нормально, но это касалось как бы класса в целом. А чтобы сойтись с кем-то, завести дружбу... Этого не было.

Нина была высокой, стройной, симпатичной девушкой. Даже в мешковатом пиджаке школьной формы она умудрялась выглядеть женственно. Пышные каштановые волосы, большие темные глаза, подчеркнутые густыми бровями с восточным изгибом, делали ее похожей на американских красоток, загадочно улыбавшихся с появившихся недавно в изобилии импортных пакетов. А на уроках физкультуры, переодетая в темное трико, она обращала на себя всеобщее внимание: безупречная осанка, длинные ноги, осиная талия, расходившаяся вниз плавной изящной линией. Словом, будь ее акселераты-одноклассники чуть повзрослее, они роем кружились бы вокруг девушки. Но подобная вызывающая красота отпугивала их, заставляя комплексовать и прятать глаза при встрече с ней.

Подруг у нее также не было. С одной стороны, все девчонки знали друг друга тысячу лет, и вот так вдруг принять нового человека было непросто. С другой стороны, был в Нине какой-то снобизм, не позволявший общаться с ней на равных. Поначалу прошел даже слухок, что Кирьянова тоже чья-то там дочка или внучка, но вскоре выяснилось, что родители Нины — люди более чем скромного достатка и социального положения. Последнее обстоятельство тем более не оправдывало в глазах одноклассниц ее едва завуалированного высокомерия.

Но самым главным, что воздвигало стену между Ниной и сверстницами, была ее взрослость. Она уже не просто ощущала себя женщиной, но и вела себя как настоящая женщина. На одном из первых же уроков истории она выкинула такое, чего ни одна из девятиклассниц не могла бы не только позволить себе, но даже сделать по просьбе комиссии из РОНО.

Молодой учитель, Алексей Олегович, поинтересовался, как обычно, есть ли желающие отвечать по домашнему

заданию. Желающих не нашлось. Тогда он вызвал кого-то из мальчишек, но тот честно признался, что не готов. Поставив в журнал «лебеда», Алексей Олегович долго изучал список и наконец выбрал следующую жертву.

— А вот Кирьянова может нам что-нибудь поведать?

Нина выждала, пока взгляд учителя обнаружит ее в классе, и медленно встала. Не встала даже, а поднялась, неторопливо и величаво, как грациозное животное. Она поднялась и осталась стоять у своей парты, с каким-то искренним удивлением взирая на учителя.

— Ну, пожалуйста.— Историк жестом пригласил ее к доске.

— Алексей Олегович,— проникновенным голосом произнесла она,— посмотрите за окно. Ну, посудите сами, о каких учебниках можно говорить, когда на дворе угасают последние краски уходящего лета? Или вы хотите, чтобы счастливые молодые юноши и девушки тратили последние теплые вечера на зубрежку скучных параграфов?

Историк выслушал этот монолог, открыв рот. Впрочем, на остальных, сидевших в классе, эта речь произвела не меньшее впечатление.

Нина стояла перед остолбеневшим учителем, кокетливо наклонив голову, и, застенчиво улыбаясь, смотрела ему прямо в лицо. В ее глазах, которые мог видеть только потерявший дар речи историк, плясали озорные искорки.

Алексей Олегович отвел взгляд и обратился к притихшему классу:

— Так что, никто не готов?

В ответ — красноречивое молчание.

— Ну,— потер переносицу учитель,— тогда все садитесь (стояла, собственно, только Нина). Но завтра пощады не ждите!

Класс облегченно вздохнул. Нина спасла по крайней мере половину класса от неминуемых пар, но популярности это ей не прибавило.

В дальнейшем она неоднократно выкидывала какие-нибудь штучки, сажая в лужу не только преподавателей-мужчин, но и женщин.

То обстоятельство, что она уже научилась неплохо пользоваться преимуществами своего пола, раздражало не доросших до этого сверстниц. Кто-то неуклюже пытался подражать ей, кто-то пробовал извлекать выгоду из ее побед, но желающих дружить с ней в классе не находилось.

Итак, Андрей увидел Нину, шедшую впереди.

Как и все сверстники, Андрей пасовал перед этой развитой девушкой и смущался до неприличия, если волею судьбы ему приходилось обращаться к Нине по какому-нибудь вопросу. Несколько раз она подтрунивала над ним, вгоняя в краску довольно фривольными шуточками.

Не было у Андрея желания с ней встречаться и сегодня. Но, как назло, она шла в том же направлении, что и он, и таким медленным шагом, что не догнать ее было невозможно. Будь у Андрея другая дорога, он непременно двинулся бы в обход, но они шли вдоль длиннющего сталинского монстра, и крюк был бы слишком велик. Андрей решил, что пройдет мимо нее быстрым шагом, сделав вид, что не узнал, не заметил, и скоренько уйдет вперед.

Он нагнал девушку и поравнялся с ней, скосив взгляд в ее сторону: заметит ли она его?

Маневр не удался. Нина повернула голову.

— А, Андрей,— сказала она рассеянно.

Мысленно выругав себя за неудачный план, Андрей сбавил скорость и пошел рядом.

— Тебе куда?— спросила Нина.

Андрей ответил.

— А...— кивнула Нина.— Мне дальше. Может, проводишь?

Очевидно, это была очередная из тех Нининых шуточек, которыми она играючи лишала сверстников дара речи, превращая их в ослов. Андрея это задело.

— Легко,— кивнул он, чувствуя, как кровь приливает к щекам, и подумал о том, чтобы только не покраснеть.

— Ну, тогда пошли,— озорно подмигнула ему девушка.

— Мы и так идем.— Андрей вдруг почувствовал себя свободно и естественно. Нинины чары вдруг перестали действовать. Он просто шел по улице с одноклассницей.

Они шли не спеша, обмениваясь фразами о погоде, об уроках, о школе.

— Слушай,— спросила Нина, неожиданно сменив тему,— а почему у вас все такие пришибленные?

— В смысле?— Андрей в самом деле не понял ее.

— Ну, шарахаются, как в детском садике, мальчики от девочек, девочки от мальчиков.

Андрей ответил не сразу. На самом деле случалось, многие его сверстники хвастались своими победами на любовном фронте, но, учитывая то, что и сам он, чтобы не отстать, что-то такое рассказывал, выглядели они не очень убедительно. Что же до вещей очевидных, то Нина была где-то права: девушки и юноши кучковались отдельно, и если на дискотеках кто-то набирался смелости пригласить девушку на танец, событие это обсуждалось потом в течение недели, а то и двух. В зависимости от того, как близко стояли партнеры и как низко лежала его левая рука. Кто-то с кем-то встречался, но это было вне школы, и особенно это не афишировалось. Да и не интересовался Андрей никогда сплетнями.

— Ну почему?— пожал он плечами.— Не шарахается никто...

Они уже подходили к Нининому дому, и Андрей тянул время, не сводя глаз с бесконечно медленно приближающейся двери Нининого подъезда. Еще немного, и он попрощается с ней и смоеется домой.

— А у тебя девушка есть?— Нина попыталась заглянуть в глаза Андрею, чтобы увидеть реакцию на свой вопрос.

Андрей проводил все свободное от школы время с приятелями и ни о каких девушках даже не помышлял. До заветной двери оставалось не более пятидесяти шагов.

— Ну как...— Он почувствовал, что она все-таки вогнала его в краску.

Еще шагов тридцать, не больше. Андрей тянул паузу.

— В кино ты с кем ходишь?— вроде бы Нина пыталась ему помочь, но Андрей шестым чувством ощущал подвох, какую-то ловушку.

— Я в кино не хожу,— отрезал он, со злостью отмечая, что они почти остановились.

— Значит, нет девушки?— не отступала Нина.

— Значит, нет,— огрызнулся Андрей.

— Странно, такой симпатичный мальчишка...— Нина озабоченно покачала головой.— Куда ваши дурехи смотрят? Десять шагов.

— Послушай...— Нина остановилась сама и остановила Андрея, взяв его за рукав куртки.— А хочешь, я буду твоей девушкой?

Она стояла, преданно глядя ему в лицо, а в глубине глаз плясали озорные искорки. Может быть, это только казалось Андрею? Нет, уголки ее губ дрогнули чуть заметно, но достаточно заметно для того, чтобы Андрей понял, что она смеется над ним. Ему захотелось ей просто врезать.

С трудом разомкнув стиснутые в бессильной ярости зубы, он как-то зло и с вызовом произнес:

— Хочу.

Нина, казалось, не заметила недоброго тона, которым это было произнесено.

— Вот здорово!— Казалось, она обрадована вполне искренне.

И прежде чем Андрей успел сказать что-либо еще, лицо ее стало серьезным.

— Послушай,— спросила она тихо,— а ты целоваться умеешь?

Андрею захотелось ответить ей что-нибудь такое едкое, такое колющее, чтобы у этой выпендюшки навсегда отпала охота стебать людей, но в голову ничего подходящего не приходило. Он уже думал было просто выдать ей что-нибудь из лексикона слесаря Сеича, но она его опять опередила.

— Значит, не умеешь,— произнесла она сочувственным тоном.— Ну, это ничего!— тут же убежденно добавила девушка и, не дав Андрею опомниться, взяла его руку и буквально втащила в подъезд.

Поднявшись на площадку второго этажа, Нина остановилась и, повернувшись к Андрею, покорно следовавшему за ней, сняла с головы шапку.

— Все не так уж сложно и совсем не страшно,— сказала она покровительственным тоном.

В следующее мгновение ее руки обвили шею Андрея, и он почувствовал ее застывшие на морозе губы, прильнувшие к его губам, и теплый влажный язык, властно раздвинувший их и скользнувший к небу.

Длилось это несколько секунд. Потом Нина отстранилась от него и, смерив Андрея скептическим взглядом, вздохнула:

— Да, прямо скажем, не густо.— И тут же добавила весело:— Ну ничего, я тебя быстро научу. По-моему, ты способный.

Повернувшись, она побежала вверх по лестнице.

Андрей тогда так и не понял, что все это означало. То ли Нина в очередной раз поиграла с ним, несомненно выйдя победителем, то ли она и впрямь проявляла к нему своеобразный интерес.

На следующий день Андрей ожидал, что Нина если не подойдет к нему, то по крайней мере поздоровается. Но девушка не обращала на него никакого внимания, словно напрочь успела забыть вчерашний вечер.

Из этого Андрей заключил, что просто стал жертвой очередной выходки примадонны, и решил забыть об этой истории.

Прошла неделя. На носу был Новый год. Темнело рано. Тем не менее торговля шла бойко: многие люди покупали подарки к празднику или просто готовились отдохнуть и повеселиться. А какой же праздник без хорошей музыки? С другой стороны, «арабов» словно прорвало: они таскали кассеты, пластинки и компакты чуть ли не целыми сумками. Очевидно, в то время, когда одни люди покупали музыку, другие ее продавали, чтобы разжиться деньгами на праздничный стол или подарки людям, не страдающим меломанией.

В эти дни ни у кого из приятелей не возникало возражений, когда его отправляли отдыхать: холода стояли, как говорится, конкретные. Особенно тоскливо было морозить нос после захода солнца, когда даже слабенький ветерок драл кожу лица не хуже наждачной бумаги.

Отмерзнув свое в понедельник и вторник, Андрей получил заслуженный выходной.

Он стоял в вестибюле школы перед дверью на улицу и возился с клепками куртки, когда вдруг заметил Нину, неторопливо поправлявшую волосы перед зеркалом возле учительской. Заметив в зеркало наблюдающего за ней Андрея, она повернула голову и, смерив его насмешливым взглядом, снова отвернулась.

Кругом было полно народу, но никто, кажется, не обратил на этот мимолетный взгляд внимания.

Нина неторопливо запахнула длинное пальто и, на ходу застегивая пуговицы, направилась к Андрею. А может быть, она просто шла к двери, возле которой он стоял, но Андрей не учел этот вариант и невольно улыбнулся, поймав на себе ее взгляд.

— Ну что, ухажер,— спросила она, поравнявшись с ним,— соблазнил девушку и в кусты? Все вы подлые и бессердечные.

Сказано это было с таким чувством, что проходившая мимо них одноклассница застыла на месте, удивленно глядя на Андрея.

Нина же не стала дожидаться оваций и, толкнув дверь, вышла на крыльцо.

Андрей, чуть отодвинув одеревеневшую одноклассницу, вышел следом.

— Ну так что, соблазнитель?— Нина насмешливо смотрела на Андрея, натягивая перчатки.— Пошли или как?

— Пошли,— кивнул Андрей и неожиданно для себя подхватил стоявшую у ног девушки сумку.

— О, да ты делаешь успехи!— Нина с одобрением посмотрела на свою пеструю сумку, висевшую теперь на широком плече спутника.

В этот раз дорога не показалась Андрею столь длинной. Хотя тем для разговора не стало больше да и болтать на морозе не слишком приятно, Андрей чувствовал себя легко и свободно. Несколько раз он даже пошутил на обсуждаемые темы, а Нина однажды даже рассмеялась.

— Слушай, рыцарь, а чем вы там промышляете?— спросила Нина как бы между прочим.

— В смысле?— Андрей насторожился.

— Ну, эти мажоры таскают вам «пласты», кассеты, еще какую-то утварь. Вы им — нет. Выходит, продаете.

— Выходит, что продаем,— согласился Андрей.

— И как?

— Что — как?

— Да ты расслабься, конспиратор,— девушка улыбнулась,— я же не милиционер. Мне просто интересно, чем живет и дышит цвет нашего класса, и в частности мой обворожительный кавалер.

Андрею не приходилось слышать в свой адрес подобных эпитетов, он смутился и, чтобы скрыть это, поспешил ответить:

— Да когда как. Когда нормально, когда вообще ноль.

— А нормально, это сколько?

Интуитивно Андрей чувствовал, что не стоит рассказывать всем и каждому о том, сколько денег они заработали и продолжают зарабатывать, но неодолимое желание произвести впечатление и отсутствие какой бы то ни было опасности (что с того, что одна девчонка будет знать об их бизнесе чуть больше других?) развязали ему язык.

— Ну, иногда получается по сто рублей на нос...

— В день?!— Глаза у Нины округлились.

— В день,— с достоинством кивнул Андрей, вполне довольный произведенным эффектом.

По правде говоря, таких денег они, конечно, не зарабатывали. Был действительно день, принесший им почти триста рублей чистого дохода, но это было один-единственный раз, когда какой-то оглашенный сибиряк попросту скупил у них все пластинки с роком, не особенно торгуясь и не слишком придираясь к состоянию дисков. Обычно день считался удачным, если приятели зарабатывали сто рублей на троих, что случалось не так часто, как хотелось бы.

Разговор как-то незаметно перескочил с продажи пластинок на их содержание, и остаток пути они обсуждали последние альбомы наиболее нашумевших западных групп.

— Слушай,— Нина тронула Андрея за локоть.— А если ты такой меломан, то чего же ты на дискотеки не ходишь?

Андрей пожал плечами. По субботам в школе проходили дискотеки, и многие из их класса посещали их регулярно. Но за неделю накапливалось столько дел дома, что тратить вечер на это сомнительное мероприятие не хотелось.

— Чего там делать?— буркнул он.

Они подошли к Нининому дому.

Перед дверью Андрей в нерешительности остановился.

— Чего ты встал?— обернулась девушка.— Пойдем. Хотя чаю попьешь, согреешься.

Андрей пожал плечами — мол, так и быть — и вошел в подъезд.

Пройдя в квартиру, Нина быстро нашла в калошнице подходящие тапки и, бросив их к ногам Андрея, ушла на кухню ставить чайник.

— Ты проходи в комнату, садись,— донесся с кухни ее голос.— Родители на работе, так что не бойся, выбирай любое кресло.

Андрей вошел в комнату и сел в одно из глубоких плюшевых кресел, покрытых вытертыми, но еще мягкими верблюжьими покрывалами.

Прежде чем он успел осмотреться, в комнату вошла Нина.

— Ну как?— спросила она, сделав неопределенный жест рукой.

— Книг у вас много,— восхищенно сказал Андрей, взирая на ряды книжных полок, доходящие почти до лепнины на потолке.

Андрей любил читать на досуге, но большинство книг, пришедшихся ему по душе, он подолгу ожидал в очереди в библиотеке, а многих еще так и не дождался. Сейчас же, без труда заметив знакомые корешки, он искренне позавидовал Нине (или ее родителям?), которым для того, чтобы почитать что-нибудь из Стругацких, достаточно было просто подойти к полке и взять нужный том.

— Да, папа — большой любитель.— Нина сказала это с каким-то нехорошим оттенком, то ли сарказма, то ли досады.

Андрей спрятал ладони под себя.

— Замерз?— спросила Нина, вешая на плечики школьный пиджак.

— Да нет. Уже согрелся.

— Ну, тогда, может, продолжим уроки?— Нина остановилась возле кресла, где сидел Андрей.

— Какие уроки?— не понял тот, отрывая взгляд от книжных полок.

Нина молча села к нему на колени и обвила его шею. У Андрея перехватило дыхание.

Девушка медленно приблизила свое лицо к его лицу и коснулась губами его щеки. Андрей неуверенно поднял руки и обнял ее за талию.

Нина прильнула к его губам, и юноша как-то по-новому ощутил на себе тяжесть ее тела, тепло, исходящее от нее, руки, гладившие его волосы.

Андрей обнял ее сильнее, пытаясь в то же время изобразить подобие того, что выделявала девушка языком в его рту. Потом он поднял одну руку и положил ее девушке на грудь. Он удивился, какой же мягкой может быть человеческая плоть. Словно сквозь ткань водолазки он трогал большую медузу. Под ладонью дрогнул твердый шарик соска...

Нина взяла руку Андрея и решительно отвела ее в сторону.

Андрей чуть отстранился от девушки, удивленно-вопрошающе глядя ей в лицо.

— Эту тему, милый друг, проходить пока что рано.— Она с сожалением покачала головой.

— Почему?

— Боюсь, для вас она еще слишком сложна.

— Ничего, я способный.— Андрей снова попытался обнять ее, но Нина вдруг высвободилась из его объятий и, вскочив на ноги, отошла к двери.

— Чайник вскипел,— улыбнулась она.— Тебе сахар или варенье?

— Мы еще не закончили.— Андрей умоляюще протянул к ней руки.

— Андрей!— Нина сдвинула брови.— Ты прямо как маленький. Ты же ходишь в школу и знаешь, что дети учат только то, что задает учитель, а учитель задает только то, что есть в программе. И учит он только так, как его самого учили.

— Мы же не в школе.— Андрей встал и сделал шаг к Нине.

Та отступила в сторону кухни.

— Мы не в школе, но все равно всему свое время. И все получают все в установленном порядке. Образование, работу, зарплату, медицинскую помощь...

— Ну, положим, не всегда так бывает.— Андрей начинал злиться. Возбуждение перерастало в злость.

— Не всегда,— кивнула Нина, поворачиваясь в сторону кухни.— Кто-то идет в платную поликлинику, кто-то сам находит себе работу...

— Кто-то нанимает себе репетитора,— подхватил Андрей.

Нина остановилась и посмотрела на него через плечо. Взгляды их встретились.

— Да,— медленно произнесла девушка.— Кто-то нанимает репетиторов. Только ведь это дорого стоит...

Андрей не верил своим ушам. Он лихорадочно пытался сообразить, что означала эта фраза. То ли отвлеченное философствование об устройстве мира, то ли...

— И сколько это стоит?— полушутливым, чтобы оставить себе пути к отступлению, тоном поинтересовался Андрей.

Нина повернулась к нему и, смерив оценивающим взглядом, спросила с вызовом:

— А сколько бы ты заплатил?

Андрей растерялся. Он не был готов к столь неожиданному повороту, да и не ясно оставалось: то ли они обсуждают что-то на полном серьезе, то ли он допустил промашку и девушка, оскорбленная в лучших чувствах, просто накручивает себя, чтобы обрушить на его голову громы и молнии.

В конце концов, решил он, если роковая ошибка совершена, то терять уже нечего.

— А сколько берут репетиторы?— начал он контратаку.

— *Хорошие* репетиторы (она сделала нажим на первом слове) берут по пятьдесят рублей за занятие.

Андрей остолбенел. Нет, он не ошибся. Это и в самом деле был торг! Во рту у него пересохло.

— Что, кишка-то тонка?— усмехнулась Нина, окидывая его презрительным взглядом.

— Нет!— выдохнул из себя Андрей.

Нина удивленно приподняла бровь.

— Да?— спросила она, пристально глядя в глаза юноше.— Очень любопытно.

Какое-то время они стояли друг против друга. Андрей замер, словно выбравшийся из норы суслик, готовый при первом же намеке на опасность броситься наутек. Нина, скрестив руки на груди, рассматривала его с деланным интересом, словно он экспонат в музее.

— Ну,— Нина подняла наконец глаза,— договорились. Когда начнем?

Андрей едва не поперхнулся. Целое стадо мурашек заметалось по его вдруг одеревеневшему телу. С трудом ворочая присохшим к небу языком, он выдавил из себя:

— Можно сейчас.

Андрей пытался произнести это вальяжно, небрежно, но получился глухой шепот.

Нина взглянула на часы и пожала плечами:

— В принципе, полчаса у нас есть. Думаю, что для первого раза хватит за глаза. Вот только репетиторы нынче берут плату вперед.— Она вопросительно взглянула на Андрея.

Тот негнушима пальцами извлек из кармана записную книжку, где между страниц были заложены шесть десятирублевых купюр. Он медленно извлек пять из них, наблюдая за реакцией девушки. Та протянула руку и, взяв деньги, скрылась в кухне.

Через полминуты девушка появилась снова. Нина толкнула дверь маленькой комнаты и деловито скомандовала:

— Ну, пошли, ученик.

Каждую неделю Андрей брал теперь у Нины «уроки». Встречались они чаще у него, подгадав, когда родители были на работе. По словам Нины, Андрей делал успехи.

Все бы ничего, но Андрея смущало, что деньги его утекали к «репетитору» слишком бурным потоком. Торговля после Нового года сошла почти на нет. Компания редко зарабатывала больше тридцати рублей за вечер. Люди не рисковали покупать что-либо в вечерних сумерках, тем более что температура на улице не располагала к остановкам.

Как-то вечером Андрей и Миша дежурили возле «Мелодии». Минуту шесть часов, а к ним еще никто не подходил. Вернувшись с улицы, Миша подошел к стоявшему в углу у батареи приятелю.

— Видел я такую торговлю знаешь где?

— Догадываюсь,— буркнул Андрей, отрываясь от книги.

— Давай сворачиваться на сегодня,— предложил Миша, взглянув на часы.— И вообще, я бы до потепления ушел в отпуск.

— До потепления еще далеко,— возразил Андрей, поднимая сумку.— А вот насчет сегодня... Ты, пожалуй, прав.

Они разделили товар поровну и вышли из магазина. Дойдя до угла здания, приятели попрощались и двинулись в разные стороны.

У Андрея порядком подмерзли пальцы ног, и он не мог дожждаться мгновения, когда окажется дома, в тепле. Если бы не тяжелая сумка с «пластами», он бы, наверное, пропустил трусцой, а так лишь шел быстро, насколько мог. Встречный ветер жег щеки и засыпал глаза мелкими колючими снежинками, и Андрею приходилось низко наклонять голову.

Когда до дома оставалось всего ничего, краем глаза он заметил знакомую фигуру, двигавшуюся ему наперерез.

— Леха!— окликнул он друга.

Тот остановился, поджидая Андрея.

— Привет.

— Привет.

— Чего так рано?— озабоченно посмотрел на сумку Леха.

— Да голяк полный,— сокрушенно махнул рукой Андрей.— Вообще ноль.

— А-а.— Леха успокоился.— А я уж испугался, что случилось чего.

— Ты куда?

— Домой,— махнул рукой Леха.

— А откуда?— машинально спросил Андрей.

К его удивлению, Леху этот вопрос крайне смутил.

— Да тут, понимаешь, дело одно...— неуверенно начал он.

Андрея несколько задела скрытность приятеля, но замерзшие пальцы требовали немедленно доставить их в тепло, и Андрей решил побыстрее свернуть разговор.

— А, ну ладно тогда,— махнул он приятелю.— До завтра.

Леха истолковал поспешность, с которой попрощался с ним друг, как признак обиды.

— Андрюх,— окликнул он приятеля.

— Чего?— Андрей, которому до вожаемого тепла оставалось всего ничего, ответил с явной досадой, и это еще больше уверило Леху в том, что тот обижен.

Леха подошел к Андрею вплотную.

— Понимаешь,— заговорил он тихо,— тут одна девчонка живет...

Андрей, почувствовав, что задержали его надолго, скривился.

— В общем, мы с ней... это...— Леха замялся на секунду, подбирая подходящее слово, но ничего особенного не подобрал и закончил чуть слышно:— Трахаемся тут.

— Чего?— Андрей от неожиданности даже забыл о своих пальцах.

Леха расплылся в улыбке:

— Того самого.

Любопытство разобрало Андрея посильней холода.

— А кто это? Кто-нибудь из наших?

Леха кивнул.

— Только никому,— строго предупредил он.— Это — Кирьянова.

— Кто-о-о?!

Оказалось, что Нина давала «платные уроки» не одному Андрею. Факт этот потряс обоих приятелей. Еще несколько минут назад каждый из них считал себя единственным обладателем сокровища, считал себя удачливее, счастливее и взрослее своих сверстников и даже друзей. Каждый внезапно обнаружил: волшебное слово «сезам» известно не ему одному и в его тайный мир есть еще по крайней мере один ход. Один день в неделю Нина посвящала Андрею, один — Лехе. Всем поровну. Даже стоимость уроков была одинаковой. Правда, с Лехи она попыталась сначала содрать шестьдесят, но Леха счел возможным поторговаться.

Друзья были вне себя от гнева. Они решили покарать вероломную куртизанку.

На следующий день к Нине должен был идти Андрей, они встречались у нее. Приятели уговорили Мишу сделать выходной и приступили к исполнению своего плана мести. План был, правда, готов только наполовину. Они условились, что Андрей и Нина входят в квартиру. Через какое-то время в дверь звонит Леха. Что они будут делать дальше, друзья еще не придумали, но решили, что все как-нибудь разрешится само собой.

Андрей и Нина поднялись в квартиру. Быстро избавившись от одежды, девушка зашла в ванную, а когда вышла оттуда в короткой майке на голое тело, то обнаружила, что в комнате сидят и Андрей и Леха.

Нина растерялась, но только на мгновение.

— Не поняла,— грозно посмотрела она на Леху.— Ты как здесь оказался?

— Через дверь,— пожал плечами Леха.

— А теперь так же через дверь и выйди!

Прятели никак не ожидали, что первый ход сделает сама Нина.

— А ты ничего не хочешь сказать?— Андрей поднялся из кресла.

— По поводу?

— Ну, по поводу меня, Лехи, еще кого-нибудь...

— А я что, обязана перед тобой отчитываться?— Нина, сжав кулачки, двинулась на Андрея, совершенно, кажется, забыв о своем не совсем обычном наряде.— Ты все уроки получил за свои деньги?

Андрей хотел было что-то сказать, но лишь открыл рот, а потом тут же его захлопнул.

— Может, вы гомики, что пришли вместе?— Нина уже кричала на них.— Или решили потрахаться вдвоем? Так надо было сначала мое мнение спросить! Может, вам моя цена бы не подошла...

— Сука,— выдохнул Леха.

В комнате повисла тишина.

— Блядь вонючая,— добавил он с презрением, оглядывая стоявшую перед ним девушку.

Несколько секунд они жгли друг друга взглядами. Первой нарушила молчание Нина.

— Ладно, козлы,— сказала она зловещим шепотом.— Вам эти сиськи-пиписьки дорого обойдутся.

И она вдруг рванула на себе майку. Ткань с треском разошлась до нижнего шва.

— А вы знаете, гомики, что такое статья сто семнадцать? Андрей и Леха переглянулись.

— Групповое изнасилование несовершеннолетней с отягчающими обстоятельствами,— произнесла Нина нараспев.— Что, в джинсы наклали, детишки?— Нина запахнула лохмотья майки и сказала уже спокойно:— Впрочем, я готова пойти вам навстречу. По старой дружбе. Приносите сегодня две «косых», и завтра вы будете сидеть за любимой школьной партой, а не в тюрьге.

Зуля решил, что дома делать все равно нечего, взял часть кассет и дисков, чтобы не было слишком тяжело, и отправился к магазину.

Подойдя к витрине, он с удивлением обнаружил, что никого из торговцев у магазина нет. Это обстоятельство удивило, но не смутило его. Он достал список, пометил то, что лежало у него в сумке, и стал ждать.

Через какое-то время к нему подошел человек и, не особенно торгуясь, купил диск «Дип Перпл».

Зуля решил, что, возможно, не зря потратит сегодня вечер, а завтра удивит приятелей своими успехами.

Через полчаса к нему подошел один из торговцев. Он был без товара и почему-то в больших солнцезащитных очках.

— А ты чего?— спросил торговец, не здороваясь.

— Чего — чего?— не понял Миша.

— Ты чего, не знаешь, что ли, ничего?

— А что я должен знать?— Миша насторожился.

— Что рэкеты приезжали,— полушепотом пояснил торговец.

— Кто приезжал?— Миша принялся, ожидая уловить запах спиртного, и несколько успокоился, действительно почувствовав, что от торговца несет, как из бочки.

— Короче, пацан.— Торговец положил ему руку на плечо.— Тут приезжали мужики. Рэкеты, понял? Все, кто здесь стоит, должны платить по тридцать пять в неделю, понял?

— С какой стати?— Миша попытался мягко высвободить плечо.

— А с такой!— Торговец приподнял очки, и Миша увидел, что левый глаз у него заплыл темно-синим фингалом.

Аргумент был убедительный, но Миша никак не мог взять в толк, за что он должен платить этим самым мужикам. По словам торговца выходило, что ни за что, хотя предполагалось, что эти самые мужики будут их защищать. За четыре прошедших месяца приятелям понадобилась за-

щита лишь однажды, да и то они смогли отделаться от того пьяницы своими силами. Теперь же отбирались немалые деньги непонятно за что.

В расстроенных чувствах Миша взял свою сумку и побрел восвояси. Предстояло обдумать и обсудить с приятелями создавшуюся ситуацию. Но прежде всего надлежало обдумать все самому.

Не успел Миша сделать и нескольких шагов, как перед ним выросли Леха и Андрей. Они зашли к нему домой и, узнав, что тот еще не приходил из школы, сразу поняли, где его искать.

Приятели зашли в какой-то подъезд, и два обманутых сластолюбца выложили свою печальную историю, а Миша обрисовал им ситуацию с рэкетирами.

Груз обрушившихся на компанию злоключений порядком испортил всем настроение. Непонятная история с рэкетом не казалась катастрофой: что там за мужики, чем это кончится, придется ли им платить или это блеф местных хулиганов? Все эти вопросы были пока открыты, да и проблемы в том, чтобы найти другое место для торговли, как будто не стояло. Сложнее была ситуация с ультиматумом Нины.

Никто из приятелей не был специалистом в области права, а проконсультироваться было не у кого. Таким образом, оценить свои шансы попасть за решетку приятели не могли. Однако становилось совершенно очевидно, что если поднимется скандал подобного рода, то ничего хорошего он не принесет.

С другой стороны, отдавать две тысячи этой сволочи не хотелось, тем более что ни Леша, ни Андрей пока не сколотили подобного состояния. У Леши в копилке лежало семьсот двадцать рублей. Андрей же, менее склонный к экономии, мог похвастаться лишь шестью сотнями.

Андрей и Леша и не стали бы посвящать в эту историю Зулю, если бы не очевидная необходимость, в случае чего, взять у него в долг. Кроме того, они полагали, что три

головы всегда лучше, чем две. К тому же, прежде чем Нина выставила их за дверь, они успели сделать массу ошибок.

— Надо было хотя бы поторговаться,— сокрушенно покачал головой Леха, осознав одну из них.

— Ага, или правда изнасиловать ее, чтобы не обидно было сидеть,— зло добавил Андрей.

Они примостились на ступенях, судорожно пытаются найти выход.

— Прибить бы ее.— Андрей в сердцах треснул кулаком по перилам.

— Запросто,— поддержал его Леха.— Дал бы молотком по лбу, и рука бы не дрогнула.

— Ладно, тоже мне Каин нашелся,— угрюмо осадил его Миша.

— Кто?

— Каин,— повторил Миша.— По Библии, это первый человек, совершивший убийство.

— А ты что, Библию читаешь?

— Вы еще литературный диспут откройте!— перебил их Андрей.— Давайте думайте, что делать!

— А чего ты разорался-то?— Миша встал.— Я, что ли, виноват, что вы вляпались, как идиоты?

— А ты бы не вляпался?— огрызнулся Андрей.

— Я уже не вляпался,— улыбнувшись, ответил Зуля.— И не вляпаюсь.

— Хорош ругаться.— Леха встал между ними.— Давайте лучше думать!

— Я уже придумал,— кивнул Миша.

— Что ты придумал?— недоверчиво спросил Андрей.

— Все придумал,— повторил тот.— Все решается очень просто, но недешево.

— Ага,— усмехнулся Леша.— За два штукаря.

Миша взял свою сумку.

— У меня есть предложение. Я сделаю ход конем, и это будет стоить вдвое меньше.

— Тысячу?— насмешливо переспросил Андрей.

— Да.

— Тогда я тоже знаю такой фокус. Пойдем к этой твари и договоримся на тысячу.

— Хорошее дело,— согласился Миша.— Сходите попробуйте. Только не отдавайте бабки сразу, а то ведь ей ничего не мешает потом все-таки накатать заявление и получить с вас еще.

— Не бойся, не все такие дураки, как ты думаешь.— Леха тоже взял свою сумку.

— Тогда так,— подвел итог Миша.— Я сейчас иду по одному делу, а то поздно будет. Вы идите торгуйтесь. Если не договоритесь... Нет, в любом случае встречаемся через два часа в подъезде твоего дома.— Он указал пальцем на Андрея.

Андрей и Леша переглянулись и кивнули.

Через два часа они встретились в условленном месте. Зуле не были нужны их комментарии. Он, конечно, не знал, как прошел разговор, но, едва увидев две плетущиеся по вечерней улице фигуры, все понял без слов.

— Значит, остался мой вариант?— спросил Миша, не дожидаясь, пока они заговорят.

Те кивнули.

— Слушай, Зуля,— заговорил Андрей.— Если у тебя получится, мы завтра же отдаем деньги. Идет?

— Можем и сейчас сходить,— поддержал его Леха,— но у меня уже родичи дома, я не смогу бабки вытащить.

— Ладно,— кивнул Зуля.— Тогда до завтра.

— В смысле?— недоуменно взглянул на него Андрей.

— В смысле идите домой. Пока. До завтра. Приносите деньги.

И, пройдя между остолбеневшими приятелями, он вышел на улицу.

Через двадцать минут Зуля стоял у Нининой двери.

Он позвонил. Дверь открыла пожилая женщина, очевидно Нинина мама. Из глубины квартиры доносилась музыка.

— Здравствуйте,— поздоровался Миша.— Меня зовут Михаил, я учусь в одном классе с Ниной. Могу я ее увидеть?

— Да,— мама была тронута столь церемонным приветствием,— проходи, мальчик...

— Я на одну минуточку,— кивая в знак благодарности, уточнил Миша.

— Нина!— позвала мама.— К тебе пришли!

— Извините,— все столь же вежливо обратился Миша к женщине,— какое сегодня число?

— Третье февраля, а что?

— Ничего. Спасибо большое.— Миша был сама любезность.

Из комнаты появилась Нина. Увидев Мишу, она нахмурилась, но, тут же взяв себя в руки, любезно улыбнулась гостю.

— Здравствуй, Миша,— пропела она.— Мама, это Миша. Миша, это Наталья Игоревна.

— Очень приятно еще раз.— Миша несколько церемонно поклонился и подошел к Нине.

— Могу я спросить тебя насчет сегодняшней *истории*?

— Разумеется. Заходи, пожалуйста.

Едва закрылась дверь комнаты, улыбки исчезли.

— Ты чего приперся?

— Нина,— Миша говорил спокойно и твердо,— видишь ли, мои друзья рассказали мне, что ты сначала занималась с ними сексом за деньги, а теперь хочешь приписать им изнасилование.

Глаза Нины сузились. Она слушала не перебивая. От этого коротышки исходил запах, аромат подвоха. С ним нужно было быть начеку.

— И, насколько я понимаю,— продолжал Миша,— ты не будешь заявлять об этом вымышленном факте, если они заплатят тебе сегодня полторы тысячи рублей...

— Две,— поправила его Нина.

— Что две?— Миша выглядел искренне растерянным.

— Две тысячи.

— Так ты хочешь, чтобы они заплатили две тысячи рублей?— Миша, казалось, был просто оглушен этой новостью.

— А они тебе что, не сказали?— Нина смотрела теперь с насмешкой на этого горе-парламентера, которому приславшие его друзья даже не доверили всей информации.

— Слушай,— Миша был просто раздавлен такими подробностями,— но столько у нас просто нет.

— А я думаю, что есть.— Нина присела на подлокотник кресла.

— Нет, но они же ни в чем не виноваты...— Миша неуклюже переминался с ноги на ногу.

— Еще не хватало!— Нина встала.— Были бы виноваты — в жизни бы не расплатились! Ты уже уходишь? Чао! Передай своим друзьям...

— Подожди...— Миша произнес это почти умоляюще.— Нина Кириянова, но ведь они тебя не насиловали, не били. Они ведь не виноваты...

— Каждый зарабатывает, как умеет.— Нина взялась за ручку двери.

— Но они ведь не виноваты...

— Слушай, если ты отсюда не выкатись, я и тебя включу в этот список. Считаю до трех. Раз...

— Нина, но ведь ты все равно не сможешь доказать.

— Смогу. Алиби у них нет, соседка их видела входящими в подъезд, отпечатки их есть, майка порвана, синяки...

— А синяки-то откуда?— Миша чуть ли не взвыл.

— Да ты, маленький, совсем дурак.— Нина усмехнулась.— Так, уже два...

Она повернула ручку двери, но Миша остановил ее жестом.

— А ты знаешь, что если будет доказано, что ты шантажистка и шлюха, то за решеткой окажешься ты?

Лицо Нины побелело.

— Так, Зуля или как там тебя, ты тоже попадаешь в список соучастников...

— Скорее я пойду как свидетель обвинения.

Миша сделал шаг назад и вытащил из кармана полиэтиленовый пакет. Пошарив пальцем, он нажал на что-то. Раздался щелчок, потом в свертке зажужжало.

Нина, забыв о двери, наблюдала за Мишиными манипуляциями. Еще один щелчок, и в комнате раздался голос Нины:

«Две».

— Что «две»?

— «Две тысячи».

Нина подалась вперед. Диктофон! Как глупо ее подловили!

— Ах ты маленький...— Она пыталась найти слово побиднее, но Зуля не дал ей много времени. Он сунул диктофон в карман и двинулся вперед.

Нина протянула было к нему руки, но он сделал предупреждающий жест:

— Очень кстати тут играла музыка. Если возникнут вопросы о монтаже, можно будет легко подтвердить, что запись настоящая. А вот рукоприкладство только осложнит вашу участь.

Нина стояла неподвижно, не зная, что делать. Попытаться отобрать пленку? Но на шум прибегут родители, а тогда... Но что этот недоносок собирается делать с пленкой?

— Кстати,— Миша боком обошел ее и встал возле двери,— это еще не все. Я тут зашел в канцелярию и ознакомился с твоим личным делом. Оказывается, тебя передвинули из старой школы из-за того, что не смогли разобраться, кто кого совратил: ты географа или он тебя.

Нина молча бросилась на Мишу, но тот мгновенно открыл дверь и прикрылся ею как щитом. Из коридора донеслись шаги Натальи Игоревны.

— Да, чуть не забыл.— Миша прикрыл дверь и вернулся в комнату.— С тебя до конца недели пятьсот рублей. И

если будешь шалить, то знай, что я большой мастер по тиражированию и продаже кассет. Пока!

— Стой!— Нина успела схватить его за рукав. Шансов втащить его обратно в комнату, правда, уже не было.— Ты что, совсем дурак? Где я тебе возьму пять сотен?

— Думаю, заработаешь,— пожал плечами Миша.— У тебя ведь целая неделя впереди. Отпусти, пожалуйста, руку.

Миша вышел в коридор, вежливо попрощавшись с Натальей Игоревной, и удалился, оставив Нину наедине со своей яростью.

Он вышел на улицу и пошел домой. На этом фронте все было кончено. Он остался победителем, и, если все пройдет гладко, он заработает разом полторы тысячи минус девять рублей за кассету и двадцать пять — за прокат диктофона. Неплохо.

Миша не испытывал угрызений совести. То, что он содрал деньги со своих друзей, не казалось ему чем-то аморальным. Нет, это было справедливо. Он отомстил всем троим: Андрею, Лехе и Нине.

В тот день он понял вдруг, что дружить можно по-разному. Он понял, что в их трио он был пусть и неявно, за глаза, но другом второго сорта. Другом, с которым делятся сокровенным лишь под настроение, к которому приходят с бедой, только когда уже больше некуда идти. Ему так хотелось быть другом и Лехе и Андрею, и они, конечно, считали его таковым, но оставалась между ними какая-то дистанция, невидимая, но осязаемая. И сегодня Миша почувствовал эту дистанцию особенно явно. Лишь загнанные в угол, решились они посвятить его в *свои* тайны.

Обида его была вызвана ревностью, хотя сам Миша и не вполне осознавал это. Он ревновал друзей, не в силах простить им, что они не принимают его так, как друг друга. Пусть они сами не понимают этого, пусть барьер этот едва заметен, но он есть. Есть и всегда будет. И он не мог ни простить, ни понять. Именно потому, что они были его друзьями.

Ревновал он и Нину, как бы странно это ни выглядело. Да, он считал ее падалью и дрянью. Ее интересовали именно деньги двух его наивных друзей. Это было для Миши очевидно. Но всем было известно, что приятели «крутятся» втроем и что денег они зарабатывают примерно поровну. Но Нина расставила сети только на двоих. Зулей, маленьким и шуплым, она попросту побрезговала. И это было в его глазах главным ее преступлением. Его самолюбие требовало мести. Мести гораздо более жестокой, чем он совершил. Но Зуля не был бы Зулей, если бы не умел держать себя в руках, четко соразмеряя, как учили его в детстве, «хочу» и «надо».

Друзья принесли ему деньги, долго благодарили, жали руки и пытались выведать, как Миша смог договориться с Ниной. Они и по сей день полагают, что он отдал деньги ей, убедив ее умерить аппетит. Но в любом случае с того дня на всех военных советах Мишино слово стало решающим.

Что же до Нины, то и она принесла деньги. Правда, сначала отдала лишь четыреста рублей, предложив Зуле «кое-что поинтересней денег». Но с Зулей все было не так просто: он не собирался наступать на те же грабли, что и его друзья.

Теперь оставалась проблема с рэкетирами. После истории с Ниной Андрей и Леха были полны уверенности, что Зуля предложит удачный выход из ситуации. Сам Зуля, впрочем, их оптимизма не разделял.

ГЛАВА XII

В цеху было все нормально. Не сказать, что идеально, но никаких ЧП. То, что в какой-то магазин привезли обезьян вдвое больше, чем заказывали, а на рынок не отвезли вовсе, было не смертельно. Приходил пожарный инспектор. Долго бродил по цеху, рассматривая бирки огнетуши-

телей, пока не получил полтинник «на память». С завода привезли некачественный поролон, но с этим придется смириться: требовать что-либо с государственного предприятия — дело немыслимое.

Андрей зашел в упаковочный цех. Подойдя к горе плюшевых черепашек, взял одну, повертел в руках, проверяя швы, и бросил обратно.

— Как жизнь?— обратился он к упаковщицам — трем толстым теткам, неспешно укладывавшим игрушки в пакеты.

— Спасибо, хорошо.

Андрей кивнул и прошел в свой кабинетик. Сев за стол, он развернул приготовленные для него отчеты и углубился в их изучение.

Как-то незаметно для самого себя втянулся Андрей в этот бизнес. Еще четыре года назад он и представить себе не мог, что займется производством. Тем более в России. Он тихо-мирно торговал мягкими игрушками и довольно быстро расширил дело до того, что имел уже четырнадцать торговых точек. Игрушки он закупал контейнерами и вскоре обнаружил, что, торгуя мелким оптом, можно жить ничуть не хуже. Потом оказалось, что некоторые модели пользуются такой бешеной популярностью, что корейцы не успевают их шить. Андрей договорился с каким-то цехом о небольшом заказе. Потом был еще один заказ. Потом еще. Потом Андрей купил три машинки и оверлок, нанял швей, и пошло-поехало. Андрей и сам не заметил, как врос в это дело по самые уши, уйдя в него с головой.

Андрей смотрел на отчеты, но мысли его были далеко. Он думал о Лехе. Конечно, его вины в том, что произошло с другом, не было, но все-таки жизнь могла бы сложиться иначе, не разошлись они пять лет назад в разные стороны. У всех троих были свои идеи, свой взгляд на жизнь, и найти нечто среднее, что устраивало бы всех троих, было невозможно.

Леха бредил своим кафе. Он хотел сделать там нечто, что отличало бы его заведение от любого другого. Немыслимые деньги вбухал он в оформление, затерроризировав всех знакомых дизайнеров и просмотрев кипы зарубежных каталогов. Прибыль отошла для него на второй план. Он хотел, чтобы люди выстраивались в очередь из одного желания посетить его кафе. Словом, человек задался целью построить восьмое чудо света.

Андрей в принципе был бы не против поучаствовать в этом мероприятии вместе с другом, если бы не одно «но». Должность директора кафе, даже самого популярного и дорогого, казалась ему все-таки чем-то вроде должности старшего официанта. А быть халдеем, пусть даже и очень хорошо оплачиваемым, ему не хотелось. Он не сказал о своих ассоциациях прямо, но работать с Лехой не стал. Ему больше нравилась идея создания предприятия, которое работало бы, принося прибыль, и не требовало участия владельца. Андрей мечтал запустить машину, которая позволила бы ему вторую половину жизни прожить в свое удовольствие. Идею о единственном ударе он не то чтобы оставил, но решил, что два-три года усердной работы вполне могут компенсировать пять лет ожидания нужного момента.

А Миша... Миша не оставил своей мечты свалить. Прошедшие со школьных времен годы он жил «на чемоданах», готовясь к отъезду. Он знал, что уедет во Францию. Он неплохо выучил язык и, по-видимому, уже немало отложил в кубышку, с которой собирался отбыть в далекие края. В данный момент Миша держал два контейнера на оптовом рынке, машинами продавая соотечественникам соки, майонез и кетчуп.

Андрей откинулся на спинку кресла и закурил.

Его не оставляло ощущение, что что-то еще не сделано, не предпринято для того, чтобы выручить друга. Леха лежит сейчас связанный в погребе какой-нибудь дачи, а он, его

лучший друг, преспокойно сидит на работе и подсчитывает барыши.

В дверь постучали.

— Да.— Андрей подался вперед, положив локти на стол, словно мгновение назад был погружен в изучение бумаг. Если пришли с ерундой, он попросит не мешать.

В комнату заглянул бригадир.

— Андрей, тут к тебе женщина пришла.

Андрей кивнул.

Через минуту дверь открылась, и в комнату вошла Оксана.

— Ксюха?

— Здравствуй, Андрей.

— Проходи, садись.— Андрей выскочил из-за стола, проверяя, чистый ли стул стоит напротив.— Что случилось?

— Слушай,— она неуверенно села на край стула,— ты извини, что я вот так... — Голос у нее дрогнул. Она сделала неопределенный жест рукой, пытаясь таким образом закончить фразу.

— Оксан...— Андрей подался вперед и замер, не зная, как выразить свое сочувствие и готовность помочь.

— В общем,— заговорила девушка, взяв себя в руки.— Миша сказал, что ты ездил к каким-то бандитам и они обещали помочь.

— Да, ездил.— Голос Андрея зазвучал слишком бодро.— Они сказали, что проблема решаемая. Скорее всего, сегодня Леха будет дома.

Оксана пристально посмотрела на Андрея.

— Ты врешь, да?

Андрей оскорбился довольно искренне.

— Я? Да я сам ездил с ними на «стрелку»! Этот Анвар построил их по росту и приказал выпустить Леху немедленно...

— Но ведь это было вчера,— перебила его Оксана.— Вчера, а ты говоришь, что его выпустят только завтра. Какое же это «немедленно»?

— Ну...— Андрей не знал, что ответить, и сказал как есть:— Я не знаю, почему так, но Анвар уверен, что все будет нормально.

Оксана уронила голову на руки.

— Ксюх,— Андрей сел перед ней на корточки,— это же не просто хулиганы из подворотни. Они играют по своим правилам, нарушать которые никто не посмеет. И если кто-то из них говорит, что сделает что-то, значит, так оно и будет. Понимаешь?

В этот момент Андрей и сам верил в то, что говорил, и даже если бы не верил, все равно сказал бы так, а не иначе. Не мог он допустить, чтобы Оксана сидела и рыдала.

Запишал пейджер.

Андрей раздраженно снял его с пояса и просмотрел сообщение:

«Через час жду в кафе. Анвар».

Андрей знал, о каком кафе шла речь. Там Анвар всегда назначал встречи коммерсантам вроде него, чтобы обсудить возникшие вопросы.

— Ксюх!— Он взял ее за запястья.— Вот видишь, это тот самый Анвар звонит. Все по плану. Может быть, Леха уже с ним.

— Где?!— Оксана вскинулась.

— Здесь недалеко, в кафе...

— Я поеду с тобой!— решительно заявила девушка, вставая и отирая лицо.

А вот брать ее с собой Андрею не хотелось. Интуитивно он чувствовал, что не стоит этого делать.

— Оксан, я тебе позвоню, как только смогу, хорошо?

— Я поеду с тобой.

— Оксан...

— Или ты врешь мне о Леше и твоём Анваре, или возьми меня с собой!— заявила она безапелляционным тоном.

— Оксана...

— Я иду с тобой!

— Дай мне объяснить!— Ему пришлось повисить голос.

Оксана замолчала, давая ему слово, но всем своим видом показывая, что регламент его ограничен и переубедить ее не удастся.

— Оксана,— Андрей тщательно подбирая слова,— я тебе уже сказал, что эти люди придерживаются определенных правил. Я не знаю, кто там будет еще. И поскольку приглашают меня одного, то я должен приехать один, понимаешь? Если я приеду с кем-либо, то это может осложнить дело...

— Ты что, не можешь объяснить, что я Лешина жена?

— Кто бы ты ни была. Если там будет кто-то из другой бригады, они могут домотаться до чего угодно, лишь бы предъявить претензии. Понимаешь, им нужно найти предлог, чтобы выразить недовольство. Тогда они сумеют обвинить Анвара в нарушении договора, и все может сорваться.

С минуту Оксана размышляла.

— Хорошо,— сказала она наконец,— пусть будет по-твоему. С тобой я не пойду. Я буду сидеть в соседнем кафе, и, как только ты что-то узнаешь, ты сразу...

— А вдруг придется куда-нибудь ехать? Я даже не смогу предупредить тебя...

Оксана снова задумалась.

— Ничего,— кивнула она.— Ты сообщишь мне на пейджер.

— Но у тебя же нет пейджера.

— Я возьму твой.

— Постой, так ведь тебя же охраняют!— чуть не с радостью воскликнул Андрей.— Если ты приведешь ментов на «стрелку», то ни мне, ни...

— Я от них отвязалась,— спокойно ответила девушка.— Два увальня слишком долго вылезают из машины. От такой «оперативности» все равно никакого толку.

Андрей хотел было еще что-то добавить, но не придумал. Он махнул рукой, признавая, что принимает поставленные условия.

Через сорок минут они уже подходили к тому кафе, где Андрей планировал оставить Оксану. Еще через десять минут он спустится в полуподвальчик, где его должен встретить Анвар.

Андрей и Оксана шли молча. Каждый думал о своем, но мысли обоих крутились вокруг Лехи.

Неожиданно рядом притормозил автомобиль. Андрей машинально отпрянул, оттесняя Оксану к стене дома.

— А, Андрей, это я, да?— В машине сидел Анвар. За рулем был Батыр.

Андрей вздохнул с облегчением.

— Ну пока,— шепнул он Оксане.— Жди меня.

И направился к машине.

Поздоровавшись с Анваром, он сел на заднее сиденье. Машина тронулась и завернула за угол.

— Симпатичная девушка, а?— Анвар развернулся к Андрею.

— Да,— кивнул тот. Болтать на отвлеченные темы не было настроения.

— Подружка?

— Нет, так...— Андрей сделал неопределенный жест. Почему-то ему не хотелось, чтобы Анвар знал, кто это был.

— Как зовут?— не унимался осетин.

— Оксана.— Врать было лень.

— Красивая...— покачал головой Анвар.— Очень красивая.

Затем снова, насколько позволяло сиденье, развернулся к Андрею.

— Слушай, Цилиндр,— он посмотрел на Андрея, хитро прищурившись.— Если такие у тебя «так» (он повторил жест Андрея), то с какими же ты спишь?

Настроение у Анвара было лучше некуда. Очевидно, все складывалось удачно.

— Как там с Лешей?— Андрей посмотрел в смеющиеся глаза осетина.

— Сейчас расскажу,— посерьезнел тот.— Все ништяк. Я же сказал, да?

— Да.— Андрей несколько успокоился, но все же ему не терпелось услышать новости. Если бы не определенные правила этикета, он бы схватил толстяка за грудки и вытряс из него все новости.

Машина остановилась у кафе. Анвар и Андрей вышли, и Батыр тотчас отъехал.

Мужчины спустились вниз.

В маленьком зальчике было пусто. Кафе оживало по вечерам, а сейчас бармен постарался избавиться от тех немногочисленных посетителей, которые пытались выпить кофейку в его заведении.

Анвар и Андрей сели за столик в дальнем углу. Бармен тотчас вырос рядом, но Анвар покачал головой:

— Не сейчас, Шура, чуть позже, да? Сейчас мы немного порешаем дела, а потом попьем пивка.

Он повернулся к Андрею:

— Ты ведь пиво пьешь?

— Пью,— кивнул Андрей.

— Какое?

— «Экю» двадцать восьмое есть?— спросил Андрей замершего в ожидании бармена. Собственно, гурманом он никогда не был и в крайнем случае мог попить и бочкового, но хотелось сделать себе приятное — немного сбить спесь с бандита.

— А!— Анвар взмахнул рукой.— Ты не спрашивай, что есть, да? Скажи, что будешь пить.

— «Экю» двадцать восемь,— пожал плечами Андрей.

— Мне как обычно, да?— Анвар похлопал бармена по плечу.— Ну, иди пока, спасибо.

Бармен ушел за стойку.

— Значит, так.— Анвар подался вперед и заговорил вполголоса без ненужных предисловий.— Леха сейчас в одном месте. Его сразу привезти нельзя было. Привезут сегодня ночью. Выпустят с завязанными глазами где-то возле дома. Ну а дальше уж сам доберется.

— Анвар...— Андрей готов был броситься осетину на шею и лишь усилием воли сдержал этот порыв. В конце концов, Анвар работал не за спасибо и отнюдь не из дружеских побуждений. Он выполнил свою работу, и вторым вопросом сейчас будет как раз оплата за эту услугу. Обоим было понятно, что Андрей рад благополучному исходу дела, но демонстрировать лишний раз, насколько Андрей благодарен за спасение друга, не стоило.

Сейчас следовало начаться торгу. Андрею предстояло теперь купить предложенный Анваром товар, а какой же нормальный покупатель, начиная торговаться, показывает, что без ума от вещи?

— В общем, так.— Анвар заговорил спокойнее и медленнее.— Я что сказал, то сделал, согласен?

Андрей согласно кивнул.

— Теперь нужно поговорить о другом вопросе.— Анвар достал из кармана четки и принялся не спеша перебирать их левой рукой.

Андрей наблюдал за темными костяшками, плавно одна за другой исчезающими между короткими толстыми пальцами, чтобы затем появиться из-под ребра ладони.

— Как говорится, Господь велел делиться...— Анвар откинулся на спинку стула и тоже посмотрел на четки, словно собираясь с мыслями.

— Как говорится, Господь велел делиться.— Торговец осклабился.

— А почему именно с тобой?— Зуля произнес это тоном, полным брезгливости, торговец этот по прозвищу Культия не вызывал иных эмоций ни у коллег по музыкальному

бизнесу, ни у покупателей. Вечно немытый, небритый, в засаленной до предела шапочке-гребешке и затертой до полной потери цвета куртке «Мотокросс», он предлагал проходящим мимо приобрести наши, «мелодиевские» пластинки с наклейкой полтора — два рубля, и если даже сделка удавалась, то покупатель старался побыстрее рассчитаться, чтобы уйти подальше от этого пышущего устоявшимся перегаром корабейника.

Приятели были готовы понять, что какие-то рэкетиры, представляющие собой реальную силу, решили взять под свой контроль мелких торговцев. Все читали книги о мафии. И хотя желания отдавать кому-то деньги никто не испытывал, но все трое были согласны, что против силы не попрешь. Но почему сборщиком дани выбран этот алкаш? Отдавать деньги такому чмошнику рука не поднималась.

— А потому,— гордо вскинул Культя щетинистый подбородок,— потому что я здесь давно уже стою и все порядки знаю. Я здесь стоял еще при Андропове, чтоб ты знал.

Андрей посмотрел на Леху. Тот пожал плечами. Похоже, если они собираются торговать здесь и дальше, то выбора у них нет.

— Значит, тридцать пять в неделю?— задумчиво спросил Зуля.

— Тридцать пять,— закивал Культя.— Не так уж много, кстати, по вашим оборотам...

— Наши обороты тебя не касаются.— В Мишином голосе промелькнула вдруг незнакомая нотка. Недобрая. Приятелям не приходилось еще слышать, чтобы Зуля так осаживал кого-то.

— Это конечно,— быстро согласился Культя,— но бабки все равно будете отдавать мне.

— А кто сказал, что именно тебе и именно столько?

— Как кто?— обиделся торговец.— Я тебе говорю. А мне люди сказали...

— А кто этих людей видел, кроме тебя?— В Зулином вопросе не было ни тени насмешки или недоверия. Обычный деловой разговор.

— Толян видел, Витька...— Культя задумался.— А, во!— спохватился он, показывая на еще не сошедший фингал.— Что, мало?

— Хороший фонарик,— уважительно кивнул Зуля.— Только откуда видно, что его поставили, как ты говоришь, именно мужики с кастетами? И где здесь написано тридцать пять?

— Ты что,— Культя чуть не задохнулся от злости,— мне не веришь?

— Не то чтобы не верю,— Зуля развел руками, демонстрируя, как ему самому неприятно, что приходится вести подобный разговор,— но хотелось бы убедиться.

— Ладно,— ухмыльнулся Культя.— Убедишься.

На том разговор и закончился.

До конца недели приятели спокойно торговали, правда, приходили они на точку втроем. На всякий случай.

Появившийся на следующий день Толян подтвердил, что приезжали какие-то странные личности на синих «Жигулях». Они и впрямь набили морду Культе, но о чем они договорились после, Толян не знал: при первых же признаках опасности он просто слинял.

Выходило, что никто, кроме Культи, о «рэкетах» не слышал и сумма в тридцать пять рублей вполне могла быть придумана им самим. Толян же предпочитал от греха подальше заплатить Культе первый взнос.

В следующий понедельник к магазину подошли двое. Осмотревшись, они обратились к ребятам:

— А вы кому, пацаны, платите?

— Всем, кому нужно,— с достоинством ответил Зуля.

Подошедшие переглянулись.

— А кому это?— спросил один из них.

— А что?— Видя их замешательство, Андрей почувствовал себя уверенней и выступил вперед.

— Через плечо,— разозлился вдруг один из подошедших.— Стоишь на нашей земле, значит, платить будешь нам. Вопросы?

— Вопросов три: кому, за что и сколько?— в тон ответил Андрей.

— Значит, так.— Один из визитеров подошел к нему вплотную.— Платить будете по тридцатнику в неделю. Деньги отдавать ему.

Он обернулся и указал на стоящего поодаль Культю. Потом смерил Андрея взглядом.

— А вот за что, я сейчас объясню.

И он без замаха ударил Андрея снизу в подбородок. Щелкнули зубы, и Андрей опрокинулся на спину.

Миша и Леха бросились вперед и встали плечом к плечу между рэкетиrom и лежащим товарищем. Мужик смерил их презрительным взглядом.

Андрей медленно поднялся, держась рукой за подбородок.

— Ну как, понравилось?— обратился к Андрею второй приехавший.

Андрей не ответил.

— Наверное, нет,— заключил говоривший.— Так вот за это и будешь платить. А станешь задавать вопросы, придется платить вдвое больше.

— Вам, пионеры,— обратился он уже ко всем троим,— все ясно или объяснить каждому в отдельности?

Приятеля стояли, сверля визитеров ненавидящими взглядами. Кулаки их были сжаты в бессильной злобе: силы были слишком неравными. Будь он один, они набросились бы на него не раздумывая. Но вдвоем эти крепкие мужики изуечат их в пять секунд.

— А Культя говорил,— выдал вдруг Миша,— что платить нужно тридцать пять в неделю.

— Да?— Ударивший Андрея мужик повернулся, посмотрев на побелевшего от ужаса Культю.

— Ну, это его дело,— ухмыльнулся он, снова глядя на Мишу.— Можешь платить, если хочешь, но мы берем по пятерке в день.

На этом разговор окончился. Мужики развернулись, сели в машину и укатили.

Приятели собрали сумки и отправились к Мишиному дому, чтобы в теплом подъезде присесть и обсудить сложившуюся ситуацию.

Настроение было препоганое. Кровь у Андрея идти перестала, но губа распухла здорово. Леха и Миша отводили глаза, стараясь не смотреть на это неприятное зрелище.

— Ну,— на сей раз начал собрание Леха,— что будем делать?

Собственно это был тактический ход, чтобы передать слово Мише, ибо никто особо не рассчитывал, что Андрей со своей губой будет долго ораторствовать.

— Либо платить, либо не платить,— предложил два очевидных варианта Миша.

— Логично,— невесело усмехнулся Андрей и поморщился от боли.

— Если платить,— задумчиво продолжал Зуля,— то мы будем зарабатывать еще меньше, чем зарабатывали, но кое-что останется. За последнюю неделю мы нажили сто три рублика. По тридцать четыре на нос. Если так пойдет дальше, да еще придется платить по тридцатнику...

— Рожа треснет,— промычал Андрей.

— У кого?— Миша не ожидал, что его перебьют.

— У всех.— Андрей поднес руку к губе, проверяя, не идет ли кровь.

— А что ты предлагаешь?— осторожно спросил Леха.

— Второй вариант,— зло ответил Андрей, рассматривая розовую полоску, оставшуюся на пальце.

— Да?— с сомнением переспросил Леха, покосившись на распухшую губу приятеля.

— То есть,— подался вперед Миша,— ты что предлагаешь: *не платить* или *не торговать* там больше?

— Не знаю,— угрюмо ответил Андрей.— Но я никому ничего платить не хочу. Хватит.

— Чего хватит?

— Платить хватит!— взревел Андрей.— И так уже этой суке отдали мешок денег за здорово живешь!

— А что ты предлагаешь?— Леха машинально отодвинулся от начавшего махать руками приятеля.

— Я предлагаю послать все к чертовой матери и найти другой магазин.

— Думаю,— с сомнением поморщился Миша,— что такая же фигня будет скоро у каждого магазина, а если и останется какой-нибудь нетронутый, то там окажется столько желающих поторговать, что нас просто затопчут.

— Значит, нужно плюнуть на все и забыть,— отрезал Андрей.

— Ага,— возмутился Леха.— Вот ты умный какой! А чего делать будем?

— Что-нибудь другое.— Андрей снова провел рукой по губе.

— Что, например?— не сдавался Леха.

— Я лично могу ничего не делать,— огрызнулся Андрей.— Буду сидеть и ждать, пока мешок денег на голову упадет.

— А если не упадет?

— Значит, не упадет, но я никому не дам ни копейки.

— Давайте прикинем,— вмешался в их спор Миша.— Что мы можем придумать, чтобы отвязаться от этих козлов?

— А что ты придумаешь?— развел руками Леха.— Только если собрать шарагу и набить им морды... Но они тут же наберут свою сборную, мы — еще толпу, и в итоге конфликт приведет к гражданской войне.

— Почему я вообще должен кому-то что-то отдавать!— Андрей вскочил и прошелся по площадке.— Я работаю и зарабатываю деньги. Кто хочет — пусть тоже зарабатывает, но при чем здесь я?

— Дело в том, что мы довольно много зарабатываем,— ответил Миша.— По крайней мере, с точки зрения токаря-малостаночника. А на большой кусок всегда много желающих.

— И что я должен теперь делать?— Андрей в сердцах лягнул трубу мусоропровода.

— Выбрать.— Миша поднял руки ладонями вверх, изображая весы.— Или ты просто уходишь в сторону и не зарабатываешь больших денег, или берешь монтировку, зовешь друзей и отбиваешься, или платишь денежку таким вот товарищам, вроде сегодняшних. Тогда ты будешь зарабатывать деньги сам, а заодно кормить бандитов или нанятых соучастников.

— За каждым большим состоянием кроется преступление,— задумчиво произнес Леха.

— Что?— повернулся к нему Андрей, до этого методично пинавший трубу в такт Зулиным словам.

— Бальзак. Том не знаю какой,— ответил Леха.— Это нам Тамара Стефановна рассказывала. После истории с макулатурой. Нельзя, дескать, нажить денег, не совершая преступления.

— Почему?

— Да есть такое мнение.

— Но если бы не эти козлы, я бы спокойно зарабатывал бабки...

— Андрей,— перебил его Миша.— То, чем мы занимаемся, вообще говоря, уже преступление. Называется это спекуляция.

— От этого преступления никому конкретно ни тепло ни холодно,— возмутился Андрей.— Я ни у кого не ворую, не отнимаю денег. Наоборот, не будь нас, многие люди не смогли бы купить себе нужных «пластов», что купили у нас. А тут приезжают какие-то уроды: отдавай им деньги!

— А если и правда,— оживился вдруг Леха,— нанять кого-нибудь из взрослых, чтобы они нас охраняли?

— А какая разница?— пожал плечами Миша.— Все равно ты будешь кому-то платить. Своей охране даже больше, чем этим.

— Можно сложиться!— не сдавался Леха.— Взять этого Толяна, еще кого-нибудь...

— Тогда уж надо просто трясти их с помощью тех же наемников,— усмехнулся Миша.

— А почему нет?

Повисла пауза. Андрей, отведя взгляд, снова принялся постукивать по трубе. Миша, погруженный в свои мысли, следил за его движениями. Леха наблюдал за друзьями, ожидая, что они скажут. Его идея казалась ему самому довольно удачной и весьма прибыльной.

— Короче так.— Андрей повернулся к друзьям.— Я никого трясти не собираюсь. Никогда. Но и платить никому не буду. Могу набить кому-нибудь лицо слева направо пару раз, но лучше буду сидеть на печи и придумывать способы зарабатывания денег без стрельбы и мордобоя. Вы — как хотите.

— Ты не заработаешь так ничего,— заспорил было Леха.

— А ты обо мне не беспокойся!— оборвал его Андрей.

— Ты пойми, чужак, это же аксиома, что за каждым большим состоянием...

— Теорема,— поправил его Миша.

— Что?

— Это не аксиома, а теорема. Теорему нужно доказывать. Ты сам хотел опровергнуть ее.

— Да, было дело,— согласился Леха.— Но это было давно и неправда. По-моему, это все же соответствует действительности. Во всяком случае, я с таким подходом к делу уже согласен.

— А я — нет.

— Что вы тут городите?— Андрей переводил недоуменный взгляд с одного на другого.— Какие, на хрен, теоремы и тамары стефановны?

— Смысл в том, — пояснил Миша, — что я тоже не хочу никого трясти. А Леха...

Они посмотрели на товарища. Леха насупленно молчал.

— Ну что, Каин, будешь воевать с мафией до последнего диска? — поддразнил его Андрей, ободренный тем, что Зуля принял его сторону.

Леха посмотрел на него, прищурившись.

— Каин, говоришь? А ты, значит, интеллигент в белых перчатках и цилиндре?

— А я себя под Лениным не чищу.

— И правильно делаешь. Мыла не хватит.

— Короче. — Миша поднял руку. — Предлагаю голосовать.

— Легко, — пожал плечами Андрей. — Главное, чтобы молча.

— Только непонятно, какие на повестке дня вопросы. — Леха поднялся со ступеней, разминая затекшие ноги.

— Будем ли мы платить. — Миша загнул безымянный палец. — Тут, думаю, ясно. Будем ли воевать — тоже ясно. Значит, остается уйти.

— Обидно, — помрачнел Андрей.

— Нужно все же нагадить напоследок. — Леха потер ладони.

— Каин прав, — кивнул Миша.

Андрей хохотнул, насколько позволяла раздувшаяся губа, указывая на Леху пальцем.

— Что ты ржешь, Цилиндр?! — огрызнулся тот.

Миша тоже не смог сдержать улыбку.

— Братцы-кролики, давайте лучше придумаем, как бы нам хлопнуть дверь.

— А чего тут думать? — Андрей сжал кулак и ударил им по трубе.

Вечером следующего дня приятели подошли к «Мелодии», отозвали Культю в сторонку и в мгновение ока отделили его так, что предприимчивый сборщик дани не появлялся у магазина две недели.

Рэкетеры наведывались теперь к магазину каждый день, ожидая новых акций, но все было тихо. Трое приятелей больше не ходили к магазину, а найти их не представлялось возможным: школ в районе Ленинского проспекта тьма тьмушая.

Приятели ушли, хлопнув дверью. Ушли, приняв свой кодекс: никому не платить, никого не трести.

Сидя теперь за столиком с Анваром, Андрей с грустью подумал, что все эти годы они строго блюли это правило, не поддаваясь соблазнам и отказываясь от заманчивых предложений. И вот теперь пришел черный день.

«Господь велел делиться». Андрей улыбнулся, вспомнив, как отвечал некогда на это замечание сам Леха: «Кому он велел, тот пусть и делится, а я ничего такого не слышал!»

— Что улыбаешься?— осторожно спросил Анвар.

— Да так,— спохватился Андрей,— вспомнил кое-что.

— Девочку эту, да? Оксану?— Анвар расплылся в улыбке.

— Это Лехина жена,— сказал вдруг Андрей.

Анвар нахмурился.

— Она что, знает...

— Нет,— всплеснул руками Андрей.— Я оставил ее там, в кафе. Она будет ждать новостей о Лехе.

Анвар немного подумал, перебирая свои четки.

— Ладно. Хорошо. Тогда нам нужно только договориться по-быстрому, да? Чтобы никто не ждал.

— Давай,— кивнул Андрей.

— Значит, так.— Анвар бросил четки на стол.— Я беру обычно двадцать процентов от чистой прибыли. Но в данном случае вы же не под моей «крышей», да? Я вписался за вас авансом...

— Двадцать процентов чего?— Андрей решил сразу расставлять точки над «i».

— От прибыли...

— Чьей?

Андрей начал задавать вопросы быстро, навязывая Анвару свой темп разговора. Он знал, что осетин не любит отвечать, не взвесив каждое слово. При подобном блище он мог ошибиться, согласиться с тем, что его не устраивало, или сказать лишнее. Оба знали это, но Андрей пер как танк— как-никак, Анвар сам предложил закончить разговор побыстрее.

— От прибыли...— Анвар сделал паузу, обдумывая ответ.— От прибыли того, кого я беру под свою «крышу», того, кто обратился ко мне за помощью...

— В данном случае обратился за помощью я, так?— Андрей начал слегка раскачиваться на стуле, словно подгоняя собеседника.

— Да, но ведь я вытаскиваю не тебя, да? А Каина...— Анвар говорил медленно, размышляя на ходу и как бы взвешивая каждое оказавшееся на языке слово, прежде чем позволить ему безвозвратно слететь.

— Так ты хочешь двадцать процентов от Лехиного кафе?

Андрей почти завершил ловкий маневр. Он сознательно затягивал Анвара в спор о том, с кого именно собирается тот получать деньги, хотя заранее знал, что Анвар будет настаивать на том, чтобы взять под свою «крышу» и кафе и цех. Но двадцать процентов, безотносительно несколько раз промелькнувших в разговоре, уже почти прижились. Стоило лишь самому осетину произнести их теперь вслух, и Андрей вцепился бы в эту цифру зубами: дескать, Анвар, ты же сам сказал «двадцать».

И Анвар, обеспокоенный тем, что Цилиндр так настойчиво пытается навязать ему выбор между двумя предложениями, попался в этот силоч.

— Двадцать процентов от...— Он снова задумался на секунду, поднимая со стола четки.— От твоего цеха. Ты ведь ко мне обратился, да? И двадцать процентов от кафе. Я же спасаю Каина, да?

И Анвар испытующе посмотрел на Андрея, ожидая его реакции. Тот молчал, делая вид, что подсчитывает что-то в уме.

— Нет, Андрей.— Анвар не выдержал этой паузы.— Я же не могу взять меньше. Меня просто не поймут, да? Скажут, Анвар со всех берет столько, а с этих меньше. Почему, спросят, да? Не может уже много брать? Тогда пусть не берет, скажут.

Андрей поднял руку.

— Да нет, Анвар, нет никаких вопросов. Двадцать процентов, я знаю, это нормально. Но вот...— Он запнулся, как бы подбирая нужные слова.— Ну, в общем, это же моя просьба, верно? И я хотел бы сам рассчитаться. Как бы ты вытаскивал моего работника. Справедливо? Я же не могу решать за Леху...

— А что значит — решать за Леху?— Анвар возмущенно взмахнул руками.— У него что, есть выбор? Он что, скажет, что не хочет свободы, да?

Андрей успокаивающе покачал руками, но Анвар завелся всерьез:

— Нет, какой выбор, э? Он бы сейчас уже умер, понял? Он бы все потерял и голову потерял. Я вообще могу забрать все у этого Мамаю, да? Он кто? Он — поц! Он фраер, понял?

— Анвар...

— Нет,— Анвар жестом показал, что хочет договорить,— если ты не веришь, хочешь, я его завалю? Просто так, по приколу, чтобы знал, с кем имеет дело.

— Э!— обернулся он к бармену.— Пиво дай, да?

Бармен подхватил из-под стойки поднос со стаканами и бутылками и метнулся к их столику.

Андрей обратил внимание, что на подносе стоит толстая бутылка английского пива и узенькая аккуратная бутылочка «Экю 28».

Бармен поставил стаканы на столик и проворно разлил пиво в стаканы. Сначала он налил Анвару, потом Андрею. Так как Анвар был, в определенном смысле, хозяином

стола, то подобная очередность не совпадала с правилами гостеприимства, однако осетин не обратил на это внимания. Жадно схватив свой стакан, Анвар сделал большой глоток.

— Нет,— продолжил он. — Спорим, я его завтра завалю?

— Постой.— Андрею не нравилось, какое направление принимал разговор. Нужно было сначала закончить дела, а потом уже заниматься саморекламой.— А что будет с этим кафе? Кто будет там хозяин и как Леха станет отдавать тебе эти проценты?

— А, просто,— небрежно ответил Анвар.— Двадцать процентов — мне, Гену — на хрен, а остальное — пополам между Лехой и Мамаем. Его бабки тоже все-таки в этом кафе есть.

— То есть,— Андрей взял со стола свой стакан,— Лехе выпадает сорок процентов?

— Ну.— Бандит кивнул.— Он так и так остается управляющим, и что я беру двадцать процентов от всего кафе, что одну пятую от его доли— он по-любому больше не получит, согласен? Все справедливо...

— Анвар,— Андрей пригубил свой стакан и поставил его на место,— а не будет проблем со стороны Мамае? Сейчас-то, как я понимаю, он замахнулся все забрать...

— Не.— В голосе Анвара послышалось раздражение.— Я не понял, кто такой Мамай? Никто! Я могу у него вообще все забрать, но это будет уже полный беспредел, да? Я по понятиям живу, я в законе, да? Это его счастье, что я правильный человек. Другой бы его выкинул без разговоров. А я могу с ним сделать, что захочу, но не буду, да?

Анвар снова принялся перебирать четки. Пальцы его дрожали от возбуждения. Неожиданно он перегнулся через столик и спросил чуть слышно:

— Давай я его завалю. На спор, да?

— Анвар...— Андрею очень хотелось уйти от этой темы.

— А, хорошо!— с готовностью хлопнул в ладоши осетин.— Не будем спорить. Мы сейчас просто поедem к нему, и я его завалю. Без спора. Просто по приколу. А?

На сей раз он действительно ожидал ответа. Андрею впервые делали подобное предложение. Естественно, ответить нужно было отрицательно, но так, чтобы это не выглядело проявлением малодушия.

— С мертвыми трудно иметь дело,— ответил он уклончиво.

— Как? А!— Анвар кивнул.— Да, с мертвых что возьмешь? Мы же не эти, которые людей кушают, да?

Ответ Андрея ему понравился. Он улыбнулся и одобрительно покачал головой.

— Не, мы его не уьем!

Неожиданно Анвар стукнул кулаком по столу. Стакан Андрея подпрыгнул и едва не опрокинулся.

— Я его...— И тут Анвар разразился длинной тирадой, суть которой сводилась к публичному совершению с Мамаем определенного рода сексуальных действий.— А?— Осетин хотел одобрения собеседника.— Вот сделаем по приколу, а?

Глаза у Анвара горели и словно покрылись какой-то поволокой. Не мог глоток пива, пусть даже самого крепкого, привести человека в такое состояние. Скорее всего, Анвар перед встречей *курнул* какой-нибудь дряни, и теперь его энтузиазм мог запросто выйти из-под контроля.

— Анвар, послушай.— Цилиндр похлопал его по руке.— Мне все равно, что ты там сделаешь с Мамаем и прочей швалью...

— Нет!— Анвар вырвал руку.— Ты не веришь, что я делаю, как говорю! Ты такой парень... Ты мне сразу не поверил, а? Думал, что я так...

Осетин очертил рукой круг в воздухе и, завершив этот жест, обратным движением снова подхватил свое пиво.

— Ладно, Анвар, давай договоримся, что будем отдавать тебе по пятнадцать процентов...

— А ты что, на базаре?— Анвар в гневе сжал кулаки.— Я что, торгаш, да? Я беру двадцать всегда, да? А так надо тридцать брать...

Андрей открыл было рот, чтобы возразить, но осетин не дал ему сказать.

— Я уже сказал «двадцать» и не могу слово назад взять. Пусть, да? Но меньше не будет.

Бандит снова припал к стакану. Андрей молчал, обдумывая ситуацию. В принципе это были как раз те условия, которых он ждал, так что ничего сверхъестественного не случилось. Можно было бы, конечно, попытаться как-то сбить цену, но делать это надо было только за серьезным, обстоятельным разговором. В теперешнем же своем состоянии Анвар на такой разговор оказывался явно не способен. Да и не так уж много — двадцать процентов. Того, что останется, с лихвой хватит на булку с марципаном, Лехе и в самом деле будет грех жаловаться.

На сей раз Анвар не торопил его с ответом. Потягивая пиво, он наблюдал за собеседником, уверенный, по-видимому, в результате. Тем не менее он пил не спеша, маленькими глотками, чтобы эта пауза выглядела не финалом, а была бы антрактом, после которого ему, Анвару, еще есть что сказать на столь же высоких тонах.

Андрей кивнул каким-то своим мыслям.

— Знаешь,— задумчиво произнес он,— наверное, должно быть по-твоему. Может, это и много, но заранее мы не договаривались, и это моя ошибка, а сейчас ты уже свое обещание, можно сказать, выполнил...

Анвар царственным жестом поставил почти опустевший стакан на столик. Бармен, казалось, ждал этого момента и тотчас подошел к ним с новой бутылкой. Он заменил осетину стакан и стал не торопясь наливать пенящийся напиток. Андрей подождал, пока тот закончит, но, видимо, Анвар не зря поставил стакан именно в тот момент, когда Андрей собрался подтвердить их договоренность. То ли бармен нужен был ему как свидетель на случай, если Андрей

попытается потом отказаться от своих слов, то ли, что более вероятно, договоренности между бандитом и халдеем не было, но Анвар рассчитывал, что благодаря болтливости последнего кому-то станет известно о новой победе Анвара. Так или иначе, бармен не торопился уходить, и по тому, как он смиренно опустил маленькие глазки, можно было смело сказать, что уши он наострил.

— Договорились.— Андрей протянул Анвару руку. Он не стал еще раз повторять условия сделки и с удовольствием перехватил брошенный мельком разочарованный взгляд собеседника.

— Значит,— повторил-таки Анвар, протягивая руку,— по двадцать процентов с кафе и с цеха.

Их руки встретились.

Обменявшись рукопожатиями, мужчины встали.

— Значит,— уточнил еще раз Андрей, выходя из-за столика,— сегодня вечером Леха будет дома?

— Я сказал,— коротко ответил бандит.

Оба они были довольны результатами переговоров. И главным здесь был даже не денежный вопрос. Каждый из них вел свою игру, придерживаясь заранее выбранной тактики, и каждый считал, что его план удался, что он переиграл противника и вышел победителем.

Андрей полагал, что ловко ушел от разговора о тридцати процентах, сакцентировав внимание на других вопросах и заставив Анвара самого остановиться на меньшей цифре. В конце концов, что такое деньги по сравнению с тем, что удалось спасти Леху?

Анвар же, опасавшийся, что Цилиндр выдвинет кучу аргументов против такой большой доли, довольно удачно притворился отчасти невменяемым, безупречно сыграв роль злого, обкуренного бандита.

В общем, насколько это возможно в подобной ситуации, стороны остались довольны результатами переговоров.

Противившись с Анваром, Андрей поспешил к кафе, в котором его ждала Оксана.

Девушка сидела за крайним столиком и неотрывно следила за дверью. Увидев Андрея, она бросилась к нему, смахнув со стола чашку с недопитым кофе.

Андрей, прекрасно понимая ее состояние, с порога показал ей большой палец.

— Что?— выдохнула Оксана, не в силах преодолеть последние разделявшие их два-три метра.

— Нормально.— Андрей подхватил ее под руки, опасаясь, что силы оставят девушку и она рухнет на пол.— Вечером он будет дома.

— Ой, Андрей!— Девушка обвила его шею руками. Слезы, скопившиеся за эти двое суток ожидания и неизвестности, хлынули на его плечо.

— Пойдем, пойдем.— Андрей быстро вытянул из кармана купюру, бросил ее на столик, где сидела Оксана, потом взял девушку под локоть и вывел на улицу.

Остановив какую-то машину, Андрей усадил в нее Оксану и сел сам.

Когда он назвал адрес Оксаниного дома, та вздрогнула.

— Мы домой? А разве мы не за Лешей?

— Оксана,— Андрей сделал страшные глаза, покосившись на водителя,— я расскажу тебе все дома. Хорошо?

— Да, конечно,— спохватилась она.

Остаток пути они проехали молча. Возле дома они вышли из машины, Оксана буквально набросилась на Андрея с расспросами:

— Ну что? Что случилось? Почему вечером?

— Я не знаю, почему вечером,— честно признался Андрей,— но вопрос уже решен. Его привезут к дому. Я так понимаю, что он где-то за городом.

— Но он жив?

— Разумеется, жив! Иначе никто никому не морочил бы голову.

Оксана кивнула. Медленно повернувшись, она направилась к подъезду. Но, дойдя до двери (Андрей не провожал ее), обернулась и быстрым шагом вернулась к нему.

— И во сколько это обошлось?— жестко спросила она.

— Что?— Андрей хотел скосить под дурачка, но быстро сообразил, что говорит не с кем-нибудь, а с женой Лехи Каина.

После того как его и Мишу вместе с их конспирацией посадила в глубокую лужу Катя, у него не было никакого желания потерпеть такое же фиаско повторно, и Андрей, помявшись, ответил нехотя:

— Примерно во столько, во сколько и планировали.

— А в цифрах?

— Оксан, я не уверен, что это имеет такое большое значение, тем более сейчас. Давай дождемся Леху, а потом уже все обсудим, расскажем, посмеемся и забудем. Идет?

Оксана вздохнула:

— Так что мне делать сейчас? Ты ведь, как я понимаю, куда-то опять намылился?

— Я не намылился,— улыбнулся Андрей.— Я поеду к Зуле. Он ведь тоже лицо заинтересованное и переживающее.

— Хорошо.— Оксана пожала ему руку чуть выше локтя.— Передай ему привет, и приезжайте вечером.

— Это нежелательно, Ксюш.

— ?

— Мы соберемся у тебя, и тут вдруг с бухты-барухты вернется Леха? Менты потом всех с кашей съедят за такое счастливое совпадение. Мы завтра подъедем, а ты сегодня просто позвони и скажи «приехал». О'кей?

— Ладно,— покорно кивнула Оксана.— Пусть будет по-твоему.

Девушка повернулась и теперь решительно зашагала к подъезду. Ее снова душили слезы, и показывать это ей не хотелось.

Андрей подождал, пока Оксана скроется в доме, и двинул в сторону метро. Но не прошел он и десяти шагов, как дорогу ему преградили двое.

— Ваши документы, пожалуйста.

— А в чем дело?— Андрей сделал шаг назад, прикидывая возможные пути отступления.

Один из мужчин махнул перед носом Андрея красной книжечкой.

Андрей пожал плечами и вытащил паспорт. Протянув его операм, он терпеливо дождался, пока его документы изучат и вернут.

— Все в порядке, пинкертон?— усмехнулся Андрей.

— Пока да,— в тон ему ответил опер.

— Будем оптимистами. Я могу быть свободен? Спасибо, вы чрезвычайно любезны.— Андрей козырнул им и зашагал прочь.

ГЛАВА XIII

Обычно рынок просыпался в начале девятого. Начиналось это пробуждение с того, что из сторожевой будки, взгроможденной на два крайних контейнера, спускался, громяхая по ступеням металлической лестницы, заспанный охранник. На звук его шагов из-за какого-нибудь угла появлялся здоровенный пес-кавказец и, шумно дыша, подбегал к лестнице. Охранник прицеплял к его ошейнику плетеный поводок и уводил пса в дальний угол, чтобы привязать там его на время работы рынка.

Убедившись, что их товарищ нашел и увел пса, два других охранника спускались следом и выдвигались в направлении двух въездных ворот: через одни ворота входили на рынок обычные покупатели, через вторые въезжали на грузовиках и микроавтобусах оптовики, подвозился товар в контейнеры.

По пути сторожа скучающим взором проверяли замки на дверях контейнеров. Делалось это скорее машинально, нежели из опасения, что кто-либо покусился на товары. Дело в том, что сбить или спилить замок с запора контейнера, не подняв на уши всю округу, было невозможно:

даже на удар ногой в металлическую дверь гофрированное вместилище отзывалось зычным басом большого колокола. Да и не успел бы злоумышленник пошуметь: любой чужак, забредший ночью на территорию рынка, был бы немедленно атакован псом, на чей лай сбежались бы сторожа.

Входные ворота на рынке отличались не только размерами и наличием накатанной колеи. Для охранников они имели вполне осязаемую, выраженную в цифрах ценность. Ворота, через которые заходил пеший, розничный люд, охранять смысла не было: вход был свободный. Ворота же на противоположной стороне, через которые заезжали на рынок машины, котировались много выше. За въезд с покупателей бралась мзда, а так как многие частники забывали взять у охранников квитанцию об оплате, у тех была вполне реальная возможность слегка «подзаработать», попросту опустив эти деньги в карман. Никто из охранников не страдал ни альтруизмом, ни каким-либо другим недугом, препятствовавшим такого рода подработке. Все честно отдавали квитанции тем, кто просил, но не спешили напоминать о ней людям забывчивым или просто отличавшимся ярко выраженной широтой души. Сумма в пять тысяч (стоимость въезда на рынок) плохо делилась на троих, и, чтобы не поссориться, как кот Базилио и лиса Алиса, охранники дежурили у ворот по очереди, складывая все заработанные деньги в один карман.

Где-то около половины девятого к въездным воротам подтягивался первый грузовик, привезший товар в один из контейнеров. Вырулив на свой ряд, фургон замирал в ожидании продавца.

Первые продавцы начинали подтягиваться без четверти девять. Дойдя до своего контейнера и убедившись, что замки находятся в целости и сохранности, они отправлялись искать «своего» сторожа-охранника, за которым был закреплен их ряд. У этого «своего» сторожа была тетрадь, где продавцу нужно было расписаться, сняв тем самым

ответственность за охрану контейнера с администрации рынка.

Оставив автограф в заветной тетради, продавцы отправлялись вскрывать свои контейнеры. Сняв навесные замки, они поворачивали тугие запоры и растворяли воротины, являя миру импровизированные витрины с товарами. Большинство продавщиц-женщин терпеливо дожидались соседей — представителей более сильного пола, чтобы дать им возможность эту самую силу продемонстрировать.

Кто-то из продавцов немедленно усаживался на стульчик или ящик перед своим контейнером в ожидании первых покупателей, кто-то принимался разгружать товар из подъехавших машин, кто-то сдавал контейнер сменщику: оба принимались пересчитывать бутылки, коробки и банки, сверяя результаты с написанным накануне отчетом.

Ровно в девять входили на рынок первые покупатели, не спеша обозревая ассортимент и цены и замечая места, куда стоит вернуться за покупками.

Рынок начинал работу.

Иногда Зуля появлялся на рынке без нескольких минут девять. Встав в стороне, он дожидался прихода продавца и, глянув на часы, отправлялся по рынку. Не торопясь, пока толпы покупателей еще не заполнили проходы между рядами, он обходил контейнеры конкурентов, изучая цены на выставленный товар. Как правило, завершив обход, он уезжал по делам, но бывало, что положение вещей не устраивало его и, вернувшись к своему контейнеру, он переписывал пару накладных и менял ценники.

Однако в последние месяцы столь ранние визиты шефа стали редкостью, и продавцы, опоздав на десять — пятнадцать минут, почти не рисковали получить нагоняй.

Продавцы и экспедиторы, знавшие Зулю как человека педантичного до занудливости, связывали подобное охлаждение к делам на рынке с тем, что шеф начал новый проект,

суливший большие деньги и отнимавший несравнимо больше времени.

На самом деле Миша был уже одной ногой во Франции. Все формальности были исполнены, документы готовы. Оставалось собраться, продать и переоформить фирму (чем Зуля сейчас активно занимался), попрощаться с друзьями и... И все. «Прощай, прощай, прощай! Мы рано отправились в рай...»

Теперь Зуля уже не разбрасывался по мелочам, карауля и отчитывая продавцов за минутное опоздание. Он решал лишь ключевые вопросы, без которых работа встала бы вовсе.

Конкурентов же подобное отношение Зули к своим палаткам очень беспокоило.

Дело в том, что за два с лишним года работы бок о бок с этим человеком другие торговцы твердо усвоили, что Зуля ничего не делает просто так и ничего не предпринимает, не взвесив все «за» и «против». Но если уж начал что-то делать... Не раз Зуля выкидывал такие финты и фортели, что весь рынок хватался за голову, поняв, как провел их этот тихоня. Многие имели на него большой-пребольшой зуб, но формально придраться было не к чему.

Вот пример — судите сами.

Не нужно быть семи пядей во лбу, чтобы усвоить две простые вещи: у кого ниже цена, тот больше продает, а перед Новым годом все закупают провизию и напитки в немереных количествах. Прибавьте к этому общеизвестный факт, что заводы по производству, скажем, соков в предновогодний вечер не работают.

Что проделал Зуля?

Все торговцы на рынке, уже наученные горьким опытом, зорко следили за тем, чем торгует Зуля, как и по каким ценам. Стоит измениться хоть цифре на одном из его ценников — и это событие уже обсуждает весь рынок, делая выводы и принимая ответные меры.

Тридцатого декабря прошлого года Миша вдруг взял да и снизил цены на все соки аж на двести рублей.

«Снизил цены,— сделали вывод другие торговцы,— хочет быстро распродать. Зачем? Значит, есть резон».

Дружно решив, что на сей раз Зуля их не проведет, негоцианты снизили цены на свои соки на триста рублей, продавая их чуть ли не по себестоимости.

«Ну и что?— утешали они друг друга. — Зато на сей раз мы оставим этого умника в дураках!»

Обрадованные покупатели смели подешевевшие вдруг соки почти подчистую. Один Зуля в тот день остался на бобах, не продав почти ничего.

Торговцы потирали руки, подсчитывая выручку, но оказалось, что последний ход остался все-таки за Зулей. Тридцать первого, в канун праздника, рынок стал похож на муравейник из-за невиданного столпотворения народа, жаждущего докупить что-то к праздничному столу, в основном водку и соки.

Оживленнее всего было возле Зулиных контейнеров. Оказавшись вдруг монополистом по части соков, Миша недогнущей рукой сменил ценники, бессовестно взвинтив цену. Соседи кусали локти в своих пустых бункерах, наблюдая, как бурлящий поток наличных денег течет мимо них в коробки-кассы Зулиных продавцов. Окончательно Зуля испортил конкурентам праздничное настроение второго числа, когда к его контейнеру подъехал грузовичок, предусмотрительно забитый товаром еще в середине декабря. Снова Зуля торговал в гордом одиночестве, оделяя мучимых жаждой соотечественников недешевым, прямо скажем, но натуральным сочком.

Если же пересказывать все его «штучки» помельче, то получится, пожалуй, неплохой учебник для начинающих коммерсантов. Самое смешное, что после того, как торговцы оставались в дураках и понимали механику очередного трюка, они не могли не признать, что попались на

крючок именно из-за того, что слишком усердно пытались оказаться умнее.

Иногда Зуля все-таки пробегал по самой кромке, за которой ему можно было уже предъявить счет за понесенные убытки, но ни разу не оступился, не пересек ее.

Один раз произошло вот что.

К Зулиному контейнеру подъехал незнакомый грузовичок. Двое рабочих начали бодро разгружать полеты с каким-то незнакомым сортом пива. Народ на рынке насторожился.

Когда грузовичок закончил разгрузку и водитель поехал к выходу, его тормознули.

В ходе непринужденной беседы Зулины соседи выяснили, что пиво возят с какого-то таможенного терминала, где его еще довольно много, но все уже обещал купить частный предприниматель Зуленич.

Спросили цену. Цифра оказалась приличной — почти шесть тысяч. Однако торговцы не дрогнули: они дали водителю на пятьдесят рублей с бутылки больше, и тот согласился привезти загадочное пиво им. И привез.

Не буду цитировать восклицания, что срывались с губ торговцев на следующий день, когда Зуля начал преспокойно торговать этим пивом по две с половиной тысячи. А что те же торговцы сказали друг другу еще через день, когда на рынок приехал какой-то живчик с предложением купить у него этого пива хоть вагон, хоть состав по полторы тысячи за банку!

Кинулись звонить по оставленному водителем телефону. Оказалось, что это телефон главврача наркологической больницы.

Покатили было бочку на Зулю, но что тут скажешь? Хотели надуть, а не вышло?

Большинство торговцев по сей день уверены, что всю эту операцию организовал сам Зуля, но как это доказать?

А Зуля все придумывал и придумывал новые комбинации, в эффектных эндшпилях которых терялись самые мажорные рыночные волки.

Все это Зуля проделывал не ради денег. Вернее сказать, не только ради денег.

Дело в том, что многие его старые знакомые, ушедшие после института во всякие «ящики» и солидные конторы, узнав о том, чем он занимается, если не морщились открыто, то давали понять, что отныне их бывший сокурсник стоит на социальной лестнице на много ступеней ниже.

Миша не спорил, не пытался ничего доказывать или объяснять. Он знал, что у него есть цель и что он будет идти к ней сквозь огонь, воду, медные трубы и любую грязь и дрянь. И шел, отмечая про себя, что бывшие дружки-приятели чураются его общества, предпочитая некий «свой круг».

У Миши были любимая женщина и два настоящих друга — немало по большому счету. И все-таки заноза гордости нет-нет да покалывала. Миша пытался доказать самому себе, что он на самом деле умнее тех, кто, по выражению одного знакомого, «сидит тупым боровом в железной будке». Он был на голову, даже на две умнее и талантливее тех, с кем приходилось общаться, и каждый раз, когда ему удавалось провести их за нос, зуд от этой занозы стихал, пока не встречался очередной старый приятель, протиравший штаны в выпускающем последний вздох НИИ. Этот приятель морщил свой угреватый нос, почесывая плохо выбритую китайским одноразовым станком обвисшую щеку, и покрытое бесчисленными шрамами Зулино самолюбие требовало новых жертв.

Так что облапошенным Зулиным соседям стоило обижаться не на коварного конкурента, а на тех, кто невольно подталкивал его к поиску.

Почему контейнеры, а не супермаркет или тот же ресторан, не фабрика и не банк?

Все просто. Ведь Миша собирался сваливать. Что проку вкладывать силы и деньги в здания и станки, если придется бросать все это здесь на пике успеха? И потом, не хотел

Зуля вращать в эту землю. Во времена путча он был готов рвануть через границу с теми грошами, что успел тогда скопить. Лишь бы успеть проскочить под «железным занавесом», пока тот снова не опустился, скрыв от него вождельный мир, где, как в Библии, воздается каждому по делам его.

Сегодня Миша бродил между рядами не оттого, что интересовался ценами конкурентов, а потому, что не находил себе места. Особых дел на рынке у него не было, но они условились с Андреем, что, в случае чего, тот будет искать его здесь.

Соседям это последнее обстоятельство было неизвестно, и они не на шутку заволновались, заметив, что Зуля пошел обходить ряды по третьему кругу. Не иначе как этот пройдоха что-нибудь затевает.

Один из оптовиков решил подойти к нему.

— Здоров, Зуля!— протянул он руку для приветствия.

— День добрый.— Миша пожал протянутую руку и рассеянно кивнул.

— Как она?

— Нормально.— Миша не был расположен вести беседы на отвлеченные темы, но торговца это очевидное обстоятельство ничуть не смутило.

— Как торговля?

Миша на секунду задумался, потом усмехнулся:

— Как всегда.

Торговец пошел рядом.

— А что, видел уже новые соки у Лепехина?

— Видел, наверное.

Миша, погруженный в собственные мысли, не обращал внимания на то, что лежало на витринах.

— И как?

— Что — как?— Настырность торговца начинала раздражать.

— Как думаешь, стоит брать?

— Мне сейчас все равно,— честно ответил Миша.

— То есть как это?

— Так. Я отваливаю.— Почему-то Миша, боявшийся — чтоб не сглазить!— поднимать эту тему даже наедине с близкими друзьями, вдруг сообщил эту новость первому попавшемуся торгашу.

— Как отваливаешь?

Торговец насторожился. Его темные, близко посаженные глазки возбужденно забегали.

— Совсем. Без остатка.

Отвалить. Он ждал этого так долго. Отвалить туда, где нет этих бегающих глазок, матерщины и грязи, где улыбнуться незнакомому человеку — нормально, а не считается признаком умственной неполноценности. Миша уже видел, как он идет не спеша по мощеной улице Нанта, поглядывая на красочные, пестрые витрины маленьких ресторанчиков и строгие, стильные — дорогих магазинов. Солнце, усыпавшее улицу яркими конфетти бликов и зайчиков. Воздух, насыщенный запахами и ароматами всех мыслимых цветов, фруктов и готовящихся блюд. Слышна музыка...

— Слышь, чего говорю-то?— Торговец дернул Мишу за рукав, мгновенно вернув его на родину.

— Чего?— Не было даже сил одернуть этого болвана.

— Будешь брать или нет?

— Что брать?— Мише вдруг захотелось снять с руки белоснежную перчатку и, размахнувшись, бросить ее в лицо дотошному торговцу: «Пошел прочь, невежа».

Но перчатки не было, да и ростом торговец был заметно выше. До дуэли бы дело не дошло: торговец пустил бы в ход кулаки, «не отходя от кассы».

— Уезжаю я,— отмахнулся Миша и зашагал к своему контейнеру.

— Куда?— крикнул вдогонку торговец.— За товаром, что ли?

— Во Францию. Навсегда.

— Ну я серьезно!

Не получив ответа, торговец пожал плечами и пошел в другую сторону. Ответ Зули озадачил его. При чем здесь

Франция? Куда он мог, на самом деле, уезжать? Нет, не уезжать даже, а *отваливать*. Так он сказал.

— Паш,— окликнули его,— как, берет Зуля соки?

— Какая тебе разница? — огрызнулся торговец.— Берет — не берет. Чего на него смотреть-то? Своих мозгов нет?

— Ты чего, Палыч, с дуба рухнул?

— Да пошел ты...

Зуля терпеливо дожидался вестей от Андрея. Дважды он порывался позвонить на пейджер, но что проку? Появись какие-нибудь новости, Андрей бы тотчас сообщил.

Так и получилось. Андрей примчался на такси. Зуля заметил почти бегущего приятеля еще издалека и пошел навстречу.

— Ну что?— встретил Зуля друга вопросом.

— Все нормально!— Андрей схватил его за локоть и загудел вполголоса на ухо:— Сегодня вечером он будет дома.

— Кто сказал?

Иногда Зуля мог быть таким непроходимым занудой, что даже близкие друзья с трудом переваривали его. Вот и сейчас, вместо того, чтобы подпрыгнуть от радости и заключить Андрея в объятия, он начал задавать глупые, никому не нужные вопросы.

— Граф Пихто. Анвар сказал.

— Вы встречались?

— Слушай, если мы говорили, то уж наверное встречались!— Андрей готов был взорваться.— Или как ты думаешь?

— И кто его привезет?— Зуля продолжал задавать свои дурацкие вопросы.

— Извозчик. Слушай, Зуля, чем ты недоволен?

— Я доволен, если все произойдет именно так,— показывал головой Миша.— Просто некоторый пессимизм и кое-

какой скепсис не позволяют радоваться обещаниям. Тем более обещаниям подобной публики.

— Слушай, скептик.— Андрей взял себя в руки и решил в последний раз попытаться убедить друга, что удача на их стороне.— Мы встречались с Анваром. Обсудили все вопросы. Он сказал, что сегодня вечером Леха будет дома. Его привезут поздно вечером, когда стемнеет, и высадят недалеко от дома. Что тебя не устраивает?

Зуля достал из кармана початую упаковку «Дирола», выковырял из нее одну подушечку, кинул в рот и принялся методично разжевывать.

— Слишком как-то гладко.

— Что — слишком гладко?

Миша не ответил. Еще какое-то время он молча восстанавливал кислотно-щелочной баланс во рту. Потом посмотрел по сторонам, придвинулся вплотную к Андрею и спросил чуть слышно:

— Во что это обошлось?

Андрей несколько помрачнел и рассказал, на каких условиях Мамай вытащил Леху.

Зуля, внимательно выслушав его, покачал головой.

— Сдается мне,— медленно проговорил он, продолжая пожевывать свой «Дирол», — что Анвар ни на кого не наезжал.

— Как это?— Андрей был ошарашен подобным заявлением.

— А вот так. Просто-напросто они договорились с Мамаем: один получает кусок кабака, а другой — часть твоего цеха.

Андрей смотрел на друга широко открытыми глазами.

— Ты что, Зуля, спятил?

— Почему? Кажется, все логично, все сходится. Может быть даже, что сам Анвар и придумал эту комбинацию, чтобы захомутать тебя, но это вряд ли: откуда он мог знать, что ты точно обратишься к нему?

— И давно ты это придумал?

— Нет,— качнул головой Зуля.— Мне это пришло в голову только что, когда ты сказал, как все радостно и радужно закончилось. До этого я считал, что Анвар тебе мозги пудрит, но теперь боюсь, что они пудрят их нам на пару.

Андрей задумался. В словах Зули, как всегда, был свой резон, но слишком коварно и просчитанно выглядела эта афера. Как ни хитер был Анвар, но придумать такую штуку он не мог. А что касается сговора с Мамаем, то такая версия тоже казалась притянутой за уши: слишком талантливый спектакль в этом случае разыграли перед ним бандиты.

— Я думаю, ты не угадал,— высказал свое мнение Андрей.

— Не хочется верить?— без сарказма спросил Миша.

— Не в этом дело.— Теперь Андрей уже был уверен в своей правоте.— Анвар не мог заранее договориться с Мамаем, потому что не знал наверняка, к кому мы обратимся. Он должен был хорошо изучить наши связи, а поскольку у нас их нет, то и узнать он ничего не мог. А то, что он их не нашел, не значит, что их нет. Логично?

Зуля кивнул, давая понять, что не намерен перебивать товарища.

— Сговор с Мамаем...— Андрей поморщился, демонстрируя, насколько неудачной кажется ему эта идея.— Понимаешь, нет смысла городить такой огород, если нужно получить выкуп. Тот же Мамай мог потребовать вернуть Леху на этих условиях, а Анвар развел бы руками. Или, наоборот, будь это идея Анвара, он мог бы просто-напросто сам повернуть всю эту штуку с похищением и ни с кем не делиться. К тому же я сам был на этой «стрелке», и, честно говоря, эти ханыги уголовники, которые приезжали с Мамаем, не выглядят непризнанными актерами МХАТа...

Писк пейджера заставил его прерваться.

Прочитав сообщение, Андрей поднял глаза на Мишу.

— Анвар просит срочно подъехать в кафе.

— Зачем?

— Не знаю. Но срочно.

— И как тебе это «срочно?»— На сей раз в интонации Зули промелькнула нотка сарказма, словно в этом сообщении он нашел подтверждение своей версии о сговоре бандитов.

— Никак.

— Знаешь что, я поеду с тобой,— решительно сказал Зуля.

— Зачем?

— На всякий случай.

— Какой случай? Мы же договорились, что я занимаюсь бандитами, а ты — ментами, и друг с другом мы как бы не общаемся...

— О ментах они все равно не знают. Во-вторых, если, как ты говоришь, все счастливо рассосалось, то менты уже и не нужны. Логично?

— Логично-то логично, но все равно нам вместе туда соваться не стоит.

— Отчего же?

— Оттого, что если твоя теория верна и нас хотят просто кинуть, то неизвестно, чем эта встреча обернется. Так что хоть ты должен остаться на свободе. Согласен?

— Согласен.— Зуля невесело усмехнулся.— Я думаю, что поедem мы все-таки вместе, но я посижу где-нибудь в кафе неподалеку и подожду от тебя вестей. Возьму твой пейджер, и если...

Андрей расхохотался. На недоуменный Зулин взгляд он поспешно ответил:

— Просто я тебе не успел рассказать, что Оксана ведь тоже ездила со мной. Не мог от нее отвязаться — пришлось взять. Но она меня ждала в соседнем кафе с моим пейджером.

— Понял,— кивнул Зуля.— Местами забавно, по области до смешного.

Когда Андрей спустился в полуподвальчик кафе, Анвар уже сидел за столиком. Бросив на вошедшего Андрея хмурый взгляд, он снова уткнулся в большую кружку темного пива.

Андрей подошел к столику и сел. Анвар продолжал молча цедить из стакана.

— День добрый еще раз.— Андрей был озадачен подобной переменой в настроении осетина, и ему хотелось побыстрее начать разговор и выяснить, что за срочность заставляла их вернуться в это кафе.

— Плохие дела, Цилиндр,— негромко сказал Анвар, не поднимая глаз.

— Что такое?— Андрею стало не по себе.— Что-то с Лехой?

— Пока нет, но у нас...— Анвар сделал паузу и поправился:— У вас с Лехой большие проблемы.

— В смысле?

— В смысле кто-то стукнул в ментовку, что твоего друга увезли. Причем стукнул конкретно: кто увез, зачем увез, почему увез.

Во рту у Андрея пересохло.

— И кто?— осторожно спросил он, боясь услышать верный ответ.

— Кто!— Анвар взмахнул рукой.— Если бы знали кто, мы бы здесь не базарили, а того, кто стукнул, давно бы на ремни порезали. А так неизвестно.

— И что теперь?

— Теперь все переиграться может,— покачал головой осетин и снова приложился к кружке.

— В смысле?

— Ну,— Анвар сделал неопределенный жест,— теперь начнется разбор, кто стукнул и тому подобное, да? Если, скажем, ты стукнул...

— Я?!— Андрей возмутился совершенно искренне.

— Ну, я к примеру говорю,— поправился Анвар.

— Нет, Анвар.— Андрей завелся довольно убедительно. Иначе было нельзя. Иная реакция на подобное обвинение

могла быть истолкована превратно.— Ты тьюльку не гони. Если у тебя есть что сказать, то говори прямо, а если нет...

— А, Андрей,— Анвар тоже был вынужден повысить голос,— какая сейчас разница, да? Главное, что все теперь знают, что кто-то стукнул.

— Откуда?

— Что — откуда?

— Откуда это известно?

— Э, я не знаю. Мамай сказал, что кто-то стукнул и что он может это доказать, да?

— Значит,— Андрей перешел в контрнаступление,— тебе сказал об этом Мамай?

— Ну.

— Значит, сам ты этого наверняка не знаешь?

— Нет, Андрей,— бандит протестующе поднял руки,— таким базаром просто так не бросаются, понимаешь? Если кто-то сказал, что так, значит, есть такие дела, понимаешь?

— Ну, так пусть он докажет, что это так. Правильно?

— Ну...— Анвар согласно наклонил голову.

— Теперь дальше.— Андрей подался вперед.— Что с Лехой?

— Теперь непонятно, что с Лехой, да?— Анвар явно чувствовал себя не совсем уютно. Его собеседник перехватил инициативу, а отвечать на такие вопросы старый бандит не очень любил.

— Что значит «непонятно»?— Андрей говорил жестко, но достаточно корректно, чтобы разговор не скользнул в колею о неуважении и тому подобном.

— Ну, по понятиям, если его кореша действительно вложили братву, то он сам уже вне закона, да? Сука, понимаешь?— Анвар говорил теперь тоном врача, объявляющего собравшимся у операционной родственникам, что надежды нет, так как «тахикардия на фоне острой сердечной недостаточности...» или что-то в этом роде.

— Анвар, послушай,— Андрей с трудом сдерживал себя,— мы с тобой договорились. Ты обещал, что сегодня Леха будет дома. Мы твои условия приняли...

— Андрей, дорогой, не в условиях дело, да?— Анвар уже именно оправдывался, не стараясь сохранить позу.— Я — вор. Я живу по законам, понимаешь? Я могу сказать слово — и все сделают, как я сказал. Но это только если все по законам, да? Если кто-то закон нарушил, то я должен первым ему глотку порвать. Иначе все скажут: Анвар не по закону поступил. И сейчас я должен найти того, кто стукнул, понимаешь? А потом уже закончить разбор с Мамаем.

— А если это Оксана?— Это был рискованный ход, но Оксана была явно вне игры, и вероятность того, что ее сочтут в чем-то виноватой, по любым законам была минимальной.

— Какая Оксана?

— Лехина жена.

Анвар задумался на минуту, потом жестом показал, что такая версия не проходит.

— Это не Оксана, да? Это кто-то, кто разбирается в делах. Или Оксана, если она была в курсе, но тогда ей кранты по всем правилам.

— Подожди, Анвар. Мы ведь с тобой договорились, так? Я и ты. Ты условия поставил, я их выполнил, правильно? Сказать, что это я кого-то заложил, ты не можешь, так? Значит, никакие сторонние люди, будь они стукачами, грачами, кирпичами, тут ни при чем. Я прав?

Анвар задумался. Да, в логике Андрея было не просто найти брешь. Непросто, но возможно.

— Андрей, ты ведь говорил от себя и от Лехи, да?

Андрей сразу понял, куда клонит бандит, но возразить ему было нечего.

— Ты свое слово сдержал. Нет вопросов. Но кто-то из Лехиных друганов или баба его ему здорово подгадили. Они вложили, понимаешь? И теперь не важно, просил он,

не просил. Если он был против, то он должен этого человека сдать, да? Тогда он будет прав, и вопросов не останется. А пока он и себя подвел, и тебя.

Теперь задумался Андрей. Осторожность была важным качеством, выработанным им в себе годами, но природная импульсивность и вспыльчивость рвались наружу.

— Значит, так.— Андрей сжал под столом кулаки и досчитал до пяти, чтобы успокоиться.— На чем вы с Мамаем остановились?

— Ну как? — Анвар пожал плечами.— Будем разбираться.

— Как?

— Ну как... Будем вычислять стукача, а когда вычислим...

Андрей не мог понять, что происходит. Если Мамай действительно пронюхал, что некто обращался в милицию, как он мог не узнать, кто именно обращался? Вряд ли оперативники пришли к нему и спросили «А не похищали ты, дружок, человека? А то у нас есть тут сигнал...» Значит, Мамаю могли только продать эту информацию. Но почему тогда ему не сказали имен? Здесь одно из двух: или информатор Мамаю — мелкая сошка и его слова немногого стоят, или... Или Мамай попросту блефует. В обоих случаях лучшая защита — нападение.

— Короче...— Андрей решил идти ва-банк.— Связывайтесь с Мамаем. Поедем к нему, и пусть он докажет, что кто-то стучал. Если нет, то пусть отпускает Леху, а ты уже разбейся с ним по своим понятиям.

Анвар нахмурился.

— Э, ты что, хочешь мне *преподать*, что делать?

— Анвар, я хочу спасти друга, и ты обещал мне помочь. Так?

Анвар откинулся на спинку стула. Он обдумывал создавшееся положение, и на сей раз Андрей решил ему не мешать.

Прошло несколько минут, прежде чем осетин снова заговорил:

— Я свяжусь с Мамаем. Да. Но я не гарантирую, что он захочет встречаться. Идет?

— Когда можно связаться?

— Сейчас попробую. Подожди здесь.— Анвар тяжело встал, не дожидаясь ответа, и направился к служебному ходу.

Андрей остался в одиночестве.

Ему было не по себе. Он затеял опасную игру, втянув в нее и Мишу и Оксану. Хотя, впрочем, они втянулись в нее еще раньше, когда позвонили по ноль-два. Ставки в этой игре были более чем высокие, но внутренний голос подсказывал Андрею, что его карты лучше, что выигрыш у него в кармане.

После истории с Ниной и рэкетирами Зуля стал чем-то вроде гуру. Его голос был почти всегда решающим, и не только потому, что свое мнение он всегда подкреплял вескими аргументами, но и потому, что ни Андрей, ни Леша не решались больше с ним спорить, безоговорочно уверовав, что там, где нужно сесть и все тщательно обдумать, никто не справится с этой задачей лучше, чем Зуля.

И нужно признать, что Миша оправдывал чаяния своих приятелей. Он продолжал генерировать идеи, приносившие пусть и не столь большой, как торговля, но все-таки ощутимый доход.

В основном ребята пополняли свои бюджеты за игрой в карты. Тем более что за время, пока они занимались своим «взрослым» бизнесом, круг картежников значительно расширился. Правда, от примитивного буркозла большинство картежников перешло к преферансу. В немалой степени на выбор повлияло то обстоятельство, что в этой игре играть на пару и вообще как-либо жульничать было

если не невозможно, то, по крайней мере, затруднительно.

Из нашей компании в преферанс умел играть только Леха. Да и умения его ограничивались знанием правил да пары присказок, вроде «сначала загляни в карты соседа, а в свои — всегда успеешь». С подобным «арсеналом» выходить на бой с поднаторевшими уже одноклассниками было бы самоубийством.

Приятели засели за тренировку. Один из знакомых Андрея — тот, что впервые снабдил его порнушными картами, — оказался заядлым преферансистом, и его уроки и советы оказались очень и очень ценными.

Через пару недель друзья решили попробовать себя в деле. Решили, что играть будут, как и раньше, двое, но теперь станут меняться после каждой игры. Так как больше одной партии за вечер сыграть было нереально, то у одного из приятелей, как и в старые добрые времена, было по два выходных в неделю. Но поскольку игры проходили в теплых подъездах, то «запасной игрок» мог вполне комфортно устроиться позади играющих в качестве зрителя.

Дебют прошел успешно. Приятели выиграли сто два виста. Но денежное выражение их успеха несколько смутило компаньонов. Играли по копейке за вист, и, соответственно, выигрыш составил один рубль и две копейки.

— Да, братцы, — подвел итоги Андрей, — круто поработали. В среднем тридцать пять копеек в час на троих.

— Кисло, — подтвердил Леха. — Может быть, предложить поднять ставки?

Предложение поднять ставки не прошло. Никто не хотел играть на большие суммы, тем более что таковых почти ни у кого и не было. Все играли не в надежде разбогатеть, а из-за азарта, из-за букета острых ощущений, которые давала игра.

Но исключение нашлось. Не стоит и говорить, что этим исключением были «арабы», для которых взять реванш за поражения в начале года было делом чести.

Начали с того, что увеличили ставки в десять раз. Через три часа игры подвели итоги. «Арабы» выиграли. Выигрыш составил... рубль шестьдесят.

Играющие стороны призадумались. Игра ради простого азарта не устраивала ни тех ни других. Да и какой мог быть азарт из-за двадцати копеек?

— Может, сыграем по рублю за вист?— Предложение Рафуты отвечало общим настроениям, но подобная ставка могла привести к проигрышу в несколько сотен рублей за партию, а потому никто не выказал явного восторга от принятия такого решения.

На следующий вечер отдыхал Леха.

Миша и Андрей играли не торопясь, аккуратно, просчитывая варианты и тщательно считая карты. Игра шла на равных. Несколько раз сыграли распасы, и у «арабов» обозначился некоторый перевес в «горе». Но Андрей, отчаянно вистовавший при любых раскладах, порядком «обвешал» всех вистами.

Когда партия перевалила за середину и Мише с Рафутой оставалось сыграть по одной игре, чтобы закрыть свои «пули», снова случились распасы. На первом кругу очки разделили примерно поровну. Второй круг оказался чуть удачнее для Андрея. Правда сидевший на прикупе Миша взял две взятки.

Раздали третий круг.

Андрей поднял свои карты. Нужно было пасовать или играть минимум на восемь взятков. Штрафные очки на третьем кругу писались в тройном масштабе, и ошибка могла обойтись весьма и весьма дорого. Однако и в случае успеха можно было неплохо продвинуться к победе.

Андрей задумался. Было очевидно, что он подсчитывает свои шансы. Четыре пары глаз внимательно наблюдали за его лицом.

Рафута про себя молился, чтобы Андрей рискнул: на руках у «араба» оказались четыре туза, но остальные карты были так себе. В случае распасов ему пришлось бы туго, но рискни Андрей сыграть, у Рафуты были все шансы отобрать заветную восьмую взятку.

Леха перебрался за спину Андрею и заглянул в его карты. На лице его отразилось крайнее недоумение. Подсказать или выразить свое мнение Леха не имел права, так как, свободно расхаживая позади играющих, мог видеть их карты.

Андрей продолжал размышлять.

— Больше часа не думай,— не выдержал напряженной паузы Костя.

Андрей кивнул.

— Мизер.

— Ты что, вообще дурак?!— взорвался у него за спиной Леха.

— Э!— протестуя поднял руку Рафута.

Леха демонстративно закрыл рот рукой. Крутанув пальцем свободной руки у виска, он отвернулся, давая понять, что крайне не одобряет решение друга.

В общем, Леха был прав. Ни один нормальный игрок не решился бы играть мизер с такими картами, да еще и на третьем кругу. У Андрея были все пики, кроме семерки, короля и туза, три хороших для мизера креста и семь — десять бубей. Для того чтобы получить нормальные для мизера карты, Андрею должно было порядком повезти. Если бы в прикупе не оказалось пиковой семерки, то дело могло кончиться очень скверно: одним махом приятели проиграли бы рублей шестьсот — семьсот.

Рафута пожал плечами:

— Пас.

— Прошу.— Церемонным жестом Костя указал на лежавший прикуп.

Андрей глубоко вздохнул. Бесконечно медленно переворачивал он первую карту. Скула его дернулась, когда он

понял, что масть ее красная. Дама червей. «Арабы» облегченно вздохнули: провал был большими буквами пропечатан на лице Андрея.

Вторую карту Андрей опустил на первую рубашкой вверх. Потом он положил свои карты на стол и взял прикуп в руки. Повернув даму лицом к себе, он начал медленно выдвигать из-за нее вторую карту. Выдвинув самый уголок, Андрей вздрогнул, и лицо его просветлело. Он хитро прищурился и опустил руку, показывая карты сидящим за столом.

Все подались вперед. Из-за дамы показалась черная полоска пиковой репки.

Андрей резким движением сдвинул карту.

На какое-то мгновение воцарилась тишина, а потом «арабы» взорвались хохотом. Леха, заглянув через плечо Андрея, выругался, и только Миша сидел совершенно спокойно, глядя на побледневшего товарища.

— Давайте писать!— Потирая руки, Костя вытащил из сумки тетрадь и ручку.

— Давайте.— Андрей громко сглотнул и сложил все карты в общую кучу.

— Попахивает паровозным дымком,— ухмыльнулся Рафута.

«Паровозом» называли ситуацию, в которой сейчас запросто мог оказаться Андрей. Другие игроки ходили сначала с сильных карт, лишая противника возможности передать им потом ход, а после отдавали взятку, и каждая оставшаяся на руках у «мизернувшего» карта оборачивалась взяткой. Он брал их одну за другой, неотвратимо и неминуемо, словно это были сцепленные между собой вагончики.

У Андрея было шесть пик. Как минимум пять из них вполне могли превратиться во взятки, каждая из которых обошлась бы приятелям в сто пятьдесят рублей.

Рафута переписал карты Андрея и обозначил предполагаемый снос: даму червей и пикового короля. Костя не

согласился с ним, но спорить не было смысла, тем более что первым ходил Андрей и не стоило открывать ему свои планы.

Андрей бросил на стол пикового короля.

— Да, обмишурились вы, дружище.— Даваясь от смеха, Костя выложил свои карты.

Рафута не спеша начал делать то же самое.

— А чему ты радуешься-то?— спросил он недовольным голосом.

— Я?— Улыбка сползла с Костиного лица. Посмотрев на лежащие перед ним два ряда карт, он застыл, отказываясь верить своим глазам.

Леха, сидевший несколькими ступенями выше и театрально обхвативший голову руками, поднял лицо и тоже посмотрел на расклад.

Пиковые туз и семерка были на разных руках. Обе карты убивались этим первым ходом, и взятка доставалась «арабам». Мизер был сыгран! Вместо того чтобы проиграть полторы тысячи вистов, Андрей одним махом закрыл всех и завершил игру.

Подсчитали очки. Двести сорок пять рублей осело в казне наших приятелей. Это было уже что-то. Даже не что-то, а вполне приличный приработок: восемьдесят один рубль на брата (два рубля стоила колода).

Друзья возвращались по домам в приподнятом настроении. Что же до Андрея, то он был просто на седьмом небе от счастья. Еще полчаса назад он уже почти проиграл сумму, превышавшую его накопления, а теперь стал героем дня.

— Да! — Леха хлопнул его по спине.— Ну, ты дал! Такой расклад!

Андрей с достоинством слушал эти дифирамбы.

— Слушай,— Леха посерьезнел,— а что, если бы ты пролетел с этим мизером?

Повисла неуютная пауза. Никому не хотелось искать ответ на такой вопрос.

— Да.— Сам же Леха и прервал ее, продолжая восхищаться невероятным везением, которое помогло Андрею не только спасти партию, но и переломить ее ход в свою пользу. — Ну уж если повезет, то повезет!

— На самом деле,— вставил свою реплику Зуля.— Везение не столь уж невероятное.

— Как это?— удивленно поднял брови Леха.

Андрей же, обиженный на столь нелестный отзыв о своей удаче, даже не нашелся, что сказать.

— Так.— Зуля поправил сумку на плече, как делал всегда во время споров, чтобы освободить необходимые для жестикуляции руки.— При заходе в короля вероятность успеха была пятьдесят на пятьдесят. Так?

Никто не возражал.

— Дальше,— развивал свою мысль Зуля.— Была вероятность того, что семерка в прикупе все-таки окажется. Верно? Как и вероятность того, что даже три пики лягут с голым семаком.

Зуля сделал резкий широкий жест, словно дирижер, обрывающий марш. Этим он предупреждал своих слушателей о недопустимости возражений.

— Кстати, было абсолютно все равно, окажется в прикупе король или туз.

— В общем,— подвел итог Леха,— любой игрок заказал бы мизер.

Все засмеялись.

Лехе было в самом деле смешно, Миша засмеялся больше от смущения из-за того, что выдвинул столь громоздкую, заумную теорию. Андрей засмеялся за компанию, хотя ему вовсе не было смешно: его тщеславие едва успело выбросить новый бутон, требовавший полива, а Зуля не пролил на него ни капли влаги.

— Слушай,— Леха, уловив настроение Андрея и без труда поняв причину, примирительно обнял друга за плечо,— а ты что, сидел и просчитывал все эти вероятности?

— Я знал, что все будет пучком.— Андрей сделал жест, как бы скидывая руку, но недостаточно сильный, чтобы высвободиться из объятий. Все-таки Лехины искренние поддержка и восторг были весьма приятны.

— Откуда ты это знал?— Леха даже перестал улыбаться, но тут другая улыбка, плутоватая, хитрая, расплылась по его лицу.— А-а, я понял. Близкое сердцу пятнышко на рубашке намекнуло, что сверху лежит пикушка?

Андрей был просто оскорблен. Он считал преферанс игрой для умных и никогда не опустился бы до такого примитивного жульничества, как примечать соринки и царапинки на рубашках карт. Хотя, если честно, в момент, когда он раздумывал о том, сыграть мизер или ограничиться одной взяткой, он бы дорого дал, чтоб на картах был крап. Но теперь он вспоминал об этой своей мысли как о проявлении минутной слабости.

— Я *почувствовал*, понимаешь?— Андрей со значением поднял указательный палец.

— Ну?— Леха никак не хотел перестраиваться на серьезный лад.— Так что ж ты молчал? Давай тогда ты будешь все время угадывать карты и особенно прикуп. Денег можно выиграть не меньше чемодана за сутки...

— Ты — дятел!— Андрей начал злиться. В самом деле, он ощутил нечто необычное, на него снизошло озарение, словно кто-то толкнул его под локоть и шепнул: играй! А теперь эти два олуха не хотят его понять: один раскладывает это чудо по теории вероятностей, другой ржет, как контуженный пони.

— Ага,— подхватил Леха,— дятел. А ты — Кашпировский Второй. Предлагаю аттракцион: выходит Кашпировский Второй с ученым дятлом на плече и угадывает, в каком кармане у кого больше денег. А ученый дятел их достает и уматывает, даже не пересчитав...

— Овца ты коротко стриженная! — Андрей окончательно разобиделся.

На сей раз мирить приятелей полез Миша.

— Ладно, будем считать, что в экстремальной ситуации у Андриюхи открылся третий глаз. Поэтому предлагаю теперь назначить Андрея свет Цилиндровича министром по угадыванию всего, что только может быть угадано.

— Голосуем!— Леха поднял руку.

Андрей попытался отвесить ему подзатыльник, но Леха ловко ушел от удара.

— Единогласно,— подвел итоги Зуля.— Одним голосом против нерасслышавших вопрос повестки дня.

— Вы оба — дятлы,— проворчал Андрей, но уже безо всякой злобы.— Я вам о прекрасном, а вы все о тушенке...

— О сгущенке, копченке, варенке и гадком утенке.— Леха все не унимался.

Зуля остановился. Андрей, шедший между ними, тоже. Леха сделал крюк и подошел к ним со стороны Миши.

— Андриюха,— Зуля заговорил серьезно, даже торжественно,— ты классно сыграл. Я бы не решился такое отмочалить. Благодаря тебе, мы много выиграли. Спасибо.

Он протянул Андрею руку. Тот, помедлив — не розыгрыш ли это?— пожал ее.

— Присоединяюсь.— Леха тоже протянул Андрею растопыренную пятерню.— Но только не надо больше таких озарений, ладно?

— Ты — клювоступенчатый дятел.— Андрей вырвал руку и зашагал прочь.

Вернулся Анвар.

— Значит, так,— заговорил он, опускаясь на стул.— Мамай с тобой встречаться не хочет. И он прав, да? Я тебе верю потому, что я тебя знаю. А он не знает ни тебя, ни меня. Но со мной он должен говорить потому, что я в законе. Так что я сейчас поеду, а ты жди от меня...

— Анвар,— твердо сказал Цилиндр.— Я или поеду с тобой, или буду ждать тебя здесь.

Анвар пожал плечами:

— Как скажешь. Я думаю, мы быстро все перетрем. Здесь недалеко.

Анвар вышел через служебную дверь. Андрей встал и отправился в кафе за углом, где несколько часов назад сидела Оксана, а сейчас ждал Зуля.

Миша не бросился ему навстречу. Он лишь поднял руку, желая привлечь к себе внимание.

Андрей подошел и плюхнулся на стул.

— Дерьмо.

— Конкретнее.

— Они знают, что вы ходили в милицию. Или блефуют, говоря, что знают.

— Откуда знают?— Миша не выказал ни удивления, ни испуга.

— Неизвестно.

— И что теперь? Что это меняет?

— Они говорят, что, мол, раз их заложили, то они берут свои слова обратно.

Миша прищурился и посмотрел на друга.

— То есть?

— То есть эти козлы не хотят выпускать Леху.

— И что теперь?

— Теперь Анвар поехал на очередную «стрелку». Я ему сказал, пусть Мамай или докажет, что кто-то куда-то ходил, или пусть отпускает Леху.

— И что,— невесело усмехнулся Зуля,— Анвар приложил руку к козырьку?

— Нет, но согласился с такой постановкой вопроса.

— Как вы с ним свяжетесь?

— После «стрелки» он вернется в то же кафе.

Миша что-то прикинул в уме.

— А если Мамай докажет, что кто-то ходил в милицию?

— Я думаю, они блефуют.

— Я тоже. Тогда пошли.

— Куда?

— Туда.— Зуля поднялся, подзывая официантку.— Подождем Анвара вместе. Если они что-то докажут, то будем разбираться на месте. А если нет, то интересно послушать, что он теперь скажет.

— Подожди,— Андрей тоже поднялся,— ты ведь говорил, что идти вдвоем рискованно.

— А ты как-то сказал, что я среди вас самый умный. Так что командовать парадом буду я.

— Это я сказал по глупости,— попытался было спорить Андрей, но уступил.

Ждать Анвара пришлось недолго.

Он появился через ту же дверь позади бара. Захватил с витрины бутылку пива и размашистой походкой подошел к их столику.

С Зулей он был шапочно знаком. Кивнув в знак приветствия, он коротко огласил принятое решение:

— Мамай представил доказательства. Лехина баба и еще один придурок ходили в ментовку. Дальше расклад такой. Вы можете выкупить вашего корефана. Двести пятьдесят штук это стоит. У вас есть сутки, чтобы собрать бабки. Я буду на связи и прикрою вас, если что. С Лехой у меня теперь дел нет, но с тобой, Андрей, договор остается в силе: двадцать процентов. Все. Больше ничего не обсуждается. Если не хотите платить, то можете сказать сразу.

Осетин встал, давая понять, что разговор окончен и что даже эта краткая аудиенция была с его стороны форменным одолжением.

Андрей был просто раздавлен подобным поворотом дела. Еще час назад он готов был праздновать победу, и вдруг в одночасье все стало еще хуже, чем вначале.

— Анвар,— окликнул осетина Зуля. Тот обернулся, с досадой глядя на него.

— Мы привезем бабки. Но эти игры несколько затянулись. Нам нужны доказательства того, что Леха жив. И завтра, когда мы привезем деньги, он должен быть на месте. Иначе мы будем считать, что Каин был убит в ночь похищения, а вы с Мамаем пудрите нам мозги, чтобы вытянуть побольше капусты.

— Ты кто такой?!— Толстый осетин, казалось, сейчас задохнется от гнева.— Ты кому это сказал, а?

Андрей сидел на месте, словно примерзнув к стулу, и, открыв рот, наблюдал за схваткой. Не то чтобы он боялся Анвара, но, как-никак, обращение с взрывчатыми веществами требовало определенной осторожности. В конце концов Анвар мог просто «наехать» на Зулю, инкриминировав ему что-нибудь вроде «неуважительного отношения к старшим». С другой стороны, вопрос требовал ясности, и внести ее можно было, только поставив ультиматум.

— Меня зовут Михаил Зуленич.— Голос Зули звучал спокойно и ровно, и если бы не мраморная бледность, ничто не выдавало бы колоссального напряжения.

Взгляды Зули и Анвара встретились. Несколько мгновений они молча смотрели друг на друга. Потом Анвар, не отводя глаз, хлопнул об пол полупустую бутылку. Осколки и брызги разлетелись по каменному полу, образовав рисунок то ли цветка, то ли звезды.

— Хорошо, петушара,— сказал он сквозь зубы.— Я тебе сейчас докажу, что ваш ублюдок живой, но, если ты завтра не привезешь бабки, я тебя сделаю. Я тебе такой счетчик включу, что всю жизнь будешь педикам подставлять, чтобы проценты отдавать. Понял?

— Понял.— Голос Миши так и не дрогнул.

— Ждите здесь.— Анвар снова вышел.

— Подождем.— Зуля сел.

Какое-то время оба молчали. Первым пришел в себя Андрей.

— Охренеть! Двести пятьдесят штук!— выдохнул он.— Где столько нарыть до завтра?

— Места надо знать,— пожал плечами Зуля.

Он частенько напускал туману, не раскрывая до последнего момента всех карт, и Андрей с Лехой уже уверовали в то, что если Зуля что сказал, то так оно и будет. Но сейчас у него появилось подозрение, что Зуля не совсем понимает, что делает. Он не знал, как люди сходят с ума, но слышал, что это может произойти в один миг, даже ни с того ни с сего. Возможно, нечто подобное произошло сейчас с Мишей. Андрей исподволь наблюдал за другом, пытаясь заметить что-нибудь необычное, но тот сидел почти неподвижно, уставив взгляд в картинку над столиком.

Андрей хотел было что-то спросить, но не решился.

ГЛАВА XIV

Леха слегка подтолкнул себя изогнутыми палками.

Сердце замерло при мысли, что сейчас он помчится стремительно и неудержимо вниз по склону горы. Помчится к тем людям, что неторопливо прохаживаются вниз, пожевывая чебуреки и шашлыки и лениво поглядывая вверх, где крохотные люди-булавки карабкаются по белой снеговой шапке к вершине, чтобы, за несколько минут слетев с нее вниз, снова начать карабкаться. Снизу люди на вершине кажутся такими крохотными, что невозможно не то что различить цвет их костюмов, но и даже понять, на ком из лыжников он есть, а кто катается прямо в плавках.

Леха был одет в костюм. Для новичка съезжать без одежды было бы верхом самоуверенности. Вот опытные лыжники — другое дело, им не грозит упасть на снег, кажушийся таким пушистым и мягким, когда просто мнешь его в руках, и обжигающий и рвущий на тебе кожу, когда

ты на бешеной скорости врезаешься в него, поднимая белоснежный фонтан искрящихся на ярком горном солнце брызг.

Лыжи дрогнули и тронулись с места. Леха замер, сгруппировавшись и подняв палки.

Первые несколько секунд движение было едва заметным, впору толкнуться еще, чтобы разогнаться как следует, но Леха прекрасно понимал, что длинный спуск еще даст ему возможность оценить, что такое скорость.

На мгновение у него возникло желание выпрямиться, воткнуть палки в наст и отказаться от своего маленького путешествия, но вместо этого Леха глубоко вдохнул и присел чуть ниже, чувствуя, как стремительно набирает он скорость.

Еще мгновение он видел гостиничный комплекс внизу, нитку фуникулера чуть справа и накатанную трассу перед собой. Потом все слилось воедино, снежные хлопья пулями понеслись навстречу, впиваясь в незащищенные большими очками щеки и подбородок, и ничего уже, кроме носов лыж, различить было невозможно.

Его затрясло, подбрасывая на мельчайших неровностях. Леха сел еще ниже, стараясь поднять палки так, чтобы те, как предупреждал инструктор, не задели бы наст позади.

Сквозь бьющий в лицо фонтан брызг он различил темную массу — камень, который должен был остаться слева. Леха чуть подался вправо, чтобы свернуть.

На какое-то мгновение он ощутил под правой ногой пустоту. Потом вдруг коварный склон словно подтолкнул его снизу и сбоку. Лешу бросило влево, оторвав от земли. Взмахнув палками и так и не поняв, куда он летит, где верх, где низ, Леха врезался левым плечом в снежный ковер.

Рассекая плечом и шеей острую корку и набирая за шиворот целые охапки снега, он понесся вниз несколько необычным для лыжника стилем.

Левая рука, прижатая его весом и палкой, оказалась вне игры. Избавившись от второй палки, Леха выбросил вперед правую руку, пытаясь даже не остановиться, а хотя бы избежать необходимости прокладывать себе путь открывшейся и уже, наверное, порядком ободранной шеей.

Движение несколько замедлилось, и Лехе удалось развернуться полубоком и выпростать вторую руку. Рукава «олимпийки» задралась, и теперь подлая снежная корка беспощадно драла с рук кожу.

Крича от острой боли, Леха продолжал катиться по снегу, не пытаясь опускать руки в снег: перспектива затормозить, налетев на какой-нибудь неласковый валун, притаившийся под так мило искрящимся на солнце снежком, сулила в лучшем финале пару переломов.

Когда же наконец казавшееся бесконечным скольжение на боку закончилось, Леха, обессиленный, ткнулся лицом в снег и замер, ощущая лишь, как боль неумолимо взбегает по предплечьям, жадно впиваясь в плечи, шею и усеивая все тело тысячами острых иголок.

Наверное, он отключился, потому что когда он снова открыл глаза, то не увидел ни яркого солнечного света, ни гор.

Над ним склонился человек. Это был не инструктор. Но лицо его казалось знакомым. Леха знал, кто это, но не мог сразу вспомнить, кто именно.

Боль начала возвращаться, приходя в себя вместе с Лехой, и, прежде чем тот вспомнил, кто же этот склонившийся над ним человек, она заставила его зажмуриться и выпустить сквозь стиснутые зубы наружу протяжный стон.

— Да, ребяташки,— услышал он голос над собой,— вы явно перестарались.

— Да, Туча, мы же...— заговорил было кто-то, оправдываясь, но тот же голос оборвал его:

— Вам сказано было, чтобы без следов! Без следов!

Раздались чавкающие звуки ударов по телу.

— Туча, ну я-то что?— Голос был молодой, а обладатель его едва не плакал.— Что Леонидыч говорил, то и делали...

— Ладно. Значит, врач сказал, что, кроме башки, ничего серьезного?

— Ну, руки...

— Хрен с ними, с руками...— Тот, которого называли Тучей, сплюнул.— Но с такой башкой...

Реальность постепенно возвращалась.

Леха лежал не на пушистом, тающем под его весом снегу, а на каком-то возвышении, покрытом, кажется, одеялом, и происходило это не в далеком Приэльбрусье, а в закрытой бойлерной, где-то под сталинским ампиром, едва ли не в центре Москвы.

Он вспомнил это лицо. Туча. Человек Мамая, приехавший вместе с Геней убеждать его отказаться от своей доли в кафе.

Не открывая глаз, Леха восстановил в памяти все произошедшее с ним накануне. Предстояло начать новый раунд. Несмотря ни на что, похоже, предыдущие остались за ним.

Судя по разговору, в планы бандитов не входило ни убивать, ни даже оставлять следы побоев на пленнике. Это могло означать только одно: его собирались-таки выпустить, причем выпускать в ближайшее время. Значит, пыток больше не будет. Мысль эта обрадовала его даже больше, чем предстоящее освобождение. Он выдержал, не сломался. Он оказался сильнее. Сильнее этих ублюдков, сильнее боли и страха.

Осталось еще немного, и весь этот кошмар останется позади.

Тем временем появился и Леонидыч. Туча обрушил на его голову новый поток брани. Палач не отвечал. То ли не хотел попусту оправдываться, то ли иерархия не обязывала его отчитываться перед Тучей.

Леха открыл глаза.

В бойлерной стало не то что светлее, но освещение стало иным. Очевидно, где-то позади горели две-три лампы. Их тошнотно-желтый свет позволял теперь различить своды потолка.

Да, это была, вне всякого сомнения, бойлерная, подготовленная для того, чтобы служить бомбоубежищем. Значит, предположение о том, что эта импровизированная тюрьма находится в пределах города, верно. Правда теперь это уже не имело значения: его и так освободят.

Но почему? Почему его хотят вернуть на волю, да еще в целости и сохранности? Странно, что он не задался этим вопросом сразу.

Ясно, что причина такой перемены отнюдь не в том, что в бандитах пробудилась совесть или что-нибудь подобное. Кто-то предпринял ответные шаги, оказавшиеся весьма и весьма эффективными. Кто?

Для начала, кому он нужен? Оксана, Зуля и Андрей. Все. Родители не в счет: они не смогли бы ничего сделать. Но вряд ли ребята сами смогли найти рычаги, развернувшие криминальную машину на сто восемьдесят градусов. Скорее всего, они обратились за помощью...

Все было очевидно. Леха мог шаг за шагом описать все, что происходило на воле. Андрей связался с Анваром. Тот вызвал Мамай на «стрелку», а Мамай распорядился освободить заложника. И, по всей видимости, Анвар взялся за дело серьезно: раз речь идет не только об освобождении, но и о целости пленника.

— Оклемаюсь?— Туча заметил, что Леха открыл глаза, и снова подошел к нему.

— Тебе бы так оклематься,— промычал Леха, с трудом шевеля распухшими губами.

— Не груби дяде.

Туча поставил ногу на возвышение, на котором лежал Леха. Судя по происшедшему под ним движению, Леха понял, что лежит на подиуме из тех самых старых покрышек.

— Скажи мне лучше,— Туча на секунду задумался, глядя куда-то поверх головы собеседника,— бабки, которые ты вложил в эту харчевню, твои были?

Вопрос был несколько странным. Какое им дело до того, чьи это были деньги? Но дело, очевидно, есть. И вопрос этот волнует их даже больше, чем его, Лехино, состояние.

Но раз вопрос этот так важен, то ответить на него нужно правильно. Не честно, не точно, а именно правильно, так, как уже, по-видимому, ответил на него кто-то из его друзей. Но как будет правильно?

Деньги были Лехины. Факт этот никто не оспаривал и не собирался опровергать до сегодняшнего дня. Речь шла о том, чтобы эти вложения компенсировать. Что же изменилось сегодня? Ясно, что прошли переговоры об освобождении. И скорее всего, не обошлось здесь без Анвара, а значит, разбирались они с Мамаем «по понятиям». И что? Как Лехин ответ мог повлиять на дальнейший ход событий? Может быть, Гена заявил, что именно он вложил все деньги в кафе? Вряд ли. В этом случае бандиты не морочили бы голову предложениями о выкупе, они попросту потребовали бы отойти в сторону. Тогда что? Тогда получается, что тему эту подняли Анвар или Андрей с Зулей. Зачем? Если деньги не Лехины, то чьими они должны оказаться?

— Ты заснул или умер?— Туча легонько толкнул его в бок носком ботинка.

Думать, думать, думать. Если у Лехи есть долги, связанные с этим кафе, то появляется третья сторона. Кто? Ребята не могли говорить что попало, они должны были придумать версию, до которой Леха мог бы додуматься и сам, чтобы подтвердить ее в случае проверки. Так что же они придумали? Думать! Анвар мог сказать, что вложенные деньги принадлежат ему, и потребовать вернуть должника. Не проходит. В этом случае Леха изначально был бы под его «крышей» и об этом знали бы и Гена и Мамай. И сам

Леха начал бы с этого обстоятельства. Методом исключения остается...

— Тебе что, добавить, козел?— Туча пнул пленника сильнее.

— Цилиндр,— прошептал Леха.

— Не слышу!— взревел Туча.

— Часть денег дал Цилиндр.

Туча убрал ногу и отошел в сторону.

Леха скосил глаза, наблюдая за ним. По реакции бандита никак нельзя было понять, правильным ли был ответ.

Туча начал что-то говорить Леонидычу. Тот согласно кивал, глядя на пленника. Потом они ушли, оставив Леху наедине с одним из молодых подручных Леонидыча. Последний сидел поодаль на перевернутом ящике, явно не собираясь ни приближаться, ни заговаривать с пленником.

Леха снова закрыл глаза, пытаясь расслабить мышцы и как-то отвлечься от грызущей тело боли. Но мысли постоянно крутились вокруг того, насколько серьезно пострадали мышцы и кожа на голове, он невольно начинал прислушиваться к своим ощущениям, пытаясь пошевелить руками, наморщить лоб, повернуть голову. От всех этих экспериментов тело заболело и заныло еще сильнее. Но, по крайней мере, теперь Леха точно знал, что все работает, ничего не сломано. Только вот голова. Туча говорил что-то о его голове. Конечно, он помнит удар и кровь, текшую по лицу. Насколько это серьезно? Не хотелось бы остаться со страшным шрамом на лице.

Странно устроен человек. Совсем недавно он мечтал только об одном: вырваться отсюда живым, любой ценой. И мозг, и чутье, и тело работали на это, не считаясь ни с чем. И вот стоило забрезжить лучику надежды на спасение, как он уже думает о том, останутся ли шрамы и не испортит ли это его дивный облик.

Теперь Леха лежал неподвижно, и боль притупилась.

Впервые «гостеприимные» хозяева предоставили пленника самому себе, в рамках, разумеется, широкого скотча, которым он был связан. У Лехи появилась наконец возможность переварить все, что с ним произошло.

Он слышал о подобных приключениях коммерсантов. Слышал рассказы о подвешиваниях, о паяльниках и утюгах. Но все это не воспринималось всерьез. То ли потому, что слишком много кровавых и живописных подробностей было накручено вокруг этих рассказов, отчего слушателям казалось, что рассказчик импровизирует по мотивам очередного «черного» триллера. Возможно, какую-то роль сыграло и то обстоятельство, что ни сам Леха, ни кто-либо из его знакомых, слову которых можно было доверять, не попадали сами в подобные переделки. А рассказы случайных граждан походили скорее на байки из склепа, а не на описание реальных событий.

«Что ж,— печально усмехнулся Леха своим мыслям,— значит, в своем кругу он будет первым очевидцем и участником. До утюгов и шипцов, слава Богу, не дошло, но и от дыбы вполне хватит впечатлений на всю оставшуюся жизнь».

Раздались шаги, и в бойлерную вошел Леонидыч. Вошел палач уверенной походкой, но, заметив, что Леха приподнял голову и смотрит на него, остановился в нерешительности.

Постояв немного на месте, словно проводник, взглядом прикидывающий маршрут через болото, Леонидыч приблизился к покрышечному ложу.

— Слушай, халдей,— заговорил он, глубоко вздохнув,— считай, что тебе сильно-пресильно повезло.

Леха опустил голову, чтобы навернувшиеся слезы радости не побежали по щекам. Итак, он будет жить. Жить. Какое емкое, хлесткое слово! Какое прекрасное слово!

— Паханы договорились по-своему и все переиграли.

Леонидыч засопел, вытаскивая из внутреннего кармана куртки свернутые в трубку бумаги.

— Мы тебя, конечно, отпустим и обижать больше не будем, но...

Леха зажмурился, выдавливая застившие глаза слезинки, и, снова приподняв голову, посмотрел на своего палача. Тот развернул бумаги и бросил в них беглый взгляд.

— В общем, зря мы с тобой тут пыхтели,— с сожалением произнес он, не отрывая взгляда от бумаг.— Все равно харчевню ты теряешь, а мы тебе отдаем те же бабки, но за моральный ущерб.

— Что?— Леха подумал, что ослышался.— Как это «теряешь»?

— Да так.— Леонидыч пожал плечами.— Те коржаки, что за тебя вписались, договорились с твоим Шаром, или Кубом, что ты уступаешь все права им. Не Мамаю, а этим горцам. Для тебя, я полагаю, это особой роли не играет. Подпиши.

Леонидыч положил бумаги рядом с Лехой и нагнулся, высвобождая ему руку.

— Ты не обижайся, что не развязываю совсем,— ухмыльнулся Леонидыч,— но, поверь, это для твоей же пользы.

Он помог Лехе сесть и вложил в его пальцы авторучку.

— Пиши. Я продиктую.— Леонидыч отошел на шаг и застыл, скрестив руки на груди и отставив ногу. Было похоже, что он собирается не диктовать документ, а декламировать стихотворение.

В глазах у Лехи потемнело от боли и ярости.

Так, значит, все напрасно! Значит, все равно эти чертовы ублюдки заберут его «Хоббит», его восьмое чудо света, в которое он вложил семь лет жизни, вложил... Черт, и ведь Андрей знал, что такое «Хоббит» для Лехи. Неужели нельзя было решить вопрос иначе? Пообещать деньги, пообещать что угодно, но не отдавать кафе? Неужели Цилиндр такой дурак, что пообещал все...

— Не-ет.— Леха разжал пальцы, и ручка выпала.

— Чего «нет»?— вскинулся Леонидыч.

И Леха произнес вслух то, что подумал только что, то, что заставило его улыбнуться, не обращая внимания на трескавшиеся от натяжения распухшие губы:

— Он не такой дурак.

— Кто?— искренне удивился Леонидыч.

— Цилиндр.— Леха тяжело опустил на одеяло.

Господи, его чуть было не провели как мальчишку. Чуть было не вырвали из рук победу, когда оставалось только принять ее и наслаждаться ею! Бандит рассчитывал, что, узнав о скором освобождении, пленник расслабится и сделает глупость. Сам добровольно подпишет-таки проклятые документы. Вот был бы номер, если бы этот трюк удался!

Он ожидал, что Леонидыч выйдет из себя, возможно, ударит его еще раз. Пусть. Зато теперь он твердо знает, что финал близок: раз всплыли реальные имена и факты, значит, переговоры действительно были. Леонидыч мог соврать про договоренность, но ткнуть пальцем в небо и назвать Андрея как поручителя он не мог.

Леонидыч же воспринял отказ Лехи подписать документы совершенно спокойно. Забрав бумаги, палач развернулся и ушел в темноту. Его тяжелый шаг по железным ступеням звучал для Лехи как крик петуха для гоголевского Хомя Брута.

Леха лег на спину и закрыл глаза.

Кажется, он заснул на какое-то время. Именно заснул, а не отключился от удара, не потерял сознание от боли. Он даже увидел какой-то коротенький сон. Кажется, опять что-то про горы, но, едва открыв глаза, он тотчас позабыл о своем сне.

В комнате стало темнее. Просвет в углу почернел. Теперь Леха хорошо рассмотрел, что это именно вентиляционная шахта.

Охранников не было видно. Леха скосил глаза на то место, где сидел помощник палача, но увидел лишь ящик.

Мелькнула мысль, что бандиты не повезли его никуда, а просто бросили в этом подвале, предоставив возможность выбираться самостоятельно, или уже сообщили ребятам местонахождение заложника. Однако, приподняв голову, Леха увидел молодого бритого парня, стоявшего, опершись о старый двигатель.

— Эй!— окликнул его Леха.

— Чего тебе?— небрежно отозвался парень, но тем не менее оставил двигатель и подошел к лежащему пленнику.

— Чего-чего! До ветру, сынку, надо.— Леха отдохнул и чувствовал себя несколько лучше. Даже настроение повысилось.

Парень нехотя встал и помог пленнику добраться до того же угла.

Леха отметил про себя, что боль в плечах несколько поутихла. Очевидно, изоленга, которой он был замотан, служила еще и тугой повязкой.

— Кстати,— обратился он к своему тюремщику, застегиваясь.— Я уже дня три ничего не жрал. Очень хочется чего-нибудь пожевать. Или у тебя инструкций на этот счет нет?

Парень пожал плечами:

— У меня нет ничего.

— А, понятно,— кивнул Леха.— Ваши клиенты, наверное, после обработки есть уже не просят? Незачем. А мой случай, значит, исключительный.

Леха поплелся к своему лежаку. Парень сделал было шаг, чтобы помочь, но передумал и следил за ковылянием узника со стороны.

Едва Леха добрался до покрышек, раздался грохот металлической лестницы: кто-то сбегал по ней вниз.

Из мрака вынырнул Туча. Весь красный, взъерошенный. Бросив на молодого парня суровый взгляд, он подошел к Лехе.

Лехе стало не по себе. Ноздри бандита раздувались, словно он только что закончил марафон, но было очевидно, что Туча отнюдь не запыхался, а весь кипит от ярости.

— Привет,— прорычал он, глядя Лехе в глаза.

— Виделись,— неуверенно ответил Леха.

— Ты у нас ведь живой?— Туча спросил это таким тоном, словно перед этим Леха битый час доказывал, что неделя, как умер. Не дожидаясь ответа, бандит выхватил из кармана выкидной нож.

— Вижу, что живой. А некоторые недоверчивые товарищи желают удостовериться, что ты еще теплый.

Он надавил на кнопку, и широкое гладкое лезвие вскинулось с громким шелчком над его кулаком.

Леха посмотрел на нож. Опять его пытаются запугать.

— Мы им покажем, что ты живой! — быстро закончил свою странную речь бандит.

Потом Туча наклонился над Лехой, взял его за ухо и одним точным движением отсек его.

Леха вскрикнул — скорее от испуга, ибо не успел еще почувствовать что-либо.

— Ничего, зато надежно,— пробормотал Туча, заворачивая окровавленное ухо в целлофановый пакет.

ГЛАВА XV

Анвар появился часа через три.

Было уже совсем поздно, и бармен несколько раз бросал на засидевшихся посетителей многозначительные взгляды, но не решался даже намекнуть на то, что по графику работы заведение давно уже должно было закрыться.

По лицу Анвара можно было догадаться, что хороших вестей он не привез.

Осетин отодвинул стул от стола и грузно опустился на него, вытянув короткие ноги, всем своим видом демонстрируя крайнюю степень усталости.

Андрей и Миша выжидающе смотрели на него, не про-
износя ни слова.

— Короче, так...— Дотянувшись до края стола, Анвар бесшумно забарабанил по нему пальцами.— Бабки, если найдете, передадите мне завтра в час. Я отвезу их Мамаю, и он даст команду привезти Леху...

— Мы договаривались,— напомнил Миша,— что сначала будут доказательства того, что он жив.

Анвар недовольно засопел, шумно втягивая носом воздух. Потом он подался вперед, опершись о столешницу.

— Слушай,— осетин едва сдерживал злость или искусно играл очередную роль,— ты кто такой, а?

— Я уже представлялся. Но могу повторить: Михаил Зуленич.

— Э, мне по фигу, как тебя зовут. Понял, да?

— Тем лучше.— Зуля пожал плечами.— Не будем тратить время на приветствия. Мне нужны доказательства.

— Ты... Ах ты...— Анвар поднял руки, словно атакующий медведь, и непременно обрушился бы на Зулю, имей он хоть шанс дотянуться до него через стол. А может быть, он просто пугал своего строптивого оппонента, прекрасно осознавая, что стол именно той ширины, при которой его блеф выглядит убедительно.

Зуля сидел положив ногу на ногу, не выказывая ни малейших признаков испуга или беспокойства.

— Слушай,— от избытка чувств Анвар с трудом подбирал слова,— я же тебя за один такой базар могу поставить...

— Что же такого в моем *базаре*?— Зуля произнес это с явной насмешкой, сделав ударение на последнем слове.

Андрей сидел и просто балдел от той простоты и наглости, с которой Зуля разговаривал с вором в законе.

— Я тебе говорю, что он жив, да?— Анвар несколько успокоился и снизошел до объяснения.— Ты мне не веришь, да? То есть ты мне не веришь. Считаю, ты говоришь, что я гнилой базар травлю, так?

— Мы договорились, что будут доказательства,— покачал головой Миша.— А будут доказательства — будут бабки. Ты ведь с этим не спорил, так? Выходит, мы с тобой договорились.

Какое-то время Анвар молча смотрел на Зулю. Потом сунул руку в карман куртки и извлек нечто, завернутое в пакет.

— Вы ребята умные, да?— Он недобро усмехнулся.— Много говорите. Слишком много.

Бандит бросил пакет на стол.

— Что это?— Андрей протянул руку к свертку.

— Ваши доказательства.

Зуля подался вперед, наблюдая за тем, как друг разворачивает пакет.

Андрей извлек ухо. Не поняв сразу, что это такое, он повернул его другой стороной, чуть придавив пальцем, и капелька темной крови бесшумно упала на край стола.

Андрей охнул и уронил ухо на пол.

— Что это значит?— Голос Зули остался столь же спокойным.

— Доказательство, что Леха жив.— Анвар достал сигарету.

— Это доказательство того, что у него теперь нет одного уха.

— Слушай, фраер.— Анвар закурил.— Или вы принимаете мои условия, или я отваливаю. Больше вариантов нет.

— Откуда я знаю, что это его ухо? — Зуля говорил уже от своего имени, как-то незаметно уйдя от «мы» и выведя Андрея за скобки.

— Привезти голову?

Андрей тем временем осторожно поднял ухо и держал его дрожащими пальцами, не в силах оторвать от него взгляд.

— Хорошо.— Зуля резко поднялся.— Завтра ты получишь бабки.

Он повернулся к Андрею, взял ухо и аккуратно положил обратно в пакет. Андрей зачарованно проследил за его движениями.

— Завтра в час. Здесь.— Зуля убрал сверток в карман.— Но если что-нибудь...

— Твари!— Стоило страшному посланию скрыться с глаз, Андрей вышел из стопора. Он вскочил, опрокинув стол, и пнул по крышке ногой так, что два шурупа вылетели из рамы и запрыгали по полу.

Анвар проворно встал со стула и отошел на шаг, серьезно опасаясь, как бы что-нибудь из сокрушаемой мебели не задело его самого.

— Суки вонючие!— Андрей отшвырнул свой стул.

— Андрей! — Зуля схватил его взмывшую вверх руку.

— Козлы!— Андрей попытался ударить по стулу, с которого только что поднялся осетин, но Зуля потянул друга к себе, и удар не достиг цели.

— Пойдем.— Зуля увлек бушующего Андрея к двери.

Андрей упирался, прикидывая, что еще из мебели находится на расстоянии удара. Поняв, что ему ни до чего больше не достать, он обмяк и двинулся за Зулей. Но, сделав несколько шагов, Андрей вдруг вырвал руку и повернулся к Анвару.

— Анвар,— голос его дрожал от бессильной ярости,— если с Лехой что-нибудь... Еще что-нибудь случится...

Не найдя подходящих слов, Андрей сжал кулаки и поднес их к лицу, то ли желая убедиться в их боевой готовности, то ли демонстрируя их осетину. Анвар и бровью не повел.

Миша снова взял друга за руку и повел на улицу.

Уже совсем стемнело. Свежий воздух щекотал бока, заставив приятелей застегнуть куртки. В тягостном молчании они дошли до угла. Здесь проходила приличной ширины улица и был шанс поймать машину.

— Козлы,— Андрей сплюнул на тротуар.— Поубивал бы всех.

— Свежая мысль.— Иногда Зуля произносил фразы таким бесцветным, безвкусным тоном, что было невозможно понять, что он вкладывает в свои слова. Вот и сейчас он просто сказал, и все.

Андрей поднял руку.

— А ты куда, собственно, собираешься ехать?— Зуля с интересом посмотрел на приятеля.

— За деньгами.— Андрей, секунду подумав, опустил руку.

— И где это?

— Не знаю.— Андрей прикидывал что-то в уме.— Двести пятьдесят тысяч!

— Завтра,— уточнил Миша.

— Слушай...— Андрей отошел от края тротуара и двинулся к стене дома.— Двести пятьдесят! Это ж до хрена!

— Немало.— Зуля подошел к нему и встал, привалившись плечом к кирпичной кладке.

— Если все выгрести...— Андрей рассуждал вслух.— Ткань не брать... По магазинам пронестись... Слушай, я, наверное, тысяч двадцать пять — двадцать семь нарву. Из кафе теперь ничего не вытащить, но, может, у Ксюхи спросить насчет «черной кассы»? Должно же что-то быть отложено...

— И сколько там может быть?— скептически цыкнул Зуля.

— Да до хрена может быть!— оживился Андрей.— Штук двадцать — тридцать...

Натолкнувшись на взгляд друга, Андрей сник, поняв, что это «до хрена» составляет десять процентов необходимой суммы.

— Знаешь что...— Зуля поднял палец, прося минуту на то, чтобы додумать пришедшую мысль. Андрей замер, с надеждой глядя на друга, чьи неожиданные решения не раз выручали их из беды.

Рядом с ними остановился парень лет двадцати. Кавказец.

- Девочки не нужны?— просто спросил он.
- Что?— Андрей повернул голову.— Нет.
- Шмаль?
- Слушай, ничего не нужно.— Андрей махнул рукой.—

Иди дальше.

Парень ушел.

— Знаешь что,— Зуля опустил палец,— я позвоню этим козлам и сдам им ухо. Пусть пошевелиятся.

— Каким козлам?— Андрей, окрестивший этим именем уже всех, запутался и не сразу понял, какие именно козлы имеются в виду сейчас.

— Ментам.

— Да ты что, совсем дурак?— Андрею предложение, мягко говоря, не понравилось.— Если Мамай узнает, то от Леги и останется только что это ухо!

— Понимаешь...— Зуля вытащил из кармана жвачку и, предложив Андрею, положил одну подушечку на язык.— Я думаю так. Они узнали, что кто-то ходил в ментуру. Но не узнали кто. Не будешь спорить?

Андрей мотнул головой.

— Так вот. Это значит, что это либо случайная утечка информации, либо их информатор мало что значит в этом деле. В обоих случаях он вряд ли успеет вильнуть хоботом и сообщить до завтра. Тем более что я предупрежу их о стукаче.

— Как? Расскажешь про «стрелки» и про Анвара?

— Это я сейчас додумаю.— Зуля досадливо махнул рукой.— Но сдается мне, что теперь опера — наш единственный шанс. Последний.

Андрей закурил. Убирая сигареты, он посмотрел на часы.

— Ого! Слушай, а где ж ты сейчас будешь искать следователей и компанию? Ночь уже!

— Это что, по-твоему, гастроном? Позвоню, и они поднимут всех на уши.

Рядом остановились трое. Давешний паренек-кавказец и с ним еще двое, постарше.

— Какие дела?— один из подошедших почти касался Зулиной руки сильно выдающимся вперед животом, заботливо укутанным в турецкий свитер с надписью «Boss».

— В смысле?— Андрей вытащил руки из карманов. Пока просто вытащил. На всякий случай.

— Чего тут стоите?

Миша выпрямился и повернулся к подошедшим. Он хотел было что-то сказать, но Андрей опередил его.

— А тебе-то что?— зло спросил он кавказца.

— Это наша улица, понял? Так что ковыляй отсюда в другой район.

— Вы нас не за тех приняли...— Зуля миролюбиво подняла руки ладонями вверх. И все закончилось бы тихо-мирно, но Андрей вдруг завелся.

— Как ты сказал?— Он подался вперед, оказавшись лицом к лицу с кавказцем.

— Я сказал, что это моя улица...

— Нет, это моя улица,— тихо ответил Андрей.— И город мой. Мой и его. Мы здесь родились, и все это наше, понял?

— Не, подожди.— Кавказец расплылся в улыбке.— Ты что, придурковатый малость? Тебе мозги вправить, а?

Вместо ответа Андрей ударил его в лицо. Кровь, что-то хрустнуло. Для человека такой комплекции кавказец удивительно легко опрокинулся на спину. Парень, оказавшийся у Андрея за спиной, бросился на него, но Андрей ожидал этой атаки и, ловко развернувшись, встретил нападавшего ударом снизу в челюсть. Снова хруст, и еще одно тело замерло на асфальте.

Прежде чем третий подошедший успел вытащить из заднего кармана и раскрыть нож, Зуля нанес ему мощный удар ногой чуть ниже фирменной пряжки. Кавказец охнул, но не выбыл из борьбы. Развернувшись к Зуле, толстяк выбросил вперед руку с ножом, но закончивший с остальными Андрей врезал ему сбоку, а потом еще один — по горлу.

— Атас!— Андрей метнулся в сторону подворотни.

Зуля перепрыгнул через поленницу «выключенных» гостей столицы и последовал за другом.

Они пробежали три квартала, выскочили на площадь у метро и здесь остановились, переводя дыхание.

— Хороший удар,— покачал головой Зуля.— А чего ты в бокс не пошел? Или в охотники на медведя? Ты бы регулярно получал премии за экономию патронов...

Вместо ответа Андрей показал ему руку. Зуля увидел самодельный кастет.

— Хорошее дело. Кастет — орудие капиталиста.

— А что прикажешь делать?— Андрей снял кастет и бросил его в темноту под деревья. Потом нагнулся и вытер руку о траву.

— Ты озверел,— грустно сказал Миша.— Скоро станешь, как они.

— А иначе никак.— Андрей изучал рукав: не забрызган ли кровью.— С волками жить — по-волчьи выть.

— Оно конечно.— Зуля то ли соглашался, то ли иронизировал. Андрею было некогда разбираться.

— Как только ты что-то захотел или у тебя что-то есть, тут же находится куча козлов, которые пытаются тебя обуть. И тут уж если не ты их, то...— Андрей сделал выразительный жест.

— За каждым большим состоянием стоит преступление.

— Во-во. Это очень даже верно.

— Это Бальзак.

— Я помню. И еще незабвенная Тамара Стефановна.

— Выходит, нельзя прожить жизнь джентльменом.— Миша грустно покачал головой.

— Ты что, маленький ребенок?— Андрея потрясла наивность их некогда главного аналитика.— Мы же попробовали уже. И что? Получили доказательство от противного.

— Еще не получили.

— В смысле?

— Мы пока что не совершили преступления.

— Ты становишься какой-то нудный. Ты чего, Зуля?

— Ничего.— Голос у Зули снова стал жестким.— Коротче, я сейчас звоню ментам и поднимаю их на уши. Проходит предложение?

— А я?

— А ты двигаешь домой и спишь, поставив телефон у подушки.

— А если их никого нет?— Андрея несколько смутило подобное разделение обязанностей.

— Где? Я же не в трест прачечных звонить буду и даже не по ноль-два.

— Ну, тогда звони. Если дозвонишься, то я поеду.

Они подошли к таксофонам.

Первые три не работали, четвертый ответил чуть слышным гудком. Зуля поставил жетон в прорезь и набрал номер.

— Слушай,— спохватился Андрей,— а что с бабками? Мы же ничего не решили.

— Уже решили. Собирай, сколько сможешь, остальное я найду.

— Где?

— В гнезде. Алло!

Зуля говорил около минуты. Он назвал два магических имени и сказал, что на него вышли бандиты, похитившие Леху. Повесив трубку, он повернулся к Андрею:

— Все, лови тачку и двигай домой. За мной сейчас подъедет спецтранспорт.

— Какой спецтранспорт?

— Сейчас от местного отделения подъедет патрульная машина. Давай двигай! Кстати, позвони Оксане, предупреди, что Леха придет завтра.

— Завтра?— Андрей с сомнением посмотрел на друга.— А если не придет?

— Если не придет, то у нее еще будет время поплакать, а пока пусть надеется. Все, давай двигай отсюда!

Андрей молча стиснул Мишину руку и пошел в сторону дороги. Машину он поймал быстро. Прежде, чем примчался милицейский «мерс».

На сей раз встреча происходила в другом месте. Кабинеты здесь были именно кабинетами, коридоры — коридорами. Для полноты картины не хватало только портрета Дзержинского над столом следователя. Следователь, кстати, был незнакомый.

— Сысоев Валентин Игоревич. Старший...— Представление явно привыкшего к ночным авралам следователя заняло с полминуты.

Не молодой, но еще и не старый представительный мужик. Среднего роста, крепкий, движения неторопливы и точны. Бледный, угрюмый, но кто будет выглядеть лучше, поднятый за полночь и обнадеженный перспективой предстоящего бдения?

В фильмах про чекистов следователи всегда протягивали посетителю руку, если это, конечно, не был приведенный под конвоем преступник. Те двое пинкертонов в полуподвальчике тоже начали с рукопожатия.

Старший следователь руки не подал, и Мишу неприятно удивило это обстоятельство. Сысоев лишь поднялся из-за стола, отбарабанил свои ФИО и титулы, указал Мише на стул и тут же плюхнулся в свое кресло, уперев локти в стол. Возможно, следователь не испытывал теплых чувств к человеку, по милости которого был поднят среди ночи. Что ж, это объяснимо. Да и Миша приехал не на день рождения.

— Вы...— Сысоев открыл одну из папок, очевидно пытаясь найти имя посетителя, но, не наткнувшись на него сразу, решил не утруждать себя,— гражданин, сообщили, что на вас вышли похитители гражданина...

Сысоев снова уткнулся в папку, разыскивая теперь Лехины данные. Возможно, это была не та папка, ибо и на сей раз процесс поиска затянулся.

— Совершенно верно.— Миша решил брать инициативу в свои руки.— Сегодня на рынке ко мне подошел человек и предложил отойти в сторону...

— Секунду, гражданин...— Сысоев скривился, демонстрируя Мише, насколько он сожалеет о том, что запомнил имена подопечных. Дескать, что вы хотите: разбудили в прямом смысле среди ночи!

— Михаил Александрович меня зовут,— снисходительно кивнул Зуля.— Только вот почему я стал вдруг гражданином?

Сысоев осклабился. Именно осклабился, ибо нехорошая, неприятная была у него улыбка.

— А что вы хотите? «Товарищей» отменили. «Граждан» для всех оставили. На «господ» некоторые обижаются. Если вы обижаетесь на «гражданина», то давайте остановимся на «господах». Господин Михаил. Вам нравится?

— Господин Зуленич,— поправил его Зуля.— Но вообще я предпочел бы обойтись вовсе без обращений.

— Как угодно.— Сысоев пожал плечами.— Теперь я могу услышать, что за срочность такая, что вы поднимаете на ноги весь отдел?

— Ко мне подошел человек и отозвал в сторону.— Тон Сысоева Мише не понравился, но он посчитал глупым и недостойным вступать в перебранку с ментом, когда на карту поставлена Лехина жизнь и, возможно, дорога каждая секунда.

Сысоев сплел пальцы и подался вперед, обратившись в слух.

— Он сообщил, что является человеком Мамаю, что им стало...

— Минутку,— Сысоев, извиняясь, поднял руку,— мы же не в «малине» сидим. Давайте без прозвищ. У всех граждан России есть имена, и давайте будем оперировать ими.

— В данном случае я цитирую.— Зуле не хотелось называть Мамаю по имени-отчеству.— Так вот, он сообщил, что им известно о нашем обращении в милицию. Он предупредил, что если подобное повторится, то заложник будет немедленно убит. Он будет также убит в случае, если до полудня завтрашнего дня не подпишет бумаги о передаче

кафе. В качестве доказательства серьезности своих намерений он передал вот это.

Зуля положил на стол пакет с ухом.

— Что это?— Сысоев оживился, но не прикоснулся к свертку.

— Разверните.

Следователь посмотрел на сверток еще раз и нажал кнопку селектора.

— Андреич, зайди. Наверное, тут для тебя пряник.

Дверь открылась. Вошел пожилой человек в потертом сером костюме, с коричневым чемоданчиком в руке. Посеребренные остатки некогда пышной шевелюры колыхались в такт резким маленьким шажкам. Не взглянув на Мишу, человек подошел к столу.

Они обменялись с Сысоевым взглядами, после чего Андреич раскрыл свой чемоданчик — но так, чтобы Миша не мог видеть его содержимого. Подвинув к себе один из листов чистой бумаги, толстой стопкой возвышавшейся по левую руку от следователя, он жестом фокусника переложил сверток на бумагу, потом аккуратно развернул целлофан.

Увидев содержимое свертка, он нисколько не удивился, а вытащил из чемоданчика два пакета и быстро упаковал в них ухо и служивший ему саваном окровавленный пакет.

— Все,— кивнул он, убирая вещдоки и закрывая чемодан.

Сысоев кивнул в ответ.

— К девяти?

— Даже раньше,— пожал плечами Андреич и, бросив на Мишу беглый взгляд, пошел к двери.

— Продолжайте, пожалуйста.— Сысоев снова сел, положив руки на стол.

— Это ухо — Лехи.

— То есть похищенного, по вашим словам, гражданина Рымкевича?— уточнил Сысоев.

— Почему «по моим словам»? У вас что, есть основания сомневаться?

— Сомневаться — моя профессия.— Сысоев, как бы извиняясь, поднял брови.— Мне за это деньги платят. Пока, к сожалению, я вынужден делать эту оговорку, ибо данные о похищении не нашли подтверждения. Ну, так я перебил вас. Извините. Продолжайте, пожалуйста.

Миша полез было за жвачкой, но решил, что подобный жест будет истолкован как признак нервозности. Показывать же, что тон следователя задевает его за живое, Мише не хотелось, и он сделал вид, что поправляет ремень.

— Вот, собственно, и все. Человек предупредил, что если повторится обращение в ментовку, то Леха, гражданин Рымкевич то есть, будет незамедлительно четвертован. А так у нас есть полночи и полдня, чтобы найти его и спасти. Так что нужно избежать утечки информации...

— Вот тут, простите,— перебил его Сысоев,— уж позволяйте нам самим решать, что делать и как.

— Так действуйте.— Миша скрестил руки на груди, демонстрируя, что предоставляет профессионалам полную свободу действий.

— Прежде всего, мне хотелось бы задать несколько вопросов.— Следователь подвинул к себе листок, на котором только что препарировал сверток с ухом пожилой эксперт.

Посмотрев на лист и приготовив уже ручку, чтобы что-то написать, Сысоев вдруг отдернул руку. То ли он заметил на бумаге кровавое пятнышко, то ли просто вспомнил вдруг, почему листок оказался в стороне от стопки. Видимо, следователь был брезглив или суеверен, во всяком случае, лист он смял и бросил в корзину. Взяв из стопки новый, положил его перед собой и вывел в левом верхнем углу маленькую единичку. Резким движением обвел ее в кружок и поднял глаза на собеседника.

— Итак,— заговорил он сухим, официальным тоном.— При первом снятии показаний вы утверждали, что вам

известно о проблемах, возникших в последнее время у гражданина Рымкевича с гражданином Огрошевым, которого вы упорно называете прозвищем Мамай. Все верно?

Миша, подумав, медленно кивнул.

— Оперативная проверка показала, что гражданин Огрошев Нил Юрьевич... года рождения... национальности, проживающий и тэ пэ, входит в совет директоров крупной компании, является сопредседателем еще кое-чего, участвует в управлении еще кое-чем и вдобавок является соучредителем кое-чего. В общем, никак эти данные не клеятся с портретом кровожадного бандюги-вымогателя, организовывающего похищение человека с целью завладеть долей прибыли какой-то там забегаловки. Как вы считаете?

— То, что он не был, не участвовал, тридцать шесть и шесть, а также участие в оформлении стенгазеты не являются доказательством того, что он нормальный человек.— Миша насторожился. Он не мог понять, куда клонит следователь, но разговор этот явно не был направлен на изображение Мамай.

— Безусловно. Но согласитесь, что человек, трижды в неделю выезжающий, а точнее, вылетающий за рубеж, вряд ли станет тратить время и силы на разборки из-за чебуречной.

— Это не чебуречная.

— Не чебуречная,— охотно поправился Сысоев.— Но согласитесь, что размах-то не тот. Мелковато это как-то. Не находите?

— Словом, тугой кошелек является теперь алиби в случаях мелкого мошенничества или грабежа?

— Ну,— следователь усмехнулся,— этого я не говорю. Однако давайте подумаем вместе, не могла ли угроза исходить от другого человека или, может быть, организации? Допустим, долги, планы расширения...

— С какой стати я должен думать что-то еще, если я знаю, чья это работа и кто за этим стоит?— Мишу начинал злить весь этот разговор.

— А с такой! — Сысоев даже сдвинул грозно жидкие, словно выщипанные, в нитку брови.

Мише с первых же секунд не понравилось лицо следователя. Было в нем что-то отталкивающее, но Миша не мог никак сообразить что. Теперь он понял. Все линии на этом по-сибирски широком, скуластом лице были необычайно тонкими. Брови, губы, нос — все это намечено, прорисовано, отчего лицо изначально обретало эдакое хитрое выражение, какое гримеры старательно придавали лицам шпионов в старых фильмах о подполье. Помните шпика, выследившего Ленина и чуть было не сорвавшего Октябрьскую революцию? Вот это тот самый случай.

— С такой,— повторил Сысоев,— что определенные факты наводят на мысль... Я бы даже сказал, не могут не наводить на мысль о том, что за данным похищением стоят совсем другие люди. И кстати, если допустить подобное, то мелочи, обнаруженные следственной группой, очень органично вписываются в эту мозаику.

— Что еще за мозаика?— Миша напрягся, поняв, что перед ним, скорее всего, уже не союзник, а противник.

— Мозаика вот такая.— Сысоев подтянул к себе одну из папок, открыл ее и на минуту погрузился в чтение. Потом захлопнул и, откинувшись на спинку кресла, продолжил:— Предположим,— он нарисовал на листе еще один кружок и вписал в него цифру два,— у нас не было бы вашего сообщения о похищении Рымкевича Мамаем. Предположим, мы начали бы с нуля. Кого мы могли бы заподозрить? Древние задавались вопросом: кому это выгодно? Мы бы последовали их примеру.

Миша тоже откинулся на спинку стула и внимательно слушал, стараясь не упустить ничего. Он уже понял, что не понесутся стрелглав милицеские машины прочесывать ночной город и пригород в поисках обреченного на смерть человека. Но просто закрыть глаза они ведь тоже не могли. Что же они себе думают?

— Какие у нас есть классические мотивы насильственных преступлений?— Сысоев сделал приглашающий жест рукой, словно учитель, спрашивающий у ученика подтверждения того, что эту тему тот помнит.— Правильно, деньги, женщины, наркотики и большое самолюбие.

Миша саркастически улыбнулся, но промолчал.

— Насколько мы знаем, гражданин Рымкевич был человеком уравновешенным, разумным...

— Что значит «был»?— Зуля подался вперед.

— Простите, оговорился! — извиняясь, вскинул руки следователь.— Я имел в виду, был до похищения. Пусть будет по-вашему, не «исчезновение», а «похищение».

Сысоев церемонно склонил голову, демонстрируя, насколько он сожалеет о своей неточности и сколь серьезна уступка, сделанная им, чтобы загладить оплошность.

Миша не среагировал на эти реверансы.

— Так вот, все говорит о том, что возможность случайной ссоры исключается. Не тот человек этот Рымкевич. Общаясь с тем сбродом, какой обычно ошивался в его закусочной, он ни разу не допустил ни одной промашки, мастерски улаживая все возникавшие конфликтные ситуации. Стало быть, навряд ли на старости лет он решил с кем-то подраться или просто полаяться...

Следователь упорно называл Лехино кафе забегаловкой, всячески подчеркивая, насколько Лехин бизнес был мелок, не достоин внимания серьезных людей и даже криминала. Это, конечно, не был фешенебельный ресторан, но дела там шли очень даже неплохо, а после задуманной Лехой реконструкции, кафе могло стать просто золотой жилой, сродни центральным московским клубам. Так что прихватить подобную птицу на подъеме было не зазорно для коммерсанта любого уровня. Следователь, правда, не знал, что дело с Мамаем завертелось только потому, что подключился Анвар. Не вмешайся он, не потребуй встречи с Мамаем, все сошло бы на тормозах на гораздо более низком уровне.

— Наркотики,— Сысоев загнул два пальца на правой руке,— насколько можно понять, здесь тоже ни при чем. Сам Рымкевич их не употреблял и не приторговывал. Значит, экспромт подсевшего хулигана тоже выбрасываем.

— И на том спасибо.— Миша забросил ногу на ногу.

— На здоровье.— Сысоев любезно улыбнулся.— Так вот. Остается два самых популярных и реальных мотива. Деньги и женщины. Насколько я знаю, Рымкевич — семьянин. Тут вряд ли можно предположить месть из ревности, да и зачем тогда похищать? Рогоносцы обычно пользуются более радикальными методами возмездия. Поэтому давайте пока отложим и эту тему и перейдем к главной. Деньги.

— Давайте перейдем.

— Итак, деньги.— Сысоев задумчиво посмотрел на Мишу и начертил в центре листа большой круг.

— Пункт четыре,— подсказал Миша.

— Деньги,— повторил следователь и принялся выводить в середине круга римскую четверку.— Кто и зачем мог его похитить. Как вы сами полагаете?

— Очевидно, человек, который хотел загрести все кафе.— Для Миши ответ был ясен, и он пока не понимал, каким образом следователь попытается обойти этот порог.

— Возможно,— кивнул следователь.— Но вот вопрос: зачем кому-то понадобилась эта кафешка?

— Ну,— тут уж Миша решил внести коррективы,— начнем с того, что это не кафешка, а вполне приличное кафе с достойным оборотом и неплохими перспективами. А завладеть им мог, скажем, компаньон Лехи...

— Стоп, стоп.— Сысоев протестующе замахал руками.— Давайте опустимся на грешную землю и будем оперировать реальными цифрами. Хорошо? Вот у меня отчет о деятельности кафе, представленный Рымкевичем по итогам прошлого года.

Сысоев взял другую папку и раскрыл на заранее заложенной странице.

— Обороты — так себе. Клиенты по большей части — мелочь, чашка кофе или стопка коньяку. Прибыль, соответственно, мизер.— Сысоев торжествующе взглянул на Мишу.— Ну и где же ваше процветающее заведение? Что-то не видно.

Миша не спешил с ответом на вопрос. Первым его порывом было рассказать об истинных оборотах кафе, задав оперу цифрами. Но он не сделал этого. Не мог старший следователь смотреть на жизнь через розовые очки. Он должен был прекрасно понимать, что финансовый отчет имеет мало общего с реальностью. Должен был понимать, но делал вид, что не понимает. Почему? Просто не хочет заниматься неподъемным делом? Возможно. А возможно, хочет убить сразу двух зайцев: взять Мамаю за рэкет, а Леху — за сокрытие доходов. Может быть еще промежуточный вариант: менты попытаются вытащить заложника, но, зная о финансовых махинациях потерпевшего, в случае неудачи спишут все на криминальные разборки. Третий вариант был, пожалуй, наиболее реалистичным. Так что же делать? Дать ментам козырь, чтобы они спокойнее шли на штурм? Или играть ва-банк? Пожалуй, подстраховка им ни к чему. Пусть работают, зная, что прикрыть задницу нечем.

— Я не видел отчета,— Миша старательно подбирал слова,— но неоднократно слышал, что амортизируются средства на реконструкцию кафе.

— Интересно,— Сысоев приподнял бровь,— и это отражено в отчете?

— Отчеты я не читал,— пожал плечами Миша.— Но слышал о предполагаемой реконструкции от разных лиц.

— Хорошо.— Сысоев хлопнул ладонью по папке.— Оставим это. Поговорим о другом. Рымкевич, едва закончив школу, вдруг — бац!— открывает кафе.

— Не едва, положим.— Миша усмехнулся метафорам следователя.

— Но, согласитесь, достаточно скоро. При этом он все это время является фактически безработным. Мы ведь не будем считать стипендию стартовым капиталом для аренды помещения и покупки оборудования?

Миша согласно кивнул.

— Итак, денег у гражданина студента не было. А кафе появилось. Как, откуда деньги?

— Насколько я понимаю, у нас в стране действуют некоторые законы. В частности, презумпция невиновности.

— Конечно, конечно.— Сысоев начал от возбуждения ерзать в кресле. Чувствовалось, что он вот-вот выложит свои главные козыри.— Только еще у нас в стране пока действуют законы и Ломоносова, и здравого смысла. По первому выходит, что не могли деньги прибавиться у Рымкевича, не убавившись у кого-то другого. А по второму закону вырисовывается несколько мрачная картина. Что-то вроде «Утра стрелецкой казни».

— Вот как?— Миша уже понял, куда гнул следователь, но пока не нашелся, что возразить. Что ж, у него будет еще пара минут, пока следователь закончит изложение своей версии.

— Да,— сокрушенно потряс головой следователь.— Получается, что раз у самого Рымкевича денег не было, то он взял их у кого-то другого. Разумеется, не на память, а в долг. И очевидно, под некоторый процент. Я логично рассуждаю?

— Пока да,— нехотя согласился Миша.

— А раз деньги брались, то логично было бы предположить, что когда-то их попросят отдать. Так ведь? А, судя по результатам хозяйственной деятельности нашего похищенного, отдавать было особенно нечего. И вот тут-то встает вопрос.— Сысоев торжественно поднял руку, словно приносил присягу американскому суду присяжных «говорить правду и ничего, кроме правды». — Что же могло быть дальше? Давайте пофантазируем. Кредитор является к Рымкевичу с приятелями и требует вернуть долг. Денег,

как мы уже выяснили, у Рымкевича нет. Кафе он отдавать добровольно не хочет, а сами кредиторы, возможно, не желают получать вместо денег убыточный шалман. Вот вам и повод для похищений и разборок. Вы не находите?

Вполне довольный своей речью, Сысоев принял вальяжную позу, достал пачку «Кэмела», шелкнул зажигалкой и прикурил сигарету.

Время истекло. Нужно было отвечать, а Миша все еще не был вполне готов. Но в подобной ситуации лучше не слишком удачный экспромт, чем подавленное молчание.

— И отчего же правосудие не может допустить, что этим самым ростовщиком является дражайший господин Огрошев?— Миша достал-таки жвачку и с удовлетворением почувствовал, как зашекотало язык, а рот начал наполняться мятным привкусом.

— Я уже излагал свой взгляд на эту кандидатуру.— Сысоев выпустил даже не облако, а тучу дыма.— Не тот масштаб.

— Но тут вы сами себе противоречите.— Найдя наконец первый удачный ход, Миша почувствовал себя увереннее.— Ведь деньги были взяты не сегодня и не вчера. Несколько лет назад. А в те давние годы, как я понимаю, господин Огрошев еще не был столь крупной и неприкосновенной дичью. Или я ошибаюсь?

Легкая полуулыбка исчезла с лица следователя. Но он не растерялся. Слишком сильные карты остались у него для эндшпиля этой затянувшейся партии.

— Возможно, так. Но доказывает это, на мой взгляд, обратное. Не станет банкир ставить под удар свою счастливую сытую жизнь ради старого копеечного — по его теперешним масштабам — долга. Кроме того, у нас есть информация о том, кто в действительности предоставил кредит Рымкевичу. Более того, есть оперативная информация, что человек этот недавно обращался к одному криминальному авторитету за помощью в получении этого долга.

— Что за чушь?— Миша слегка обалдел от подобной наглости.

— Это не чушь, уважаемый вы наш.— Сысоев загасил сигарету и снова принял прежнюю позу.— И еще скажу, что человека этого вы прекрасно знаете. Настолько прекрасно, что, по моему разумению, должны были знать и о том, какого рода финансовые взаимоотношения связывают двух ваших бывших одноклассников и компаньонов.

— Кого вы имеете в виду?

— Лосева Андрея Викторовича. Знакомое имя?

— При чем здесь деньги?

— При том, что есть некоторые скучные факты, но еще есть и интересные штрихи не только к его, но и к вашему портрету.

Сысоев подался вперед и повысил голос:

— Кто к вам подходил сегодня рынке? Как выглядел человек, передавший вам ухо?

— Среднего роста, пожилой...

— Высокий он был. Высокий и ваш ровесник. Лосев это был. Лосев ведь? Это был один-единственный человек не с рынка, который к вам подходил. Так ведь?

— Я не намерен разговаривать в таком тоне...

— А это уже не ваше право, а ваша обязанность. И даже двойное гражданство не освобождает вас от гражданского долга.

Сысоев вскочил, обежал стол и взгромоздился на него, оказавшись прямо перед Мишей.

— Я расскажу вам, что происходит.— Он уже действительно кричал.— Лосев. Именно Лосев организовал похищение при участии уголовного авторитета по прозвищу Анвар, представляющего в Москве вора в законе Бухникашвили Реваза Владимировича, пятьдесят второго года рождения, кличка Пецо, отбывавшего срок в городе Владимире. И сам же Лосев подкинул вам версию о каком-то мифическом Мамае и его претензиях на кафе. Вашими же

руками Лосев теперь пытается замести следы преступления. И я так думаю, что помимо этого он имитирует процесс переговоров с криминалом. Возможно также, что и вы сами уже встречались на организованной им «стрелке» с подставным лицом, изображавшим крупную фигуру. Он же вьется вокруг, извините за неблагозвучный термин, сожительницы Рымкевича, то ли пудря ей мозги относительно своего участия в этом деле, то ли совсем с другими целями. Вы же не спешите делиться этими новостями с нами, полагая, что это не наше дело. А, между прочим, мы — милиция — ваша последняя надежда спасти друга, если он вам действительно друг.

Сысоев прыгнул со стола, вернулся к своему креслу, плюхнулся в него и снова закурил, не глядя на собеседника.

Миша хотел было что-то сказать, но передумал. Желание вскочить и просто съездить следователю по роже почти улеглось. Подобный благородный порыв только донельзя осложнил бы ситуацию.

Миша сидел, глядя на то затухающий, то вновь вспыхивающий кончик сигареты следователя. Версия, предложенная Сысоевым, была, конечно, вздором. Но как-то очень уж уверенно он все разложил и расписал. Он знал и про Анвара, и про «стрелки», и про встречу их с Андреем на рынке. Последнее, впрочем, было наиболее просто объяснить. Но откуда информация относительно долга Лехи? Насколько объяснил Андрей, долг этот был придуман самим Анваром, чтобы как-то обосновать вмешательство в это дело. И вот информация эта предстает в несколько другом свете, обросшая подробностями и конкретными именами. Такой поворот событий однозначно говорил о том, что кто-то ведет двойную игру. Кто? Вряд ли этот ребус удастся разгадать вот так, нахрапом, да еще с отяжелевшей за бессонную ночь головой. Но, разгадав его, можно будет распутать весь клубок взаимоотношений между следователем, Анваром, Мамаем и Лехой.

Сысоев молча курил, не мешая собеседнику думать,—очевидно полагая, что тот обмозговывает перспективы сотрудничества с милицией.

Миша же думал о другом. Он лихорадочно пытался соединить разрозненные факты в одну стройную цепочку, которая привела бы его к ответу на вопрос о том, что же на самом деле происходит с Лехой. Он поворачивал факты так и эдак, словно детальки мозаики, пытаясь найти подходящие грани, но ничего не получалось. Два обстоятельства особенно не желали укладываться в ряд с остальными фактами. Во-первых, как Мамай мог узнать, что кто-то обращался в милицию, если неизвестно, кто именно обращался? Очевидно, источник информации — мелкий оперативник, которому поручили, скажем, вести наблюдение за Мамаем или за входом в кафе. Словом, это человек, который просто понял, что милиция занялась этим делом. Додумать, что раз есть дело, есть и заявитель — не сложно. Но если этот стукачок — пешка, то откуда следователь узнал содержание переговоров Анвара и Мамаю? В частности, о том, что Леха якобы задолжал Андрею? Непонятно. Или источник — высокий чин, но тогда почему он просто не сообщил Мамаю имена обратившихся? Или же источник — простой опер, но тогда откуда эта обратная связь? Во-вторых, как Мамай доказал Анвару, что обращение в милицию было? Поделится наблюдениями или представил ему своего стукача? Но что этот стукач мог представить, кроме слов? А Анвар не верит словам, тем более когда дело касается больших денег.

Очень могло стать, что Анвар действительно похитил Леху сам и теперь ломает комедию. Но откуда осетин мог узнать, что за подмогой обратятся к нему? Да и зачем ему было брать с собой Андрея, если оставалась опасность того, что тот может знать Мамаю в лицо? Не нанимал же он настоящего Мамаю для участия в спектакле!

Все версии рассыпались, как карточные домики на ветру. Они были слишком хлипкие и неустойчивы. И только

версия, состряпанная следователем, стояла незыблемо и твердо. И получалось, что главный изъян Мишиных умозаключений — Андрей. Все эти версии рушились, если считать, что Андрей говорил правду. А если нет? Тогда все даже более реально, логично и очевидно, чем предполагает следователь.

Миша попытался отогнать скользкую мысль, но его мозг уже вцепился в эту версию и не желал выпускать ее, не разобрав по косточкам.

Получалось все очень складно. Даже если отбросить историю с долгом. Положим, Андрей выдвигает эту легенду. Леха ее подтверждает, после чего если Андрей захочет перехватить инициативу, то ничто ему не помешает. Он спокойно приберет кафе к рукам, встав под «крышу» Анвара...

Нет, не могло этого быть. Не должно было быть. Миша не хотел в это верить, не хотел принимать это как истину. Не мог Андрей быть таким подлецом, такой мразью. Других вариантов не было, но, возможно, только пока.

— Ну, что-нибудь надумали?— Сысоев докурил и убрал в карман сигареты.

— Надумал,— кивнул Миша.— Я остаюсь при своем мнении.

— Ну, тогда не смею вас задерживать. Спасибо за помощь.— Следователь поднялся, одергивая пиджак.— Всего хорошего.

— То есть?— Миша не верил своим ушам.

— То есть вы можете идти.

— А вы что, ничего не предпримете?

— Почему?— Сысоев пожал плечами.— Мы работаем круглые сутки. Проводятся мероприятия, делается все возможное и невозможное.

Миша помялся, не зная, что сказать.

— А вы полагали,— Сысоев взял со стола папки и подошел к нему вплотную,— что после вашего обращения мы бросимся бить морду Огрошеву? Или развернем крас-

ные хоругви и двинем по Москве резать все лица кавказской и закавказской национальности? Мы действуем в рамках закона, хоть это многим и не нравится.

Он наклонился ближе и добавил уже шепотом:

— Мне, честно говоря, тоже не всегда нравятся эти рамки, но куда деваться? Даже если бы я вам поверил на все сто. Кто даст ордер на основе предположений, основанных на бродящих по городу слухах?

Выйдя на улицу, старший следователь Сысоев прошел немного вперед и свернул во двор, где его ждала родная новенькая «девятка». Ревниво осмотрев свежeweымытые бока автомобиля, он открыл дверцу и сел за руль. Немного прогрев двигатель, он тронулся, вырулил на проспект, проехал с километр и притормозил у таксофона.

Заглушив двигатель, Сысоев выбрался из машины, подошел к автомату и снял трубку. Набрав номер, бросил в щель жетончик.

— Алло. Торгаша и девку. Остальное в четверг, как обычно.

Повесив трубку, следователь огляделся по сторонам, сел в машину, запустил двигатель и медленно поехал по правому ряду. Метров через триста он резко прибавил газу и перестроился в левый ряд.

ГЛАВА XVI

Таксист довез Андрея до дома в один миг. Но Андрей еще долгих четыре минуты поднимался пешком по лестнице. Он не поехал на лифте, чтобы еще на несколько мгновений оттянуть объяснения с Оксаной.

Тем не менее, едва войдя в квартиру, он, не раздеваясь, прошел к телефону и набрал номер. У Андрея не хватило духу сказать правду, и он скрепя сердце последовал Ми-

шиному совету: начал плести что-то об организационных трудностях.

— Вы собираете деньги?— Вопрос Оксаны настолько попал в точку, что Андрей невольно ответил «да».

— Честно говоря, проблема в деньгах,— сознался он.

— Уже собрали?— Голос ее звучал так, словно обсуждался вопрос, что купить к юбилею.

— Соберем,— уверенно ответил Андрей и мысленно обругал себя: как теперь спросить ее о Лехином загашнике?

— У нас есть деньги. Если нужно, я могу привезти.

— Сколько?— Андрей решил не валять больше дурака. В конце концов, Оксана заинтересована в спасении Лехи ничуть не меньше их, тоже хочет ему помочь и имеет на это право.

— Тридцать четыре тысячи.

Андрей задумался. Тридцать четыре тысячи. Примерно столько же он наскребет, сняв выручку и задействовав деньги, отложенные на зарплату и материалы. Тяжко будет выплывать, но что значит нервотрепка со швеями по сравнению с жизнью друга? Сколько-то подкинет Зуля. Сколько? Пока не хватает около ста восьмидесяти тысяч. Где же найти столько за одну ночь?

— Андрей,— Оксана напомнила о себе,— так что, нужны деньги?

— По правде говоря, да.

— Сколько?

— Честно говоря, все.

— Да...— Оксана помолчала.— Значит, все так серьезно. Ладно, завтра я привезу их.

— Привезешь?

— Да, они тут в одном месте... Но проблем забрать нет. Во сколько они нужны?

— Чем раньше, тем лучше.

— Тогда езжай к половине двенадцатого. Это нормально? Раньше я вряд ли смогу.

— Спасибо, Ксюш...

— За что спасибо? Спасибо!— Оксана сорвалась. Боль и страх вырвались наружу потоком слез.— Андрей, спасите его! Спасите его, пожалуйста...

— Оксан,— Андрей напряженно сопел в трубку, не зная, что сказать.— Ксюх...

— Все, Андрей.— Девушка вновь взяла себя в руки.— Завтра я тебя жду.

Услышав короткие гудки, Андрей положил трубку.

Посмотрев на часы, он покачал головой. Нужно было немного поспать. Наступающий день обещал быть более чем насыщенным. Он поставил будильник на семь часов, придвинул телефон поближе к кровати, быстро разделся и лег.

Расправляя одеяло, он думал о том, что вряд ли сможет уснуть, но провалился в сон, едва коснувшись головой подушки.

Спросонья он не сразу понял, что происходит. Писк телефона раздавался словно внутри головы. Андрей метался, пытаясь сообразить, где находится телефон, потом вспомнил, что он стоит возле кровати, и снял трубку.

— Да!

— Это я.— По голосу Зули было очевидно, что хороших новостей он не сообщит.

— Ага.— Андрей перевернулся на живот и стал отчаянно тереть припухшие веки ладонью.

— Короче говоря, нужно собирать деньги.

— А что менты?— Разлепив веки, Андрей мельком взглянул на часы. Половина пятого.

— Это не по телефону, но, насколько можно понять, помощи от них не предвидится.

— Черт!— Андрей окончательно проснулся и сел на кровати, поставив аппарат на колени.— Вот козлы.

— Значит, так.— Зуля говорил медленно, словно размышляя вслух.— Сейчас спим. В восемь подъем и создаемся...

— Слушай,— спохватился Андрей,— что с бабками? Где мы наберем столько?

Зуля помолчал. Андрей, прижав трубку к щеке, переводил стрелку будильника.

— Сколько ты нашел?

— У меня лично... штук тридцать — точно. Может быть, чуть больше. Я говорил с Ксюхой. У нее есть тридцать четыре. Завтра она их привезет...

— Откуда?

— Не знаю. Она не сказала.

— Правильно сделала. И вообще, давай заканчивать трепаться по телефону. Встретимся завтра — поговорим. Все, конец связи. Пока!

— Давай.— Андрей положил трубку и рухнул на кровать.

Будильник затарахтел на середине сна. Андрей как раз плыл на катере по Миссисипи, положив босые ноги на отделанный темным орехом борт, и смотрел вверх темных очков на небоскребы, поднимавшиеся, казалось, из самой реки. Мрачные каменные громадины походили на стадо исполинских животных, пришедших к реке на водопой. Андрей, придерживая одной рукой руль в чехле из мягкой светлой кожи, потянулся к маленькому холодильнику, наполненному бутылками пива...

Здесь сон оборвался.

Андрей хлопнул по клавише, обрывая бряканье будильника, и сел на кровати. Голова была тяжелая. Следовало принять холодный душ.

Несколько минут Андрей посидел неподвижно, приходя в себя и собираясь с мыслями. Состояние тревожности заставило его старательно перебрать в памяти все события

прошедших дня и ночи, и, лишь убедившись, что он помнит все и что бежать ему никуда не нужно, Андрей встал и направился в ванную.

Зазвонил телефон.

— Да.

— Это я. Встал?

— Встал.

— У тебя деньги готовы?

— Часть готова, а часть нужно дособирать и поменять...

— Давай так.— Зуля заговорил с невероятной быстротой. Если учесть, что обычный его темп составлял пять слов в минуту, то сейчас он говорил как пластинка, пущенная на семьдесят пять оборотов.— Ты собирай бабки. Я сейчас еду за остальной суммой. В половине двенадцатого звони мне домой. Или я окажусь уже здесь, или Катька тебе все объяснит. В случае чего — на пейджер.

— Слушай, а где ты возьмешь...

— Не по телефону,— оборвал его Миша.— Думай быстрее: возражения есть?

— Вроде нет...

— Тогда все. До связи.

Прежде чем Андрей успел раскрыть рот, трубка запискала.

Собрать намеченную сумму было делом непростым. Двадцать две тысячи — включая всю наличность цеха — у Андрея были. Остальное он планировал собрать по магазинам и ларькам.

Игрушки раздавались на реализацию по разным торговым точкам. По мере того как они продавались и поступали новые заказы, Андрей собирал деньги за проданное. Иногда мелкие торговцы бесследно исчезали вместе с товаром, иногда магазины, даже продав все подчистую, тянули и не спешили расплатиться. Словом, подобная система была не слишком удобна и предусматривала определенные потери,

но другого пути не находилось. Изобилие азиатских поделок, не отличавшихся ни качеством, ни особенной привлекательностью, но убийственно дешевых, делало конкуренцию невозможной. Андрей умудрялся держаться на плаву за счет того, что не брал денег вперед, тогда как оптовики продавали корейских собачек и обезьянок за наличный расчет. Правда, игрушки Андрея были еще и симпатичными, и швы на них не расползались, но эти обстоятельства мало интересовали торговцев.

Только перед Новым годом и Восьмым марта Андрей мог оторваться, покуражившись над клиентурой всласть. Спрос в эти дни подскакивал неимоверно. Цены прыгали следом. Реализаторы чуть ли не в ногах валялись, прося подвезти побольше товара. А из-за отдельных наименований разгорались побоища и устраивались аукционы. Как правило, это были те животные, чей год, если верить гороскопу, неминуемо наступал. Тогда из приехавших за товаром можно было веревки вить. К сожалению, до Нового года было еще далеко, и Андрею предстояло, как обычно, выцарапывать, выпрашивать, выбивать каждый рубль.

Андрей прикинул, на что он может рассчитывать. Из двух магазинов звонили, заказывали еще игрушек. Деньги там обещали отдать сразу. Визит в другие был экспромтом, и особой щедрости ожидать не приходилось. Даже если что-то и продано, то ловкий торговец успеет за два-три дня «прокрутить» вырученные деньги, заработав еще немного. С какой же стати лишаться этого приработка?

Тем не менее Андрей рассчитывал собрать некоторое количество денег и, закинув в машину четыре коробки на случай, если понадобится «добить» ассортимент, отправился в путь.

К десяти он был у дверей первого магазина. Конечно, можно было подъехать и пораньше, но до этого часа никто из руководства на работе не появлялся, а без директора или «буха» деньги не выдадут.

День начался удачно. Директор появился ровно в десять и без особого сопротивления согласился выдать Андрею всю причитающуюся сумму. Точка была крупной, и сумма оказалась почти две тысячи.

Андрей оставил в магазине одну из припасенных коробок и помчался дальше.

Дальше везение кончилось. С превеликим трудом Андрей выжал во втором магазине около пятисот долларов вместо полутора тысяч. С мелкими торговцами пошло еще хуже. Рыночники стонали и просили (как всегда, впрочем) подождать хоть до вечера, когда будут деньги.

За час с небольшим собрал шесть двести. Всего, значит, двадцать восемь тысяч. Плюс тридцать четыре — шестьдесят две. Где, где Миша найдет остальные? Уму непостижимо!

Андрей остановился у таксофона. Сначала он сбросил информацию на пейджер Анвару: «Урожай убран. Куда сдавать зерно?» Не сложно догадаться, что подразумевалось: «Деньги собраны. Где встречаемся для обмена?»

Потом он набрал номер Оксаны. Долгие десять гудков. Нет ответа. Андрей набрал номер снова. Пока он слушал следующую партию гудков, записал пейджер. Это было сообщение от Анвара: «Час дня у кафе. Один. Не опаздывай».

Оксана не отвечала.

Андрей сел в машину и поехал к ее дому. В 11.27 он позвонил в ее дверь. Тишина. Он позвонил еще раз и, начиная нервничать, посмотрел на часы. Нужно сообщить Мише.

Андрей вдавил кнопку звонка и держал ее почти минуту. Время было рабочее, в подъезде тихо, и трель, доносившаяся из квартиры, слышалась, казалось, даже на улице.

Подождав еще минут пять, Андрей спустился вниз. К счастью, один из пяти таксофонов, установленных неподалеку от Ксюхиного подъезда, работал, и можно было

спокойно говорить по телефону, наблюдая за входящими в дом и нисколько не опасаясь пропустить Оксану.

— Алло!— Миша был взволнован.

— Это я...

— Фу, я уж думал, тебя тоже украли!

— Типуном тебе по всей рожице. Слушай, я связался с Анваром. Встречаемся в час. Там же.

— Ладно. Что с деньгами?

Андрей замаялся на секунду.

— Слушай, я тут собрал двадцать восемь тысяч. А Ксюхи пока нет...

— Сейчас уже без десяти. Ты на колесах?

— Конечно...

— Тогда давай заезжай за мной, и двигаем на встречу.

— Постой, Анвар сказал, чтобы я был один...

— Ничего страшного. Повторит еще раз, не развалится.

В любом случае тебе нужно за мной заехать. Так что жду.

— Слушай, а что с бабками?— Андрей чуть не забыл о вопросе, волновавшем его больше всего.

— Все нормально,— отрезал Миша.— Пока.

Андрей повесил трубку.

За последние дни с Зулей происходили непостижимые метаморфозы. Он, по совести говоря, всегда умел отстоять и навязать свою точку зрения, но делал он это как-то исподволь, обходными путями, незаметно подводя собеседника к своей точке зрения. Так что выходило, что не Зуля оказался прав, а в споре, как говорится, «родилась истина», причем «родил» эту истину именно Зулин оппонент.

Теперь же Зуля просто взял власть в свои руки. Он принимал решения единолично, не тратя времени на комментарии и разъяснения, не вдаваясь в подробности. Он командовал парадом. Командовал уверенно и жестко, не желая слышать возражений или протестов. Причем делал это столь профессионально, что Андрей не то что не успевал возразить, но ноги и руки его сами собой исполняли то,

что приказывал новоявленный диктатор. Вот и сейчас он потратил лишь несколько секунд на то, чтобы подивиться Зулиной уверенности в себе и столь нехарактерному для Миши командному тону. Закончив «дивиться», Андрей бросил последний взгляд на подъезд, сел в машину и поехал к Зуле.

Странно. С утра он был в панике. Казалось, что жизнь дала трещину, а судьба затрещину. Казалось, что даже если случится чудо и они соберут эту немыслимую сумму, то им не только не удастся спасти Леху, но и своих проблем им хватит по самое горло: продажные менты, Мамай с его загадочными доказательствами, Анвар, требующий дани непонятно за что.

Разговор с Мишей придал ему уверенности. Проснувшийся где-то в глубине оптимизм заставил правый глаз прекратить периодически дергаться, сердце забиться ровнее. Как и в прежние счастливые времена, у Андрея был мудрый друг, который не мог не найти выхода из любой ситуации. Тем более он мог обуздать двух бандюков. Интересно только, где Зуля добыл деньги? Или у него на уме какой-нибудь фортель?

Роль ведомого вполне устраивала Андрея. Он готов был свернуть горы, но кто-то должен был сказать, какие именно и на какой бок. Зуля, без сомнения, знал ответы на эти вопросы.

Андрей прибавил газу. Времени было достаточно, но хотелось иметь лишние четверть часа для того, чтобы узнать, каков у Зули план действий. Да и просто иметь в запасе четверть часа было неплохо.

Подъехав к Зулиному дому, Андрей сбавил скорость и въехал во двор, постреливая глазами по сторонам: мало ли что? В конце концов, этот странный следователь тоже мог преподнести свой сюрприз, задержав его в качестве главного подозреваемого.

«Стрельнув» в очередной раз, Андрей заметил Зулю, стоявшего у скамейки возле подъезда. Андрей подрулил к нему.

Миша, оглянувшись по сторонам, поднял из-за скамейки полиэтиленовый пакет и сел в машину.

— Поехали,— сказал он, протягивая Андрею руку.

— Привет.— Андрей быстро ответил на рукопожатие и направил машину к выезду со двора.

— Новостей больше нет?— Миша кивнул на висевший на поясе Андрея пейджер.

— Пока нет. Слушай, а что с деньгами?

— Все здесь.— Миша хлопнул ладонью по пакету.

— Здесь?!— Андрей невольно надавил педаль газа, машина рванула с места, двигатель кашлянул и заглох.

— Ты лучше просто рули, а то не доедем,— проворчал Зуля.— Чуть в палисадник не вляпались.

— Ты что, серьезно?— переспросил Андрей, заводя машину.

— Я бы тебе показал, но боюсь, мы тогда въедем в подъезд и поднимемся на лифте, не выходя из машины.

Андрей покосился на друга. По смыслу эта фраза была шуткой. Но что-то не шутейный тон был у Миши. Что-то зловещее слышалось в этих словах. И Андрею стало не по себе. Он смотрел на дорогу и размышлял, какие еще сюрпризы готовит Зулино перевоплощение. А Зуля рассказал Андрею про Сысоева.

Они подъехали к кафе без четверти час.

Андрей хотел выйти из машины и войти внутрь, но Миша остановил его:

— Еще рано.

— Может, они уже там?— неуверенно спросил Андрей.

— Может быть,— кивнул Миша.— Тогда они сами выйдут.

Андрей пожал плечами. Он решил подождать. В конце концов, они приехали раньше, и никто не сможет упрекнуть их в непунктуальности. А в Зулиных словах, возможно, есть какой-то расчет.

Прошло десять минут. В дверях кафе показался Георгий. Он не спеша подошел к машине, обойдя ее, оказался со стороны дверцы водителя.

Андрей потянулся навстречу, Зуля остался сидеть на месте.

— Здорово, Андрей.— Георгий поздоровался первым. Мужчины пожали друг другу руки.— Кто это?

— Зуля. Анвар его уже знает.

— А почему он здесь?— В тоне Георгия прозвучал упрек.

— Ну...— растерялся Андрей. Ему не хотелось начинать с выяснения отношений, но сказать про Мишу что-то вроде: «Да это так, случайно...»— он тоже не мог.

Миша сам пришел на помощь. Он наклонился к открытой дверце и спросил с озабоченным видом:

— А что, есть какие-то проблемы?

Георгий пожал плечами:

— Если Анвар тебя знает... Я пойду спрошу.

Осетин вошел в кафе.

Андрей посмотрел на Мишу, спокойно сидящего со своим пакетом на переднем сиденье, вздохнул, но ничего не сказал, хотя в эту минуту его уверенность в безусловной правоте Миши поколебалась. По мнению Андрея, приятель без особой нужды поднимал бурю в стакане.

Из кафе вышли Батыр, Георгий и сам Анвар. Первые двое приостановились, пропуская вожака вперед.

— А, это ты, да?— Анвар остановился, рассматривая сидящего в машине Зулю, словно тот был какой-нибудь ди-ковинкой.— Снова приехал?

— Приехал.— Зуля открыл свою дверцу и не торопясь вылез из машины.— Кстати, я привез бабки.

— Да?— Анвар, казалось, искренне удивился.— Молодец. И сколько же?

— Как договорились. Где Леха?
— Можно ехать.— Анвар сделал приглашающий жест.— Только Мамай сказал, что ждет четверых. Нас уже трое, а ты лишний.

— А что, эти оба,— Миша показал на Батыра и Георгия, стоявших чуть поодаль,— там необходимы?

— Конечно,— ответил Анвар не допускающим возражений тоном.— Будь моя воля, я бы еще одного стрелка взял, да вы ведь пожелаете самолично бабки вручать.

— Конечно,— отозвался Миша.

— Ну вот и получается, что ты лишний. Или Андрей... если хотите.

— То есть в принципе я устраиваю?

— Базара нет.— Анвар выразительным жестом подчеркнул свою полную лояльность.— Дело ваше.

— Значит, поеду я.— Зуля быстро обернулся, чтобы опередить Андрея, уже открывшего рот для протестующего возгласа.— Ты ведь не против?

Андрей был обескуражен таким поворотом событий.

— И что я буду делать?

— Ты срочно едешь домой и ждешь моего звонка.— Зуля произнес это так, что Андрей понял: от его положительного ответа зависит очень многое.

— Ну ладно,— нехотя согласился он.

— Давай деньги.

Андрей вытащил из-за пазухи сверток и протянул другу. Миша бросил его в свой пакет. Андрей обошел машину и пожал Мише руку:

— Ни пуха!

Миша почувствовал, как в его руку легло что-то тяжелое и холодное. Пошевелив пальцами, он понял, что это кастет. Усмехнувшись, Миша украдкой сунул кастет в карман.

— Ну едем?— Анвар подождал, пока друзья попрощаются.

— Поехали.— Зуля взял пакет и, не оборачиваясь, двинулся следом за осетинами.

Андрей стоял и смотрел, как его друг садится в «тойоту», и шевельнулся только тогда, когда машина скрылась за поворотом.

Он сел за руль и покатил домой, молясь за сошедших в тартар друзей всем известным богам.

Миша сидел на заднем сиденье рядом с Георгием. Батыр, как обычно, был за рулем, Анвар — рядом с водителем. Все молчали.

Мишу вполне устраивала эта тишина. Можно было еще и еще все обдумать.

Итак, они едут неизвестно куда, якобы для того, чтобы выкупить Леху Каина. Руководствуясь элементарной житейской мудростью, садиться в эту машину, да еще с такими деньгами, явно не следовало. Но другого выхода не нашлось, и Миша ехал в этой, мягко говоря, сомнительной компании неизвестно куда.

Машина между тем, пройдя изрядное расстояние по кольцевой, снова свернула в город. Миша бросил взгляд на указатель. Профсоюзная.

Итак, он стал размышлять о нехорошей компании. Почему они поставили условие, чтобы ехал только один из них? Не понятно. Возможно, это в самом деле требование Мамаея. Может быть, существует некая отработанная схема подобных обменов, рассчитанная на четверых человек. А возможно, все гораздо проще. В машине пять мест, их придет пятеро, они заберут Леху, и машина станет полной.

Но не собираются ли они его тривиальнейшим образом пришить и ограбить? Возможно. Тем более что они могли намеренно спровоцировать этот торг из-за того, кому ехать. Если они знают, что именно он, Миша, обращался в милицию, то их кодла (или как это теперь зовется?) могла запросто поставить на нем крест. Тогда Анвар убивает сразу двух зайцев: один заяц — Миша, другой заяц — неплохая

галерея портретов американских президентов на гербовой бумаге.

Одно обстоятельство утешало. Если бандиты собираются убить Мишу и забрать деньги, то зачем им оставлять на свободе Андрея? Без сомнения, он предпримет что-либо, чтобы сквитаться за друзей и за свои деньги. Если, конечно...

Неприятная мысль снова прошмыгнула в голову и усе-лась где-то там, в уголке, не особенно обращая на себя внимание, но и не собираясь уходить. А что, если Андрей играет двойную игру? Тогда дело — табак. Совсем табак. Полный. Но если все обстоит так плохо, то зачем все так сложно? Его могли уже двадцать раз пристрелить и сто раз зарезать. Зачем колесить с ним из конца в конец по городу?

Они проехали всю Профсоюзную. Справа выросло зер-кальным исполином здание банка. Батыр притормозил и свернул за него. Еще поворот — машина въехала во двор сталинского дома. С трудом протиснувшись между обшар-панной стеной и бетонным забором, она подкатила к край-нему подъезду.

Двор выглядел мрачно и запущенно. Грязные стены, ошетинившиеся ржавыми кронштейнами давно отвалив-шихся водосточных труб. Сгнившие двери подъездов. Ру-ины хоккейной коробки посреди двора, окруженные кас-трированными и высохшими тополями. Мусор повсюду. Все это резко контрастировало с ухоженной фасадной ча-стью и возвышающимся рядом новым зданием банка.

Двор был практически пуст, за исключением древнего старичка, уныло обходящего просевшие крылечки в поис-ках пустой стеклотары.

Машина остановилась.

Тотчас из подъезда вышел здоровенный мордастый му-жик лет тридцати в потертой кожанке, тренировочных шта-нах и огромных кроссовках, напоминающих более копыта, чем обувь. Мужик быстро подошел к машине.

— Ну что,— приветствия он счел явно лишними,— двое с бабками — вниз, а с остальными мы посидим здесь, наверху.

Миша бросил вопросительный взгляд на Георгия. Тот чуть кивнул.

— Ну,— Анвар повернулся к Мише,— ты ведь, барыга, башли из зубов не выпустишь? Так что идите с Батиком за вашим корешем.

— Куда?— Миша не то чтобы струхнул, но почувствовал себя глупо. Они сидели в машине, стоявшей, можно сказать, посреди Москвы, белым днем, в тихом загаженном дворике, а ему предлагали пройтись, чтобы так запросто выкупить заложника. Нет, он, конечно, не рассчитывал оказаться в темном дремучем лесу среди дубов-колдунов, но как-то это все...

— Вниз,— странно усмехнувшись, повторил маршрут Георгий.

Батыр вылез из машины и захлопнул дверцу. Миша тоже вылез, держа пакет под мышкой.

— Ну, идите.— Мужик махнул рукой непонятно куда.

Миша хотел возмутиться, что с ним общаются при помощи подобных ребусов, но вдруг увидел дверь, которая точно открывала путь вниз. Посреди двора оказался замаскированный по всем правилам гражданской обороны вход в бомбоубежище. Массивная дверь была приоткрыта.

Дворик в двух шагах от Ленинского проспекта, какое-то запущенное бомбоубежище — все это было как-то несерьезно, по-детски и походило скорее на глупый розыгрыш, чем на нечто криминальное.

Миша оглянулся на сидевших в машине бандитов. Вышедший из подъезда мужик сел на заднее сиденье, и теперь все трое наблюдали за Мишей и Батыром.

Дойдя до двери, Миша остановился. Из темного проема несло какой-то гнилью и сыростью. Миша повернулся и взглянул на Батыра. Тот кивнул. Только сейчас Миша за-

метил, как странно идет его провожатый. Батыр шел, буквально обхватив себя руками, словно замерзал. Куртка его возле воротника странно топорщилась — он прятал под ней что-то продолговатое: может быть, автомат, а может быть, просто бейсбольную биту.

Миша чуть наклонился и шагнул в проем.

Внутри было не так темно, как казалось. Он сразу же различил контуры стен, потолок. В центре небольшого предбанника стоял перевернутый ящик, за которым сидел человек.

Миша, не приближаясь к сидящему, сделал шаг в сторону, давая возможность войти Батыру.

Осетин вошел, кивнул сидящему и встал рядом с Мишей. Не спеша, расстегнул куртку и вытащил помповое ружье без приклада. Взяв его в правую руку, Батыр опустил ствол вниз и застыл, позой напоминая памятник воину-освободителю.

Сидевший человек посмотрел на Батыра и усмехнулся.

— Ну что, — повернулся он к Мише, — давай считать.

Сделав приглашающий жест рукой, человек поднялся.

Миша еще раз взглянул на Батыра и подошел к ящику. Поставив пакет на край днища, он начал неторопливо выкладывать туго стянутые резинками пачки зеленых купюр.

Стоявший напротив человек наблюдал за ним, не выказывая каких-либо эмоций.

— Двести пятьдесят, — прокомментировал Миша, бросая сверху конверт с несколькими купюрами.

— Хорошо. — Человек наклонился, поднял с пола матерчатую сумку и, наклонив ящик, в один миг ссыпал в нее все деньги.

— Э! — Миша протестующе вскинул руку, но человек выхватил пистолет.

Миша отпрянул, не сводя взгляда с кончика направленного ему в живот вороненого ствола.

Сзади произошло какое-то движение. Краем глаза Миша заметил взметнувшийся ствол ружья Батыра: он целился человеку в грудь.

Переведя взгляд на Батыра, «инкассатор» расплылся в улыбке:

— Вы что, ребята?

Миша, получив поддержку, почувствовал себя увереннее.

— Где Леха?— Голос неприятно дрогнул и прозвучал слишком высоко, превратив тон из угрожающего в испуганный.

— Там.— Человек указал рукой в глубь убежища. Он убрал пистолет и отступил в сторону.— Можете его увести.

Миша после секундного колебания двинулся по проходу. Батыр пошел следом.

«Инкассатор» легко закинул сумку на плечо и вышел на улицу.

Освещения как такового в убежище не было. Слабые лучи чуть пробивались от двери, и с каждым шагом идти становилось все труднее. Когда через несколько метров пол окончательно потонул во мраке, Миша вспомнил, что в кармане у него лежит зажигалка. Он сунул руку в карман и наткнулся на какой-то странный предмет. Обхватив его пальцами, Миша сообразил, что это отданный ему Андреем кастет. Миша извлек из-под оружия зажигалку, переложил ее в левую руку и зажег. Правую же он снова сунул в карман и надел кастет.

Свет от пламени позволил различить очертания узкого коридора, вдоль стен которого тянулись трубы самого разного калибра, но одинаково ржавые, с ободранной или осыпавшейся теплоизоляцией.

Остановившись на мгновение, чтобы осмотреться, Миша услышал звук, который не на шутку встревожил его. Это был звук двигателя. Наверху разворачивался автомобиль. Миша не был большим специалистом по машинам,

но сейчас он мог поклясться, что это была Анварова «той-ота». Звук стал сильнее и ровней, а затем медленно стих.

«Они уехали?» — Миша продолжал вслушиваться.

Зажигалка нагрелась и обожгла пальцы. Миша встряхнул рукой и обернулся. Прежде чем зажигалка погасла, Миша успел заметить ствол ружья, направленный ему в голову.

Уйдя резким движением вниз, Миша рванул из кармана руку, но кулак, обрамленный металлом, застрял и понадобился второй рывок, чтобы высвободить руку.

Ствол опустился. Миша ударил по нему снизу, пытаясь отвернуть его от себя.

Последним, что увидел в этой жизни Миша Зуленич, был фонтан огня, с адским грохотом ударивший прямо над ним, разбрызгивающий смертоносную картечь и осветивший на мгновение длинный коридор, который заканчивался закрытой на защелку металлической дверью.

ГЛАВА XVII

Картечь ударила по трубам и стене, не причинив жертве вреда. Чудом Миша успел уйти от страшного оружия. Но в миг, когда грянул выстрел, прежний Миша Зуленич навсегда ушел в прошлое.

В следующее мгновение Зуля резко выпрямился и выбросил вперед руку.

Удар пришелся в голову. Батыр покачнулся и выронил ружье, закрывая разбитое лицо руками.

Зуля, никогда не дравшийся всерьез, будь у него время, был бы удивлен такому эффекту от своего удара. Но нужен был еще удар, пока враг не пришел в себя, потом еще...

Батыр с хрипом повалился на пол. Он попытался схватиться за трубу, но от еще одного удара в корпус потерял сознание. Впотьмах Зуля не видел багровой лужи, растекающейся вокруг головы бандита.

— С боевым крещением вас, сударь.— Зуля пнул неподвижное тело.

Наклонившись, он поднял ружье. Кажется, это была отечественная техника: на картинке в одном из журналов он видел нечто подобное. Но это было не важно. Нужно было догнать «инкассатора». Если они договорились его просто убрать, то кто-то должен был ждать Батыра наверху.

Зуля уже занес ногу, чтобы перешагнуть Батыра, как вдруг сзади лязгнул металл. Зуля развернулся, направив ствол на звук, и рванул затвор на себя. Это оказалось не сложнее, чем общаться с «калашниковым» на сборах.

Впереди открылась дверь, и Зуля увидел силуэт человека, поднимавшегося в коридор откуда-то снизу.

— Ну все?— Судя по голосу, это был молодой парень, кавказец.

В конце коридора угадывалось какое-то большое, плохо освещенное помещение. Наверное, какой-нибудь зал, где должны были прятаться москвичи в случае авианалетов. Из этого зала донесся голос еще одного человека. Слов Зуля не разобрал, но по тону было понятно, что второй человек торопит с каким-то делом.

Зуля опустил ствол вниз и молча двинулся вперед.

Парень недовольно окликнул его на каком-то кавказском языке. До него оставалось метра четыре-пять. Тогда Зуля вскинул ружье и, сделав еще шаг, нажал на спуск. Сноп огня буквально смыл парня с порога.

Зуля передернул затвор и вошел в дверь.

Это оказался просторный зал с высоким потолком и полом, который был метра на два ниже коридора. Вниз вела металлическая лестница. В дальнем верхнем углу было что-то вроде окна или просто пролома, через который в зал проникал дневной свет.

В нескольких метрах от двери Зуля увидел полного человека. В этот самый момент человек уже выхватил пистолет и, выставив его вперед, снимал оружие с предохра-

нителя. Зуля выстрелил не целясь. Выстрел превратил большую голову с глубокими залысинами (кажется, лицо этого человека было Зуле знакомо) в бесформенное месиво.

Справа раздался крик.

Зуля отскочил назад в коридор и перезарядил ружье. Кто-то побежал по залу, топая кроссовками по бетонному полу.

Зуля увидел парня, убегающего в сторону пролома.

— Стоять!— Зуля прицелился, собираясь выстрелить, если бегущий не подчинится.

Тот резко остановился, вскинув руки. То ли от внезапного торможения его понесло вперед и он потерял равновесие, то ли ноги отказались ему повиноваться, но человек упал на колени.

Держа парня под прицелом, Зуля спустился по лестнице и подошел ближе. Упавший всхлипнул — его трясло от страха.

— На кого работаешь?— Зуля остановился в двух шагах от пленника.

— Я... я... я...— Человек никак не мог справиться с собой.

— Где Леха?— задал Зуля вопрос, который интересовал его много больше.

— Вы... вы... меня не... не...

— Не убью,— процедил Зуля сквозь зубы.— Даю слово.

Человек глянул на него через плечо. Зуля чуть опустил ствол.

— Вон...— Парень махнул в сторону.

Зуля посмотрел и вздрогнул. Он встретился с Лехой взглядами. Подернутые поволокой глаза друга смотрели печально, с укоризной, словно вопрошая Зулю, почему тот не пришел на помощь раньше. Лехина голова была неестественным образом повернута, и острый, вздернутый вверх подбородок казался неестественно белым из-за упавшего на него лучика дневного света.

Зуля отвел глаза и вновь посмотрел на стоящего на коленях бандита. Тот стоял вполоборота, преданно глядя на человека с оружием.

— Тварь! — Зуля поднял руку.

— Ты слово дал! — взвизгнул бандит, закрываясь руками и опрокидываясь на спину.

— Слово вора.

Зуля выстрелил. Человек на полу вмиг свернулся клубком, словно гусеница, которой ткнули соломинкой в толстый зеленый бок, а потом распластался, раскинув руки.

Зуля подошел к Лехе и закрыл ему глаза. Бросив взгляд по сторонам, он пошел к выходу.

На улице стояла машина. «Жигуль» грязно-белого цвета. Рядом — никого.

Зуля огляделся. В дальнем углу двора дедушка в рубище обследовал территорию на предмет пустых бутылок. Вооруженный человек, появившийся из-под земли, не представлял для него интереса.

Зуля снял куртку. Завернув в нее ружье, он закинул импровизированный чехол за спину. Со спины было похоже, что по двору гуляет чрезмерно закаленный парень в футболке, прихвативший куртку исключительно на случай непогоды.

Зуля вышел на улицу и направился к телефонам-автоматам, украшавшим стену соседнего корпуса. Подойдя к ним, Зуля перехватил куртку левой рукой, снял трубку и, прижав ее к щеке, набрал номер.

— Слушаю.

— Сысоева. — Он изменил голос и пытался говорить с малороссийским акцентом.

— Кто спрашивает?

— Сысоева! — рявкнул Зуля так, что голос его зазвенел в чреве трубки как эхо в тоннеле.

Человек засопел, закрыл трубку ладонью и стал переговариваться с кем-то.

— Быстрее!— Зуля плохо представлял себе механизм отслеживания звонков, но ему в любом случае хотелось бы уложиться в минуту.

— Его нет сейчас в управлении,— залопотал человек.— Подождите немного...

— Передайте ему срочно.— Зуля назвал адрес дома.— Во дворе — бомбоубежище. Внизу — четыре трупа. Рымкевич и три боевика Мамаю. Там же киллер из команды Анвара.

— Подождите, я записываю...

Зуля взглянул на часы. Если они включили свой определитель сразу, то он работает уже пятьдесят четыре секунды.

— Продолжение следует!— Зуля хлопнул по рычагу.

Подумав секунду, он перешел к соседнему таксофону, снял трубку и стал набирать номер Андрея. После первых четырех цифр задумался, медленно нажал на рычаг и, дождавшись гудка, стал быстро набирать номер пейджинговой компании.

— Добрый день...— Сладкий девичий голосок прозвучал словно из другого мира.

— Запишите.— Зуля назвал номер Андрея.— Через час там, где ты выбросил кистень.

— Мы не принимаем сообщения угрожающего содержания...

— Что же здесь угрожающего?

Девушка задумалась.

— Принято,— вздохнула она.— Спасибо за звонок!

Зуля сделал небольшой крюк: заехав в район новостроек, он зашел на стройку и спрятал ружье под пирамидой труб. Потом отправился на встречу с Андреем.

Отпустив водителя за несколько домов до поворота на площадь, он двинулся к метро пешком. Дойдя до угла последнего дома, Зуля остановился и, делая вид, что читает

объявления, густо наклепленные прямо на стену дома, осмотрел площадь.

Андрея он заметил сразу. Тот топтался на месте, озираясь по сторонам и нервно теребя какую-то газету. Нужно было быть полным идиотом, чтобы принять его за человека, читающего что-то в ожидании автобуса.

Зуля отошел от стены и, дождавшись, пока Андрей повернется в его сторону, махнул рукой.

Андрей заметил его и поспешил навстречу.

Зуля следил за площадью. С противоположной стороны улицы в их сторону двинулись двое в спортивных куртках и кроссовках. Смотрели они в направлении разворачивающегося автобуса, но двигались слишком быстро.

Едва Андрей приблизился, Зуля бросился к нему и, рванув за рукав, увлек за собой. Они побежали во двор. Краем глаза Зуля видел, как пара в спортивных куртках резко прибавила скорость и устремилась следом.

Зуля влетел в подъезд, Андрей — за ним. Пожилая дама в затертом кашне возвращалась с ведром от мусоропровода. Все получилось как бы само собой.

— Бабушка! — Зуля подхватил хрупкую старушку и буквально влетел с ней вместе в квартиру. Андрей вбежал следом и захлопнул дверь. Прислонив оцепеневшую от страха бабушку к стенке, Зуля кинулся к окну, распахнул его и, убедившись, что Андрей следует за ним, выпрыгнул наружу. Андрей прыгнул тоже.

Друзья пронеслись вдоль стены дома, выбежали на параллельную улицу и, промчавшись подземным переходом, скрылись меж панельных многоэтажек. Какое-то время они шли быстрым шагом, поминутно оглядываясь. Погони не было.

Пройдя квартал насквозь, они поймали машину и поехали на Воробьевы горы.

За все время пути они не проронили ни слова, избегая даже смотреть друг другу в глаза.

Выйдя неподалеку от смотровой площадки, спустились вниз к набережной и сели на полуразрушенную скамейку.

Место было выбрано не случайно: кусты, росшие вокруг, не позволяли рассмотреть их издалека, им же были прекрасно видны все окрестности.

— Ну, что там?!— Зуля вцепился в руку Андрея.

— Они убили ее, Зуля, убили!— взревел Андрей полным злобы и отчаяния голосом.

— Кто, как, объясни ты толком!

— Ксюху! Я поехал, позвонил, а она... Зуля! Они убили...— Андрей был близок к истерике.

Зуля ударил его наотмашь по лицу. Он не знал, правильно ли поступает, но так делали врачи в фильмах, и Зуля посчитал, что по крайней мере ничего не теряет. Андрей отпрянул, закрыв лицо рукой. Мало-помалу пришел в себя.

— Ну?— Заметив, что другу явно стало лучше, Зуля снова задал вопрос: — Что случилось?

Андрей глубоко вздохнул, утерся и повернул к Зуле свое посеревшее лицо.

— Я звонил ей утром,— начал он свой рассказ.— Хотел узнать про деньги. Ее не было...

— Понятно!— перебил его Зуля.— Дальше! Когда мы расстались!

— Я поехал домой. По дороге думаю: позвонить надо Ксюхе. Звоню из автомата. Трубку снимает мужик. Я прошу Оксану, а он начинает меня грузить: кто я, откуда. Я говорю: сам-то ты кто? Он вопрос мимо ушей пропускает. Сначала я решил — менты. Ксюху охраняют. Потом думаю: чего же они к телефону подходят? Что-то здесь не так. Я подумал, что ты все равно на пейджер позвонишь, и к Ксюхе...

Андрей снова отер лицо ладонями. Зуля впился в него взглядом, ожидая окончания рассказа.

— Короче, я приехал к дому. Там толпа народу, менты... В общем, она как бы выбросилась из окна...

Зуля закрыл лицо руками и застыл неподвижно.

Мужчины долго молчали. Первым молчание нарушил

Андрей:

— Миша, а у тебя что?

— Леха... тоже...

Андрей шумно выдохнул:

— Я так и знал.

Снова повисла пауза.

— И что случилось?— Андрей отломил от куста тоненькую ветку и стал методично очищать ее от коры, отрывая ту тонкими полосками.

Зуля рассказал о встрече с Анваром, о Батыре и ружье. Сам не зная почему, он умолчал о трех бандитах, поджидавших его в бомбоубежище.

— Козлы!— Андрей переломил ветку посередине. Ветка хрустнула, но половинки ее еще держались тонкими волокнами. Андрей принялся яростно крутить ветку, пытаясь разорвать их.

— Они нас провели,— задумчиво произнес Зуля.

— Провели?!— Андрей вскочил и швырнул неподдающуюся ветку под ноги.— Провели! Ты называешь это «провели»?

— Как ни называй,— пожал плечами Зуля.— Я так понимаю, что они с самого начала были все заодно.

— Кто «все»?

— Все. Анвар, Мамай, менты.

Андрей в задумчивости посмотрел на реку.

— Да нет, я думаю, Анвар не смог ничего сделать и решил просто так содрать бабки и убраться нас.

— Они все были в сговоре,— повторил Зуля.— Я теперь понял, что произошло.

— Не важно, что произошло. Главное, что делать дальше.— Андрей отломил еще одну ветку.— Леги нет. Ксюху убили. Денег нет. И на хвосте менты...

— Это не менты.— Зуля покачал головой.— Менты оцепили бы всю площадь, и никуда бы мы не делись. Ментам

мы не нужны. И Мамаю мы не нужны. Значит, остается Анвар.

Андрей хлестнул веткой по стволу дерева.

— Я уже ничего не понимаю. Убить бы всех этих козлов...

— Это не так просто. Но, по крайней мере, я, кажется, знаю, всех этих козлов.

— В смысле?

— Вот послушай.— Зуля тоже поднялся со скамейки и стал рядом с другом.— Я тебе расскажу, что произошло, а потом мы подумаем, что делать дальше.

Андрей кивнул.

— С самого начала люди Мамаю не рассчитывали, что кто-то впишется за Леху. Когда вмешался Анвар, это было для них полной неожиданностью. И Анвар и Мамай имеют какой-то вес, и Анвар, возможно, поглавнее, но явного перевеса у него нет. Скорее всего, они просто договорились. Анвар, наверное, планировал отдать Мамаю долю в кафе, а себе забрать твой цех. Я так предполагаю.

Зуля прошелся взад-вперед по маленькой вытоптанной площадке перед скамейкой.

— А вот дальше Мамай оказался не так прост. Этот Сысоев и Мамай, судя по всему, большие друзья. Как только мы обратились в ментуру, Сысоев узнал об этом. Он предупредил Мамаю и сделал все, чтобы Леху не нашли. Мамай же наехал на Анвара. Расстановка сил изменилась. Кроме того, пахло жареным. Мамай, как лицо довольно известное в легальном бизнесе, не мог рисковать. И они с Анваром решили, что нужно будет вытянуть из нас все, что есть, а потом убрать. Причем, насколько я понимаю, тебя решили пока не трогать, чтобы сделать крайним и пристрелить при задержании — Сысоеву ведь тоже нужно что-то поиметь. Так что те двое — люди Анвара.

— Но они же не осетины...

— В том-то и дело. Никто не подумает на Анвара.

Андрей с минуту переваривал услышанное.

— Почему ты думаешь, что Мамай связан с ментами?— спросил он подумав.

— Следователь назвал тебя кредитором Лехи. Это байка, придуманная Анваром. О ней знали только те, кто ездил на «стрелку». А Мамай знал, что мы обращались в милицию. По-моему, объяснение этим двум фактам очевидно.

— Но почему же тогда Мамай просто не сдал нас Анвару, а что-то такое темнил?

— Потому и темнил, что осведомитель его не пешка, а крупный чин. Если бы он выдал подробную информацию, Анвар бы грыз его, пока не узнал, кто ему стучит. А так все шито-крыто: вроде бы мелкий постовой, собравший косвенные данные.— Зуля закинул в рот сразу две подушечки жвачки.

Андрей снова задумался.

— Слушай, а почему ты мне сразу не сказал, что следователь с Мамаем заодно? Ты ведь не сейчас это просек, да?

— Было все это несколько странно. Я не мог понять, кто заварил эту кашу.

— Понятно.— Андрей сунул руки в карманы куртки.

— Извини, я не мог рисковать.

— Я понял.

Какое-то время они стояли молча рядом и смотрели вниз, на темную воду Москвы-реки, казавшуюся сплошной спрессованной массой.

— А сейчас почему сказал?— Андрей повернул голову и посмотрел на друга.

— Потому что они продолжают охотиться за мной, а ты до сих пор жив.

— Туманно как-то.

— Они пасут тебя, но не трогают. Ты им нужен как крайний для следователя. Убить тебя сейчас они не могут, иначе придется искать еще и твоего убийцу. Дело не закроют. А так тебя пристрелят при задержании или при-

стукнут в камере.— Зуля поднял глаза, и взгляды мужчин встретились.— С другой стороны, им бы надо тебя побыстрее взять, а они не берут. Почему? А потому, что ты для них приманка, чтобы поймать меня. Вот и вся математика.

— Да-а-а...

Андрей снова отвернулся и посмотрел на реку. Было до смерти обидно. Лучший друг не поверил ему. Лучший друг выжидал, проверял, можно ли иметь с ним дело. Проверял, потому что... Черт возьми, потому что не мог рисковать жизнью другого лучшего друга. Последний довод сгладил острый край.

— Миха!— Андрей вдруг подпрыгнул и повернулся к нему.— Катя! Они же могут...

Как же его умный друг не предусмотрел такой простой и подлой вещи? Ведь бандиты легко могли добраться до Кати. Эта приманка была даже надежнее.

— Не могут.— Зуля грустно улыбнулся.— Она уже в Грасси.

— Где?

— В Грасси. Это во Франции. Только,— Зуля выплюнул жвачку в траву,— она еще не знает, что на тот домик, в котором она сейчас живет, у нас уже нет денег.

— Зуля,— Андрей схватил друга за плечи,— так это твои бабки, с которыми ты собирался сваливать?

— Да.— Зуля кивнул.

— Не слабо! И много еще осталось?

— Практически ничего. Но это не страшно. У Катьки там есть работа.

— А ты? Как же ты?

— А что я?— Зуля грустно усмехнулся.— Я теперь нищий. По совместительству дичь. Да и как я пройду границу? Меня наверняка засветят в аэропорту. Раз этот следователь знал про мое двойное гражданство, то он уже должен был принять меры. Тормознут как свидетеля и подержат, пока братва не подтянется.

— Ну, я могу тебя утешить. По твоей теории, я тоже дичь. Только охотник другой.

— Пожалуй, что так.

— Тогда давай думай, что будем делать.

— Выход один.— Зуля почесал затылок.— Пока я жив, им опасно брать тебя. Значит, мне нужно литься. Раз нельзя за бугор, то нужно во глубину сибирских руд.

— Знаешь, я что-то сомневаюсь, что они ради тебя расставят казачьи разъезды вдоль всех границ.

— Что ты хочешь сказать?

— Ты же можешь выехать на машине. Сунешь им загранпаспорт... Или на поезде! Купишь билет до Таллина, там прямо на таможне можно оплатить визу, и...— Андрей помахал руками, словно это были большие сильные крылья.

Зуля с сомнением посмотрел на его руки.

— Вокзалы наверняка отслеживаются. Хоть как-то. А играть в «чет-нечет» не хочется.

— Тогда на машине! В любом случае ты можешь...

— У меня нет машины.

— У меня есть! Это даже надежнее! Сейчас оформим доверенность, и ты спокойно двинешь к границе с братской Беларусью. На месте бросаешь машину и переходишь границу партизанскими тропами. А там — свободен!

Глаза Андрея светились от возбуждения. Он ходил взад-вперед, временами похлопывая Мишу по плечу.

— Там предъявишь свое французское гражданство, попросишься на вторую родину и сделаешь всем ручкой. Ловко?

Андрей выжидающе смотрел на друга, тот обдумывал что-то.

— Поехали!— Он схватил Зулю за локоть и потащил вверх, к смотровой площадке.

Они поднялись.

— Слушай,— неуверенно начал Зуля,— так ведь ты тогда вообще остаешься без денег, без машины...

— Во-первых,— Андрей поднял руку, сигналив пролетающей мимо «Волге», — не без денег. Некоторое количество есть у продавцов, кое-что в товаре, в материале... Не попью пивка — встану на ноги. А во-вторых, ты же сам сказал, что, пока ты жив, я тоже в безопасности. Так что это небольшая цена за спокойный сон!

Возле них остановилась синяя «шестерка». Быстро торговавшись, друзья сели в машину.

Не доехав немного до двора Андрея, вылезли. Чувство осторожности подсказывало, что подвоха можно ждать откуда угодно. Кроме того, было бы вполне логично устроить засаду у автомобиля «приманки». Оставалась лишь надежда, что автомобиль не сочтут важным объектом: пользовался им Андрей крайне редко, а при ловле человека в большом городе любого числа ловящих будет недостаточно.

Итак, оба были настороже.

Двор, где стояла машина, хорошо просматривался. С одной стороны, это было кстати: заметно всех, кто находился от машины в опасной близости. С другой стороны, если засада все же поставлена, то бандиты могли видеть машину из достаточно удаленного укрытия: с чердака, например, или даже из окна какой-нибудь квартиры.

Андрей пошел первым. Зуля остался у входа во двор, наблюдая за дверьми подъездов и окнами нижних этажей.

Машина стояла на месте. Вокруг — никого. Андрей беспрепятственно дошел до нее. Зуля хорошо видел, как он остановился, посмотрел по сторонам, достал ключи из кармана. Потом Андрей вдруг замер и наклонился к окошку, рассматривая что-то внутри салона. Потом обошел машину с другой стороны и снова заглянул внутрь. После этих непонятных маневров он выпрямился и махнул Зуле рукой, чтобы тот оставался на месте.

Походив вокруг машины еще какое-то время, Андрей медленно открыл переднюю правую дверцу, затем замок задней, потом самую правую заднюю дверь и полез осторожно в салон. Зуля видел, как друг опустил передние

сиденья и исчез, протиснувшись куда-то под руль. Минуты через три Андрей открыл водительскую дверцу, вылез из машины, вернул на место сиденья. Потом поднял капот и заглянул в двигатель.

Зуля стало не по себе от такого тщательного техосмотра.

Наконец Андрей сел в машину, завел двигатель и подъехал к стоявшему в ожидании товарищу.

— Садись, поехали.

Зуля сел и накинул ремень.

— Что случилось?

— Да, слава Богу, ничего не случилось. Но могло.— Андрей вырулил на улицу и поддал газу.— Вон она лежит.

Зуля обернулся и невольно поежился. На заднем сиденье лежала бомба. Довольно примитивная, но от этого не менее грозная. Шесть шашек были скручены обыкновенной синей изолентой, а сбоку к ним прикрепили гранату.

Зуля покосился на приятеля.

— Слушай, а она... не того?

— Теперь уже нет. Я выкрутил запал.— Андрей хлопнул по крышке «бардачка».— Здесь лежит.

— Значит, заведи ты машину..

— Да нет,— Андрей протестующе мотнул головой,— тут все проще. Они связали дверцы передних дверей веревочкой, а на веревочке — кольцо. Открываешь любую из дверей — и получай.

— Хреново.

— Да уж, приятного мало. Наверное, больнее даже, чем молотком по пальцу.— Андрея охватила вдруг странная веселость: сначала стресс, потом радость от того, что избежал смертоносной ловушки, оказался хитрее и умнее своих врагов.

— Я не про то.— Зуля помрачнел.— Они же пытались убрать тебя.

— Почему меня?

- Машина-то твоя.
- Да, действительно...— Андрей тоже помрачнел.— И что это, по-твоему, означает?
- Прячут концы в воду. Если только...
- Что «если только»?
- Если только они не просчитали вариант, который ты мне предложил.
- Про белорусскую границу?
- Вообще про бегство пешком.
- И что тогда?
- Тогда это сюрприз был для меня. Поймать не смогли, зато в «Пионерской правде»: «Награда нашла своего героя».— Зуля грустно усмехнулся.— Значит, это умные люди, что всегда плохо.
- Не похожи они на умных,— с сомнением произнес Андрей.
- Почему?
- Да понимаешь...— Андрей завершил обгон и теперь летел по Ленинскому в сторону центра.— Граната-то не сразу взрывается. Сначала запал должен прогореть. Если бы я, скажем...
- Или я,— поправил приятеля Зуля.
- Ну, или ты,— неохотно принял эту версию Андрей.— Короче, если бы дверь открыли резко, то был бы шанс понять, что это такое, и отскочить в сторону. Эти козлы даже не маскировали ее особенно: сунули под переднее сиденье...
- Боюсь, что от такого фейерверка,— Зуля с сомнением покосился на лежащую сзади связку шашек,— ты бы не успел убежать даже на роликах.
- Убежать — нет,— согласился Андрей.— Но прыгнуть за стоящую рядом машину — легко!
- Да, вот бы поэкспериментировать...
- Они ехали уже по Якиманке. Здесь у Андрея был знакомый нотариус, который, не задавая лишних вопросов, быстро и лихо оформлял любые доверенности. Если кто-

либо из посетителей забывал какой-нибудь документ или справку, нотариус искренне сокрушался, вздыхал: «Как же это вы так?» Потом входил в положение пришедшего и делал клиенту исключение, с удивительной изобретательностью находя на то основания. При этом брал с клиента слово, что тот непременно завтра же все дооформит и донесет. Ни клиент, ни он сам никогда больше не вспоминали об этом обещании. Некоторые посетители, когда снова приходила нужда в нотариусе, сокрушались о своей забывчивости и шли мыкаться по другим конторам с очередями и волокитой. Основная же масса снова шла к нашему ученому мужу, и последний, в силу своей доброты и интеллигентности, снова входил в их положение, ничем не напоминая о давешнем конфузе со справкой.

— Слушай,— оживился вдруг Зуля,— а как ты догадался, что машина того...

— Да я, понимаешь, езжу редко и, когда машину ставлю, в салоне все привожу в порядок и в полную готовность. А тут подхожу и вижу, что покрывало на сиденье смято.— Андрей оглянулся на бомбу.— Ну, заглянул с другой стороны. Вижу — веревочка. Дальше просто.

— Просто?— Зуля посмотрел на друга с восхищением.— А если бы она взорвалась от чего-то еще?

— Да отчего? Будь это хитрая бомба, они и веревочки бы не стали накручивать!

— А если бы веревочки оказались специально, для отвода глаз?

Андрей нахмурился.

— Честно говоря, я об этом не подумал.— Он повернулся к Зуле и улыбнулся.— Удачно получилось, что я не такой умный, как ты!

— Да уж, удача редкая.

Процедура оформления заняла меньше четверти часа. Теперь Зуля мог катить на все четыре стороны, не опасаясь обычных проверок гаишников. Однако за эти четверть часа его мнение о плане Андрея в корне изменилось.

— Знаешь,— сказал он, убирая доверенность и документы во внутренний карман,— мне не нравится идея с Беларусью.

— Вот те раз! Чем же?

— Они хотели тебя убить, и они попытаются еще раз. Пока не получится.

Андрей задумался.

— И что же ты предлагаешь? Двигать вместе? Так ведь нет у меня паспортов иностранной державы. Я могу только доставать из широких штанин свои серпы и молоты, но, боюсь, французы давно уже завязали с парижскими коммунарами.

— Значит, тебе нужно остаться,— пожал плечами Зуля, словно спор шел о том, на каком краю стола поставить крабовый салат.— Но остаться так, чтобы тебя никто не посмел тронуть.

— Стать президентом?— саркастически усмехнулся Андрей.

— В президентов тоже стреляют.

— Что же тогда? Уйти в скит?

Зуля не отвечал. Он не торопясь прошелся вдоль машины, осматривая ее, словно придирчивый покупатель. Потом обошел вокруг наблюдавшего за ним приятеля.

— Слушай, сапер,— спросил он, оглядывая Андрея с ног до головы,— а ты бы смог эту же бомбу заложить похитрее?

— В свою же машину?

— Да нет, в свою машину любой дурак заложит. В чужую.

— В чью?

— Ты скажи, можешь или нет, а в чью, мы найдем.

— Ну могу...— не слишком уверенно ответил Андрей.— Только надо еще дверь открыть, а потом закрыть...

— В этом я тебе пособлю,— успокоил его Миша.

— Тогда вполне.— Ответ прозвучал уверенней.— Я даже могу заложить так, чтобы она не сразу взорвалась. Чтобы дверь сначала открыли, потом закрыли, а потом...

— А чтобы ее раз пять открыли спокойно, а потом она сработала?

— Можно... Нужно рассчитать длину шнура... А зачем это?

— На всякий пожарный. Ладно, поехали.

— Куда?

— По дороге объясню. Ты, кстати, знаешь, где Анвар живет?

— Ну, он квартиру снимает на Вавилова, возле...

— Потом расскажешь,— перебил его Миша.— Поехали.

Сысоев кипел от злости. Стоя в будке таксофона, он был вынужден вымещать бурлившую в нем ярость на металлической полочке под аппаратом. Каждую свою фразу следователь сопровождал ударом по ней. Полка отвечала противным дребезжащим звуком.

— Слушай, мужик, я не знаю, что сказал главный инженер!— Необходимость говорить этим дурацким кодом, заставлявшим постоянно держать в голове вторые имена и ключевые фразы, невозможность просто покрыть матом этих оборзевших хулиганов, возомнивших себя крестными отцами и пупами земли, только подливали масла в огонь.— Я спрашиваю, почему второй объект до сих пор не сдан?!

Трубка отвечала что-то. Сысоев какое-то время слушал, потом снова принялся орать.

— Да мне по хрену, где вы что заложили. С утра было два объекта, теперь их снова два, а может стать и больше. Оно мне надо? Что?

Трубка снова забубнила.

— Я вам даю срок до вечера! До вечера я продержу всех наготове, а больше не могу. Не поймаете... Тьфу, не сдайте объекты — не обижайтесь! Понятно?

В трубке что-то тихо спросили.

— Да,— ответил следователь ледяным тоном.— Так и передай главному. *Инженеру.*

Он повесил трубку.

Выйдя из будки, с силой пнул дверцу ногой. Нижнее стекло не выдержало и треснуло.

Как из-под земли рядом выросли два омоновца. Один приложил руку к берету.

— Старший сержант Терентьев. Документы ваши.

— Что?— Сысоев повернулся к ним, бешено вращая глазами.— Документы?!

Дюжие патрульные несколько оробели от такой реакции без одной минуты задержанного хулигана. Когда же этот мужчина привычным движением выхватил из нагрудного кармана удостоверение и, раскрыв, сунул его в нос старшему сержанту, омоновцы окончательно растерялись.

Второй, впрочем, решив проявить то ли принципиальность, то ли служебное рвение, сделал шаг вперед.

— Вы бы это...— Он не закончил фразу, красноречиво указав на треснувшее стекло.

— Что?— Сысоев подошел к нему вплотную.— Боец невидимого фронта, ты чем-то недоволен? А ты не боишься стать окончательно невидимым?!

— Извините, товарищ...— начал старший сержант, снова отдавая честь, но Сысоев уже завелся не на шутку.

— Так, бойцы,— он окинул обоих омоновцев беглым взглядом,— что за вид? Непонятно! Ботинки не чищены, пуговицы расстегнуты, чубы... Вы что? Вы кто? Махновцы? Из какого отделения?!

— Товарищ...

— Смирно! Отделение?

— Сто десятое...

Сысоев вдруг остыл. Воровато оглядевшись по сторонам, он заметил нескольких прохожих, приостановившихся, чтобы понаблюдать, как дядька в штатском строит двух «камуфляжников».

— Значит, так,— сказал Сысоев совершенно спокойно.— Даю пять минут привести себя в порядок. Не на

улице! Зайдите... в подъезд!— Сысоев махнул в сторону ближайшего подъезда.— Бего-о-ом марш!

Омоновцы, козырнув, бросились к подъезду.

Сысоев еще раз огляделся по сторонам, дождался, пока brave патрульные скроются за дверью подъезда, сел в свою «девятку» и, дав с места по газам, быстро укатил в направлении центра.

— Мамай,— Глупый выглядел встревоженным,— мент твой звонил. Ругался по-черному.

Глупый был в армии Мамаю чем-то вроде пресс-секретаря. Он общался с ходоками от коммерсантов, с посланцами других бригад, ментами, всякой канцелярской шушерой. Он определял значимость того или иного сообщения или визитера и решал, стоит ли сообщать о них непосредственно Мамаю или же поручить разобраться одному из его заместителей.

На сей раз сомнений быть не могло, случай оказался важный. Конфликт со старшим сыскарем мог вылиться в крупные неприятности, и Глупый не мешкая отправился к Мамаю с докладом.

— Что там?— Мамай оторвался от бумаг.

— Да плохо.— Глупый махнул рукой.— Кричит, что если к вечеру не отловим этих двоих, то он... Просил не обижаться. Он оцепление может держать только до вечера. Очень много народу задействовано. Если узнают на его верху, что он всем личным составом свидетеля отлавливает, то начистят ему пятак... А он нам.

— Ну,— Мамай не подал виду, что новость была действительно неприятная,— это он много на себя берет. А вот то, что эти два сайгака до сих пор бегают, мне тоже совсем не климатит.

На самом деле новость, принесенная Глупым, была скверной не только сама по себе. Сысоев впервые угрожал. И угрожал столь явно. Это был плохой знак. В конце

концов, он мент, а значит, всегда был, есть и останется по другую сторону баррикад. Что бы их ни связывало, Сысоев не моргнув глазом мог утопить их всех ради своей выгоды. И утопить тем глубже, чем больше темных дел связывало старшего следователя с Ордой. Этот ход нужно было упредить. Но как, когда? Вопрос выходил непростым и в то же время жизненно важным.

— Что там от Анвара?

— Все то же.— Глупый пожал плечами.— Бабки передал, а про этих двоих пока глухо.

Мамай покачал головой:

— Нужно было больше ломануть. Раз тачка осталась, значит, не все еще сдоили.

— Да не.— Глупый скептически pokrивился.— Анвар говорит, они больше не собрали бы. Ну, может, сто десять наскребли бы, если б времени побольше было...

— Ладно.— Мамай встал и прошелся по комнате.— Но как они умудрились этого торговца упустить? Уму непостижимо! Может, дать им ребят в помощь? А то, если эти гаврики уйдут... И сами могут напакостить, и мент с кашей будет жевать. А, Глупый?

— А что наши? В лицо их не знают... Одну девку убрали, а другая схоронилась куда-то... Где мы их пасти-то будем?

— Дело не в этом. — Мамай задумчиво рисовал на листке непонятную закорючку.

Глупый внимательно слушал.

— Интересно у Анвара получается. Мальчик-ботаник, который даже в армии не служил,— Мамай пририсовал к закорючке две черточки, и нагромождение линий вдруг стало человечком с поднятыми руками,— вдруг за здорово живешь...

Глупый уже уловил смысл и заранее согласно закивал.

— За здорово живешь обезоруживает стрелка, кладет трех человек и сматывается, не сказав последнего прости.

Глупый хотел было что-то добавить, но Мамай остановил его, вскинув руку.

— И что интересно! Стрелок-то Анваров остается жив. Напрашивается очень интересный вывод.

— И ведь Анвар обещал передать нам труп...— осторожно вставил Глупый.

— Да,— кивнул Мамай.— Обещал труп фраера, а вышло...

— Получается,— Глупый еще понизил голос,— что за Анваром конкретная бочина...

— Получается, что так,— кивнул Мамай, пристально глядя на советника.

— Значит, он должен ответить?— Этот вопрос Глупый произнес практически одними губами.

— Значит,— Мамай пронзил нарисованного человечка огромной стрелой и теперь старательно прорисовывал ее оперение,— нужно дать людям для контроля над ситуацией. И как только они решат свою проблему, мы решим свою.

Глупый понимающе кивнул. Только что они поставили крест на сильном авторитете. Решение не шуточное. Операция филигранная, и ошибаться тут нельзя.

— Кого пошлем?— Глупый еще тешил себя надеждой, что ему удастся избежать личного участия в деле, в котором можно запросто лишиться головы.

В этот момент в комнату постучали.

— Ну?

Вошла секретарша Мамаева.

— Нил, тебя...— Она покосилась на Глупого.— Вас к телефону просят...

— Гамбург?

— Нет, местный...— Секретарша смутилась, поняв, что допустила промах, предугадав следующий вопрос.

— Кто *местный*?— Мамай в сердцах бросил на стол золоченый «паркер» и, не дожидаясь, пока девушка начнет лепетать что-то невразумительное, подошел к телефону.

Этот аппарат был обвешан всеми возможными датчиками, дешифраторами и системами защиты. Индикаторы говорили, что все в порядке. Звонок был из таксофона в районе Большой Полянки. Может, снова мент?

— Слушаю.

— Слушай и думай мухой. — Незнакомый голос говорил быстро. — Ты вляпался не в ту лепешку. Ты обидел не тех людей. За ними бегают сейчас и осетины и менты. Понял кто? Твоя задача: не вмешиваться и попрiderжать черных. Мента и самого Анвара я уговорю не шалить. А то придется ответить за одно недавнее самоубийство. Если с ребятами что случится, то виноватым я выберу тебя персонально. Мы договорились?

— Конечно. — Мамай всегда думал быстро, и сейчас решение пришло мгновенно. Человек, с такой легкостью связавший воедино его самого, Сысоева и Анвара, знал как минимум столько же, сколько и он сам. А значит, шутить не собирался. — Только одна ремарочка: самоубийствами я не занимаюсь. По этой части в спецуре хватает профессионалов...

Незнакомец положил трубку.

Что ж, если звонивший сам «уговорит» и Анвара, и закусившего удила опера, то можно считать, что все закончилось неплохо. Поставить под свои знамена обезглавленную осетинскую бригаду — дело пустяковое. У них не будет выхода: кому они нужны без своего авторитета? А Сысоев... С легализацией многих статей дохода Орды он был нужен все меньше, а беспокойства доставлял все больше. В конце концов, при теперешних оборотах можно было прикупить и кого-нибудь поглавной.

— Что там? — Глупый наблюдал за лицом шефа.

— Все нормально, Глупый. — Мамай усмехнулся. — Один добрый доктор Айболит решил нам помочь. Значит, так. Будет звонить Анвар — меня нет. Сысоев... тоже нет

меня. Ребят, ты прав, сдавать не стоит. Так что сидим, курим бамбук, без моей команды даже не пукать. Вопросы? Вопросов не было.

Зуля положил трубку, и они с Андреем быстро зашагали прочь от будки.

— Думаешь, он клюнет?— Андрей тронул друга за рукав.

— Он *не* клюнет!— раздраженно ответил Зуля.— Он поймет, что напоролся на гвоздь.

— Думаешь?— с сомнением спросил Андрей, открывая дверцу машины.

— Я буду уверен наполовину, если ты не напутаешь со своими веревочками.— Зуля потер порядком заросшую щеку.— И буду полностью уверен, если ты меня подкинешь в одно место.

— Куда? — поинтересовался Андрей, заводя не успевший остыть двигатель.

— Тут неподалеку, на одну стройку.

— Хочешь украсть кирпич красный шестого сорта?

— Да нет. Палку.

— Какую палку?

— Которая раз в год стреляет.

Андрей пожал плечами. Последние два с половиной часа Зуля говорил исключительно загадками. Но его твердая уверенность в том, что он делает все правильно, и отсутствие собственных идей подвигали Андрея безропотно выполнять команды друга.

— Далеко стройка-то?

— Я покажу.

Они поехали на стройку, где Зуля спрятал ружье.

По дороге Зуля попросил Андрея притормозить у торгового центра. Он вышел из машины и минут через десять вернулся со странной сумкой в руках.

— Что это?— поинтересовался Андрей, трогаясь.

— Сумка.

— А почему такая длинная?

— Это для клюшек. Клюшки для гольфа.— Зуля улыбнулся, вспомнив эпизод из фильма «В джазе только девушки».— Это сумка для самой большой клюшки.

Андрей покосился на друга. Положительно рядом с ним сидел совершенно незнакомый человек. Но, что самое интересное, Андрею нравились эти перемены. Предчувствие того, что происходящие с приятелем метаморфозы — лишь прелюдия больших дел, кружило голову и заставляло жать на газ, не обращая внимания на знаки. Знаки? Это в прошлом!

— Здесь.— Зуля указал на лаз в заборе.

Андрей подрулил поближе и остановился. Друзья вышли из машины. Зуля подвел Андрея к месту, где было спрятано оружие. Вытащив ружье, он аккуратно уложил его в купленную сумку, а потом снова убрал в свой тайник.

— Это чтоб ты знал,— прокомментировал он.— На всякий случай.

— А сколько там пуль?— Андрей задумчиво смотрел на тайник.

— Два заряда. Пойдем.

— Куда сейчас?— Андрей не двинулся с места, продолжая что-то обдумывать.

— Сейчас я сметаюсь на Петровку. Есть одно дельце. А часа через два нам бы надо опять состыковаться. При чем тебе придется бросить машину. Пообедаешь пока.

— Значит, у меня есть два часа?— Андрей пристально посмотрел другу в глаза.

— Ну, около того,— кивнул тот.

— Тогда я бы съездил по одному делу.

Миша подозрительно посмотрел на друга.

— Я не засыплюсь,— уверенно сказал Андрей. — Через два часа я буду где скажешь. Только одолжи мне свою «палку».— Он кивнул на тайник.

— Постарайся поосторожней...

ГЛАВА XVIII

Анвар нервничал.

Жизнь порядочно потрепала его, не раз проведя через огонь и воду, и удивить или испугать старого бандита было не просто. Дважды в него стреляли, и теперь даже угроза смерти не могла выбить его из колеи. Но неизвестность... Анвар привык бить первым, бросаться на врага прежде, чем тот успеет занести руку.

Сегодня он был вынужден ждать. Ждать, пока противник сделает свой ход, чтобы тут же ответить на него смертоносным ударом. Ждать Анвар не любил.

И, что было обиднее всего, сегодня его переиграли два сопляка, у которых еще молоко на губах не обсохло, два торгоша, с которыми обращались как с дойными козами, не приняв их всерьез.

Вся армия Анвара была поставлена под ружье. Были устроены засады, несколько групп колесили по городу, проверяя места, где могли появиться Цилиндр и Зуля.

Ситуация складывалась скверная. Дело даже было не в том, что от него, старого лиса, ускользнули два куска мяса. С этим не было особых затруднений: без денег, без поддержки, в беспрестанно прочесываемом городе ребята не смогут скрываться долго. День, может быть, два. Скверно было другое. Анвар обещал отдать людям Мамай трупы. Вместо этого Мамай потерял троих. Это серьезный промах. Мамай должен будет как-то ответить. Таковы правила.

Да, этот местный выскочка не был настоящим авторитетом. Но за ним стояли большие деньги. Деньги и нешуточная власть в городе. А нынешняя молодежь все чаще отказывалась подчиняться законам, ущемлявшим их интересы. Можно было связаться с Жорой, но что тот может поделать, если эти шенки ополчатся против него?

Да, если в начале этой заварушки Мамай находился в затруднительном положении, так как был не прав по всем

статьям, то сейчас все изменилось с точностью до наоборот. Теперь Анвар был виновен в смерти людей, работавших на Мамаю. Уже плохо. А в ходе разбора могло еще и выясниться, что Анвар отдал не половину суммы, полученной с фраеров. Отмазаться перед блатными было не сложно, но эта беспредельная молодежь.... Никогда не угадаешь, что у них на уме.

Анвар снял трубку и набрал номер.

— Диляра? А, здравствуй, дорогая. Позови мужа, да?

Анвар уселся в кресле поудобнее.

— А? Здорово. Я. Слушай, Монах, ты сегодня, когда поедешь, знай, что отмазки не нужны. Да. Наверное, скоро бабки понадобятся. Да, и с этих тоже получи все. А? Нет. Ну все, давай.

Нужно было срочно собрать все долги. Нет, не для того, чтобы откупаться от Орды, хотя проблема, скорее всего, будет решена именно таким способом. Для того, чтобы расквитаться с Мамаем, вполне хватит денег, привезенных Зулей. В финансовом плане Анвар чувствовал себя вполне уверенно.

Беспокоило его другое. Как только пройдет слух, что у Анвара разборки с Ордой, все должники дипломатично залягут на дно. Вдруг Анвара пристрелят и платить не понадобится вовсе? Или точки кавказцев отойдут московской братве, и тогда придется заплатить дважды? Барыги — народ прожженный и ушлый: попрячутся в норы, позакрываются на учет. Нет, нужно было перетрясти их, пока это не трудно, пока они еще дрожат перед ним и не надеются уйти от расплаты.

Анвар снова взялся за телефон.

— А! Георгий! Как там? Угу. Угу. А, понял. Если какие дела, то сразу скажи мне, да?

Зулю и Цилиндра видели вместе в районе Выхино. Значит, они не уехали из города. Хорошо это или плохо? Хорошо, если они просто прячутся, и скверно, если что-то предпринимают. Они, конечно, фраера и вряд ли смогут

серьезно навредить, но загнанный зверь страшен. После того, что этот тихоня Зуля устроил в бомбоубежище, Анвару даже не хотелось думать о том, что он еще может натворить.

Еще один звонок.

— Радик? Как там, дорогой? А... Что?!— Анвар вскочил с кресла. — Да. Да. А! Позвони, что угнана машина, да? Что-нибудь надо придумать. А? Да. Давай.

Похоже, худшие опасения Анвара начинали сбываться. В машину Цилиндра на всякий случай подложили бомбу. Подкладывал ее бывший сапер, так что вариантов, что она не сработает, быть не могло. Тем не менее машина со стоянки исчезла. Значит, эти фраера умудрились разминировать ее, и теперь их арсенал пополнился еще и взрывным устройством. Вот так фраера...

Предстоял еще один звонок. Самый важный и самый сложный. Нужно было позвонить Мамаю и договориться о встрече по поводу компенсации за убитых.

Анвар набрал номер. Трубку сняла секретарша:

— Его нет сейчас в Москве, но вы можете оставить свои координаты. Если он будет звонить, я передам ему...

Секунду Анвар колебался. Оставить телефон? Со стороны это будет выглядеть так, будто Анвар очень хочет встретиться, а значит, нервничает, боится. Это было недалеко от истины, но приходилось держать марку. Подумав, Анвар оставил номер пейджера. Ловкий ход. Координаты он оставил, так что готовность встретиться — налицо, а звонить будет все-таки сам.

Девушка старательно записала.

— Спасибо, я передам.

Анвар молча повесил трубку.

Мамая нет в Москве? Подозрительно. Хотя у него и без этих разборок хватает дел. Так что, возможно, не стоит волноваться понапрасну.

Анвар встал и посмотрел на часы. Надо съездить еще на одну встречу: решить один вопрос, пока его имя наводит ужас. А вечером нужно быть в кафе. Подъедет Монах с деньгами.

Андрей остановил машину у того самого кафе, где днем раньше его ждала Оксана.

Он поежился при мысли, что сейчас молодая девушка уже лежит на столе в морге среди старичков, бомжей и неопознанных трупов, извлеченных из-под колес автомобилей.

Андрей вышел из машины, забрал Зулину сумку и захлопнул дверцу. Ключи он оставил в замке зажигания: Зуля просил его избавиться от машины.

Андрей ленивой походкой двинулся по улице. Сделав вид, что читает наклеенное на водосточной трубе объявление, посмотрел на вход в кафе. На двери красовалась табличка «Открыто».

Андрей вытащил из кармана солнечные очки, но, повертев их в руке, убрал обратно. Подошел к двери, открыл ее и вошел.

В этом кафе редко бывало много посетителей. Тем более днем. Идеальное место для встреч и переговоров, но на что, интересно, живет его владелец? Может, кавказцы приплачивают ему за использование апартаментов? Когда они собираются здесь кучкой, то выручка должна получаться приличная.

Андрей спустился до середины лестницы и, чуть наклонившись, заглянул в зал. Две девушки в углу пили кофе. Больше никого. Андрей задумался. Для того, что он хотел сделать, свидетели были не нужны.

Одна из девушек посмотрела на часы. Значит, собираются скоро уйти.

Андрей поднялся наверх и встал у двери.

Прошло минут десять. Стало слышно, как девушки поднялись и направились к выходу. Андрей выскочил на улицу. Постояв немного, он толкнул входную дверь. Девушки как раз поднимались по лестнице.

Вежливо пропустив их, Андрей вошел в кафе и задвинул щеколду. Вытащил ружье и повесил сумку на какой-то гвоздик. Подняв ружье, стал быстро спускаться вниз.

Уже знакомый ему бармен что-то расставлял за стойкой. Услышав шаги, он поднял на посетителя глаза и выронил коробку с пивом.

— Я...— Он вытянул вперед руки, растопылив пальцы, словно это могло спасти его от картечи.— Вы... я...

Андрей подошел ближе. Он не собирался трогать бармена, но не видел ничего плохого в том, что эта шестерка немного подожит.

— Один?— Андрей кивнул в сторону подсобки.

— Кто? Я?— Бармен облизал губы.— Один я. Я один.

Колени у бармена подкашивались от страха, и он облокотился на разделочный столик.

Андрей мельком взглянул на этот столик: не лежит ли там тесак или другой разделочный инструмент, легко превращающийся в оружие. Но ничего подозрительного там не было.

— Не трясись.— Андрей обвел маленький зальчик скупающим взглядом.

— Ага,— кивнул бармен, дрожа еще сильнее.

— Помнишь меня?

— Я? Да! Я помню,— снова кивнул бармен, но тут же спохватился:— Я могу забыть! У меня очень хорошая память: что надо, я сразу забываю. Вот увидите!

— Мне нужен Анвар...

Андрей полагал, что караулить осетина у его подъезда небезопасно. Куда надежнее вызвать его в это кафе и устроить засаду. Бармен должен помочь ему в этом. Но тот, желая продемонстрировать свою лояльность, не дал Андрею договорить и подал другую идею, гораздо более удачную:

— Он будет здесь позднее. Около четырех.— Бармен немного успокоился и начал соображать чуть лучше.— Я могу закрыть кафе до его приезда...

— Кафе я уже закрыл.

То, что Анвар должен приехать сам, сильно упростило дело. Если это, конечно, правда.

— А ты, часом, не врешь?— Андрей медленно навел ствол на дрожащего халдея.

— Я?!— Бармен взвизгнул, закрываясь руками.— Нет! Правда!

Да, похоже, он не врал. Этот человек слишком напуган, чтобы плести интриги.

— А точно приедет?

— Да.— Бармен перегнулся через стойку и понизил голос.— У них сегодня здесь встреча с Монахом...

Бармен покосился на дверь, словно их могли подслушивать.

— Кто такой Монах?

— Монах?— Бармен замялся, понимая, что выкладывает, должно быть, слишком много информации.

Андрей молча поднял ружье.

— Монах!— Бармен вскинул руку, показывая, что больше пауз в его речи не предвидится.— Монах — это кассир Анвара. Он собирает бабки с барыг, долги, проценты...

— И он тоже приедет?— Андрей на ходу менял свой план.

— Приедет. Он бабки и привезет...— Бармен прикусил язык, снова замолчав, но Андрей не обратил на это внимания. Того, что он успел услышать, было достаточно.

Андрей, продолжая держать собеседника под прицелом, подошел к двери подсобки.

— Он один приедет?

— Анвар или Монах?

— И тот и другой.

Андрей заглянул в подсобку. Половину маленькой комнаты занимала холодильная камера, оставшийся закуток был заставлен палетами пива самых разных сортов.

— Монах всегда с ментом одним ездит, а Анвар с Георгием...

Андрей переложил ружье в левую руку. Правой он открыл дверцу камеры. Железный ящик два на два. Внутри только две освежаванные туши. Бараньи, кажется.

— А Монах во сколько будет?

— Ну, как соберет бабки...— Бармен покосился на настенные часы. — Скоро уже...

— Ясно.— Андрей распахнул дверцу камеры и отошел чуть назад.

— Заходи,— скомандовал он бармену.

Бармен послушно двинулся в подсобку, но остановился, увидев открытую камеру, обернулся и посмотрел на Андрея.

— Туда, туда,— кивнул Андрей.

— Не-е.— Бармен привалился к косяку.

— Что «не»? — Андрей потряс ружьем.

— Стреляй,— обречено пожал плечами бармен.— Это хоть быстро.

— Ты там будешь.— Андрею не хотелось убивать, но нужно было как-то вывести этого парня из игры.

— Пятнадцать градусов,— покачал головой бармен.— Долго и не надо...

Андрей секунду подумал.

— А выключить можно?

— Можно.

— Выключай!

Бармен повернул выключатель.

— Теперь заходи.

— Не-е,— опять замотал головой бармен, твердо уверовав, что убивать его не собираются.— Пусть отойдет!

Андрей сделал шаг вперед. Теперь кончик ствола и лоб бармена разделяло не более полуметра. Ружье было тяжелым, рука дрожала.

Бармен вздохнул и зажмурился, втянув голову в плечи.

Андрей сделал еще шаг и ударил бармена ногой. От неожиданности тот потерял равновесие и растянулся на полу камеры. Андрей закрыл дверь.

Бармен внутри вскочил и замолотил ногами в стенки. Металлический ящик загудел, как колокол.

— Будешь хулиганить — включу.

Угроза была произнесена негромко, но действие возымела: бармен притих.

Андрей посмотрел на щиток холодильного агрегата. Обычный регулятор, кнопка сети, градусник. Минус девять.

Андрей прошел в зал. Положив ружье на стойку, взял бутылку темного пива с кольцом на крышке. Откупорив ее, сделал несколько глотков.

Первая часть его плана сработала. Едва ли очистить кафе было самым сложным, но тем не менее первый успех был налицо.

У двери наверху послышался какой-то шум.

Он прислушался. В дверь забарабанили.

Андрей взял ружье и быстро поднялся по лестнице. Кто-то бил в дверь ногой.

Андрей поставил ружье в угол и отодвинул запор.

Снаружи стояли двое. Широкоплечий коренастый мужчина и старшина милиции. Похоже, это и были Монах с сопровождающим его ментом.

— Ты кто?— Монах смерил Андрея взглядом.

— Андрей,— честно ответил Андрей.

— Зачем Андрей?— сурово спросил старшина.

— За порядком.

— Чего?

— Ничего. Проходите. Анвар велел, чтобы никого посторонних не было. Закрыто кафе.— Андрей посторонился, уступая гостям дорогу, но те не двинулись с места.

Старшина поманил Андрея пальцем:

— Иди-ка сюда, хлопчик.

Андрей с грустью подумал о ружье и о том, что обещал Зуле вернуться и помочь с какой-то идеей. Он вышел из двери.

Монах, выхватив из-за пояса пистолет, быстро сбежал вниз. Старшина развернул Андрея и проворно пробежался по нему руками.

— Чистый?

Андрей обреченно кивнул.

Снизу показался Монах.

— Ты что, один сегодня?— спросил он Андрея.

— Пока да. Убираю.

— А!— Монах пошел вниз.

Милиционер отодвинул Андрея с дороги и тоже вошел в кафе.

Андрей огляделся по сторонам, вошел следом, запер дверь. Вытерев о джинсы вспотевшие ладони, взял ружье и спустился вниз.

Монах, навалившись животом на стойку, выбирал пиво. Старшина устраивался за столиком.

Увидев Андрея с ружьем, милиционер схватился было за висевшую на поясе дубинку, но вовремя опомнился и положил руки на стол.

— Вот те раз!— громко сказал он, не спуская глаз с Андрея.

— Чего?— Монах обернулся.

Несколько долгих мгновений все трое собирались с мыслями, оценивая сложившуюся обстановку. Андрей замешкался со следующим ходом, и первым заговорил Монах:

— Ну и что ты хочешь?

— Брось пистолет.— Андрей кивнул на оттопыривавшийся пиджак Монаха. Тот молча вытащил пистолет и бросил его к ногам Андрея.

— Деньги.

Бандиты переглянулись.

— Какие деньги, мужик?— с усмешкой спросил милиционер.

— Собранные.

— Собирают грибы.— Монах вальяжно облокотился о стойку.— Но грибы в лесу. Это далеко.

Андрей почувствовал, земля уходит из-под ног. Его провели, как мальчишку. Но кто? Бармен? А откуда он мог знать о приезде этих двоих? Нет, слишком он натурально

испугался, брякнув про деньги. Значит, просто эти двое приехали без денег. Ой ли?

Андрей посмотрел на своих пленников. Ни сумок, ни пакетов, ни даже «напузников». Карманы не оттопыриваются. Оба слишком толстые, чтобы прятать что-либо под одеждой... Стоп!

— А ну, ты, встань прямо!— Андрей взмахнул оружием.

— Я?— Монах удивленно поднял брови.

— Ты.

— А ты кто, чтобы перед тобой прямо стоять? Генерал армии?

— Боюсь, что ты этого уже не узнаешь.— Андрей медленно положил палец на спусковой крючок.

Монах выпрямился.

— Теперь повернись.

— Э,— усмехнулся тот,— я мужчинами не очень интересуюсь, так что если ты...

— У меня мало времени.

Милиционер внимательно наблюдал за происходящим.

Монах пожал плечами:

— Как повернуться?

— Между прочим,— старшина скрестил руки на груди,— на улице стоит моя машина, а в ней два парня с автоматами. Ты лучше положи свою берданку и подними лапки.

Андрей ногой подвинул к себе пистолет и медленно поднял его. Переложив ружье в левую руку, он снял пистолет с предохранителя и взял его в правую.

— Между прочим,— милиционер предупреждающе поднял палец,— это мое табельное оружие. Так что подумай насчет сдать.

Андрей выбросил руку с пистолетом вперед и выстрелил. Пуля разнесла вдребезги зеркало над барной стойкой.

Старшина бросился на пол, закрывая голову руками, Монах присел, испуганно глядя на Андрея.

— Встать, сука!— заорал Андрей.

Старшина поднял голову и, убедившись, что команда обращена к нему, резво вскочил.

— Парень, не дури...

— Раздевайтесь! Ну, живо!— Андрей снова выстрелил. На сей раз пуля отколола кусок кафеля позади милиционера. Тот мгновенно расстегнул пуговицы кителя.

Монах нехотя начал стягивать пиджак.

— Третий раз будет в лоб!— Андрей запрыгал, как боксер на ринге, наставляя пистолет то на одного, то на другого.

Милиционер проворно разделся до пояса. Монах сбросил пиджак на пол.

— Ладно,— сказал он сквозь зубы, завел руку за спину и бросил Андрею плоский кожаный кошель.— Но за эти денежки будет тебе бо-бо.

Андрей мельком взглянул на кошель.

— Раздевайтесь!

— Что, совсем, что ли?— Монах считал, что с передачей денег инцидент исчерпан.

— Совсем!

Еще минута, и пленники стояли у барной стойки в трусах и носках.

— И что теперь?— Монах скрестил руки на груди.

— В подсобку. Живо!

Бандиты послушно пошлепали в подсобку.

— Открывай дверь!

— Ошалел?

— Открывай!— Андрей выстрелил, и пуля ударила в коробку пива, оставив по пути кровавый след на плече милиционера.

Монах открыл замок. Из двери выскочил бармен.

— Всем быстро внутрь! Повторять не буду!

Все трое зашли в камеру. Последним был Монах. Он взглянул на градусник и покачал головой.

Андрей захлопнул дверь.

Силы оставили его, и он сел на пол, привалившись спиной к холодной нержавеющей, ощущая, как ледяные капли катятся по груди, спине. Удар изнутри в дверь снова привел его в боевое положение.

— Слышь, малохольный, холодно здесь!— Голос Монаха.

— Холодно?

Андрей представил себе, как они стоят втроем в центре металлического ящика, прижавшись друг к другу и потирая руками плечи. Потом он вдруг увидел Оксану. Она лежит на столе, покрытая застиранной простыней, а закутанный в грязный тулуп сторож подходит к изголовью, оттягивает ей подбородок и заглядывает в рот, проверяя, нет ли золотых зубов.

— Холодно?— переспросил он, поднимаясь.

— Холодно!— Три голоса отвечали скверным хором.

— Это еще ничего.— Андрей подошел к агрегату и крутанул ручку регулятора до упора влево, до отметки «максимум».

Камера ожила, загудела хорошо поставленным басом, к которому тут же присоединились скверные, прямо скажем, голоса тех, кто сидел внутри.

Андрей вышел в зал, подобрал кошель и направился было к выходу, но вернулся, чтобы прихватить с собой милицейскую форму. Поднявшись по лестнице, он упаковал оружие и форму в сумку, вышел на улицу, заменил табличку на «Закрыто» и захлопнул за собой дверь.

Подойдя к таксофону, Андрей бросил в щель жетончик и набрал номер.

— Для абонента... Да. В кафе не заеду. Прощай, козел. Подпись: Монах. Да, это все сообщение.

Мамай знаком предложил Туче садиться.

— Значит, так.— Он опять рисовал на листке непонятные закорючки. — Расклад сегодня такой, что к тем ребятам

у меня больше нет вопросов. Если даже попадутся, то не надо их трогать.

— Как это?— Туча отказывался верить своим ушам. Их грозный атаман отказывался от мести за смерть корешей!

— По последним данным, они тут ни при чем.

Туча недоверчиво покачал головой.

— А кто же тогда?

— Это сами горцы.

— Суки!— Туча вскочил, сжав кулаки.

— Согласен.— Точным росчерком Мамай превратил вихрь линий в щенка.

— И что будем делать?

— К сожалению, все уже делают без нас. Наша задача не щелкать пастью, пока с Анваром разбираются.

— Кто разбирается?

— Не суть важно.— Щенок получил длинную мозговую косточку. — Главное, что завтра нужно будет взять под контроль все грядки Анвара, объяснить его людишкам, что они могут отправляться пасти коз в родные горы, и отыскать Монаха.

— А что...— Туча сделал красноречивый жест, проведя рукой по горлу.

— Пока не знаю.— Позади щенка стала расти будка.— Но думаю, что мы совсем скоро услышим об этом.

— А мне что делать?— Туча не совсем понял, о чем идет речь, и поэтому предпочел получить точные инструкции.

— Тебе нужно все хорошо подготовить и ждать сигнала к атаке.

— Ясно. — Туча неуверенно кивнул.

— Возьми людей, просчитай, кто куда метнется и все такое. Справишься — южный рынок твой.

Туча вспыхнул. Он хотел пробормотать что-то вроде благодарности за оказанное доверие, но простые слова вроде «спасибо» употреблялись им столь редко, что уже не выговаривались без определенных усилий. Туча решил не мудрить.

— Понял! — Лаконичность ответа компенсировалась блеском в глазах.

— Ну, раз понял, то иди готовься. Ладушки?

Щенка и будку соединила черная массивная цепь.

Миша вошел в телефонную будку. Аккуратно вытащил из кармана бумажку, разложил ее на металлической полочке. Затем снял трубку и набрал номер.

— Дежурный слушает.

— Мне нужен старший следователь Сысоев,— быстро произнес Зуля гнусавым голосом, пытаясь заодно изобразить малороссийский акцент.

— А вы... а вы в кабинет позвоните... — Дежурный то ли был от природы туповат, то ли недавно влился в ряды блюстителей закона.

— Он мне нужен срочно,— продолжал Зуля тем же голосом, кстати, неплохо получалось.— Пусть выйдет к воротам. Срочно.

— А кто это? — Дежурного привела в замешательство странная просьба, и он опасался попасть впросак.

— Передайте, что это тот, кого они все ищут. Срочно!

Зуля повесил трубку. Он огляделся по сторонам и, не отметив ничего подозрительного, свернул свою бумажку и вышел из будки. Пройдя немного по переулку, он остановился на углу у коммерческого ларька. Отсюда ему были прекрасно видны ворота знаменитой цитадели служителей российской Фемиды.

Зуля купил бутылку пива и пакетик арахиса. Поставив пиво прямо на тротуар, он стал распечатывать пакетик, дергая за окрашенные черным концы, где, по замыслу красивших, должна была находиться перфорация. Поняв, что добраться до орешков таким путем не удастся, Зуля вцепился в блестящую упаковку зубами. Пакетик смялся, растянулся, но выдержал.

Весь этот спектакль Зуля разыгрывал, внимательно следя за воротами здания и ища глазами знакомую фигуру.

Наконец он заметил Сысоева. Следовательно появился неожиданно, Зуля даже не успел заметить, откуда тот вышел. Он был не один. Человек, сопровождавший его, шел как бы независимо, но слишком медленно для идущего куда-то с конкретной целью.

Сысоев вышел из ворот и остановился, обшаривая улицу глазами. Он достал сигареты и прикурил, исподтишка стрельнув глазами влево-вправо. Сопровождавший его человек прошел мимо и остановился поодаль, как бы раздумывая, куда направить свои стопы дальше.

Зуле было приятно сознавать, с какой легкостью он разгадал все эти хитрости двух профессионалов. Он бы с удовольствием понаблюдал за ними еще. Интересно было бы взглянуть, что будет изображать телохранитель, когда пройдет минуты две-три? Будет все также корчить из себя мающегося от безделья плейбоя? Или придумает что-нибудь получше?

Подумать только, эти два остолопа стоят там и вытягивают шеи, высматривая того, «кого они все ищут». Интересно, на кого они там подумали?

Зуля вспомнил невинные розыгрыши школьных времен, когда можно было вдоволь похихикать над своей жертвой, наблюдая из засады, а потом выбежать из укрытия и отхохотаться вдоволь, глядя на кислую мину доверчивого товарища.

Однажды они с Лехой...

Мысль о Лехе вернула его в настоящее. Сейчас на эти лирические отступления не было времени. Невинные розыгрыши остались в прошлом. И Леха — тоже в прошлом.

Зуля подхватил свое пиво и пошел обратно по улице к тому же автомату.

Вытащив бумажку, быстро набрал второй написанный там телефон. Это был прямой номер Сысоева. Следовательно ведь просил звонить? Вот и позвоним.

— Мне старшего следователя Сысоева.— На сей раз Зуля отчаянно картавил и проглатывал шипящие согласные, голос звучал низко и натужно, как у человека достаточно полного, чтобы с трудом втискиваться в таксофонные будки.

— Его нет, он отошел. Можете оставить информацию или перезвонить минут через двадцать...

— Я не смогу перезвонить. Пусть подойдет к своей машине, я буду ждать его там.

— Кто говорит? Я не могу договариваться за него...

— Какая у него машина?

— Кто говорит?

Зуля повесил трубку. Теперь оставалось подождать и сделать еще один звонок.

Он легко открыл пакетик и откупорил бутылку, зацепив крышку о металлическую полку, и с самым безмятежным видом отправился обратно на свой наблюдательный пост. Подойдя к ларьку уже с другой стороны, Зуля сделал глоток и взглянул в направлении ворот. Сысоева там уже не было. Но если все рассчитано верно, то он сейчас появится снова.

Зуля закинул в рот щепотку орешков — они оказались невероятно жесткими и пресными.

Сейчас Сысоев с телохранителем выйдут и направятся к машине.

Прошло двадцать минут. Зуля продолжал потягивать пиво, закусывая маленькие глотки одним-двумя орешками. Старший следователь не появлялся. Зуля начал волноваться, что его хитрость не сработала. Кроме того, он слишком долго торчит на этом пятачке, и если кто-нибудь изучает местность, то его одинокая фигура наверняка уже привлекла внимание.

Зуля поставил опустевшую бутылку в урну и медленно двинулся вниз по улице.

Он успел сделать лишь несколько шагов, как вдруг увидел Сысоева. Тот вышел из ворот в сопровождении все

того же телохранителя, но на сей раз мужчины не ломали комедию и не пытались скрыть, что идут вместе.

Они перешли улицу и двинулись в сторону от здания.

Для Зули этот маневр был странным и непонятным. Он-то рассчитывал, что следователь просто подойдет к своей машине, припаркованной во дворе или на улице, а он отправился куда-то в сторону...

Тем не менее Зуля решил последовать за милиционерами.

Те вошли во двор, и Зуля испугался, что потерял их, но, дойдя до угла дома, он снова увидел мужчин.

Они стояли у новенькой «девятки», разглядывая дверцы. Потом сопровождавший Сысоева осмотрел замок багажника, капот. Сам Сысоев присел на корточки и заглянул под днище машины.

Зуля мысленно пожал себе руку. Его план сработал безотказно. Единственная непредвиденная деталь: машину Сысоев ставил не у своего департамента, а почему-то во дворе соседнего жилого дома. Интересно почему? Любил прогулки пешком и оставлял себе такую возможность? Или просто не хотел афишировать новую машину перед начальством и коллегами. Так или иначе, это облегчает задачу. Очень удачно, что она стоит не под окнами.

Тем временем профессионалы закончили внешний осмотр, и Сысоев открыл заднюю дверь. Он залез внутрь и какое-то время изучал салон. Затем перегнулся через спинку водительского сиденья и открыл капот. Его коллега осмотрел двигатель. Не найдя ничего подозрительного, мужчины закрыли машину и осмотрелись.

Теперь Зуля знал все, что ему было нужно. Он быстро обогнул дом и подошел к другому таксофону. Сняв трубку, снова набрал номер Сысоева. Разумеется, ему сообщили, что следователя нет на месте.

— Он нужен мне срочно.— Попросил Зуля обычным своим голосом.— Передайте, что это — Михаил Зуленич.

Человек у аппарата будто бы пустился на поиски. На самом же деле он, скорее всего, тянул время, а машина по перехвату уже пришла в движение. Сейчас они установят, откуда звонок, мгновенно оцепят район...

— Ничего у вас не выйдет.— Зуля повесил трубку и быстро пошел к метро.

Сысоев закрыл папку и убрал ее в стол. Со служебными делами покончено, теперь нужно было подумать о вещах более важных.

Нужно решить, как быть дальше с Мамаем. Мальчик подрос, заматерел и, кажется, или совершенно позабыл, кому обязан своим взлетом, или считал, что отдал свой долг сполна. В любом случае он все больше выходил из-под контроля. Это было неправильно.

Мамай продолжал ежемесячно присылать следователю конверты с портретами президентов. Но Сысоев рос в должности, росла его власть и возможности, и он справедливо считал, что пропорционально должно было увеличиваться и число портретов. Вместо этого Мамай все чаще позволял себе игнорировать указания Сысоева или переиначивать их так, как полагал нужным. Если раньше простая его просьба выполнялась как приказ и для этого привлекались все ресурсы и резервы Орды, то теперь этот клонированный «крестный отец» позволял себе спорить со своим создателем. Найти человека и сделать с ним то, что на тот момент требовалось, никогда не было проблемой. А что теперь? Два пацана водят за нос и спецуру и братву. Неправдоподобно. Как профессионал, Сысоев в подобное не верил. Он был склонен считать, что просто этой проблеме не уделяется должного внимания. И это при том, что для Мамаи пресловутая парочка представляла куда большую угрозу, чем для неприкасаемого старшего следователя.

Определенно Орда выходила из-под контроля. Неудивительно, если и поток конвертов вскоре иссякнет. Нужно что-то предпринять.

Сысоев вытащил из стола другую папку. Интересная папка. Если бы он собирал эту информацию не в личных целях, а по долгу службы, то и Мамай, и вся его кодла, включая и боевиков, и тех, кто занимался легальным бизнесом, отправились бы за решетку. Впрочем, эту папку в любой момент можно было снабдить коротенькой сопроводителькой и положить на стол генерала: вот, дескать, плоды тяжких трудов. Пожалуйте, господин генерал, звездочку и премию...

Сысоев перелистал несколько страниц и заглянул в какой-то документ.

Нет, он не собирался бороться с преступностью, громя Орду. Орда — его паства, его стадо, приносящее стабильный доход. Такое стадо нужно холить и лелеять. А вот своевременно поменять взбунтовавшегося вожака — милое дело. Вопрос: на кого?

Сысоев изучал кандидатуры. Не страшно, если новый вожак будет глуповат. Главное, чтобы его мозгов хватило на то, чтобы понять, кто его истинный хозяин и пастырь.

Прочитав документ, он отметил для себя несколько кандидатур, над которыми стоило подумать. Провести любую из этих пешек в ферзи не составляло большого труда. Убрать же Мамая было проще простого. Грузины по сей день ищут стукача, сдавшего с потрохами двух их авторитетов. Достаточно организовать небольшую утечку информации.

Следователь вытащил одну страничку из папки. Закрыв и убрав в стол саму папку, он нажал кнопку селектора.

— Машенька, зайди ко мне.

Секретарь появилась на пороге.

— Машенька, вот документ.— Сысоев протянул ей приготовленный листок.— Нужно скоренько сделать две ксерокопии.

Секретарша, конечно, будет удивлена. Сысоев всегда сам делал все копии и записывал все важные документы в сейф. Как Жеглов в «Месте встречи». Но это удивление не помешает ей сделать одной копией больше, чтобы отправить ее грузинам, на которых она добросовестно работает со дня появления на Петровке. Сысоев давно это знал и держал этот канал до подходящего случая. Сегодня случай был вполне подходящий.

Зазвонил телефон. Сысоев снял трубку.

— Докладывает дежурный. Только что позвонил неизвестный и передал, что ждет вас у ворот.

— Что за неизвестный?

— Он отказался назваться, но сказал, что его все ищут.

— Ладно, понял.

Сысоев положил трубку и встал.

Что это за неизвестный, которого все ищут? Может быть, это ловушка? Вряд ли. Устраивать налет у ворот Петровки, 38, — верх наглости. Да и какой смысл предупреждать его заранее, если проще подкараулить, скажем, у подъезда? А если это информатор, который не хотел бы заходить в их контору, то ничего глупее встречи у парадного входа и придумать невозможно.

Сысоев взял из сейфа пистолет, запер стол и вышел из кабинета.

— Я скоро буду, — кивнул он секретарше, при его появлении испуганно замершей у ксерокса.

Проходя мимо соседнего кабинета, он стукнул костяшками по косяку и заглянул внутрь.

— Валентин, свободен?

Человек, сидевший в кабинете за компьютером, поднял глаза и пожал плечами.

— Давай чуть-чуть пройдемся?

Человек молча поднялся и взял пиджак.

Они вышли на улицу. Никто не ждал Сысоева. На улице почти никого не было. Никого, кто мог стать им интересен.

Постояв с четверть часа, милиционеры отправились обратно.

— Спасибо, Валя.

— Да, кажется, не за что. Что это у тебя за шутники знакомые?

— Пока не знаю.

— Ну, узнаешь — передай привет.

— Не сомневайся...

Сысоев вернулся в кабинет.

— Вам звонили.— Маша уже закончила с копиями и с самым невинным видом печатала что-то.

— Кто?

— Он не представился, но сказал, что ждет вас возле вашей машины...

«Ах вот оно что! Ждет у машины. Очень интересно».

Сысоев не ставил машину на служебную стоянку. Очередная смена машины за последний год могла вызвать массу лишних вопросов. Жить по методу господина Корейко желания не было, но и особенно нарываться на неприятности не следовало.

Старший следователь парковался неподалеку в тихом дворике, а на работу приходил бодрым шагом. Так что мало кто знал о новенькой «ласточке-девятке», как называл свое приобретение сам Сысоев. Многие даже не знали, что старший следователь Сысоев — автовладелец.

А этот звонивший паршивец, похоже, знал больше других. Раз он ждал его у машины, значит, был в курсе, где она стоит. Кто же это может быть и что ему надо? Придется, видимо, снова сходить прогуляться.

Прихватив Валентина, Сысоев снова отправился на встречу.

Они перешли улицу и вскоре оказались во дворе.

Машина спокойно стояла на том же месте, где Сысоев всегда ее оставлял. Рядом никого не было видно. Возможно, неизвестный шутник снова спрятался. Но что за игры? Какой в этих звонках смысл?

Первая версия пришла на ум сразу обоим профессионалам. Переглянувшись, мужчины понимающе кивнули друг другу и двинулись к машине, заходя с разных сторон.

Зачем понадобилось вызывать человека к его машине и не являться? Чтобы ответить на такой вопрос, достаточно представить себя на месте автовладельца. Что сделает хозяин, сдувающий пылинки со своей четырехколесной собственности, оказавшись лишний раз рядом? Проверит, все ли в порядке: по крайней мере, дернет за ручку двери. Так что мысль о бомбе возникла сама собой без дополнительных усилий.

Милиционеры осмотрели машину. Ничего подозрительного, никаких следов взлома. Внутри тоже все чисто. Спецы казались озадаченными. Зачем же тогда этот балаган? Оставалось списать срыв встречи на то, что Сысоев пришел не один, или на что-нибудь в этом роде. Скажем, Маше понадобилось выставить шефа за дверь, чтобы передать ксерокопию рапорта.

По возвращении Сысоева ждал еще один сюрприз.

— Вам опять звонили.— Маша преданно хлопала пушистыми ресницами.

Сысоев был рьяным противником служебных романов, но время от времени, глядя на эту пышную смазливую девицу, он начинал подумывать, не сделать ли ему исключение из своего правила. Подобная мысль возникла у него и сейчас, пока он наблюдал за тем, как лейтенант тщетно одергивала форменный китель, явно не рассчитанный на габариты ее бюста.

— И кто же это был на сей раз?— поинтересовался Сысоев, не спуская глаз с пуговицы, с колоссальным трудом удерживавшей Машины прелести в рамках установленной формы одежды.

Маша перехватила его взгляд и потупилась.

— Зуленич,— с томным вздохом ответила она.

— Кто?! — Сысоев вытаращил глаза и схватил испуганную девушку за локти.— Кто звонил?!

— Михаил Зуленич...

— Что он сказал?

— Сказал... сказал, что это он и что вы ему нужны срочно...

— И что?

— Я заглянула к Валентину Юлиевичу. Думала, что, может, вы у него...

— И?!

Девушка туго соображала, говорила еще медленней, а полезная информация из нее практически не выходила.

— А он, пока я ходила... трубку повесил...

По лицу шефа лейтенант поняла, что произошло что-то очень серьезное, что этот Зуленич был кем-то очень важным. Нужно будет запомнить и передать Зулемхану вместе с копией: Михаил Зуленич.

Сысоев ушел в свой кабинет и закрыл дверь.

— Если будут еще звонки— засечь откуда. Позвонит Зуленич — соединить меня сразу,— распорядился он напоследок.

Какого черта звонил ему Зуленич? Что он хотел? Искал защиты? Хорошо, если только это. Но были и менее оптимистичные прогнозы. Если предыдущие два звонка — его работа, то это многое объясняет. Человек знает об утечке и боится встречаться с кем-либо, кроме старшего следователя. Сейчас он скрылся, увидев Валентина, но, возможно, перезвонит еще раз. Но если это был он, то как он, черт побери, узнал о машине и о том, где она стоит? А если эти глупые звонки не связаны с Зуленичем? Что они тогда могут означать? В какие игры с ним играют и кто? И вообще, что за бардак у них в конторе? Человек в розыске по подозрению в серии убийств, работает план «Перехват», а он преспокойно звонит на Петровку, и звонит, по всей видимости, откуда-то из-под

самых окон кабинета старшего следователя! А доблестные опера занимаются непонятно чем...

Сысоев снял трубку.

— Максимов? Зуленич только что звонил откуда-то из-под бока, передавал всем большой привет. Проверьте все окрестные будки и... Что? Не знаете, какой Зуленич? Твою мать! Вы чем там занимаетесь?! В нарды режетесь? Да! Тот самый Михаил Зуленич!

Зуля и Андрей встретились в условленном месте.

Зуля заметил Андрея еще издали и усмехнулся, разглядев его получше. Теперь купленная им сумка была набита под завязку, а из расстегнутой «молнии» торчал крюк клюшки для гольфа. Замаскировался Андрей — дальше некуда. Ни дать ни взять — любитель гольфа, возвращающийся из-за города с товарищеской встречи.

Андрей был бледен. Он нервно оглядывался по сторонам, не заботясь о том, чтобы делать это не столь явно для окружающих.

— Ну как у тебя?— Зуля просто зашагал рядом.

— Неплохо.— Андрей снова нервно обернулся.

— Еще что-нибудь случилось?

— Нет. Все нормально. Я тебе, кстати, долг привез.

— Какой долг?

— Ну, мы же должны были поровну собрать бабки за Леху, получилось не по-честному.

— Ты о чем?

Андрей молча протянул Зуле газетный сверток.

— Что это?— Зуля осторожно взял сверток, размерами и формой напоминавший книгу.

— Это — тридцать семь двести.— Андрей снова обернулся.— И вот.

Он протянул другу клочок бумаги.

Зуля взял его и развернул. На оторванной от газеты полоске бумаги были размашистым Андреевым почерком выписаны три строчки цифр.

— Что это?

— Я заказал тебе билет на самолет. До города Парижу.

Зуля остановился, рассматривая сверток и бумажку с приобретенными вдруг магический смысл цифрами.

— Подожди.— Он затряс головой.— Что это значит? Откуда бабки?

— Я уговорил одного дядьку поделиться,— с ухмылкой ответил Андрей.

— Анвара?

— Нет. Но деньги эти предназначались осетинам.

— И дядька согласился?

— Да. Слезно я его попросил, и он так растаял, что отдал деньги.

— Растаял?

— Жуткое дело! Пришлось срочно его охлаждать!

Зуля внимательно посмотрел на друга, но тот не соби-
рался объяснять ничего толком. Потом взглянул на газет-
ный сверток.

— Я не могу их взять,— покачал головой Зуля.— Нужно хотя бы поделить их пополам.

— Нечего делить! Ты и так уже вложил в это безнадежное предприятие...

— Ничего я не вложил! Раз пошла такая пьянка, то деление на твое и мое кончилось. Мы же в одной связке!

— Ага, скованные одной цепью. Только мне будет много приятнее, если другой конец этой цепи уйдет за дальние дали.

— Нет, но...

— Да!— обрубил Андрей.— Я тебя слушался? Теперь ты послушайся меня и пойдем вязать твои веревочки.

Несколько секунд Зуля думал, потом кивнул и сунул сверток под рубашку.

— Спасибо тебе,— тихо сказал он.

— Потом будем считаться! Куда идти-то?

Зуленича и Лосева искали. Город был накрыт надежным колпаком. Шансов вырваться практически не было. Патрули, засады, ориентировки, размноженные фото. Их обложили, как волков, сотни охотников ждали, пока загнанные ими беглецы выскочат из каменных джунглей, чтобы быть схваченными или убитыми при попытке...

Настоящие профессионалы и современная техника против двух дилетантов. Надежды не было. Разработанная годами технология охоты на людей учитывала множество мелочей и нюансов, принимала к сведению бывшие промахи и экспромты.

Искали их и бандиты. Своими методами. Их потуги, конечно, не шли ни в какое сравнение с работой настоящих спецов, но...

Только на всякого мудреца довольно простоты. Сверх-современная система дала сбой на сушей ерунде. Электронному мозгу проверявшего желающих вылететь в район Елисейских полей не пришло на ум сопоставить Michael Dzulienich, как значилось в Зулином заграничном паспорте, с Михаилом Зуленичем, которого искала «вся королевская рать».

Такой вот анекдотец.

Зуля быстро изложил Андрею свой план.

Он желал заминировать машину Сысоева. Но ему не хотелось, чтобы были лишние жертвы. С другой стороны, хорошо было иметь фору, чтобы попытаться вырваться из Москвы прежде, чем столицу поставят на уши в связи с убийством старшего следователя.

Для этого нужно было не просто подложить бомбу, а сделать это таким образом, чтобы бомба взорвалась при третьем открывании двери. Расчет оказывался такой. Если даже Сысоев решит подвезти кого-нибудь, то на первый раз он сядет за руль, на второй — выйдет из машины и

высадит пассажира. А взрыв произойдет утром, когда старший следователь будет отправляться на службу или по иной надобности.

Андрей с планом в целом согласился.

— А если он решит кого-нибудь подвезти, но по дороге выйдет за сигаретами?

Зуля кивнул, соглашаясь с возможностью такого хода действий.

— Значит, судьба его такая. Все предусмотреть мы не сможем.

Друзья подошли к тому дворику, где стояла машина.

— Есть только одна заминка.— Зуля задумчиво потер подбородок.

— Какая?

— Видишь ли, ковыряться в чужой машине среди бела дня довольно стремно.

— Согласен.— Андрей кивнул.

— Но у меня есть кое-что. — Он поднял сумку и протянул ее Зуле.

— Что?

— Подходящий костюмчик. Размер, правда, великоват, но если утянуть и засунуть под ремень, то будет смотреться довольно правдоподобно.— Андрей огляделся по сторонам.— Давай-ка зайдем в подъезд.

Они зашли в подъезд дома и поднялись на последний этаж.

Андрей извлек форму и, встряхнув, развернул перед товарищем, как рыночный торговец, продающий куртку. Зуля осторожно взял китель за рукав. Окинув его взглядом, вопросительно посмотрел на Андрея.

— Не бойсь!— Тот отрицательно покачал головой.— Дырок и крови здесь нет.

Зуля взял куртку у товарища и приложил к себе.

— Великоват смокинг. Может, что-нибудь подложить?

— Подкладывать нечего. А вот одеть поверх твоей одежды— запросто. Это, конечно, не спасает, но сидеть он будет явно правдоподобнее.

Они нарядили Зулю в форму. Затем Андрей спустился в подвал к тайнику, где была спрятана бомба, и оставил там сумку с ружьем. Потом они вышли на улицу.

Подойдя к машине Сысоева, они сделали вид, что сверяют номера с неким списком в блокноте. Потом Андрей вытащил нож и отмычку. Подойдя к машине, он вставил отмычку в замок.

— Ты уверен, что сигнализации нет?— повернулся он еще раз к Зуле, занятому «составлением протокола».

— Уверен,— тихо ответил тот, не поднимая головы. — Я видел, как они открывали машину. Да ты глянь на номера. Полезет кто-нибудь разве? И потом, она наверняка вся в «маячках». Но мы ведь не собираемся ее угонять!

Андрей глубоко вздохнул и пошевелил отмычкой. Цилиндр замка издал щелчок и ушел в глубь ручки.

— Ну и замки стали делать!— проворчал Андрей.— Любый дилетант открывает с полтычка!

Он распахнул дверцу и нырнул внутрь. Покопавшись с минуту, он вытащил из кармана шнурок.

Зуля продолжал делать вид, что пишет что-то в блокноте.

— Давай!— Андрей протянул руку.

Зуля осторожно подал ему пакет.

Андрей пересел на место пассажира и отбросил водительское кресло. Уложив пакет, он аккуратно протянул веревку под сиденьем. Зуля, забыв о том, что должен следить за двором, наблюдал за другом.

— Отойди.— Андрей поднял глаза.

— Почему?— растерялся Зуля, решив, что сделал что-то не то.

— Техника безопасности.

Зуля отошел на несколько метров.

— Дальше!

— Может, мне еще за пивом сбегать?

Андрей пожал плечами. Отогнув край пакета, он обмотал один конец веревки вокруг гранаты. Потом осторожно вытащил чеку и замер, глядя на адскую машину. Ничего не произошло. Тогда Андрей медленно опустил сиденье, вылез из машины и тихо прикрыл двери.

Он подошел к Зуле.

— Ну, рвем когти?

— Рвем.

Они быстро зашагали прочь со двора. Снова зайдя в первый попавшийся подъезд, Зуля сбросил с себя форму и затолкал ее в мусоропровод.

— Слушай,— спросил он Андрея, вновь появившись в гражданской одежде,— а точно сработает?

— Точно.

— А когда?

Андрей немного подумал.

— Видишь ли, сейчас она взорваться не может, так как скручена веревкой. Но когда машина поедет, один конец веревки перегорит, и бомба будет просто лежать под ковриком. А дальше стоит пару раз открыть дверь, и веревка вытащится и ослабеет. Граната и взорвется...

Зуля склонил голову набок.

— Ничего не понял. Какой конец перегорит? Ты что там навалял, Кулибин?

— Ну, в общем, это проще было показать на месте.

— И где ты этому научился?

— Сам придумал.

— Да у тебя, наверное, талант.

— Возможно.

— Так, может, тебе податься в профессиональные террористы?

— Не пойдет. Слишком дорого.

— Что «слишком дорого»?

— Слишком дорого обходиться будет. Вдохновение у меня приходит, только когда...

Он замолчал, мучительно сглотнув. Какое-то время они шли, опустив глаза.

— Пойдем выпьем? — Зуля махнул рукой в сторону какого-то бара.

— А ты не забыл?

— Что?

— У тебя же самолет.

Зуля посмотрел на часы. Странное было ощущение. Он был свободен, он мог лететь во Францию. Но что-то было в этом не то. Не ощущалось радости. Спало и напряжение последних часов. Он даже не оглядывался по сторонам, опасаясь бандитов или ментов. Странная, непривычная пустота. Все позади, и нужно время, чтобы загореться новой целью.

— Слушай, а мы ведь сейчас человека убили.

Андрей посмотрел на него с удивлением.

— По-моему, еще не убили.— Он сплюнул на тротуар.— И не человека. И вот что я тебе скажу.— Андрей резко развернул Зулю к себе.— Я *жалею*, что у нас осталось всего два заряда, потому что этих сволочей нужно еще отстреливать и отстреливать. Десятками и сотнями. Давить их нужно, как тараканов. Морить дихлофосом. Понял?

— Понял.— Зуля кивнул и снова посмотрел на часы.— Знаешь что? У меня ведь до самолета еще много времени...

— И что?

— Дай мне ружье.

— Зачем?

— Съезжу еще по одному делу. А то получается несправедливо: главные виновники отделываются легким испугом.

— Кого ты имеешь в виду? Куда ты собрался?

— Куда, ты мне сейчас расскажешь.

— Анвар?— догадался Андрей.

— Анвар,— кивнул Зуля.— Передать ему что-нибудь?

— Не стоит.

— Тогда давай прощаться. Я прямо оттуда попытаюсь добраться до самолета. Доберусь не доберусь, все равно можем не увидаться, но если доберусь...

— Не сглазь!

Они обнялись. Сумка соскользнула с плеча Андрея, и ствол ружья ударил его по ноге.

ЧТО-ТО ВРОДЕ ЭПИЛОГА

Сысоев вышел из машины, одернул форменный китель, надел фуражку, захлопнул дверцу, включил сигнализацию.

Ловко перебрав пальцами связку ключей, он выбрал ключ от тамбура и двинулся к подъезду. Сделав несколько шагов, следователь остановился. Что-то беспокоило его. Что-то неуловимое, не поддающееся рациональному определению. Нюх человека, много лет жившего бок о бок с опасностью. Он обернулся и посмотрел на свою «девятку», полированным монолитом вырисовывавшуюся в углу двора.

Сысоев посмотрел по сторонам — никого. Время позднее, и во дворе было пусто. Как будто все тихо, все на своих местах, но чувство опасности, какого-то подвоха не давало расслабиться.

Вспомнилась история с непонятными звонками. Не найдя ей объяснения, профессионал не мог просто выбросить ее из головы.

Следователь вернулся к автомобилю, отключил сигнализацию, снова выловил из связки ключ от машины, вставил его в замок. Сердце забилось вдруг быстро и неровно. Опасность! Сысоев резко обернулся и одновременно открыл дверцу.

Раздался взрыв, и следователь так и не узнал, стоял ли кто-то у него за спиной или интуиция подвела его. Не увидел он, и как дверца его новенькой «ласточки-девятички» вспорхнула метров на пять над землей и блеснула необычайно красивым отсветом пламени. Огненный цветок расцвел на несколько долгих секунд посреди двора и рассыпался сотнями искорок и огоньков, усеявших двор. Темный продолговатый предмет описал длинную дугу, упал на крыльцо и, прокатившись по бетонным плитам, замер, ткнувшись в железную дверь и поблескивая кокардой фуражки и золотой фиксой.

Грузины отреагировали мгновенно. В начале седьмого вечера один из авторитетов, находившихся в тот день в столице, получил ксерокопию Сысоевской бумажки. Это был старый рапорт о донесении секретного сотрудника под кодовым именем Скачок. В нем сообщалось о предстоящей встрече на Ленинских горах. Из рапорта явствовало, что неуловимый Скачок — завербованный преступный авторитет по прозвищу Мамай.

Шок от подобного открытия не помешал грузинам быстро провести рекогносцировку и принять соответствующие меры.

Уже в девятом часу два киллера выехали к казино, где отрывался Мамай, делая запредельные ставки на «черное». На тот момент он проигрывал почти сорок тысяч.

Мамай решил освежиться и съездить поужинать, чтобы «перебить» неудачно идущую игру. Он вышел из казино в сопровождении двух телохранителей и направился к машине. Но до машины не дошел.

Темно-синяя «шестерка» вылетела на тротуар, вклиниваясь между бандитами и их машиной, и резко затормозила.

Телохранители успели среагировать. Один бросился в сторону, другой метнулся к дверям казино. Мамай на секунду замешкался, оставшись на месте, а в следующее мгновение два автомата нашпиговали его тело так, что если бы не разлившаяся по мощеному крыльцу кровь, то труп

бандита оказался бы килограмма на три тяжелее, чем он сам был при жизни.

Две пули достались телохранителю, искавшему спасения в казино. Он скончался часом позже в машине реанимации. Несколько пуль попортили фасад здания, заставив весь персонал броситься на пол, так что когда следователь пожелал установить хотя бы марку бесследно исчезнувшей машины убийц, то получил от перепуганных свидетелей целых три версии.

Туча подошел к порученному делу ответственно. Подбрав и распределив людей, он уже с вечера был готов к захвату власти над Анваровой вотчиной. Все боевики знали, что предстоит некая важная операция и что руководит ею Туча. Ждут лишь сигнала.

Но сообщение пришло чуть раньше, и не совсем такое, которого ждал Туча. Был убит Мамай. Кто заказал его, осталось неизвестным.

Человек прозорливый поостерегся бы поспешных шагов. Как знать, может быть, убивший Мамай уже положил глаз на его империю и он не потерпит появления на своем пути новых фигур. Было бы логично предположить, что старый лис осетин перехитрил московского коллегу и контроль над территорией отныне переходит к ворам.

Но Туча не был ни стратегом, ни умным человеком. Он был просто бандит и сложившуюся ситуацию воспринял однозначно как шанс подняться. Не раздумывая ни секунды, он наложил лапу на имущество Орды, объявив себя преемником Мамай. И ему повезло. Не ожидавшие подобного поворота члены группировки не успели ничего предпринять и были вынуждены признать нового лидера. Приписав устранение Мамай Туче, бандиты отметили высокий профессиональный уровень подготовки этой операции и решили пока не выяснять отношений.

В ту минуту, когда киллеры расстреливали Мамая, Анвар и Георгий входили в подъезд дома, где Анвар снимал квартиру. Георгий пошел вперед, нажал кнопку лифта. Анвар замешкался у почтового ящика.

— Георгий, напомни мне: завтра надо будет заехать на вокзал.— Анвар открыл ящик.— А то этот Рома совсем нюх потерял...

— Да, решил, что ментовка его отмажет...

— И нужно срочно найти Монаха. Предупреди ребят, чтобы держали пока язык за зубами. Если такая фигня, что он слинял с бабками, я его на ремни пережу...

— Да, может, он увидел, что кафе закрыто, и стреманулся.

— А на пейджер он что прислал? Это что значит?

Георгий пожал плечами.

— Анвар!— Окрик прозвучал со стороны лестницы, и, прежде чем Георгий успел выхватить пистолет, а Анвар обернуться на показавшийся знакомым голос, раздался выстрел.

Георгий отлетел на метр, врезался в дверь лифта и сполз на пол, размазывая кровь по серому пластику. Через багровые разводы необычайно четко проступила сделанная чем-то острым надпись: «Кто нажал на кнопку — тот дурак!»

— Миша...— Анвар застыл у стены, замороженно глядя в черный ствол направленного на него ружья.

Зуля передернул затвор и вышел из-за двери, но все еще придерживал ее ногой.

— Права была Тамара Стефановна.— Голос Зули был глухим и словно простуженным.

— Какая Тамара? Парень, подожди, да...— Анвар оправился от неожиданности и теперь лихорадочно пытался сообразить, что делать. Мгновенно прикинув расстояние до выхода из подъезда, он подбросил вверх только что вынутые газеты и, резко присев, метнулся к двери.

Зуля выждал долю секунды, пока бандит выпрямится, чтобы распахнуть дверь, обрушившись на нее всем телом, и выстрелил. Картечь, прошив человеческую плоть, брякнула о железо. Грузное тело старого осетина тяжело повалилось на подающуюся под этой тяжестью дверь и выпало на улицу.

— Теорема доказана.— Зуля бросил ружье и кинулся к черному ходу.

До начала регистрации рейса «Москва — Париж» оставалось чуть больше часа.

К ЧИТАТЕЛЯМ!

*Издательство просит отзывы об этой книге
присылать по адресу:
125499, Москва, Кронштадтский бульвар, 376
Издательство АРМАДА-ПРЕСС*

Алейников Д.

А 45 Доказательство от противного: Роман.— М.: АРМАДА-ПРЕСС, 1999.— 393 с.: ил.— (Русский психологический детектив).

ISBN 5-7632-0810-2

Непростую задачу пришлось решать троим друзьям — начинающим предпринимателям. Желание честно зарабатывать деньги вскоре наталкивается на серьезные проблемы. Суровая правда жизни заставляет всех троих убедиться на собственном горьком опыте, что в криминализированном обществе больших денег без больших денег не бывает. Оказавшись в поле зрения мафии, друзья ищут выход из сложившегося положения, но очень быстро убеждаются в бессилии правосудия, а обращение за помощью к противоборствующей преступной группировке лишь усугубляет их положение. У героев книги остается один-единственный способ если не добиться справедливости, то хотя бы выжить — действовать по жестоким законам преступного мира. При этом им приходится рассчитывать лишь на свои силы. Но это путь жертв и насилия. Не всем удастся пройти его до конца и увидеть свет в конце туннеля.

УДК 82-312.4(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-44я5

РЕДАКЦИЯ
ФАНТАСТИЧЕСКОЙ И ДЕТЕКТИВНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Литературно-художественное издание

Русский психологический детектив

Дмитрий Александрович Алейников
ДОКАЗАТЕЛЬСТВО ОТ ПРОТИВНОГО
Роман

Заведующий редакцией
И. В. Новиков

Художественный редактор
Ф. В. Домогацкий

Технический редактор
Л. В. Силицына

Компьютерная верстка
И. В. Слепцова

Формат 84х108 ¹/₃₂. Бумага кн.-журн.
Гарнитура «Ньютон». Печать офсетная. Усл. печ. л. 21.
Тираж 10 000 экз. (1-й завод 6 000 экз.).
Изд. № 4095. Заказ № 2230.

Издательство АРМАДА
125499, Москва, Кронштадтский бульвар, 376
Изд. лицензия ЛР № 065874 от 06.05.98.
Гигиенический сертификат № 77.ЦС.01.952.П.01643.С.98

Отпечатано с готовых диапозитивов
на Государственном издательско-полиграфическом
предприятии «Вятка»
610044, г. Киров, ул. Московская, 122

НОВАЯ КНИГА СЕРИИ

Русский психологический детектив

Дмитрий Алейников

СОЛО В ПРЕДЕЛАХ ПРАВИЛ

Каталы и чалдоны, лохи и пассажиры... «Знал бы прикуп, жил бы в Сочи»...у игры своя философия и свой язык. Разные приемы: крап, вольт, вырезка... И ставки разные: от «деревянной» сотни до сотен тысяч «зеленых». Можешь получить выигрыш, а можешь — нож под ребро.

Леня Мареев по кличке Боцман не играл на деньги. Для него карты были увлечением, а не средством заработать. К тому же он не признавал игры без правил. Но однажды Большая игра окажется единственным выходом из тупиковой ситуации, и Боцману придется поставить на карту не только деньги, но и собственную жизнь.

НОВАЯ КНИГА СЕРИИ

Русский психологический детектив

Дмитрий Алейников

ВЕСЛО ХАРОНА

Их сроднило многое: и тоска по несбывшимся надеждам, по разбитому прошлому и безжалостно зачеркнутому будущему; и неутоленная жажда крови тех, кто виноват в этом...

Они хотели действовать сами, но их, дилетантов, никто не боялся. А Харон положил свое весло. Перевозчик в царство мертвых, невидимый суперкиллер, чья работа наводила ужас и восхищала, сообщил о том, что уходит на покой. Только вот лабиринт неожиданных обстоятельств, куда вдруг попадают виновные, окажется чересчур затянутым для одних и безвыходным для других. И тогда станет ясно: Харон вновь поднял свое весло.

В СЕРИИ «ОККУЛЬТНЫЕ ТАЙНЫ XX ВЕКА»

издательство АРМАДА-ПРЕСС
представляет

Константин Максимов **«СЕМЬ ПЕЧАТЕЙ ТАЙНЫ»**

(отечественный вариант американского
сериала «Секретные материалы»)

Новый цикл романов, посвященных расследованиям, которыми занимаются различные российские спецслужбы на протяжении всего XX века.

Первая книга цикла —

«Досье вурдалака»

В 1905 году подписан высочайший Указ о развитии научных и военных изысканий в целях овладения магическими силами. Для осуществления этих работ при Департаменте полиции Министерства внутренних дел создается Девятое Отделение, подчиненное одновременно и Императорской канцелярии.

Сотрудники Девятого Отделения — главные герои первой книги, рассказывающей о событиях 1904—1917 гг. Читатель соприкоснется с чудесами Шамбалы, загадкой графа Дракулы, тайной, сопровождавшей гибель «Титаника», и многими другими сверхъестественными феноменами.

Вторая книга цикла —

«Видящий смерть»

После революционных событий 17-го года судьба развела агентов бывшего Девятого Отделения по разные стороны баррикад. Утрачены, и кажется безвозвратно, секретные архивы, формировавшиеся на протяжении полутора десятилетий.

Но советская власть также нуждается в спецах, способных разобраться в непознанном. Создается Особый отдел ОГПУ. Новые времена, новые люди, новые правила игры...

Во второй книге, охватывающей период от начала Гражданской войны до тридцатых годов, читателя ждет встреча с призраками и вампирами из параллельного мира, загадкой телекинеза, тайной ясновидения и многим, многим другим.

ИЗДАТЕЛЬСТВО АРМАДА-ПРЕСС

приглашает к сотрудничеству

АВТОРОВ И АВТОРСКИЕ КОЛЛЕКТИВЫ,
работающие в различных жанрах,
а также составителей, переводчиков
и литературных агентов.

Область наших интересов простирается от детской литературы до книг по самообразованию, от развлекательной коммерческой литературы до энциклопедических изданий.

Если созданное (представляемое вами) произведение заслуживает, по вашему мнению, публикации, доставит радость, принесет пользу не только автору и издательству, но и тысячам читателей, то звоните или пишите.

ЧИТАТЕЛИ!

Ваше мнение о работе издательства очень ценно для нас. Какие книги вы хотели бы видеть на прилавках магазинов и на полках библиотек? Что вы любите читать, каких книг не хватает?

С ПРЕДЛОЖЕНИЯМИ ОБРАЩАТЬСЯ ПО ТЕЛ.:
(095) 454-43-01
к Новикову Илье Валентиновичу.

ПИСЬМА НАПРАВЛЯЙТЕ ПО АДРЕСУ:
125499, г.Москва, Кронштадтский бульвар, д. 376,
издательство АРМАДА-ПРЕСС.
Электронная почта: niv@armada.ru

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!

**К вашим услугам книготорговые организации,
в которых можно приобрести книги издательства
АРМАДА-ПРЕСС мелким оптом и в розницу:**

Волгоград:	«Эзоп»	(8442)	37-25-19
Казань:	«Сериал»	(8432)	35-63-34
Калуга:	«Аэлига»	(08422)	4-42-45
Люберцы:	«Фомга»	(095)	963-82-24
Минск:	магазин «Книгочей»	(0172)	36-66-45
Тула:	книжный магазин	просп. Ленина,	д. 20

**Оптовые партии книг по ценам издательства
вам предлагают наши региональные представители:**

Москва	«Рест»	(095)	150-07-82
	«Колокол»	(095)	261-93-05
	«Стрела»	(095)	755-91-66
	«Стрелец—И»	(095)	937-28-21
С.-Петербург:	«Русский Север»	(812)	530-05-36
Благовещенск:	«Центрпол»	(4162)	42-62-71
Воронеж:	«Амитель»	(0732)	23-00-02
Екатеринбург:	«Полибук»	(3432)	53-87-54
Киев:	«Олса»	(044)	435-52-59
Н.Новгород:	«Логос»	(8312)	36-25-80
Ростов-на-Дону:	«Эмис»	(8632)	32-87-71
Самара:	«Реал+»	(8462)	41-87-30
Челябинск:	«Корвет»	(3512)	36-75-10
Орел	«Нива»	(0862)	77-73-16

**Если вы хотите подписаться на интересующую вас
серию или заказать отдельные книги,
пришлите заявку по адресу:**

**125499, Москва, Кронштадтский бул., д.376,
издательство АРМАДА-ПРЕСС,
с пометкой «Книга-почтой» на конверте.**

Адрес издательства в INTERNET: <http://www.armada.ru>

